

Народно **аселение**

ISSN 1561-7785

2 . 2025

апрель-июнь

- **ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**
- **КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**
- **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЦИФРОВИЗАЦИИ**
- **ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ**
- **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2025. Том 28. № 2 (апрель-июнь)

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2; EDN: XPITYX

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32).

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства
«Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАР в «Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёной степени
кандидата наук, учёной степени доктора наук»
(категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунцова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г. Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

Корректор:

Киндякова Н. С. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2025.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2025.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24178 Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.06.2025.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

IPopulation

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2025. Vol. 28. No. 2 (April-June)

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2; EDN: XPITYX

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V. V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O. A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksambaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand. Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

Proof-reader:

Kindyakova N. S. (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2025.

© ISESP FCTAS RAS, 2025.

Postal address of the Editorial Board:

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24178. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 30.06.2025.

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ДЕМОГРАФИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (2017–2023 гг.)	4
Крошилин С. В., Медведева Е. И. СЕМЕЙНЫЕ ПАТТЕРНЫ В ДОСТИЖЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СУБЪЕКТОВ РФ	16
Рябчикова Д. А. СМЕРТНОСТЬ В ДВУХ КРУПНЕЙШИХ МЕГАПОЛИСАХ РОССИИ	29
Гончарова К. С., Шеломенцев А. Г. ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	42
Петровская Ю. А., Карстен А. А. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО МИГРАНТА В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ.....	57

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Аржаев Ф. И., Морковкин Д. Е., Мамедов Т. Н., Симагин Ю. А. МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	70
Бредихин А. В., Аржаев Ф. И., Селезнев И. А., Мехдиев Э. Т. ГЕНЕЗИС БЕДНОСТИ В МОНГОЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ЭКОНОМИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.	83
Назарова И. Б. УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ПАЦИЕНТОВ КАЧЕСТВОМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НА ПРИМЕРЕ СТОЛИЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ	96
Кабанова Е. Е. ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ РОССИИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	105
Ошкордина А. А., Гончарова Н. А., Хаитова А. И. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТСКОГО АУТИЗМА	117

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Губарев Р. В., Ярашева А. В., Дзюба Е. И. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ — ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ.....	129
Камарова Т. А., Тонких Н. В., Бегичева С. В. БЛОГЕРСТВО — ХОББИ ИЛИ ПРОФЕССИЯ? ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА	145
Mikhaylov A. Yu., Morkovkin D. E., Mohamed T. I., Voytenkova G. F. THE ROLE OF NEW MEDIA IN ENHANCING ADOLESCENTS' DIGITAL LIFE QUALITY	160

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Захарова К. А., Бабурина Н. А., Муравьев Д. А. РОЛЬ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАНЯТОСТИ И ЛЕГАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	171
Будякова Т. П. ПОЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ В РАКУРСЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	183
Ануреев С. В. НАЛОГ НА БЕЗДЕТНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ГРУППЫ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ	195
Ярашева А. В., Макаров С. В. СТРУКТУРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ.....	210
Александрова О. А., Борковская Е. И. ГОТОВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА К ФИНАНСОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ФОРМАТЕ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО УЧАСТИЯ	221

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСПН ФНИСЦ РАН

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ. СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»	233
СЕКЦИЯ «МОНЕТАРНЫЕ И НЕМОНЕТАРНЫЕ АСПЕКТЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В РОССИИ» НА X САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ.....	239

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Oleg L. Rybakovsky CLIMATIC FACTOR IN THE DEMOGRAPHY OF RUSSIAN REGIONS (2017–2023)	4
Sergey V. Kroshilin, Elena I. Medvedeva FAMILY PATTERNS IN ACHIEVING PERFORMANCE INDICATORS FOR THE HEADS OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	16
Daria A. Ryabchikova MORTALITY IN TWO CAPITAL CITIES OF RUSSIA.....	29
Kseniya S. Goncharova, Andrei G. Shelomentsev TRANSFORMATION OF THE POPULATION STRUCTURE IN THE NORTHERN REGIONS OF WESTERN SIBERIA: FACTORS AND CONSEQUENCES	42
Yuliya A. Petrovskaya, Anna A. Karsten SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT OF EXTERNAL MIGRANT IN THE REPUBLIC OF KARELIA IN 2022–2024	57

QUALITY AND LIVING CONDITIONS OF POPULATION

Fedor I. Arzhaev, Dmitry E. Morkovkin, Tural N. Mamedov, Yury A. Simagin MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS OF THE POPULATION LIVING STANDARDS IN THE REPUBLIC OF BELARUS	70
Anton V. Bredikhin, Fedor I. Arzhaev, Igor A. Seleznev, Elnur T. Mekhdiev THE ORIGIN OF POVERTY IN MONGOLIA TODAY: AN ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL ANALYSIS	83
Inna B. Nazarova PATIENTS' SATISFACTION WITH THE QUALITY OF MEDICAL CARE IN THE CAPITAL'S POLYCLINICS	96
Elena E. Kabanova PROBLEMS OF ACCESSIBILITY OF THE TOURIST ENVIRONMENT IN RUSSIA FOR PEOPLE WITH DISABILITIES	105
Alla A. Oshkordina, Nadezhda A. Goncharova, Aleksandrina I. Khaitova SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF MEDICAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN REHABILITATION OF CHILDHOOD AUTISM	117

SOCIO-ECONOMIC ISSUES OF DIGITALIZATION

Roman V. Gubarev, Aziza V. Yarasheva, Evgeny I. Dzyuba ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN EFFECTIVE TOOL FOR MEASURING AND PLANNING THE QUALITY OF LIFE OF THE RUSSIAN POPULATION	129
Tatiana A. Kamarova, Natalia V. Tonkikh, Svetlana V. Begicheva BLOGGING — A HOBBY OR A PROFESSION? STUDENTS' ATTITUDES	145
Alexey Yu. Mikhaylov, Dmitry E. Morkovkin, Tarek I. Mohamed, Galina F. Voytenkova THE ROLE OF NEW MEDIA IN ENHANCING ADOLESCENTS' DIGITAL LIFE QUALITY	160

FINANCIAL BEHAVIOR OF POPULATION

Kristina A. Zakharova, Natalya A. Baburina, Danil A. Muraviev THE ROLE OF THE TAX ON PROFESSIONAL INCOME IN ENSURING EMPLOYMENT AND LEGALIZING THE LABOR ACTIVITY OF THE POPULATION.....	171
Tatyana P. Budyakova ELDERLY POPULATION IN TERMS OF BEHAVIORAL ECONOMICS AND ECONOMIC PSYCHOLOGY	183
Sergey V. Anureev CHILDLESSNESS TAX: PERSPECTIVES AND COMPOSITION OF PAYERS.....	195
Aziza V. Yarasheva, Svetlana V. Makar THE STRUCTURE OF CONSUMER SPENDING AS AN INDICATOR OF THE WELL-BEING OF THE POPULATION	210
Olga A. Aleksandrova, Ekaterina I. Borkovskaya READINESS OF MOSCOW RESIDENTS FOR FINANCIAL RELATIONS IN THE FORMAT OF SHARING ECONOMY	221

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

VIII INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «RIMASHEVSKAYA READINGS. SAVING RUSSIAN POPULATION: HEALTH, EMPLOYMENT, STANDARDS AND QUALITY OF LIFE».....	233
SECTION «MONETARY AND NONMONETARY ASPECTS OF INDIVIDUAL AND SOCIETY WELL-BEING IN RUSSIA».AT X SAINT-PETERSBURG INTERNATIONAL ECONOMIC CONGRESS (SPEC — 2025).....	239

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-4-15
EDN: YATMXM

КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ДЕМОГРАФИИ РЕГИОНОВ РОССИИ (2017–2023 гг.)

Рыбаковский О. Л.

ИДИ ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О. Л. Климатический фактор в демографии регионов России (2017–2023 гг.) // Народно-население. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 4–15. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-4-15; EDN: YATMXM

Аннотация. Предмет исследования — постоянное население регионов России в среднем за 2017–2023 годы. Тема исследования — климатический фактор рождаемости, смертности и межрегиональной миграции населения регионов РФ в эти годы. Цель исследования — выявить и обосновать наличие либо отсутствие взаимосвязей между климатическим фактором и демографическими индикаторами населения регионов России по усреднённой статистике за 2017–2023 годы. Метод исследования — демографический статистический анализ. Источник статистики для расчётов — Росстат. Выявлено, что связь индикатора смертности населения — ожидаемой продолжительности жизни при рождении с климатическим фактором, выраженным в форме индекса Бодмана, умеренная, — коэффициент детерминации парной линейной связи равен 33%. Это означает, что региональные различия в уровне смертности населения России на треть объясняются климатическим фактором. С ростом суровости климата продолжительность жизни населения регионов сокращается. На региональном уровне связь между индексом Бодмана и индикатором межрегиональной миграции — коэффициентом результативности миграционных связей, как и связь индикатора рождаемости населения — суммарного коэффициента рождаемости населения (СКР) с данным климатическим индексом, — слабая. Тем не менее, проблема климатической миграции в России на региональном уровне имеется, но по всей совокупности субъектов РФ её статистически выявить достаточно сложно, так как в стране есть единые центры притяжения для всех прочих регионов страны вне зависимости от климата последних. Здесь большую роль играет экономический фактор. Он также заметно связан с климатом регионов. Слабую связь между рождаемостью населения (СКР) и климатическим фактором можно объяснить, как логически, так и неоднородностью совокупности регионов России по существенным факторам рождаемости, таким как вероисповедание населения, тип местности, особенности занятости местного населения.

Ключевые слова: демография регионов России; рождаемость, смертность, межрегиональная миграция населения; климатический фактор; индекс суровости климата Бодмана; корреляция.

© Рыбаковский О. Л., 2025

Постановка проблемы

Сразу обозначим понятия, дабы избежать двусмысленностей. Погода — текущее состояние атмосферы, служит краткосрочным индикатором климата, который является многолетним режимом погоды. На демографические процессы могут влиять как глобальные климатические изменения, так и климатическая изменчивость, включая сезонные изменения погоды. Для России обе стороны данного вопроса актуальны, потому что, обладая самой обширной территорией на Земле, с одним из самых разнообразных и непредсказуемых климатов, РФ, в то же время, объединяет многие этносы с различной культурой, вероисповеданием, образом жизни, занятостью. И демографические процессы на региональном уровне имеют отпечаток не только предшествующего социально-экономического, демографического, культурного, климатического развития, но и содержат симбиоз от взаимодействия многих народностей между собой.

Можно предположить, опираясь на многочисленные работы, что в России, даже на региональном уровне, климат непосредственно влияет на здоровье, рождаемость населения (через образ жизни этого населения, обусловленный климатом), а также на миграционные процессы. Последние, с одной стороны, могут вызываться самим климатом или климатическими изменениями, с другой стороны, предопределяются генетическим/генезисным¹ происхождением различных групп людей, то есть различной степенью их адаптации либо не адаптации к тому или иному климату в месте постоянного проживания, либо временного пребывания.

Выяснению статистическими методами того, как климатический фактор влияет на смертность, рождаемость и миграцию населения на региональном уровне России посвящена статья. Вопрос глобальных изменений климата в работе непосредственно не затрагивается, но он влияет и на климатическую изменчивость. Поэтому, так

или иначе, в работе рассматривается и климатическая изменчивость, и глобальные изменения климата в связи с демографическими процессами в регионах России.

Объект исследования — население 85² регионов России по усреднённым данным за 2017–2023 гг. (без учёта информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям). Тема исследования — климатический фактор рождаемости, смертности и межрегиональной миграции населения регионов России, основная цель — выявление и обоснование наличия либо отсутствия взаимосвязей между климатическим и демографическими характеристиками населения России на региональном уровне по усреднённым данным за 2017–2023 годы.

Обзор научной литературы

В предысторию вопроса далеко вдаваться не будем, но нельзя не упомянуть Чарлза Дарвина, в учении которого климат является одним из внешних факторов всей эволюции, в том числе, происхождения человека из человекообразных обезьян и его последующего развития. Также надо вспомнить классификацию эволюции человека, составленную Л.Морганом и обобщённую Ф.Энгельсом в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Было показано, что при переходе человека от дикости к варварству началось переселение людей в более холодные степные территории Земли, сопровождающееся сменой основной занятости. С переходом от охоты к скотоводству и разведению зерновых культур первоначально для скота, а позже и для самого человека, жизнь людей стала более стабильной, хоть и в более суровых условиях. Она требовала больше рабочих рук, росла рождаемость, снижалась смертность, шёл быстрый рост численности населения. По нашему мнению, это были первые научные обоснования связи демо-

¹ По месту рождения либо происхождения.

² Тюменская область в анализе представлена тремя непересекающимися регионами: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО), Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Тюменская область без автономных округов.

графических процессов с климатическими изменениями.

Изучая современные труды о взаимосвязи демографии и климата необходимо заметить, что большая часть работ посвящена взаимосвязи глобальных изменений климата, прежде всего, со здоровьем человека. Человек, как минимум, последние сто лет, вероятно, сам влияет на изменения климата своей жизнедеятельностью. Хотя существует и противоположная точка зрения, согласно которой на глобальные изменения климата влияют лишь процессы на Солнце³. Так или иначе, по нашему мнению, на изменение климата на Земле влияют и процессы на Солнце, и результаты жизнедеятельности человека. Само изменение климата влияет на изменение характера жизнедеятельности людей, в том числе, и на демографию. Оно порождает и климатические миграции людей [1–3], и воздействует на здоровье населения.

Другая часть современных работ посвящена взаимосвязи изменчивости климата с демографией. Взаимосвязь изменчивости климата со здоровьем человека изучается при миграции населения из одних климатических условий в другие. Так, связи адаптации мигрантов на Российском Севере с их генезисным происхождением посвящены труды В.В. Фаузера. Он констатирует, что «российский Север теряет население, адаптированное к суровым климатическим условиям» [4]. На смену этому населению приезжают представители народов Северного Кавказа и Центральной Азии, неадаптированные к условиям Крайнего Севера, и потому ухудшающие своё здоровье в неблагоприятных и неестественных для них климатических условиях. Отдельными учёными показана пространственно-временная ковариация смертности с температурой [5], а также то, что экстремальная жара может ускорять биологическое старение людей [6]. Другими исследователями

продемонстрировано, что резкое повышение температуры может влиять на рождаемость населения⁴.

В ряде работ российских учёных отмечено различное влияние климатических рисков на демографический потенциал России [7]. Также «показано, что при сходных социально-экономических условиях в регионах проживания роль климата в формировании здоровья населения очевидна» [8]. Значительное количество работ посвящено проблемам взаимосвязи климата и демографии всех регионов России либо отдельных территорий [9–12]. В некоторых трудах взаимосвязь климата и демографии рассматривается комплексно, например, как воздействие климата на демографический потенциал регионов страны [13].

Методология и методы исследования, источники информации

Методы исследования в данной работе — демографический статистический анализ, корреляционный анализ факторов, графический и табличный методы представления результатов. Методология исследования аналогична той, что изложена в статье [14]. Вкратце она сводится к следующему. При исследовании массовых явлений изучение взаимосвязей между их статистически выраженными признаками и факторами преследует свою цель — выявление среди последних наиболее существенных и не дублирующих друг друга. Подготовительная работа предполагает приведение всех распределений значений признаков явлений и их факторов к нормальному виду и возможное устранение мультиколлинеарности. Выявление статистических взаимосвязей не предполагает доказательства наличия причинно-следственных связей между различными признаками и факторами. Статистическая связь лишь показывает ковариацию, то есть то, как изменяются значения одного признака относительно изменений значений другого признака либо фактора. Помимо выявления наличия либо

³ Такер Карлсон: Настоящий виновник изменения климата. Вторая часть интервью Такера Карлсона с Вилли Суном. — URL: <https://dzen.ru/video/watch/65b20e981e72b273d3b555e2> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Keivabu, R.C. Fewer babies are born in the months following hot days // The Economist, 2024 Sept. — URL: <https://www.economist.com/> (дата обращения: 10.01.2025).

отсутствия статистических связей в исследовании факторов необходимо также определить направленность и форму этой связи, устранить влияние статистических выбросов на связи и тому подобное.

Источник статистики для всех демографических расчётов в работе — Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат)⁵. Данные о климате в работе рассчитаны из источников: 1) Погода в России в январе // Weatherarchive.ru. — URL: <http://weatherarchive.ru/Pogoda/Russia/January?ysclid=lu562nu7p998725936>; 2) Таблица скоростей ветра по регионам России // Деалан Энерго. — URL: <https://dealanenergo.ru/Statiy/tablitca-skorostey-vetra-po-regionam-rossii> (дата обращения: 10.09.2024). Для анализа выбраны не зависящие от возрастной структуры населения показатели для смертности населения — ожидаемая продолжительность жизни при рождении всего населения (оба пола), лет (далее — ОПЖ), для рождаемости населения — суммарный коэффициент рождаемости, детей на женщину (далее — СКР). Для миграции населения использован коэффициент результативности межрегиональных миграционных связей (далее — КРМС), рассчитанный как отношение постоянных прибытий к постоянным выбытиям⁶. Исходные данные по межрегиональной миграции берутся из текущей статистики, ибо иных нет [15]. Для надёжности результатов демографические данные собраны и рассчитаны в среднем за 2017–2023 годы. Так определены индикаторы рождаемости СКР. Вследствие пандемии COVID-19 показатели миграции КРМС и смертности ОПЖ рассчитаны как средние за пять лет: 2017–2019 и 2022–2023 годы.

В качестве климатического фактора для регионов России выбран один из наиболее известных критериев оценки суровости климата в зимнее время — индекс Бодмана (I Б), рассчитанный по усреднённым данным (по январю) за 2017–2023 годы. Он без-

размерный, то есть измеряется в единицах/разах, и определяется по формуле:

$$I Б = (1 - 0,04 * t) * (1 + 0,272 * v), \quad (1)$$

где t — температура воздуха, v — скорость ветра. «Для характеристики суровости погоды используется следующая шкала (баллы): $I Б < 1$ — зима несуровая; $1 < I Б < 2$ — зима мало суровая; $2 < I Б < 3$ — умеренно суровая; $3 < I Б < 4$ — суровая; $4 < I Б < 5$ — очень суровая...»⁷. Индекс Бодмана рассчитан в данной статье не по регионам в целом, а лишь по региональным центрам. В этом есть определённое допущение — в региональных центрах (не считая столичных макрорегионов и г. Севастополя) на начало 2024 г. проживало 1/3 населения регионов.

Ранее мы отмечали, что «оценка взаимосвязи показателей и факторов на региональном уровне носит отчасти элемент грубости, формальности, отражающийся на результатах подобных исследований» [14]. И причины тому — усреднение итоговых показателей регионов по различным группам их населения; внутрирегиональная дифференциация по отдельным признакам, которая «бывает даже сильнее, чем межрегиональная», а также «неоднородность совокупности регионов России по большинству существенных ... признаков» [14]. Несмотря на это с определенной долей допущения подобный анализ имеет право на существование и позволяет выявлять отдельные закономерности взаимосвязей на региональном уровне.

Результаты

Сперва приводим исходные распределения итоговых по регионам демографических индикаторов и климатического показателя к нормальному виду «с помощью математических преобразований и/или путём исключения крайностей» [14]. Процедура логарифмирования подвергнут лишь ряд экономически детерминированных мигра-

⁵ Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru> (даты обращения: 10.12.2024–01.03.2025).

⁶ Прибытия или выбытия, ведущие к смене постоянного места жительства.

⁷ Гледко Ю.А. Обеспечение потребителей гидрометеорологической информацией: Учебная программа по дисциплине для специальности «Гидрометеорология» от 26.03.2020 года. — С. 15.

ционных индикаторов — КРМС (логарифмы натуральные от этих показателей далее будут обозначаться $\ln$ КРМС). Распределение индикатора смертности ОПЖ исходно нормально, индикатора рождаемости СКР стало нормальным после исключения пяти

крайностей (четырёх высоких — республик Алтай, Ингушетия, Тыва и Чеченская) и одной низкой (Ленинградская область). Исходное распределение климатического показателя — индекса Бодмана представлено ниже (рис. 1).

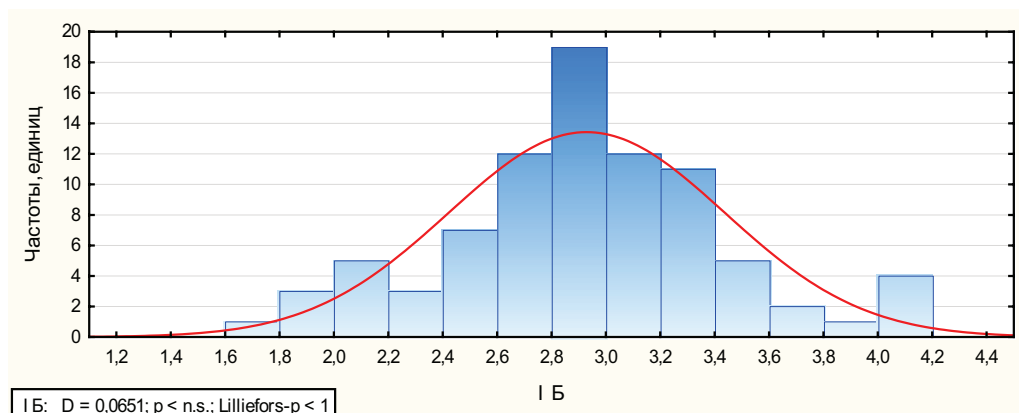

Рис. 1. Распределение по региональным центрам России индекса Бодмана (I Б), рассчитанного по данным в среднем за 2017–2023 гг., в единицах.

Fig. 1. Distribution of the Bodman Index (I Б) by regional centers of Russia, calculated on average data for 2017–2023, in units.

Источник: рассчитано автором на основе данных о погодно-климатических условиях.

Наблюдаемый критерий нормальности распределения Колмогорова-Смирнова ($D=0,065$) заметно ниже критического значения данного критерия при вероятности 95% для 85-ти единиц совокупности (0,148) [16], то есть данное распределение исходно можно признать нормальным. По приведённым к нормальному виду распределениям трёх демографических показателей и климатического фактора (индекс Бодмана — I Б) выявляем тесноту парных корреляций r (табл. 1). Если не исключать крайности, то значения коэффициентов парных корреляций будут заметно выше. Так, между ОПЖ и I Б $r = -0,63$; между ОПЖ и $\ln$ КРМС $r = 0,42$.

Для более детального анализа рассмотрим графики рассеивания парных связей демографических индикаторов с климатическим индексом. Начнём с наиболее тесной связи, корреляции между индикатором смертности ОПЖ и индексом Бодмана

(рис. 2). Связь обратная, то есть с ростом суровости климата продолжительность жизни населения сокращается. Коэффициент детерминации парной линейной связи (r^2) равен 33%. Это означает, что на региональном уровне РФ различия в климате, измеряемые индексом Бодмана, на треть объясняют изменения уровня индикатора смертности населения — ОПЖ. Другими словами, региональные различия в уровне смертности населения России на треть объясняются климатическим фактором.

Далее рассмотрим форму парной взаимосвязи между индикатором рождаемости населения СКР и индексом Бодмана (рис. 3). Связь прямая, а коэффициент детерминации парной линейной связи (r^2) равен лишь 8%. Это означает, что на региональном уровне России различия в климате, измеряемые индексом Бодмана, очень слабо объясняют изменения индикатора рождаемости СКР. Так как линия связи не одна-

Таблица 1

Матрица парных корреляций (r) демографических показателей и климатического фактора, в среднем за 2017–2023 гг., по 80* регионам России

Table 1

Matrix of paired correlations of demographic indicators (on average for 2017–2023) and climate factor (on average for 2015–2024), by 80 regions of Russia

r\r	І Б	ln KPMC	ОПЖ	СКР
І Б	1,00	-0,27	-0,57	0,28
ln KPMC	-0,27	1,00	0,33	-0,08
ОПЖ	-0,57	0,33	1,00	-0,15
СКР	0,28	-0,08	-0,15	1,00

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата и данных о погодно-климатических условиях.

* Без пяти крайностей по СКР.

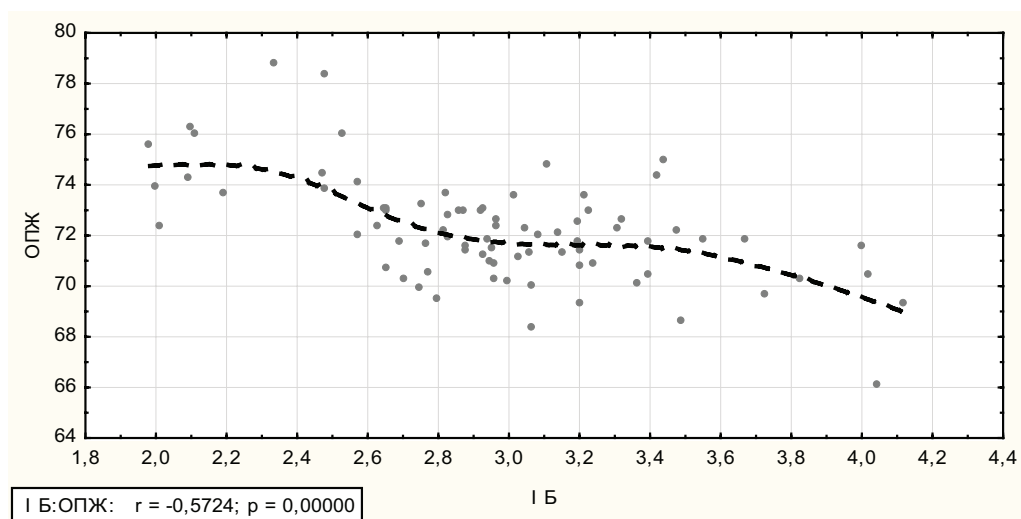

Рис. 2. Взаимосвязь между ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (ОПЖ, лет) и индексом Бодмана (І Б, единиц), по регионам России, в среднем за 2017–2023 гг., за исключением пяти регионов с крайними значениями СКР (см. выше).

Fig. 2 The relationship between life expectancy at birth (LE=ОПЖ, years) and the Bodman index (І Б, in units), by regions of Russia, on average for 2017–2023, with the exception of five regions with extreme values of the TFR (see above).

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата и данных о погодно-климатических условиях.

правленна, то может показаться, что 8 левых значений, то есть регионов, имеющих наименее суровый климат, но высокую рождаемость, снижают тесноту связи для остальной части совокупности. Но это лишь видимость. Если их убрать из совокупности, то коэффициент корреляции r , вопреки

ожиданиям, упадёт до величины 0,10. Аналогичная картина связи имеет место между индикатором межрегиональной миграции (ln KPMC) и индексом Бодмана. Связь обратная, а коэффициент детерминации парной линейной связи (r^2) равен всего 7%. Это означает, что на региональном уров-

не России различия в климате, измеряемые индексом Бодмана, очень слабо объясняют изменения индикатора межрегиональной миграции населения $\ln KPMС$. Тем не менее, проблема климатической миграции в России на региональном уровне име-

ется. Но по всей совокупности субъектов РФ её статистически выявить сложно, так как в стране имеются единые центры притяжения для всех прочих регионов страны вне зависимости от климата последних.

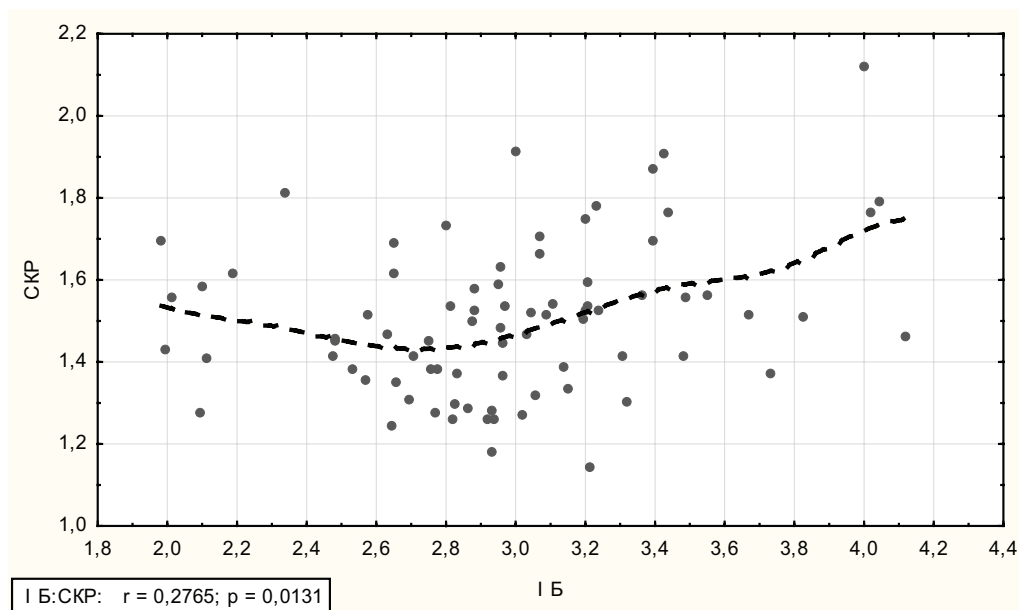

Рис. 3. Взаимосвязь между суммарным коэффициентом рождаемости (СКР, детей на одну женщину) и индексом Бодмана (I Б, единиц), по регионам России, в среднем за 2017–2023 гг., за исключением пяти регионов с крайними значениями СКР (см. выше).

Fig. 2. The relationship between total fertility rate (TFR, children per woman) and the Bodman index (I Б, in units), by regions of Russia, on average for 2017–2023, with the exception of five regions with extreme values of the TFR (see above).

Источники: рассчитано автором на основе данных Росстата и данных о погодно-климатических условиях.

Здесь также большую роль играет экономический фактор. Он заметно связан с климатом регионов. В территориях с благоприятным климатом развиты сельское хозяйство и рекреационная сфера, в регионах с суровым климатом, как правило, идёт добыча полезных ископаемых, прежде всего, нефти, газа, чёрных и цветных металлов. Экономические индикаторы в последних территориях заметно выше, чем в первых. Коэффициент детерминации парной линейной связи (r^2) индикатора климата, измеряе-

мого индексом Бодмана, с преобразованными логарифмированием экономическими факторами валовым региональным продуктом на душу населения (ОКВЭД 2) в среднем за 2018–2022 гг. или со среднемесячной номинальной начисленной заработной платой⁸ в среднем за 2018–2023 гг. равен 33%, со среднедушевыми денежными доходами населения в среднем за период с III квартала 2017 г. по II квартал 2023 г. равен 21%.

⁸ По полному кругу организаций (по всем формам собственности, ведущие отрасли экономики).

Выводы

На уровне регионов России по усреднённым данным за 2017–2023 гг. связь между межрегиональной миграцией населения (индикатор I_n КРМС) и климатическим фактором (индексом Бодмана) — слабая (коэффициент детерминации парной линейной связи равен 7%). Аналогичная картина и с рождаемостью населения (СКР) — 8%. По нашему мнению, проблема климатической миграции в России на региональном уровне имеется, но по всей совокупности субъектов РФ статистически выявить её сложно. Столь слабые индикаторы связи в случае с миграцией населения объясняются наличием мощных миграционных реципиентов, прежде всего, двух столичных регионов, притягивающих население из прочих территорий страны вне зависимости от климата в последних.

В случае с рождаемостью населения ситуация иная. Слабая связь между рождаемостью (СКР) и климатическим фактором можно объяснить неоднородностью совокупности субъектов РФ по существенным факторам рождаемости, таким как вероисповедание населения территорий, тип их местности, специфика занятости населения и подобное. Более высокая рождаемость населения традиционно свойственна, с одной стороны, этносам, проживающим в регионах Севера России с суровым климатом, исповедующих шаманизм и сходные с ним традиционные верования, с другой стороны, народам юга Европейской части с мягким климатом и юга Сибири. Некоторые из этих народов традиционно исповедуют ислам либо буддизм и/или проживают преимущественно в сельской местности, где рождаемость обычно выше, чем в городах.

Если рассуждать логически, то между глобальными климатическими изменениями и рождаемостью населения связи быть и не должно. Но она имеется между климатическими катаклизмами и рождаемостью. По России можно привести пример последствий жаркого и задымлённого лета в Центральной части Европейской России 2010 года. Последующие за ним числа ро-

дившихся в апреле-мае 2011 г. по всей стране на 7% были ниже, чем в среднем за аналогичные месяцы смежных лет (2007–2010 и 2012–2015 гг.). Также просматривается связь между краткосрочным индикатором климата (погодой) и рождаемостью населения. Это касается в первую очередь сезонности рождаемости населения. В сравнении с советским периодом, её абсолютные ежемесячные максимумы сместились в 1990-е гг. с января на июль/август. Хотя в этой истории имеются и другие факторы. Так, после введения длинных новогодних праздников к модальным месяцам рождаемости населения РФ кроме июля/августа добавились сентябрь/октябрь. Это говорит не только о зависимости рождаемости населения России от сезонных особенностей погоды, но и о привычке заводить детей в те дни, когда супружеские пары долго отдыхают вместе. Если в советское время это совместное времяпрепровождение приходилось в значительной мере на майские праздники и лето, то в постсоветское время этим стали длинные новогодние праздники. Другое подтверждение этому факту — карантин в период пандемии COVID-19, который (помимо негатива) привёл к тому, что рождаемость населения в России в абсолютном выражении практически не снижалась, хотя, по тенденциям, должна была резко упасть в 2020–2021 годах.

Связь между индикатором смертности населения, ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, с климатическим фактором, выраженным в форме индекса Бодмана, умеренная. Коэффициент детерминации парной линейной связи равен 33%. Это означает, что региональные различия в уровне смертности населения России на треть объясняются климатическим фактором. С ростом суровости климата продолжительность жизни населения регионов России сокращается. В большинстве северных территорий страны ОПЖ низкая, что связано не только с суровостью климата, низкой плотностью населения и слабой развитостью дорожной и социальной инфраструктуры, но и с особенностями образа жизни коренных народов данных субъектов РФ.

Литература и Интернет-источники

1. **Cattaneo, C.** The migration response to increasing temperatures / C. Cattaneo, G. Peri // *Journal of Development Economics*. — 2016. — Vol. 122. — P. 127–146. DOI: 10.1016 / j.jdevco.2016.05.004
2. **Рязанцев, С. В.** Влияние глобального изменения климата на миграцию населения в России и странах Центральной Азии / С. В. Рязанцев, Е. М. Моисеева // *Народонаселение*. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 18–32. DOI: 10.19181 / population.2022.25.3.2; EDN: CMTAGK
3. **Леденёва, В. Ю.** Климатическая миграция: тенденции и прогнозы / В. Ю. Леденёва // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. — 2021. — Т. 11. — № 6. — С. 233–242. DOI: 10.21869 / 2223-1552-2021-11-6-233-242; EDN: EIOSHT
4. **Фаузер, В. В.** Население российского севера: проблемы воспроизводства / В. В. Фаузер // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. — 2017. — № 3(54). — С. 121–133. EDN: ZRQAWT
5. **Todd, N.** Space-time covariation of mortality with temperature: a systematic study of deaths in France, 1968–2009 / N. Todd, A. J. Valleron // *Environmental Health Perspectives*. — 2015. — Vol. 123. — No. 7. — P. 659–664. DOI: 10.1289 / ehp.1307771
6. **Ledford, H.** Human body's aging 'cloak' ticks faster after heat stress / H. Ledford // *Nature*. — 2024. — № 636. — P. 534. DOI: 10.1038 / d41586-024-04007-8
7. **Локосов, В. В.** Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов // *Народонаселение*. — 2019. — Т. 22. — № 4. — С. 4–17. DOI: 10.19181 / 1561-7785-2019-00035; EDN: GKMLZ
8. **Яковлева, Т. П.** Сравнительный анализ заболеваемости и смертности населения, проживающего в различных климатических поясах России / Т. П. Яковлева, Н. С. Михайлова, Г. И. Тихонова, М. А. Калитина // *Гигиена и санитария*. — 2018. — Т. 97. — № 9. — С. 813–818. DOI: 10.18821 / 0016-9900-2018-97-9-813-818; EDN: YMKAWD
9. **Андрюхин, А. Ю.** Многомерная классификация регионов России по уровню климатических рисков экономики / А. Ю. Андрюхин // *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 105–118. DOI: 10.24147 / 1812-3988.2022.20(2).105-118; EDN: HCAQIO
10. **Кисляк, Н. В.** Влияние изменения климата на смертность в российских городах / Н. В. Кисляк, С. А. Лукьянов, Л. С. Ружанская, М. А. Фокеев // *Экономика региона*. — 2019. — Т. 15. — Вып. 4. — С. 1129–1140. DOI: 10.17059 / 2019-4-13; EDN: IESDPL
11. **Шапошников, Д. А.** Сценарные оценки потепления климата и смертности населения Российских приарктических городов в XXI в. / Д. А. Шапошников, Б. А. Ревич, И. М. Школьник // *Анализ риска здоровью*. — 2019. — № 4. — С. 37–49. DOI: 10.21668 / health.risk / 2019.4.04; EDN: FWERPZ
12. **Лукьянец, А. С.** Влияние природно-климатических и экологических факторов на миграционные процессы в арктических территориях Красноярского края Российской Федерации / А. С. Лукьянец, Е. М. Моисеева // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. — 2018. — № 6. — С. 28–46. DOI: 10.26653 / 2076-4650-2018-6-03; EDN: VBCDAB
13. **Рюмина, Е. В.** Роль географического фактора в формировании и развитии человеческого потенциала / Е. В. Рюмина // *Народонаселение*. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 71–81. DOI: 10.19181 / population.2021.24.4.6; EDN: LTDQYI
14. **Рыбаковский, О. Л.** Экономические факторы в демографии регионов России (2017–2023 гг.) / О. Л. Рыбаковский // *Народонаселение*. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 4–16. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-1-4-16; EDN: RASPFZ
15. **Рыбаковский, О. Л.** Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки / О. Л. Рыбаковский // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 71–82. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-71-82; EDN: HGRXPV

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э.н., главный научный сотрудник, ИДИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; SPIN-код РИНЦ: 7022-5369.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-4-15

CLIMATIC FACTOR IN THE DEMOGRAPHY OF RUSSIAN REGIONS (2017–2023)

Oleg L. Rybakovsky

IDR FCTAS RAS

(6 kor. 1 Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:

Rybakovsky O. L. Climate factor in the demography of Russian regions (2017–2023). *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 4–15. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-4-15 (in Russ.).

Abstract. *The subject of the study is the permanent population of the regions of the Russian Federation on average for 2017–2023. The topic of the study is the climatic factor of birth rates, mortality and interregional migration of the population of the regions of Russia on average for 2017–2023. The purpose of the study is to identify and substantiate the presence or absence of relationships between the climatic factor and demographic indicators of the population of the regions of Russia based on average data for 2017–2023. The research method is demographic statistical analysis. The source of statistics for calculations is Rosstat. Results and conclusions of the study: it is revealed that the relationship between the population mortality indicator — life expectancy at birth with the climatic factor, expressed in the form of the Bodman index, is moderate — the coefficient of determination of the paired linear relationship is 33%. This means that regional differences in the mortality rate of the population of Russia explained by the climatic factor by a third. As the climate becomes more severe, the life expectancy of the population in regions decreases. At the regional level of the Russian Federation, the connection between the Bodman index and interregional migration indicator — coefficient of the effectiveness of migration links, as well as the connection between birth rate indicator — total fertility rate (TFR) with this climate index, is weak. Nevertheless, the problem of climate migration in Russia at the regional level exists. However, it is quite difficult to identify it for the entire set of subjects of the Russian Federation, since the country has single centers of attraction for all other regions of the country, regardless of the climate of the latter. Economic factor plays a greater role here. It is noticeably related to the climate of the regions. The weak relationship between the total fertility rate (TFR) and the climate factor can be explained by heterogeneity of the totality of regions of Russia in terms of significant factors of birth rate, such as religion, type of terrain, characteristics of employment of the local population. Higher birth rate of the population is traditionally characteristic, on the one hand, of the peoples living in the regions of the North of the Russian Federation with a harsh climate, professing shamanism and similar religions. On the other hand — of the peoples of the South of the European part of Russia with a mild climate and the South of Siberia.*

Keywords: *demography of Russian regions; birth rate, mortality, interregional population migration; climate factor; Bodman climate severity index; correlation coefficient.*

References and Internet sources

1. Cattaneo C., Peri G. The migration response to increasing temperatures. *Journal of Development Economics*. 2016. Vol. 122. P. 127–146. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2016.05.004
2. Ryazantsev S. V., Moiseeva E. M. Vliyaniye global'nogo izmeneniya klimata na migratsiyu naseleniya v Rossii i stranakh Tsentral'noy Azii [The impact of global climate change on migration in the Russian Federation and Central Asian countries]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 18–32. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.2 (in Russ.)
3. Ledeneva V. Yu. Klimaticheskaya migratsiya: tendentsii i prognozy. [Climatic migration: trends and forecasts]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment [Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management]*. 2021. Vol. 11. No. 6. P. 233–242. DOI: 10.21869/2223-1552-2021-11-6-233-242 (in Russ.)
4. Fauzer V. V. Naseleniye rossiyskogo severa: problemy vosproizvodstva [Population of the Russian North: problems of reproduction]. *Sever i rynok: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [North and Market: Formation of Economic Order]*. 2017. No. 3 (54). P.121–133. (in Russ.)
5. Todd N., Valleron A. J. Space-time covariation of mortality with temperature: a systematic study of deaths in France, 1968–2009. *Environmental Health Perspectives*. 2015. Vol. 123. No. 7. P. 659–664. DOI: 10.1289/ehp.1307771
6. Ledford H. Human body's aging 'cloak' ticks faster after heat stress. *Nature*. 2024. No. 636. P. 534. DOI: 10.1038/d41586-024-04007-8
7. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Klasterizatsiya regionov Rossii po pokazatelyam kachestva zhizni i kachestva naseleniya [Clustering of regions by indicators of quality of life and quality of population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 4. P. 4–17. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00035 (in Russ.)
8. Yakovleva T. P., Mikhaylova N. S., Tikhonova G. I., Kalitina M. A. Sravnitel'nyy analiz zaboilevayemosti i smertnosti naseleniya, prozhivayushchego v razlichnykh klimaticheskikh poyasakh Rossii [The comparative analysis of incidence and mortality of the population living in various climatic zones of Russia]. *Gigijena i Sanitariya [Hygiene and Sanitation]*. 2018. Vol. 97. No. 9. P. 813–818. DOI: 10.18821/0016-9900-2018-97-9-813-818 (in Russ.)
9. Andryukhin A. Yu. Mnogomernaya klassifikatsiya regionov Rossii po urovnyu klimaticheskikh riskov ekonomiki [Multidimensional classification of Russian regions according to the level of climate risks of the economy]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika [Bulletin of Omsk University. Series: Economics]*. 2022. Vol. 20. No. 2. P. 105–118. DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(2).105-118 (in Russ.)
10. Kislyak N. V., Lukyanov S. A., Ruzhanskaya L. S., Fokeev M. A. Vliyaniye izmeneniya klimata na smertnost' v rossiyskikh gorodakh [The impact of climate change on mortality in Russian cities]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2019. Vol. 15. No. 4. P. 1129–1140. DOI: 10.17059/2019-4-13 (in Russ.)
11. Shaposhnikov D. A., Revich B. A., Shkolnik I. M. Stsenarnyye otsenki potepleniya klimata i smertnosti naseleniya Rossiyskikh priarkicheskikh gorodov v 21 v. [Scenario assessments of climate warming and population mortality in Russian cities located in the sub-arctic regions in XXI century]. *Analiz riska zdorov'yu [Health Risk Analysis]*. 2019. No. 4. P. 37–49. DOI: 10.21668/health.risk/2019.4.04 (in Russ.)
12. Lukyanets A. S., Moiseeva E. M. Vliyaniye prirodno-klimaticheskikh i ekologicheskikh faktorov na migratsionnyye protsessy v arkticheskikh territoriyakh Krasnoyarskogo kraya Rossiyskoy Federatsii [Influence of natural climatic and ecological factors on migration processes in the Arctic Territories of the Krasnoyarsk Territory of the Russian Federation]. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1: Ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]*. 2018. No. 6. P. 28–46. DOI: 10.26653/2076-4650-2018-6-03 (in Russ.)

13. Ryumina E. V. Rol' geograficheskogo faktora v formirovanii i razvitii chelovecheskogo potentsiala [The role of geographical factor in the formation and development of human potential]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 71–81. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.6 (in Russ.)
14. Rybakovsky O. L. Ekonomicheskiye faktory v demografii regionov Rossii (2017–2023 gg.) [Economic factors in the demography of Russian regions (2017–2023)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 4–16. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-4-16 (in Russ.)
15. Rybakovsky O. L. Balans naseleniya regionov Rossii v 1992–2023 gg. i perepisnyye popravki [Population balance of the regions of Russia in 1992–2023 and census corrections]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 71–82. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-71-82 (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Chief Researcher, IDR FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; Elibrary SPIN-code: 7022–5369.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-16-28
EDN: WMLEDM

СЕМЕЙНЫЕ ПАТТЕРНЫ В ДОСТИЖЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СУБЪЕКТОВ РФ

Крошилин С. В.^{1,2*}, Медведева Е. И.^{1,2}

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²НИИОЗММ ДЗМ

(115088, Россия, Москва, Шарикоподшипниковская ул., 9)

*E-mail: krosh_sergey@mail.ru

Для цитирования:

Крошилин С. В., Медведева Е. И. Семейные паттерны в достижении показателей эффективности деятельности руководителей субъектов РФ // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 16-28. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-16-28; EDN: WMLEDM

Аннотация. Целью исследования являлось выявление влияния семейных паттернов на планируемое количество детей и на выстраивание брачно-семейных отношений молодёжи для возможности определения эффективности деятельности высших должностных лиц (ОЭДВДЛ) согласно критериям, отражённых в Указе № 1014 Президента РФ. Доминантные переменные являются основополагающими и в иных стратегиях развития. Авторский подход базируется на анализе статистических данных «Регионы России. Социально-экономические показатели» и первичных данных авторского обследования, проведённого в 2024 и 2017 гг. по сопоставимому инструментарию и квотированной выборке. Для возможности эконометрического анализа и метрической оценки прокси-показателей из ОЭДВДЛ, они были соотнесены со статистическими маркерами Росстата. Это позволило построить корреляционную матрицу и выявить уровень зависимостей (он оказался «высоким» и «очень высоким») между выделенными переменными. Анализ первичных данных показал, что для людей важно сохранить институт семьи. Установлено, что «ориентация» на многодетность имеет положительный тренд — почти четверть опрошенных хотят, чтобы в их семьях было более 2-х детей. Данная тенденция была проанализирована на основе системы запросов и выявления корреляции между ответами на вопросы «о желаемом количестве детей» и «сколько детей было в семье ваших родителей». Линии тренда с использованием «Метода наименьших квадратов» и «Полиномиальной аппроксимации третьей степени» доказали тесноту взаимосвязи. Таким образом, подтвердилась зависимость между семейными паттернами (вариантом существующих семейно-репродуктивных паттернов родителей) и «желаемым» количеством детей. Подход может быть использован не только в ОЭДВДЛ, но и при мониторинге иных национальных проектов, а также быть полезен учёным-исследователям и управленцам, которые занимаются демографическими проблемами и оценкой социально-экономических показателей развития регионов РФ.

Ключевые слова: семейные паттерны, семья и удовлетворённость, демография, рождаемость, оценка эффективности деятельности, национальные цели, социально-экономические показатели.

© Крошилин С. В., Медведева Е. И., 2025

Введение

Семья оказывает непосредственное влияние на формирование индивида, передавая ему поведенческие и эмоциональные модели поведения, социально-экономические предпочтения, а также непосредственное отношение к институтам семьи и брака. Семейные паттерны уже длительное время изучают как российские, так и зарубежные исследователи. С теоретической точки зрения понятие «семейные паттерны» — это некие устойчивые «образцы», «шаблоны» или даже «схемы» поведения человека, которые он получает от своих близких родственников и родителей. Эти паттерны индивид «унаследует» и реализует уже как свою собственную модель и схему поведения при возникновении определённых жизненных ситуаций и при принятии важных решений. Психолог Г. У. Олпорт в 1933 г. описал понятие «паттерны» как «шаблон возможных действий и реакций», которые формируются и опираются на стереотипы представления человека о той или иной ситуации. Следует подчеркнуть, что паттерны воспринимаются лишь от весьма значимых людей в жизни индивида, чаще всего родителей [1]. Отечественные учёные А. Д. Парамонова и И. В. Троцук, исследуя трансформации российской семьи и семейных отношений, в 2016 г. подчёркивали, что «...семья претерпевает серьёзнейшие трансформации, радикальность которых может иметь самый разный вектор... однако семья сохраняет для молодых поколений вполне традиционные смыслы и функции, порождая у респондентов готовность воспроизводить семейно-репродуктивные паттерны родителей». [2, с. 554]. Именно с точки зрения восприятия схемы, некоего шаблона семейно-репродуктивных паттернов родителей построена логика настоящего исследования, а «семейные паттерны» выступают предметом мониторинга.

Исследования семейных паттернов [3; 4], особенностей семейных отношений и социально-экономического развития общества [5–7], включая брачно-семейные ориентиры молодёжи [8; 9] продолжают оставаться од-

ной из актуальнейших тем для учёных, так как именно они являются основной детерминантой, и предопределяют в большинстве случаев количество рождённых детей, что наиболее важно сегодня для российского общества в современной демографической ситуации. Президентом России 28 ноября 2024 г. был подписан Указ № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации»¹ (ОЭДВДЛ). Согласно этому документу, обозначен перечень показателей, позволяющих осуществить данную оценку. Схематически перечень показателей представлен на рис. 1. Среди всех социально-экономических, технических, коммуникационных и иных показателей особое значение уделяется вопросам семьи и оценке качественной жизнедеятельности наших граждан. Именно поэтому под пристальным фокусом внимания находятся определённые показатели (обозначены 2, 3, 4, 12, 13 и 18 на рис. 1). Именно перечисленные пункты будут являться основой для анализа в данной статье, так как они находятся в прямой зависимости от формируемых семейных паттернов.

Вопросы отношения к родительству и брачности анализируются многими отечественными учёными. А. А. Вяльшина констатирует позитивное отношение современной молодёжи к рождению детей [10]. Однако все семьи с детьми нуждаются в мерах социальной поддержки для минимизации угрозы бедности [11]. Н. М. Римашевская подчёркивала взаимосвязь между происходящими социально-экономическими трансформациями и траекториями людей к созданию семьи, отношениями внутри семьи и, в целом, к семейным ценностям и традициям. [12] Именно семья является основным локомотивом для реализации индивида и для достижения им успехов и удовлетворённости в жизни [13].

¹ Указ Президента РФ № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // Гарант. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410912652> (дата обращения: 19.12.2024).

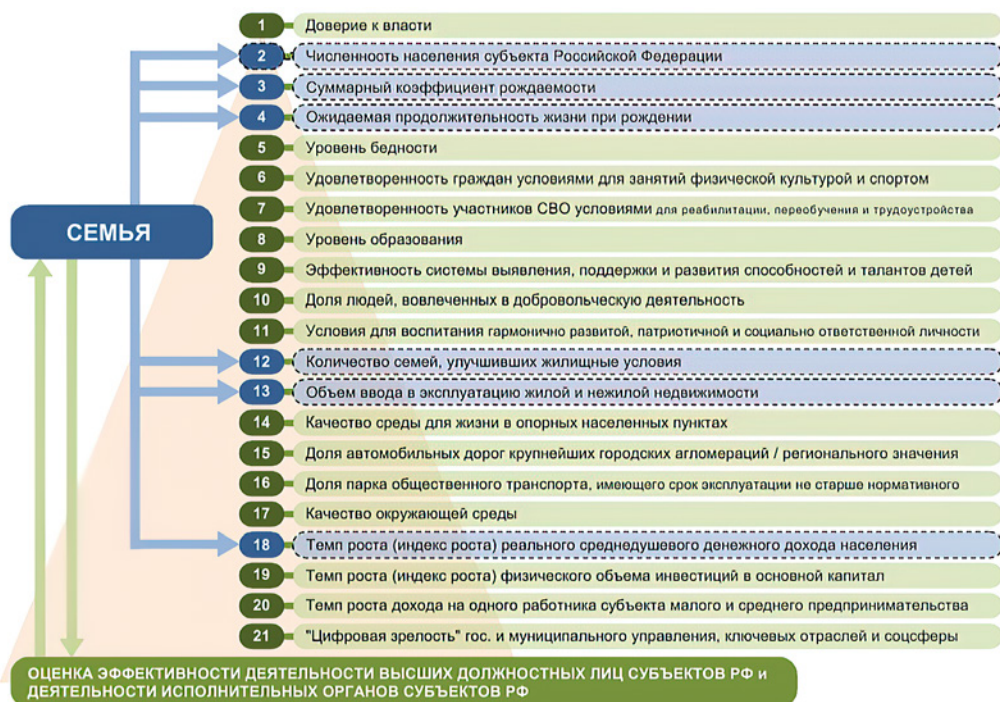

Рис. 1. Влияние семейных паттернов на показатели оценки эффективности деятельности высших должностных лиц РФ

Fig. 1. Influence of family patterns on performance indicators of senior officials of the Russian Federation
 Источник: составлено авторами на основе Указа Президента РФ № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации // Гарант. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410912652> (дата обращения: 19.12.2024).

Вопросы желаемого количества рождения детей также зависят от объективных и субъективных факторов. К объективным можно отнести располагаемые доходы, квадратные метры жилой площади, а также стратегии жизнедеятельности молодых россиян. Как и более 10 лет назад растут потребности населения в «благоустроенном и просторном жилье». [14; 15] В 2013 г. намерения семей в улучшении жилищных условий составляли 40 кв. м на человека. Согласно исследованиям, среди основных ценностей молодых людей на первом месте «в рейтинге жизненных целей занимают материальные: хорошее жильё (4,97 балла по 5-балльной шкале) и материальное благополучие семьи (4,93 балла)». В своих исследованиях они выделяют 3 главные

субъективные цели: «1 — «иметь возможность проводить свободное время с семьёй» (4,87 балла, 3 место), 2 — «уверенность в завтрашнем дне» (4,73 балла, 4 место) 3 — «иметь рядом близкого человека» (4,71 балла, 5 место)». [16]

Цель данного исследования заключается в изучении степени влияния существующих семейных паттернов на возможности реализации стратегических целей развития регионов РФ в аспекте оценки обозначенных показателей эффективности деятельности руководителей субъектов РФ. Гипотеза исследования: семейные паттерны могут оказывать прямое воздействие на планируемое количество детей в семье, а также возможно значительное воздействие на выстраивание брачно-семейных отношений

индивида (особенно среди молодёжи). Это в конечном итоге влияет не только на демографические показатели, но и на удовлетворённость и экономическое поведение человека. Именно обозначенные показатели являются сегодня основополагающими в оценке эффективности деятельности высших должностных лиц РФ, что и стало целью настоящей статьи.

Методология исследования

Для возможности выявления степени влияния семейных паттернов (института семьи, брачно-семейных отношений, планируемого количества детей в семье) на ОЭДВДЛ был предложен авторский подход, базирующийся на выделении опреде-

лённых показателей, которые согласно выдвинутой гипотезе должны коррелировать между собой: «2. Численность населения субъекта РФ», «3. Суммарный коэффициент рождаемости», «4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении», «12. Количество семей, улучшивших жилищные условия», «13. Объём ввода в эксплуатацию жилой и нежилой недвижимости», «18. Темп роста (индекс роста) реального среднедушевого денежного дохода населения» (рис. 1). Для возможности метрической оценки прокси-показателей из ОЭДВДЛ они были сопоставлены со статистическими маркерами из сборника Росстата «Регионы России», а также для возможности эконометрического анализа с применением корреляционной матрицы (табл. 1).

Таблица 1

Прокси-показатели оценки эффективности деятельности высших должностных лиц и статистических маркеров из статистики Росстата*

Table 1

Proxy performance indicators for senior officials and statistical markers from ROSSTAT statistics

Обозначение	Показатель оценки эффективности деятельности высших должностных лиц	Статистические показатели из сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023 год»
П_1	2. Численность населения субъекта Российской Федерации	1.1. Численность населения (оценка на конец года, тысяч человек)
П_2	3. Суммарный коэффициент рождаемости	1.15. Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)
П_3	4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	1.16. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)
П_4	12. Количество семей, улучшивших жилищные условия	3.29.3. Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия за год (тысяч)
П_5	13. Объём ввода в эксплуатацию жилой и нежилой недвижимости	14.2. Ввод в действие зданий жилого и нежилого назначения, общая площадь зданий (тысяч м ²)
П_6	18. Темп роста (индекс роста) реального среднедушевого денежного дохода населения	3.2. Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц, рублей)

Примечание: в первом столбце таблицы приведено обозначение показателей, которое будет использовано при описании результатов эконометрического моделирования.

Источник: составлено авторами с использованием данных Росстата и показателей ОЭДВДЛ.

* Для возможности сопоставления были использованы показатели из сборника Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели», выпущенных в 2020–2023 годах // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.12.2024).

В данном случае можно применить эконометрические подходы к анализу «тесноты взаимного влияния» различных показателей на основе построения матрицы корреляции. Это позволит выявить взаимосвязи между отобранными показателями

и статистическими маркерами на основе применения множественной линейной регрессии для определения коэффициентов корреляции между анализируемыми независимыми переменными (показателями), а именно параметрами модели.

Далее, согласно выдвинутой гипотезе, необходимо показатели ОЭВДЛ (в сопоставлении со статистическими маркерами Росстата) проанализировать с точки зрения корректности применения оценки степени влияния семейных паттернов на основе анализа первичных данных по регионам РФ. Для этого будут использованы результаты исследований (двух срезов), проведённых авторами по оригинальной методике (с разработкой инструментария) [8; 9] в 2017 и 2024 гг. (выборка первого среза в 2017 году — $N = 1400$, второго (пилотного) в 2024 году — $N = 450$). Выборка котируемая. В обеих итерациях география исследования охватывала юго-восток Московской области и граничащие с ней районы Центрального федерального округа. Объектом исследования выступили жители указанных территорий. Были обследованы возрастные группы от 14 до 70 лет: среди них молодёжь (от 14 до 35 лет) составила 72% в 2024 г. и в 2017 г., от 35–50 лет — 16% в 2024 г. и 18% в 2017 г.; старшая возрастная группа — 12% и 10% соответственно. Данная структура опроса респондентов была таковой, так как предполагалось изучение мнений в большей степени молодой аудитории по обозначенному вопросу.

В основе реализованной исследовательской авторской методики находится опросник, запрограммированный с применением технологии Computer Assisted WEB Interviewing (CAWI)². Анкета была запрограммирована в Google-форме. Это позволяет полученные данные структурировать и обобщить для возможности сравнения с иными вариантами, полученными как федеральными, так и исследовательскими организациями. В дальнейшем расчётные данные могут быть использованы для мониторинга (квартального, ежегодного) выделенных показателей ОЭВДЛ, а также для возможной корректировки и конечной оценке эффективности деятельности выс-

ших должностных лиц и деятельности исполнительных органов субъектов РФ.

Результаты исследования

Выделенные показатели ОЭВДЛ в сопоставлении со статистическими маркерами были проанализированы на тесноту взаимосвязи с применением корреляционного анализа. Согласно обозначенной гипотезе, все они в определённой степени (так или иначе) оказывают влияние на установки молодёжи в брачно-семейных отношениях и функционирование института семьи, на поведенческие (потребительские) практики с учётом восприимчивости социально-экономических трансформаций и степени «уверенности в завтрашнем дне». Из статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» Росстата³ были отобраны обозначенные в табл. 1 статистические маркеры по Центральному федеральному округу (ЦФО)⁴. На их основе был сформирован массив данных для анализа (табл. 2).

Используя массив прокси-показателей по данным ЦФО за период 2000–2022 гг., было осуществлено моделирование «тесноты взаимного влияния» отобранных показателей на основе применения множественной линейной регрессии, включая расчёт попарных коэффициентов корреляции. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 3. Матрица подтверждает правильность выбранных прокси-показателей, так как по всем параметрам наблюдается «сильная зависимость» (коэффициент корреляции r лежит в диапазоне значений от 0,72 до 0,96, что соответствует «высокому» и «очень высокому» уровню зависимости между переменными).

Следует заметить, что прокси-показатель P_4 имеет либо «высокую», либо «очень

² CAWI (Computer Assisted WEB Interviewing) — методика количественного сбора информации с использованием сетевых сервисов WEB, которая предполагает, респондент самостоятельно заполнение анкету в онлайн-формате в автоматизированной системе для проведения опросов.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели (приложение) // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_Regions_Pokaz_2023.rar; Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 20.12.2024).

⁴ На данном этапе исследования предложенная методика проходила апробацию на статистических показателях ЦФО, так как для прокси-показателей имелись первичные данные обследований (опроса) для возможности сопоставления.

Таблица 2

Массив прокси-показателей (статистических маркеров) для выявления корреляционной зависимости (по данным ЦФО 2000–2022 гг., фрагмент)

Table 2

Array of proxy indicators (statistical markers) to identify correlation dependence (according to the data of the Central Federal District 2000–2022, fragment)

Прокси-показатель	2000	2001	...	2019	2020	2021	2022
П_1	38175,10	38068,50	...	40418,40	40341,00	40298,10	40240,30
П_2	1,07	1,10	...	1,40	1,41	1,42	1,31
П_3	66,07	65,77	...	74,54	72,57	70,85	73,93
П_4	82,06	80,75	...	17,26	15,17	14,22	14,36
П_5	14298,90	15293,90	...	48036,70	47252,20	51157,70	53392,44
П_6	3231	4300	...	47584	48566	54727	59461

Примечание: в первом столбце таблицы приведены сокращения прокси-показателей из табл. 1.

Источник: сформировано авторами на основе данных Росстата.

Таблица 3

Расчётная корреляционная матрица прокси-показателей (по данным ЦФО 2000–2022 гг.)

Table 3

Calculated correlation matrix of proxy indicators (according to the data of the CFD 2000–2022)

	П_1	П_2	П_3	П_4	П_5	П_6
П_1	1					
П_2	0,7229	1				
П_3	0,9009	0,8587	1			
П_4	-0,7513	-0,7328	-0,8479	1		
П_5	0,9318	0,7736	0,9059	-0,8746	1	
П_6	0,9573	0,7664	0,9247	-0,8373	0,9693	1

Примечание: в таблице приведены сокращения прокси-показателей из табл. 1.

Источник: построено авторами с применением табличного процессора MS Excel (Пакет «Анализ данных»).

высокую» отрицательную зависимость от остальных переменных. Это может объясняться тем, что общий уровень обеспеченности жильём не всегда оказывает влияние на численность населения, уровень рождаемости и ожидаемую продолжительность жизни. В современных реалиях более актуально оценить обеспеченность жильём молодёжных групп (официально состоящих в браке или проживающих совместно). В этом случае зависимость, скорее всего, имела бы положительное значение, но подобных статистических данных на момент проведения исследования не было.

Для выявления семейных паттернов (согласно целям и задачам настоящего исследования), которые оказывают непосред-

ственное влияние на планируемое количество детей в семье, а также с анализом изучения вопросов отношения молодёжи к институту семьи и брака, была проанализирована часть вопросов (авторского исследования 2017 и 2024 гг.). Опираясь на анализ первичных данных, было выявлено, что при оценке важности сохранения института семьи сегодня (российских семейных традиций) больше половины респондентов (58%) в 2024 г. считают это «крайне важным» (в 2017 г. таких было 40%). Почти треть опрошенных (35%) ответили, что это «важно» (в 2017 г. такой ответ отразила половина респондентов). Сократилось число тех, кто считает это «не очень важным»: 5% и 8% соответственно в 2017 и 2024 гг. (рис. 2). 70%

опрошенных в 2024 г. сказали, что в российском обществе необходимо пропагандировать ценности семьи: в 2017 г. таких было на 10 процентных пункта (п.п.) больше. Однако сокращение «положительных ответов» на данный вопрос, может быть обосновано тем, что в настоящее время СМИ и различ-

ные общественные организации уделяют больше внимания данной тематике. Также следует отметить, что, согласно полученным результатам в 2024 г., затруднились по этому вопросу дать ответ 18,5% опрошенных, а в 2017 г. таких было почти в 7 раз меньше.

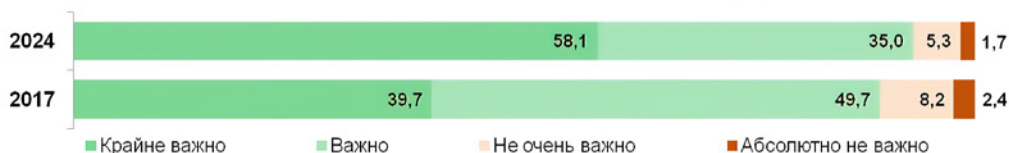

Рис. 2. Результаты ответов респондентов на вопрос «Дайте оценку важности сохранения института семьи (российских семейных традиций) сегодня?», %

Fig. 2. Results of the respondents' answers to the question «What is the assessment of the importance of preserving the institution of the family today (Russian family traditions)?», %

Источник: составлено авторами на основе результатов опросов 2017 и 2024 годов.

Наиболее важным вопросом при принятии решения об официальном заключении брака и создания семьи остаётся «жилищный вопрос». Как показали результаты анализа данных в 2024 г. это стало ещё более значимо для респондентов: 45% — ответили «да, это многое решает» (абсолютный при-

рост на 12,9 п.п. по сравнению с 2017 г.). Вариантов ответов «это важно, но не имеет решающего значения» стало на 7,9 п.п. меньше, чем в 2017 г. и составило 44% в 2024 г. Почти вдвое сократилось число людей для которых «жилищный вопрос» не имеет значения (6% в 2024 г. и 13% в 2017 г.) (рис. 3).

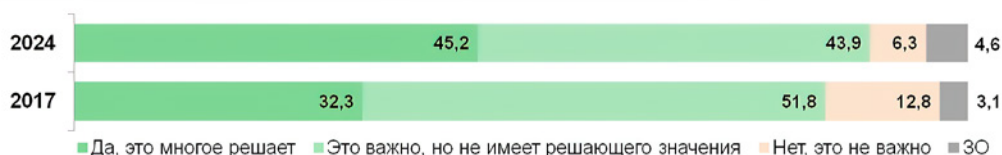

Рис. 3. Результаты ответов респондентов на вопрос «Является ли жилищный вопрос для Вас значимым при решении вступить в брак?», %

Fig. 3. Results of the respondents' answers to the question «Is the housing issue important to you when deciding to get married?», %

Источник: составлено авторами на основе результатов опросов 2017 и 2024 годов.

Планируемое количество детей в семье предопределяется не только жилищными условиями, но и паттернами, которые формируются в семье индивида. Немаловажное значение имеет количество детей в родительской семье. Именно поэтому респондентам задавался вопрос «Сколько детей было в семье ваших родителей?»: оказалось, что 17,5% — из семьи с одним ребёнком, 58,4% — с двумя детьми, 14,2% — с тремя, 5,3% — с четырьмя и 4,6% респон-

дентов из семьи с 5-тью и более. Это предопределяет и желаемое (планируемое) количество детей в собственной семье (см. рис. 4). 58,3% опрошенных в 2024 г. (56,5% в 2017 г.) хотели бы иметь 2-х детей в своей семье. На 5,0 п.п. сократилось желающих быть однодетной семьёй (17,0% в 2024 г.). На 1,2 п.п. меньше стало трёхдетных (16,6% в 2024 г.). Увеличилось количество желающих (на 3,7 п.п.) иметь в собственной семье более 4 детей (5,7% в 2024 г.) (рис. 4а).

Если оценить «ориентацию» на многодетность, то почти четверть (24,7%) опрошенных в 2024 г. хотят, чтобы в их семьях было более 2-х детей, в 2017 г. — желающих было меньше на 3,3 п.п. (рис. 4б).

Выявленная положительная тенденция в желании стать многодетными, была отдельно проанализирована на основе системы запросов к первичным данным для установления корреляции между ответами на вопросы

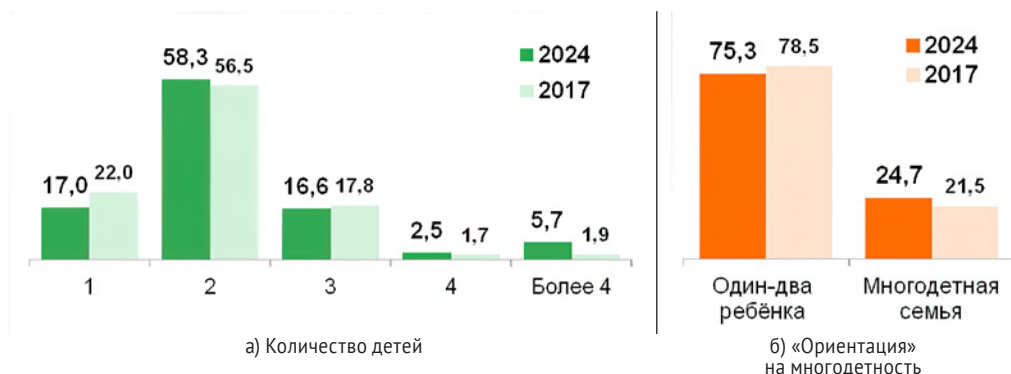

Рис. 4. Результаты ответов респондентов на вопрос «Сколько детей Вы бы хотели иметь в своей семье?», %

Fig. 4. Results of the respondents' answers to the question «How many children would you like to have in your family?», %

Источник: составлено авторами на основе результатов опросов 2017 и 2024 годов.

«о желаемом количестве детей» и «сколько детей было в семье ваших родителей» (с учётом двух срезов). Данное сопоставление позволило выявить следующую корреляцию: 57,3% респондентов у родителей, которых в семье было 1–2 ребёнка, хотят иметь 2 детей в своей семье и почти пятая часть (22%) — одного (рис. 5а)). 3,6% опрошенных из данной категории планируют иметь 5 и более детей (1,5% — четыре ребёнка, 15,5% — трёх).

Таким образом 20,7% из данной когорты ориентирована на многодетность. Молодые люди из многодетных семей в большей степени ориентированы в будущем стать многодетными (38%). Среди них желающих / планирующих рождение одного ребёнка в семье составляет 47,8%, двух — 14,2%, что на 9,6 п. и 7,8 п. соответственно ниже, чем у респондентов из семей с 1–2 детьми (см. рис. 5б)).

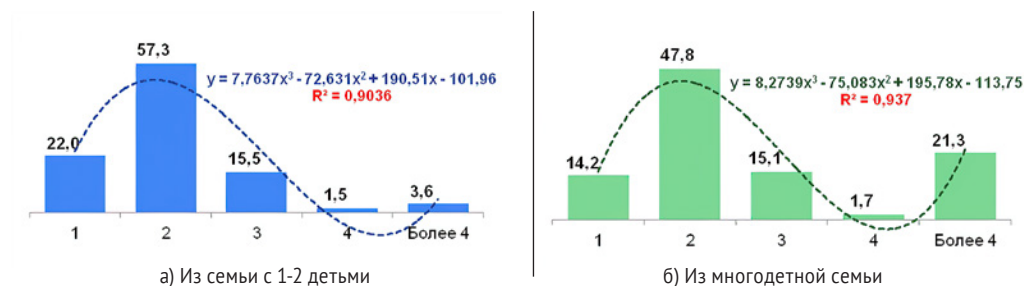

Рис. 5. Корреляция между ответами респондентов о «желаемом количестве детей» и «сколько детей было в семье родителей»

Fig. 5. Correlation between respondents' answers about the «desired number of children» and «how many children were in the parents' family»

Примечание: пунктиром показана линия тренда (полиномиальная аппроксимация третьей степени).

Источник: построено авторами на основе результатов опросов 2017 и 2024 годов.

Построенные линии тренда с использованием «Метода наименьших квадратов» и «Полиномиальной аппроксимации третьей степени» доказали тесноту взаимосвязи между выбранными переменными. Для респондентов из семей, где было 1–2 ребёнка коэффициент корреляции $R^2 = 0,9036$ (функция $y = 7,7637x^3 - 72,631x^2 + 190,51x - 101,96$). Для опрошенных из многодетных семей $R^2 = 0,9370$ (функция $y = 8,2739x^3 - 75,083x^2 + 195,78x - 113,75$) (см. рис. 5). Следовательно, можно констатировать, что существует достаточно сильная зависимость между родительскими семейными паттернами и «желаемым» количеством детей в будущем.

Обсуждение и выводы

Параметры института семьи, а также семейные паттерны молодёжи влияют на выполняемые ими функции. Именно поэтому так важно понимать и регулировать трансформации, происходящие в брачно-семейной сфере [15]. Необходимо чётко представлять и осуществлять градацию современных семейных ценностей. Для апробации предлагаемой методики были произведены расчёты по статистическим данным ЦФО. Выделенные агрегированные показатели и результаты анализа первичной информации (опроса респондентов) целесообразно сопоставить с результатами исследования, проведённого ВЦИОМ 23 января 2024 г. на тему «Семья как ценность»⁵. Согласно полученным результатам, для большинства (в 2024 г. 67%, 2023–68%) «идеальная семья» должна быть многодетной, где уделяется большое внимание воспитанию детей и передаче традиций. Для 87% опрошенных — это является личной жизненной целью. Преимущество семейных традиций весьма важна для 76%. Исследование ВЦИОМ (30 мая 2024 г.) показало, что ситуация с «нуклеарными семьями» в России постепенно меняется в сторону многодетности: 39% наших сограждан желают иметь трёхдетную семью (десять лет назад таких

было 28%)⁶. Однако ориентация на многодетность характерна для более зрелого поколения. Среди молодёжи 9% — ориентированы на одного ребёнка в семье. Именно поэтому следует особое внимание уделять сохранению приверженности у молодёжи традиционной многодетной модели семьи и семейных традиций. Родительский опыт в большей степени влияет на представления об идеальном количестве детей, что и было доказано авторскими исследованиями и выявлено аналитиками ВЦИОМ (чем больше детей у человека в семье, тем чаще он считает многодетную семью идеальной — отмечают 77% россиян).

Выдвинутая гипотеза исследования подтвердилась как полученными вторичными данными (расчётными значениями в корреляционной матрице прокси-показателей по данным ЦФО), так и первичной информацией (результатами проведённых опросов в 2024 и 2017 гг.). Выявленные тенденции и тренды однозначно показали влияние семейных паттернов на планируемое количество детей в семье, а также на выстраивание брачно-семейных отношений индивида. В конечном итоге все они влияют на демографические показатели, удовлетворённость и качество жизни человека. Именно такие показатели являются основополагающими в оценке эффективности деятельности высших должностных лиц РФ, предложенной Президентом РФ.

Сформированная методика может быть положена в основу метрической оценки (про необходимость которой так много говорится в последнее время) эффективности реализации не только рассматриваемой ОЭДВДП, но и других Национальных проектов, связанных со стратегическими целями развития регионов РФ и предопределяющие необходимость постоянного мониторинга демографических показателей и численности населения. Институты семьи и брака оказывают непосредственное влияние (что было доказано в т.ч. математическим путем) на большинство показате-

⁵ Семья как ценность. — 2024 год // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-kak-cennost> (дата обращения: 20.12.2024).

⁶ Сколько детей нужно для счастья? // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja> (дата обращения: 20.12.2024).

телей, которые предопределяют деторождение. Существует объективная необходимость «популяризации» многодетности в российских семьях (традиционных установок и формирования паттернов в нашем обществе), которая должна быть основой для развития программ роста распространённости модели «благополучной семьи».

Именно в таком направлении видится активизация государственной семейной политики, которая способствовала бы не только повышению внимания к укреплению традиционных ценностей, но и всесторонне поддерживалась государством для процветания общества.

Литература и Интернет-источники

1. *Allport, G. W.* Patterns and grows in personality / G. W. Allport. — New York: Holt, Rinehart and Winston, 1961. — 593 p.
2. *Троцук, И. В.* «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи / И. В. Троцук, А. Д. Парамонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2016. — Т. 16 — № 3. — С. 542–558. EDN: WHFJKB
3. *Rogach, O. V.* Pathologization of behavioral patterns in modern Russian families / O. V. Rogach, E. V. Frolova, T. M. Ryabova // Conflictology. — 2021. — Vol. 16. — No. 2. — P. 141–158. EDN: TDOLMS
4. *Шигашов, Д. Ю.* Семейные паттерны в детерминации виктимного поведения детей и подростков / Д. Ю. Шигашов, Ю. А. Фесенко, В. А. Худик // Коррекционно-педагогическое образование. — 2018. — № 4(16). — С. 28–44. EDN: OFMQSV
5. *Schoeman, S.* Economic Hardship and Family-to-Work Conflict: The Importance of Gender and Work Conditions / S. Schoeman, M. J. Young // Journal of Family and Economic Issues. — 2011. — Vol. 32. — Iss. 1. — P. 46–61. DOI: 10.1007/s10834-010-9206-3
6. *Dallos, A.* Stereotypes in the work-family interface as an obstacle to social change? Evidence from a hungarian vignette study / A. Dallos, J. Kovacs // Journal of Family Issues. — 2021. — Vol. 42 — Iss. 1. — P. 110–135. DOI: 10.1177/0192513X20916835
7. *Markiewicz, K.* Nature of the interactions between work and family satisfaction in women / K. Markiewicz, Z. B. Gas // Acta neuropsychological. — 2020. — Vol. 18 — No. 1. — P. 29–44. DOI: 10.5604/01.3001.0013.9737
8. *Крошкилин, С. В.* Специфика брачно-семейных отношений молодёжи Подмосквья / С. В. Крошкилин, Е. И. Медведева // Проблемы развития территории. — 2018. — № 2(94). — С. 120–140. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.8; EDN: YUKGNU
9. *Ярашева, А. В.* Семейная ипотека как один из инструментов демографической политики / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 177–189. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189; EDN: ITULAQ
10. *Вялышина, А. А.* Отношение студентов к детям и родительству: гендерные и сельско-городские сопоставления / А. А. Вялышина // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 132–146. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146; EDN: BHHXCW
11. *Корчагина, И. И.* Семьи с детьми старшего школьного возраста: потребность в социальной поддержке / И. И. Корчагина, Л. М. Прокофьева // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 153–162. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.12; EDN: LWSALJ
12. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. Том 2. / ИСПН РАН; Научный совет по проблемам гендерных отношений. — Москва : Экономическое образование, 2018. — 216 с. DOI: 10.26653/2017/978-5-7425-0189-3; EDN: AFGHLB
13. *Медведева, Е. И.* Семья как детерминантная основа достижения успешности человека (по результатам проекта «Таганрог») / Е. И. Медведева, С. В. Крошкилин, Т. Г. Авачева // Социальное пространство. — 2024. — Т. 10. — № 3. DOI: 10.15838/sa.2024.3.43.6; EDN: HJXMKJ
14. *Гузанова, А. К.* Стратегии российских домохозяйств по улучшению жилищных условий / А. К. Гузанова // Народонаселение. — 2012. — № 2(56). — С. 062–065. EDN: NWVGRW

15. **Шабунова, А. А.** Современная Российская семья: кризис или эволюция / А. А. Шабунова, О. Н. Калачикова // Социальное пространство. — 2024. — Т. 10. — № 2. DOI: 10.15838 / sa.2024.2.42.2; EDN: UNUZBC
16. **Ростовская, Т. К.** Институциональные ресурсы поддержки и развития института студенческой семьи: региональные аспекты / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, Е. Н. Васильева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2023. — Т. 16. — № 2. — С. 112–126. DOI: 10.15838 / esc.2023.2.86.6; EDN: SXZSYU

Сведения об авторах:

Крошилин Сергей Викторович, к.техн.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: krosh_sergey@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6070-1234; РИНЦ SPIN-код: 8035–9831.

Медведева Елена Ильинична, д.э.н., доцент, главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4200-1047; РИНЦ SPIN-код: 1609–2427.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-16-28

FAMILY PATTERNS IN ACHIEVING PERFORMANCE INDICATORS FOR THE HEADS OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey V. Kroshilin^{1,2*}, Elena I. Medvedeva^{1,2}

¹ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management
of the Moscow Department of Healthcare

(9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)

*E-mail: krosh_sergey@mail.ru

For citation:

Kroshilin S. V., Medvedeva E. I. Family patterns in achieving performance indicators for the heads of constituent entities of the Russian Federation. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 16–28. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-16-28 (in Russ.)

Abstract. The aim of the study was to identify the influence of family patterns on the planned number of children in a family and on building marriage and family relations among young people in order to assess the effectiveness of the activities of senior officials of the Russian Federation. Dominant variables are also fundamental in other development strategies for regions of the Russian Federation. The authors' approach (methodology) is based on the analysis of secondary data sources (statistical socio-economic indicators of the regions of Russia) and primary ones — the authors' survey conducted in 2024 and 2017 based on comparable tools and a quota sample (the first cut in 2017 (N = 1400), the second (pilot) in 2024 (N = 450)). For the possibility of econometric analysis and metric estimation of proxy indicators from the EDDF, they were correlated with statistical markers from ROSSTAT to build a correlation matrix (based on the use of multiple linear regression). This made it possible to identify and determine the level of dependencies that turned out to be «high» and «very high» (the correlation coefficient r is from 0.72 to 0.96) between the selected variables. Analysis of the primary data showed that today it is important for people to preserve the institution of family: more than

half of the respondents (58.1%) consider it «extremely important», and a third (35%) — «important». It was found that the «orientation» towards having many children has a positive trend — almost a quarter (24.7%) of respondents want their families to have more than 2 children. This trend was analyzed based on a query system and identification of a correlation between the answers to the questions «about the desired number of children» and «how many children were in your parents' family» (based on the calculated data from two cross-sections). The constructed trend lines using the «Least squares method» and «Third degree Polynomial approximation» proved the closeness of the relationship. Thus, the relationship between family patterns and the «desired» number of children was confirmed. The developed approach can be used not only in the EDDF, but also in monitoring other National Development Projects, and can also be useful to researchers and managers who deal with demographic problems and assess socio-economic indicators of the development of the regions of the Russian Federation.

Keywords: family patterns, family and satisfaction, demography, birth rate, performance assessment, national goals, socio-economic indicators.

References and Internet sources

1. Allport G. W. *Patterns and Grows in Personality*. Holt, Rinehart and Winston. New York. 1961. 593p.
2. Trotsuk I. V., Paramonova A. D. «Status» instituta sem'i v sovremennom obschestve i semejno-brachnyje tsennosti molodezhi [«Status» of family institution in the contemporary society, and family and marriage values of the youth]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sotsiologija [RUDN Journal of Sociology]*. 2016. Vol. 16. No. 3. P. 542–558. (in Russ.)
3. Rogach O. V., Frolova E. V., Ryabova T. M. Pathologization of behavioral patterns in modern Russian families. *Conflictology*. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 141–158
4. Shigashov D. Yu., Fesenko Yu. A., Khudik V. A. Semejnye patterny v determinatsii viktimnogo povedenija detej i podrostkov [Family patterns in the determination of victim behavior of children and adolescents]. *Korreksionno-pedagogicheskoe obrazovanie [Pedagogic Correction Education Journal]*. 2018. No 4(16). P. 28–44. (in Russ.)
5. Schoeman S., Young M. J. Economic hardship and family-to-work conflict: The importance of gender and work conditions. *Journal of Family and Economic Issues*. 2011. No. 32. Iss. 1. P. 46–61. DOI:10.1007/s10834-010-9206-5
6. Dallos A., Kovacs J. Stereotypes in the work-family interface as an obstacle to social change? Evidence from a Hungarian vignette study. *Journal of Family Issues*. 2021. No. 42. Iss. 1. P. 110–135. DOI: 10.1177/0192513X20916835
7. Markiewicz K., Gas Z. B. Nature of the interactions between work and family satisfaction in women. *Acta Neuropsychological*. 2020. Vol. 18. No. 1. P. 29–44. DOI: 10.5604/01.3001.0013.9737
8. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Spetsifika brachno-semejnykh otnoshenij molodezhi Podmoskov'ja [Specifics of marriage and family relations of the youth of the Moscow region]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]*. 2018. No. 2(94). P. 120–140. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.8 (in Russ.)
9. Yarasheva A. V., Makar S. V. Semejnaja ipoteka kak odin iz instrumentov demograficheskoy politiki [Family mortgage as one of the tools of demographic policy]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 177–189. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189 (in Russ.)
10. Vyalschina A. A. Otnoshenije studentov k detjam i roditel'stvu: gendernye i sel'sko-gorodskie sopostavlenija [Students' attitude to children and parenting: gender and rural-urban comparisons]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 132–146. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146 (in Russ.)
11. Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Sem'i s det'mi starshego shkol'nogo vozrasta: potrebnost' v sotsial'noj podderzhke [Families with high school children: the need for social assistance]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 153–162. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.12 (in Russ.)

12. Nastojascheje i buduscheje sem'i v menjajuschemsja mire [The Present and the Future of Family in the Changing World]. Vol. 2. ISEPN RAN; Nauchnyy sovet po problemam gendernykh otnosheniy [ISESP RAS, Scientific Council on Gender Relations]. Moscow. Ekonomicheskoye obrazovaniye [Economic Education]. 2018. 216 p. DOI: 10.26653/2017/978-5-7425-0189-3 (in Russ.)
13. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V., Avacheva T. G. Sem'ja kak determinantnaja osnova dostizhenija uspehnosti cheloveka (po rezul'tatam proekta «Taganrog») [Family as a determinant basis for achieving human success (based on the results of the Taganrog project)]. Sotsial'noje prostranstvo [Social Area]. 2024. Vol. 10. No. 3. DOI: 10.15838/sa.2024.3.43.6 (in Russ.)
14. Guzanova A. K. Strategii rossijskikh domokhozhajstv po uluchsheniju zhilishnykh uslovij [Strategies of Russian households for improvement of their housing conditions]. Narodonaselenie [Population]. 2012. No. 2(56). P. 62–65 (in Russ.)
15. Shabunova A. A., Kalachikova O. N. Sovremennaja Rossijskaja sem'ja: krizis ili evoljutsija [Modern Russian family: crisis or evolution]. Sotsial'noje prostranstvo [Social Area]. 2024. Vol. 19. No. 2. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.2 (in Russ.)
16. Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Vasilieva E. N. Institutsional'nyje resursy podderzhki i razvitija instituta studencheskoj sem'i: regional'nye aspekty [Institutional resources to support and develop the Institution of student family: regional dimensions]. Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 112–126. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.6 (in Russ.)

Information about the authors:

Kroshilin Sergey Viktorovich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS; Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: krosh_sergey@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6070-1234; Elibrary SPIN-code: 8035–9831.

Medvedeva Elena Ilyinichna, Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS; Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Department of Healthcare of the City of Moscow, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4200-1047; Elibrary SPIN-code: 1609–2427.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-29-41
EDN: WDFTGF

СМЕРТНОСТЬ В ДВУХ КРУПНЕЙШИХ МЕГАПОЛИСАХ РОССИИ

Рябчикова Д. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30–32А)

E-mail: d.sinitzyna@yandex.ru

Для цитирования:

Рябчикова Д. А. Смертность в двух крупнейших мегаполисах России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. -29-41. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-29-41; EDN: WDFTGF

Аннотация. В статье рассматривается процесс смертности в главных мегаполисах России — Москве и Санкт-Петербурге в 1990–2022 гг. на фоне показателей для городского населения страны. Данный период обусловлен наличием доступных данных Росстата, а также возможностью рассмотрения процесса смертности за весь период «постсоветской России». Пристальное внимание уделено показателям детской и подростковой смертности, а также смертности в трудоспособном возрасте и гендерным различиям. Для получения результатов были использованы методы описательной статистики, коэффициенты конкордации Кендалла для оценки согласованности рейтингов смертности по причинам для Москвы, Санкт-Петербурга, России, стандартизованные показатели смертности, а также применен графический метод. Стандартизация показателей смертности проведена на основе Нового Европейского стандарта 2013 года. Результаты исследования показали ключевые сходства и различия в интенсивности и динамике смертности в Москве и Санкт-Петербурге, которые могут служить примерами для дальнейших исследований в области смертности среди других крупных городов и всего городского населения России. Данные выводы могут стать основой для разработки стратегий и мероприятий в области снижения смертности в больших городах России, нацеленных на конкретные возрастные группы. Полученные результаты имеют значение для краткосрочного демографического прогнозирования, планирования здравоохранения и решения социальных проблем, связанных с благополучием жизни в крупных городах. Старение населения усиливает нагрузку на систему здравоохранения и социальную инфраструктуру: в Москве доля пенсионеров выросла в 2001–2022 гг. с 24,3% до 26,9%, в Санкт-Петербурге – с 23,6% до 25,5%.

Ключевые слова: демография, мегаполис, смертность, динамика, стандартизованные коэффициенты смертности, коэффициенты конкордации Кендалла.

Введение

В силу традиций, сложившихся в социалистический период, изучению смертности в нашей стране уделялось меньшее внимание, чем рождаемости. Главной задачей демографов считалось обсуждение позитивных тенденций. Как составляющая естественного прироста населения, смертность в своих количественных описаниях несет важнейшую информацию для оценки здоровья населения и разработки стратегии общественного здравоохранения. Росстат регулярно публикует данные о численности умерших за период с разбивкой по полу, возрасту, месту жительства (город/село), причинам смерти. Опубликованные сведения о структуре смертности могут быть значительно искажены за счет неадекватного заполнения свидетельств о смерти, неправильного кодирования причины смерти, отсутствия возможности при анализе нозологической структуры смертности учитывать наличие мультиморбидной патологии [1].

Наиболее надежные данные о структуре смертности в России, вероятно, представляются в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, численность населения которых составляет не менее 13% населения России, а в совокупности с агломерациями, которые включают в себя примерно 70–100-километровые ареалы, их доля близка к 1/5 населения¹ [2]. Выбор данных городов обусловлен наличием хорошо оснащённых медицинских центров, подготовленных врачебных кадров, развитой патологоанатомической службы [3].

Сравнительный анализ данных о смертности в двух крупнейших городах России, позволяет, с одной стороны, выявить сходные закономерности, а с другой, — определить отличия и высказать предположения об их природе, включая демографические, климатические и социально-экономические факторы, организацию оказания медицинской помощи, а также о качестве системы статистической отчетности.

Важность подобного анализа обусловлена также тем, что в общероссийской статистике не раскрываются особенности структуры причин смертности в крупных городах [3].

Москва и Санкт-Петербург, как крупнейшие мегаполисы России, оказывают значительное влияние на демографические процессы в стране, что подтверждается их ролью в формировании общих тенденций смертности, рождаемости и продолжительности жизни. Высокий уровень жизни в мегаполисах России, доступ к новейшим медицинским технологиям создают модели смертности, отражающие новые национальные тенденции в области здравоохранения и демографии. Жители мегаполисов имеют более комфортные жилища, более развитую социальную инфраструктуру, включая широкий доступ к высококачественному медицинскому обслуживанию и ряду других городских удобств, которые положительно влияют на их общее благополучие. Вместе с тем, жители мегаполисов сталкиваются не только с преимуществами, но и набором негативных аспектов жизни в крупном городе: повышенным воздействием экологических стрессовых факторов, таких как загрязнение воздуха, уровень шума и высокая плотность населения. Эти факторы способствуют повышению рисков для здоровья, на фоне быстро меняющегося образа жизни. Эта двойственность подчёркивает сложность изучения динамики состояния здоровья в городах, где неблагоприятное воздействие на окружающую среду уравнивается преимуществами оказываемых медицинских услуг и уровнем жизни.

Москва и Санкт-Петербург служат образцами медицинского обеспечения населения в России. Санкт-Петербург занимает 1-е место по численности врачей всех специальностей на 10000 человек населения², Москва — 3-е место в рейтинге регионов по этому показателю. Медицинские учреждения городов оснащены по последнему слову техники и используют современные методы лечения, что позволило им

¹ Рассчитано по данным: Численность постоянного городского населения на 1 января 2022 года // Росстат: [сайт]. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 06.08.2023).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. — Москва : Росстат, 2023. — С. 366.

оперативно отреагировать на пандемию COVID-19: Москва и Санкт-Петербург были лидерами в наращивании мощности амбулаторно-поликлинических организаций³ с 2020 года: Московская область +15,7%, Москва +14,1%, Санкт-Петербург +9,2%.

Климато-географическое положение и уровень экономического развития территории играют значимую роль в формировании смертности жителей [4]. Самая низкая смертность за 2022 г. отмечена в республиках Северного Кавказа (общий коэффициент смертности в Ингушетии — 3,4‰, Чеченской — 4,9‰, Дагестане — 5,1‰). Самая высокая смертность — в Северо-Западном федеральном округе (Псковская область — 18,3‰, Республика Карелия — 18,2‰)⁴. В целом в России смертность от всех причин составила в 2022 г. 12,9‰, тогда как в Москве — 9,7‰, а Санкт-Петербурге — 11,6‰. Принимая во внимание международную классификацию⁵ интенсивности смертности, можно заключить, что Москва имеет низкий уровень смертности (до 10‰), а Санкт-Петербург относится к группе территорий со средним уровнем смертности.

Целью данного исследования является выявление и объяснение различий в показателях смертности между Москвой и Санкт-Петербургом на основе комплексного анализа возрастных, гендерных и причинных структур смертности, включая младенческую, детскую, подростковую и смертность в трудоспособном возрасте, а также различия в ожидаемой продолжительности предстоящей жизни. Актуальность данного исследования заключается не только в его потенциале для выяснения различий в показателях смертности в столичных городах,

но и в его способности дать примеры для снижения уровня смертности всего городского населения России.

В первую очередь рассмотрим динамику общего коэффициента смертности в мегаполисах и по России в целом за 1990–2022 гг. (рис. 1). Рост показателей смертности в Москве и Санкт-Петербурге в начале 1990-х гг. достиг пика в 1993–1994 гг., за которым последовало постепенное снижение и новый всплеск в период пандемии. Активный рост смертности в начале 1990-х гг. соответствует социально-экономическим потрясениям после распада СССР. Этот период был отмечен социальной нестабильностью и сокращением доступности медицинской помощи. Рост смертности в переходный период был обусловлен резким снижением уровня жизни граждан, а также возрастанием потребления алкоголя. С течением времени, приверженность россиян алкоголю не только не уменьшилась, но в определенной мере продолжала расти [6], примером чего выступает Москва: средний прирост смертности по причине случайного отравления алкоголем с 2000 по 2022 г. составил почти 1%⁶. Пиковые значения общей смертности отмечаются в двух периодах: 1993–1994 гг. (14,9‰ в России, 16,9‰ в Москве и 17,4‰ в Санкт-Петербурге) и 2001–2003 гг. (15,7‰, 13,2‰ и 16,7‰, соответственно).

С 2004 по 2019 гг. уровень смертности в целом снижался во всех субъектах РФ. К 2019 г. уровень смертности был самым низким: 9,2‰ в Москве, 11,8‰ в Санкт-Петербурге и 11,8‰ в России. Однако пандемия COVID-19 вызвала всплеск показателей смертности с пиковыми значениями в 2021 г.: 16,4‰ в России, 15,0‰ в Москве и 13,0‰ в Санкт-Петербурге. Москва демонстрировала более низкие показатели смертности по сравнению со средними по стране. Быстрое восстановление города после COVID-19 по сравнению с другими регионами подчёркивает устойчивость и развитость инфраструктуры здравоохранения столицы. Показатели смертности в Санкт-

³ Мощность амбулаторно-поликлинических организаций (число посещений в смену) — это пропускная способность учреждения с сохранением санитарно-эпидемиологического режима. Рассчитано по данным Росстата: Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, всего, тыс. посещений в смену, 2020, 2022 г.

⁴ Смертность от всех причин, случаев на 1000 населения // Росстат: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43516> (дата обращения: 16.08.2024).

⁵ Низкий уровень смертности <10‰, средний уровень смертности 10–15‰, высокий уровень смертности 15–25‰, очень высокий уровень смертности >25‰ [5].

⁶ Рассчитано автором по данным «Приверженность алкоголю в России: социальные различия и тенденции в 1990-е и 2000-е гг.». — URL <https://www.fedstat.ru/indicator/31620> (дата обращения: 16.08.2024).

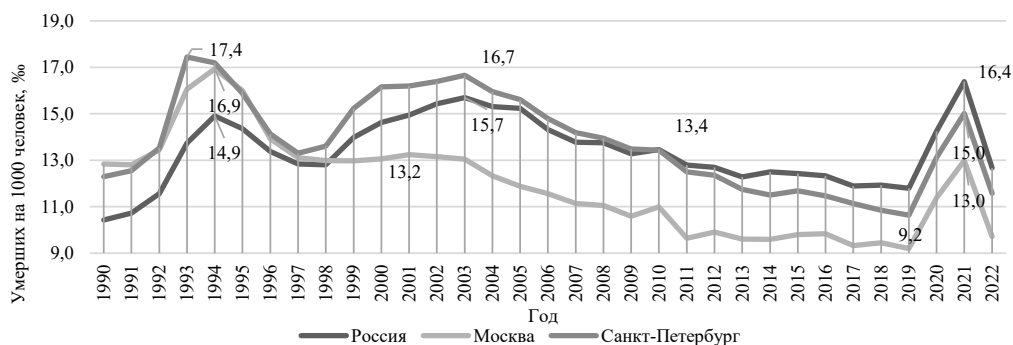

Рис. 1. Динамика общего коэффициента смертности за 1990–2022 годы

Fig. 1. Dynamics of crude death rate in 1990–2022

Источник: ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33537> (дата обращения: 16.08.2024).

Петербурге тесно связаны с общенациональными тенденциями, тогда как показатели Москвы лучше общероссийских, хотя пик смертности 1994 г. в Москве был выше среднего по стране.

Интерпретация общего показателя смертности зависит от возрастной структуры населения, особенностей младенческой, детской и подростковой смертности (табл. 1), а также смертности в трудоспособном возрасте. Сокращение младенческой и детской смертности — одна из Целей устойчивого развития ООН⁷. Россия имеет хорошие позиции по этим показателям. Вдобавок, Россия с 2012 г. перешла

на новые критерии живорождения: согласно рекомендациям ВОЗ, медики обязаны бороться за жизнь младенцев с весом от 500 граммов при сроке беременности 22 недели (в советской медицине критические значения были — не менее 1 кг и 28 недель внутриутробного развития).

В показателях младенческой смертности наблюдается наибольший отрыв столичных городов от российских показателей. И в Москве, и в Санкт-Петербурге, младенческая смертность ниже из-за наличия высококвалифицированных врачей, услуги которых доступны женщинам как платно, так и бесплатно с полисом ОМС. Пока-

Таблица 1

Возрастные коэффициенты младенческой, детской, подростковой смертности за 2022 г. в Москве, Санкт-Петербурге и России

Table 1

Age-specific infant, child, and adolescent mortality rates for 2022 in Moscow, St. Petersburg, Russia

Территория	Младенческая смертность (до 1 года), ‰	Детская смертность (1–4 года), ‰	Детская смертность (5–9 лет), ‰	Подростковая смертность (15–19 лет), ‰
Москва	3,5	0,3	0,2	0,5
Санкт-Петербург	3,6	0,2	0,1	0,5
Россия	4,3	0,3	0,1	0,5

Источник: ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30974> (дата обращения: 16.08.2024).

⁷ Levels & trends in child mortality: report 2015: estimates / developed by the UN Inter-Agency Group for Child Mortality Estimation, report by UNICEF; WHO; IBRD; UN; UN. Inter-Agency Group for Child Mortality Estimation, 2015. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3968642?v=pdf> (дата обращения: 16.08.2024).

затели смертности в детском и подростковом возрасте находятся на удивительно низком уровне, вероятность умереть в возрасте 5–9 лет близка к нулю. Однако, к подростковому возрасту показатели смерт-

ности возрастают в пять раз. Поэтому особенно важно понять причины смертности в этих возрастах. Лидируют внешние причины смертности в детском и подростковом возрасте: 17,7 умерших на 100000 в России за 2022 год. В данную категорию входят смерти от случайных причин, не связанных с заболеваниями — отравления, гибель в ДТП (8,9 умерших на 100000 в России, 3,5 в Москве, 3,7 в Санкт-Петербурге)⁸, включая самоубийства (только в группе 15–19 лет 4,7‰ в России за 2022 г.).

Далее рассмотрим смертность населения в трудоспособном возрасте (рис. 2), которая является ключевым направлением Национального проекта России «Здравоохранение» 2019 года. Целью проекта служит снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста до 350 случаев на 100 тыс. человек, смертности от болезней системы кровообращения до 450 случаев на 100 тыс. человек, смертности от новообразований до 185 случаев на 100 тыс. человек⁹.

Представленный график обнаруживает

в продолжительности жизни. Циклический характер изменений, когда периоды роста смертности сменялись компенсаторным снижением, очевиден из данных. Последний период показывает стабилизацию снижения смертности, что способствует общему росту продолжительности жизни.

В показателях ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (ОПЖ) мужчин и женщин России наблюдаются значительные различия. За неравномерными и непоследовательными изменениями ожидаемой продолжительности жизни скрываются, в первую очередь, изменения в смертности взрослого населения, то есть населения трудоспособного возраста [7]. Для городского населения в России в 2022 г. ОПЖ мужчин при рождении составляла 67,89 года, женщин — 77,98 года; в Москве — 74,46 и 81,62; в Санкт-Петербурге — 71,42 и 79,44, соответственно. По сравнению с 2000 г. сверхвысокий разрыв в продолжительности жизни женщин и мужчин в России сократился до 10,1 года в 2022 г. против 13,1 лет, в Москве — 7,2 про-

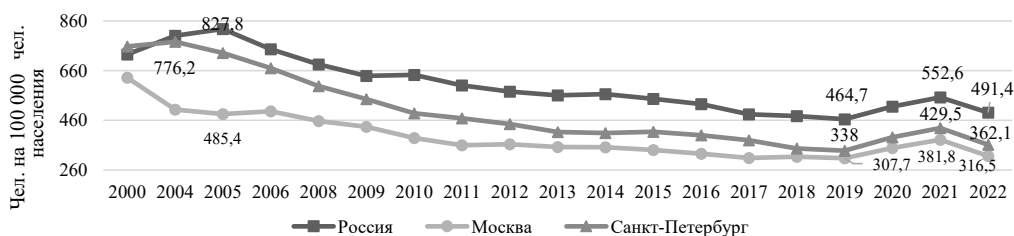

Рис. 2. Смертность в трудоспособном возрасте за 2000–2022 годы

Fig. 2. Mortality rates in working age for 2000–2022

Источник: Статистический сборник «Здравоохранение России 2000–2023». — Москва, Росстат, 2023.

сходство тенденций в снижении смертности населения трудоспособного возраста в России и особенно в мегаполисах с 2000 по 2022 годы. Общность тенденций согласуется с результатами существующих исследований, указывающих на то, что смертность в трудоспособном возрасте влияет на колебания

тив 10,4, а в Санкт-Петербурге — 8,0 против 12,6 (табл. 2). В 2022 г., по данным ВОЗ, «нормальной» разницей в ОПЖ мужчин и женщин считается разница в 5 лет. В ЕС гендерные различия в показателях ОПЖ близки к этой норме (5,5 лет), что вдвое ниже, чем в нашей стране¹⁰. В Санкт-Петербурге и особенно в Москве гендерные различия в ОПЖ проявляются не так сильно, как в городском населении России.

⁸ Смертность от дорожно-транспортных происшествий. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/55380> (дата обращения: 16.08.2024).

⁹ Паспорт национального проекта «Здравоохранение». — URL: <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 16.08.2024).

¹⁰ Демографический ежегодник России, 2021 год — URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm (дата обращения: 16.08.2024).

Таблица 2

ОПЖ в 2000 и 2022 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, России

Table 2

Life expectancy at birth in 2000 and 2022 in Moscow, St. Petersburg, Russia

Территория	2000		2022		2000	2022
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Разрыв в ОПЖ, лет	
Россия	72,5	59,4	77,98	67,89	13,1	10,1
Москва	75,0	64,6	81,62	74,46	10,4	7,2
Санкт-Петербург	73,0	60,4	79,44	71,42	12,6	8,0

Источник: ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 16.08.2024).

Гендерная асимметрия

Общеизвестно, что признаки здоровья и болезни у мужчин и женщин различаются, причем в одинаковых социально-экономических условиях продолжительность жизни женщин выше, чем мужчин. Но женщины чаще, чем мужчины, жалуются на проблемы со здоровьем, и поэтому их жизнь представляется менее здоровой, чем у мужчин. В связи с этим отметим, что, во-первых, большая продолжительность жизни женщин сама по себе является одной из причин более высокого уровня заболеваемости. Во-вторых, женщины чаще, чем мужчины, испытывают нарушения здоровья, связанные с репродуктивной системой. Кроме того, женщины больше, чем мужчины, склонны обращаться за медицинской помощью, включая проявление симптомов душевных расстройств [8].

Москва и Санкт-Петербург, представляя одну и ту же категорию городов, демонстрируют один тип половозрастной структуры населения, но в Санкт-Петербурге старшие возрастные группы представлены в большей мере, чем в Москве (рис. 3). Различия гендерных показателей смертности наблюдаются во всех возрастных группах, включая детей (рис. 4 и 5). Так, в Москве уровень смертности мужчин в возрастной группе 40–44 года составляет 8,2‰, по сравнению с 3,4‰ у женщин; аналогично в Санкт-Петербурге уровень смертности мужчин в той же возрастной группе составляет 8,1‰, а женщин — 3,2‰. В обоих городах показатели смертности в детском и юно-

шеском возрасте (0–19 лет) относительно низкие, с минимальными различиями между полами. Например, в Москве и Санкт-Петербурге показатель смертности мальчиков в возрасте 1–4 лет составляет 0,3‰, что идентично показателю смертности девочек. Гендерные различия в показателях начинают заметно проявляться в раннем взрослом возрасте (20–39 лет), а явный гендерный разрыв в показателях смертности выражен в среднем возрасте (40–64 года) в обоих городах, но в Санкт-Петербурге он более очевиден. Например, в возрастной группе 50–54 лет в Москве уровень смертности среди мужчин составляет 17,1‰ по сравнению с 6,9‰ у женщин. В Санкт-Петербурге разница больше, здесь уровень смертности мужчин в этой возрастной группе составляет 21,5‰ по сравнению с 8,5‰ у женщин, что указывает на повышенную уязвимость мужчин в среднем и старшем возрастах.

По мере старения (65+), уровень смертности в Санкт-Петербурге (167,9‰) значительно выше, чем в Москве, где этот показатель составляет 107,6‰. Опережение Москвы обусловлено высоким уровнем оказанием экстренной медицинской помощи. Одним из примером является развитие центров, которые имеют возможности проведения полного комплекса интенсивной терапии в течение первых суток болезни — от диагностики и до оперативного вмешательства. В Санкт-Петербурге также наблюдается снижение смертности, но уровень медицинского обслуживания в городе остаётся ниже, чем в Москве.

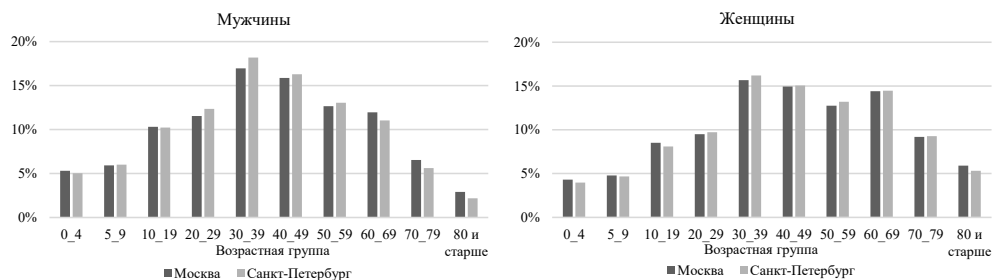

Рис. 3. Структура населения по полу и возрасту в 2022 г. в Москве и Санкт-Петербурге

Fig. 3. Population structure by gender and age in 2022 in Moscow and St. Petersburg

Источник: составлено автором на основе данных статистического бюллетеня «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту, 2023». — Москва : Росстат, 2024. — п. 2.1.18 и п. 2.2.12.

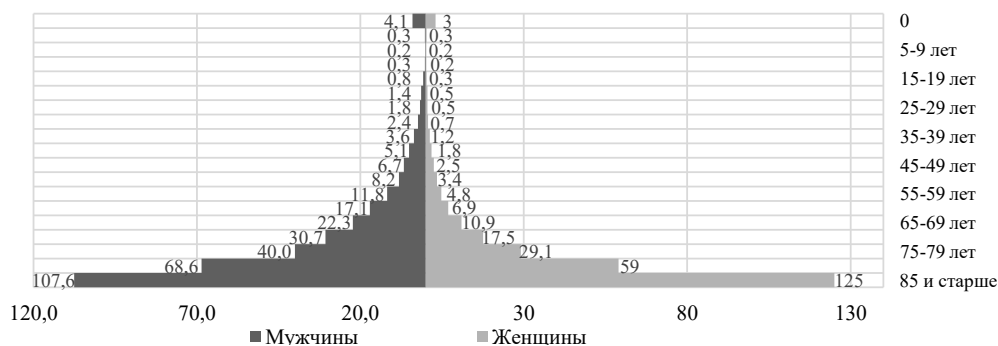

Рис. 4. Возрастные коэффициенты смертности по полу и возрасту в 2022 г., Москва

Fig. 4. Age-specific mortality rates by sex and age in 2022, Moscow

Источник: ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30974> (дата обращения: 16.08.2024).

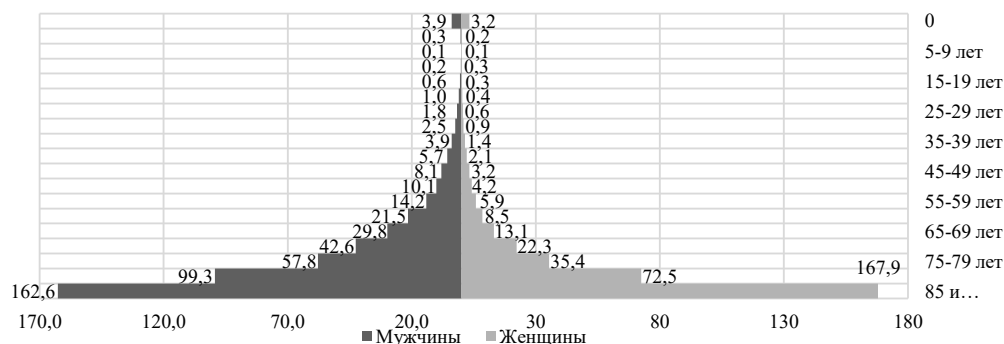

Рис. 5. Возрастные коэффициенты смертности по полу и возрасту в 2022 г., Санкт-Петербург

Fig. 5. Age-specific mortality rates by sex and age in 2022, St. Petersburg

Источник: ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30974> (дата обращения: 16.08.2024).

Смертность по основным причинам

В табл. 3 представлены показатели смертности в России, Москве и Санкт-Петербурге с 2000 по 2022 гг. в разрезе основных причин смерти населения. Несмотря на снижение общих показателей смертности, заболевания системы кровообращения остаются основной причиной смерти во всех регионах в течение всего 22-летнего периода. Ли-

дирующие позиции как для России в целом, так и для мегаполисов Москвы и Санкт-Петербурга сохраняют причины смерти от ишемической болезни сердца, онкологии, cerebrovascularных болезней и внешних причин смерти. На фоне общего снижения смертности по причинам смерти, выделяется рост смертности от болезней органов пищеварения.

Таблица 3

Численность умерших по основным причинам в 2000 и 2022 гг. (с учётом рейтинга причины) в Москве, Санкт-Петербурге, России, тыс. человек

Table 3

Number of deaths due to main causes in 2000 and 2022 (taking into account the rating of the reason) in Moscow, St. Petersburg, Russia, thousand people

Причина смерти	Умерших по основным причинам, тыс. человек											
	Россия				Москва				Санкт-Петербург			
	Год / Ранг		Год / Ранг		Год / Ранг		Год / Ранг		Год / Ранг		Год / Ранг	
	2000	№	2022	№	2000	№	2022	№	2000	№	2022	№
Болезни системы кровообращения	856,7	1	615,1	1	75,1	1	58,2	1	44,7	1	30,6	1
Ишемическая болезнь сердца	395,7	2	335,6	2	42	2	26,6	2	23,5	2	19,9	2
Новообразования	224,1	5	213,4	3	23,5	4	24,3	4	13,2	4	11,7	3
Цереброваскулярные болезни	339,7	3	186,6	4	24,6	3	25,9	3	16,1	3	6,1	4
внешние причины	228,2	4	101,8	5	13,3	5	7,2	5	9,1	5	3,2	5
Болезни органов пищеварения	49,3	7	76,3	6	4,4	6	4,5	6	2,4	7	2,6	6
Болезни органов дыхания	64,8	6	55,1	7	3,9	7	1,8	7	2,8	6	1,9	7
Инфекционные и паразитарные болезни	26,5	12	20,1	8	1,4	9	1,3	8	1,2	10	0,8	8
Транспортные несчастные случаи	27,7	10	9,9	9	2,4	8	0,6	9	1,3	8	0,3	9
Самоубийство	36,1	8	8,1	10	1,2	10	0,2	11	0,9	11	0,3	9
Случайные отравления алкоголем	26,9	11	6,1	11	0,5	12	0,6	9	1,3	8	0,2	11
Убийство	30,7	9	3,6	12	1,2	10	0,2	11	0,9	11	0,1	12

Источник: ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31620> (дата обращения: 16.08.2024).

Для оценки согласованности рейтингов для России, Москвы и Санкт-Петербурга были рассчитаны коэффициенты конкордации Кендалла, которые возросли с 0,941 в 2000 г. до 0,984 в 2022 году. Данные показатели значимы по критерию согласия Пирсона при уровне значимости $\alpha = 0,05$.

Поскольку конкордации находятся в промежуток от 0 до 1, то полученные значения указывают на высочайшую согласованность и однородность в смертности по основным причинам в столичных городах и России в целом. Примечательно, что за 22 года, показатель стал еще выше, сти-

рая границы структурных различий между причинами смерти, что связано с улучшением медицинского обеспечения по всей стране.

Остановимся на самоубийствах, показатели которых во многих странах занижены из-за социальной стигматизации¹¹. Хотя женщины, согласно данным опросов, более склонны к суицидальным мыслям, показатели самоубийств выше среди мужчин, что характеризуется как «тихая эпидемия» [8]. В 2021 г. коэффициент смертности от самоубийств среди мужчин составил 12,3 на 100 тыс. человек, что вдвое превышает показатель среди женщин (5,9 на 100 тыс. человек)¹². Среди городского населения: 16,9 на 100 тыс. для мужчин и 2,9 для женщин (2022). Важно отметить, что у мужчин превышение среднего значения начинается уже с 25 лет, а к 80 годам достигает 40,8 умерших на 100 тыс. населения. В работе Е. А. Розанов, исследуя смертность от самоубийств в 2016–2021 гг., отмечает, что в Санкт-Петербурге суицидальная смертность выше (в среднем — в 3,28 раза) как среди мужчин (в 3,53 раза), так и среди женщин (в 2,84 раза) [9].

Для сравнительного анализа смертности общий коэффициент смертности часто недостаточен, поскольку он может быть искажен различиями в возрастной структуре населения. Стандартизированные коэффициенты смертности (КСК) решают эту проблему, корректируя эти различия, что позволяет выявлять влияние на общие различия в коэффициенте смертности самой смертности в разных возрастных группах и различий в возрастной структуре населения сравниваемых объектов. КСК особенно полезны для анализа смертности по конкретным причинам, поскольку они объединяют стандартизированные коэффициенты по каждой причине в комплексную

меру. Данные рассчитаны Росстатом¹³ с использованием метода прямой стандартизации на основе европейского стандарта ВОЗ. В табл. 4 представлены КСК по основным причинам смерти в России, Москве и Санкт-Петербурге за 2022 год. Очевидны значительные региональные различия: в Москве зафиксированы самые низкие общие КСК как среди мужчин, так и среди женщин, особенно по сердечно-сосудистым заболеваниям и внешним причинам. Используя новый европейский стандарт 2013 г., разработанный ВОЗ, были рассчитаны изменения КСК с 2012 по 2022 гг. (табл. 5). Обращаясь к общим коэффициентам смертности (рис. 2), можно заметить, что смертность в Москве равномерно ниже, чем в Санкт-Петербурге.

Заключение

За период с 1990–2022 гг. Москва и Санкт-Петербург имели три пика высокой смертности вследствие социальной нестабильности в 1993–1994 гг. и 2001–2003 гг., а также аномального скачка смертности в период пандемии COVID-19 в 2020–2021 годах. Москва переносила все трудности легче, чем Санкт-Петербург.

Возрастная и половая структуры населения Москвы и Санкт-Петербурга почти одинаковы. Два мегаполиса показывают положительные результаты по сокращению младенческой и детской смертности. Показатели ОПЖ подтвердили сильные различия между мужчинами и женщинами в обоих городах: в Москве разница за 2022 г. составила 7,2 года, а в Санкт-Петербурге 8,0 лет, когда по данным ВОЗ «нормальной разницей» считается 5 лет. Самые большие отличия замечены в смертности по полу: явный гендерный разрыв в показателях смертности более выражен в среднем возрасте (40–64 года) в обоих городах (возрастные коэффициенты смертности составили в Москве 48,9

¹¹ Saloni Dattani, Lucas Rodés-Guirao, Hannah Ritchie, Max Roser and Esteban Ortiz-Ospina (2023) – «Suicides» Published online at OurWorldInData.org. – URL: <https://ourworldindata.org/suicide> (дата обращения: 20.08.2024).

¹² World health statistics 2024: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240094703> (дата обращения: 20.08.2024).

¹³ Из методических пояснений Росстата: «Стандартизированные коэффициенты смертности – стандартизованные по возрасту прямым способом, т.е. полученные для каждого класса причин смерти как средняя арифметическая из показателей для пятилетних возрастных групп, взвешенная по единой возрастной структуре. Для расчета принят Европейский стандарт возрастной структуры.»

Таблица 4

СКС по основным классам причин смерти, в России, Москве, Санкт-Петербурге за 2022 г. (число умерших на 100000 человек населения)

Table 4

Standardized mortality rates by main classes of causes of death in Russia, Moscow, St. Petersburg for 2022 (number of deaths per 100,000 population)

Причина смерти	Мужчины		
	Россия	Москва	Санкт-Петербург
От всех причин	1351,4	814,4	1064,6
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	22,9	11,6	17,2
Новообразования	203,0	153,3	185,0
Болезни системы кровообращения	552,5	320,4	465,4
Болезни органов дыхания	72,0	15,1	39,1
Болезни органов пищеварения	75,8	32,8	46,9
Внешние причины смерти	160,6	80,1	84,9
Женщины			
От всех причин	701,2	486,5	607,1
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	10,3	6,0	9,0
Новообразования	109,5	107,2	123,8
Болезни системы кровообращения	306,4	216,7	278,7
Болезни органов дыхания.	23,5	5,7	15,1
Болезни органов пищеварения	41,5	19,6	25,5
Внешние причины смерти	31,7	19,3	20,7

Источник: Демографический ежегодник России, 2023 — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 16.08.2024).

Таблица 5

Сравнение СКС для мужчин и женщин в Москве и Санкт-Петербурге без учёта причин смерти в 2012 и 2022 годах

Table 5

Comparison of standardized mortality rates for men and women in Moscow and St. Petersburg, excluding causes of death in 2012 and 2022

Регион	Новый европейский стандарт (2013 г.)	
	2012	2022
Санкт-Петербург	14,73	13,44
Москва	12,13	10,50

Источник: ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30974> (дата обращения: 16.08.2024).

умерших на 1000 для мужчин, 19,4 для женщин, а в Санкт-Петербурге 59,6 и 23,9, соответственно).

Старение населения усиливает нагрузку на систему здравоохранения и социальную инфраструктуру. В Москве доля пенсионеров выросла в 2001–2022 гг. с 24,3%

до 26,9%, в Санкт-Петербурге — с 23,6% до 25,5%. Старшее население требует не только медицинской, но и социальной адаптации среды — транспорта, жилой инфраструктуры, общественных пространств.

Литература и Интернет-источники

1. **Школьников В. М.** Рост продолжительности жизни в России 2000-х годов / В. М. Школьников, Е. М. Андреев, М. Макки, Д. А. Леон // Демографическое обозрение. — 2014. — Т. 1. — № 2. — С. 5–37. DOI: 10.17323/demreview.v1i2.1815; EDN: TLMJFN
2. **Синицына, Д. А.** Рождаемость в двух столичных городах России / Д. А. Синицына // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 125–137. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-125-137; EDN: QOLQIW
3. **Семенов, В. Ю.** Сравнительный анализ смертности населения в Москве и Санкт-Петербурге в 2015 г. / В. Ю. Семенов, И. В. Самородская, С. А. Бойцов // Профилактическая медицина. — 2017. — Т. 20. — № 4. — С. 18–25. DOI: 10.17116/profmed201720418-25; EDN: ZMQSEJ
4. **Иванова, А. Е.** Различия смертности в городах-миллионниках России / А. Е. Иванова, К. Е. Лопиков // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения). — Москва : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. — С. 288–290.
5. **Елисеева, И. И.** Демография / И. И. Елисеева, М. П. Декина. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. — 86 с. EDN: TLNEHC
6. **Озерова, О. В.** Приверженность алкоголю в России: социальные различия и тенденции в 1990-е и 2000-е гг. / О. В. Озерова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. 19. — № 1. — С. 194–208. EDN: VVCCDZ
7. **Шур, А. Е.** Смертность трудоспособного населения России в начале XXI века: есть ли повод для оптимизма? / А. Е. Шур, В. В. Соколова, С. А. Тимонин // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 4–51. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18807; EDN: NIUBUB
8. **Bilsker, D.** The silent epidemic of male suicide / D. Bilsker, J. White // BCMJ. — 2011. — Vol. 53. — No. 10. — P. 529–534.
9. **Розанов, В. А.** Суицидологическая характеристика Москвы и Санкт-Петербурга в контексте пандемии / В. А. Розанов, Н. В. Семенова, А. Я. Вукс [и др.] // Экология человека. — 2022. — № 4. — С. 241–252. DOI: 10.17816/humeco99722; EDN: LACYNR

Сведения об авторе:

Рябчикова Дарья Анатольевна, аспирантка Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: d.sinitzyna@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-9423-237X; РИНЦ SPIN-код: 2081-0611.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-29-41

MORTALITY IN TWO CAPITAL CITIES OF RUSSIA

Daria A. Ryabchikova

Saint Petersburg State University of Economics
(30–32 A, Canal Griboedov emb., St. Petersburg, Russia, 191023)

E-mail: d.sinitzyna@yandex.ru

For citation:

Ryabchikova D. A. Mortality in two capital cities of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 29–41. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-29-41 (in Russ.)

Abstract. *The article examines mortality trends in Russia's largest cities, Moscow and St. Petersburg, from 1990 to 2022, in the context of overall urban population data for Russia. This period was chosen due to availability of Rosstat data and the opportunity to analyze mortality across the entire «post-Soviet Russia» era. The study pays particular attention to child and adolescent mortality, working-age mortality, and gender differences. There were used methods of descriptive statistics, Kendall's concordance coefficients to assess consistency in mortality ratings by cause for Moscow, St. Petersburg, and Russia as a whole, standardized mortality rates, and graphical analysis. Mortality rates were standardized according to the 2013 New European Standard. The study results show key similarities and differences in mortality intensity and dynamics between Moscow and St. Petersburg. They not only highlight differences in mortality rates between the two cities but also provide a foundation for further research on mortality in other large cities and urban populations across Russia. The conclusions can be used in developing strategies and measures aimed at reducing mortality in major Russian cities, with a focus on specific age groups. Additionally, the findings are of significance for short-term demographic forecasting, healthcare planning, and addressing social challenges related to urban well-being.*

Keywords: *demography, metropolis, mortality, dynamics, standardized mortality rates, Kendall concordance rates.*

References and Internet sources

1. Shkolnikov V. M., Andreev E. M., Mackey M., Leon D. A. Rost prodolzhitel'nosti zhizni v Rossii 2000-kh godov [Rising life expectancy in Russia of the 2000s]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2014. Vol. 1. No. 2. P. 5–37. DOI: 10.17323/demreview.v1i2.1815 (in Russ.)
2. Sinitsyna D. A. Rozhdayemost' v dvukh stolichnykh gorodakh Rossii [Fertility in two capital cities of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 125–137. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-125-137 (in Russ.)
3. Semenov V. Yu., Samorodskaya I. V., Boytsov S. A. Sravnitel'nyy analiz smertnosti naseleniya v Moskve i Sankt-Peterburge v 2015 g. [A comparative analysis of mortality in Moscow and Saint Petersburg in 2015]. *Profilakticheskaya meditsina [Russian Journal of Preventive Medicine]*. 2017. Vol. 20. No. 4. P. 18–25. — DOI 10.17116/profmed201720418–25 (in Russ.)
4. Ivanova A. E., Lopakov K. E. Razlichiya smertnosti v gorodakh-millionnikakh Rossii [Differences in mortality in million-plus cities in Russia]. *Demograficheskoye obrazovaniye i izucheniye narodonaseleniya v universitetakh (k 50-letiyu kafedry narodonaseleniya) [Demographic Education and Population Study at Universities (on the 50th anniversary of the Department of Population)]*. Moscow. Ekonomicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova [Lomonosov Moscow State University]. 2017. P. 288–290. (in Russ.)

5. Eliseeva I. I., Dekina M. P. Demografiya [Demography]. Saint Petersburg. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet [Saint Petersburg State University of Economics]. 2021. 86 p. (in Russ.)
6. Ozerova O. V. Priverzhennost' alkogolyu v Rossii: sotsial'nyye razlichiya i tendentsii v 1990-ye i 2000-ye gg. [Alcohol consumption in Russia: social differences and trends in the 1990s and 2000s]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2016. Vol. 19, No. 1. P. 194–208. (in Russ.)
7. Shchur A. E., Sokolova V. V., Timonin S. A. Smertnost' trudosposobnogo naseleniya Rossii v nachale 21 veka: yest' li povod dlya optimizma? [Midlife mortality in Russia at the beginning of the 21st century: is there a reason for optimism?] Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 4–51. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18807 (in Russ.)
8. Bilsker D., White J. The silent epidemic of male suicide. *BC Medical Journal*. 2011. Vol. 53. No. 10. P. 529–534.
9. V. A. Rozanov, Semenova N. V., Vuks A. Ya, et al. Suitsidologicheskaya kharakteristika Moskvyy i Sankt-Peterburga v kontekste pandemii [Suicidological analysis of Moscow and Saint Petersburg in the context of the pandemic]. Ekologiya cheloveka [Human Ecology]. 2022. No. 4. P. 241–252. DOI: 10.17816/humeco99722 (in Russ.)

Information about the author:

Ryabchikova Daria Anatolievna, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail: d.sinitzyna@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-9423-237X; Elibrary SPIN-code: 2081–0611.

Статья поступила в редакцию 02.08.2024, утверждена 28.04.2025., опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56
EDN: VPAIRJ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Гончарова К. С.*, Шеломенцев А. Г.

Югорский государственный университет
(628012, Россия, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16)

*E-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 25-28-00512. — URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00512/>.

Для цитирования:

Гончарова К. С., Шеломенцев А. Г. Трансформация структуры населения северных регионов Западной Сибири: факторы и последствия // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 42-56.
DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56; EDN: VPAIRJ

Аннотация. Традиционно основой развития северных территорий Западной Сибири являлась добыча нефти и газа, что обеспечивало рост населения и строительство инфраструктуры: начало освоения нефтегазовой промышленности в 1960-х гг. и её дальнейшее развитие привело к притоку трудовых ресурсов в автономные (до 1977 г. — национальные) округа Ханты-Мансийский — Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО). Привлекательность данных территорий для рабочей силы из других регионов обуславливалась высокой оплатой труда и предоставляемыми льготами. Однако, в условиях современного снижения объёмов добычи нефти, ключевыми задачами становится сохранение их демографической устойчивости и социального благополучия. Таким образом, целью исследования являлся оценка текущего состояния и перспектив социально-демографического развития муниципальных образований северных регионов Западной Сибири в условиях дальнейшего снижения объёмов добычи нефти и газа. Анализ основывался на данных переписей населения — конца 1980-х гг. (частично для сравнения были использованы данные более ранних Всесоюзных переписей 1959 г. и 1979 г.) — 2021 года. В результате были обоснованы основные этапы развития северных городов ХМАО и ЯНАО, проанализированы изменения в их социально-демографической структуре и миграционных процессах. Установлена преимущественно отрицательная динамика численности населения в рассматриваемых территориях, что приводит к изменению половозрастного состава, характеризующегося усиливающейся динамикой старения населения и ростом удельного веса женщин среди всего населения. Также наблюдается замещение русского населения другими национальными группами (преимущественно из стран Средней Азии). Сделан вывод, что необходима дальнейшая диверсификация экономики исследуемых территорий — создание новых видов экономической деятельности, что позволит сохранить рабочие места и предотвратить дальнейший отток населения. Важную роль в этом процессе играет реализуемая государственная политика, анализ и оценка которой является перспективным направлением дальнейших исследований.

Ключевые слова: социально-демографическая трансформация, вахтовый метод занятости, миграция, территории нового освоения, Западная Сибирь, старение населения.

Рынок труда и миграционная динамика в условиях трансформации экономики северных регионов Западной Сибири

Процесс освоения минерально-сырьевых ресурсов северных территорий Западной Сибири начался в 1960-е гг. и, как отмечает Г. Ю. Колева, к настоящему времени прошёл ряд этапов [1]. Первый этап (1964–1977 гг.) был связан с пробной преимущественно сезонной и фонтанной эксплуатацией нефтяных месторождений и началом промышленной добычи газа. Второй (1977–1989 гг.) характеризовался переходом на механизированную добычу и дальнейшим наращиванием её объёмов, а также созданием производственной базы, в том числе масштабном строительстве объектов инженерной, транспортной, энергетической инфраструктуры и объектов генерирующих мощностей жилищно-гражданского строительства, ориентированных на потребности развития нефтегазовой отрасли. Третий (1990–2000 гг.) сопровождался процессами структурной трансформации, приватизацией добывающих предприятий и стабилизацией добычи нефти и газа. Четвёртый этап (с начала 2000-х гг. по настоящее время) связан с устойчивым снижением объёмов добычи нефти при сохранении лидерства производства природного газа в России, развитии электроэнергетики. Таким образом, развитие нефтегазовой промышленности дало импульс строительству более 20 новых городов, что обеспечивало приток трудовых ресурсов как в сырьевой, так и другие сектора экономики и росту численности населения. Для мигрантов привлекательность северных территорий заключалась в высокой оплате труда и льготах.

Обозначенные этапы отражают процессы развития городов, а также строительство связанной с ними транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, необходимой для освоения месторождений нефти и газа. В этом отношении ХМАО и ЯНАО можно было считать самыми динамично развивающимися регионами в СССР, а позже — и в России. В результате вопросы развития северных

городов постепенно сформировали относительно самостоятельную область исследований, в рамках которой они типологизировались по показателям их социально-экономического развития [2], анализировались вопросы самоуправления [3] и территориального управления [4], были установлены особенности формирования населения [5] и разработаны методические подходы к прогнозированию его численности с учётом динамики объёмов производства и этнического фактора [6]. Помимо этого, развитие городов с начала освоения месторождений нефти и газа непосредственно было связано с привлечением новой рабочей силы. При этом если до середины 1970-х гг. доминировал вахтовый метод, то после — подавляющая часть рабочей силы привлекалась уже на условиях постоянного места жительства.

Основные подходы к анализу миграционных процессов в северных регионах Западной Сибири, как правило, опираются на оценку их роли в социально-экономическом развитии ХМАО и ЯНАО¹. При этом можно выделить следующие направления исследований миграции населения. Так, вахтовый метод привлечения рабочей силы являлся основным с начала 1960-х гг., что обуславливалось высокими темпами освоения месторождений нефти и газа Западной Сибири. Здесь традиционно рассматривались проблемы: социальной и психологической адаптации работников, обусловленные удалённостью от семьи, условиями труда и суровым климатом [7; 8], влияния «вахтового образа жизни» на здоровье и качество жизни населения, занятого в межрегиональной и внутрирегиональной вахте в условиях Крайнего Севера [9; 10]. В ряде исследований анализировалась роль государства в освоении северных территорий, регулировании форм привлечения рабочей силы [11; 12], эффективности государственной социальной политики в отношении жителей северных территорий, работающих вахтовым методом [13].

¹ Мухамедова А. Ж. Роль миграции в демографическом развитии территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Актуальные исследования. — 2023. — № 47-1. — С. 69–72.

Самостоятельные направления исследований составляли вопросы организации труда [14; 15] и защиты прав работников [16], а также межкультурных коммуникации [17; 18] на нефтегазовых предприятиях.

Пик трудовой миграции на Север Западной Сибири как постоянное место жительства пришёлся на 1980-е гг., когда объёмы добычи нефти достигли максимальных объёмов. Однако, вахтовый метод также продолжал являться важным источником рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики, что объяснялось отсутствием в районах освоения местных трудовых ресурсов с необходимым уровнем их квалификации [19]. При этом традиционно считается, что основной мотивацией мигрантов был поиск более высоких заработков на территориях нового освоения, которыми в тот период стали ХМАО и ЯНАО [20]. В результате север Западной Сибири стал местом притяжения мигрантов практически со всех регионов России и бывших советских республик [21; 22]. Целью настоящего исследования являлась оценка текущего состояния и перспектив социально-демографического развития северных регионов Западной Сибири в условиях снижения объёмов добычи нефти и газа. Анализ основывался на данных переписей населения — конца 1980-х гг. (частично для сравнения были использованы данные более ранних Всесоюзных переписей 1959 г. и 1979 г.) — 2021 года.

Результаты

Согласно данным статистики, за последние 20 лет (в 2022 г. к 2002 г.) численность населения в целом по субъектам Федерации — ХМАО и ЯНАО выросла на 20% и 1% соответственно². Однако, этот процесс характеризовался рядом особенностей (табл. 1). Во-первых, преимущественным ростом численности населения в крупных городах (в ос-

новном это города окружного значения), и сокращением в посёлках городского типа (пгт), численность населения в которых, зачастую, не превышает 10 тыс. человек.

Так, в городах ХМАО Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Ханты-Мансийске, Когалыме, Нягани, Мегионе, Лангепасе, Урае и Югорске рост численности, в среднем, составил около 28%, а в городах ЯНАО — Салехарде, Новом Уренгое, Губкинском (пгт) и Тазовском (пгт) — более 37% (в среднем). В то же время, в ХМАО в городе Радужном, пгт Октябрьском, Новоаганске, Пыть-Ях и Покачи сокращение численности населения составило около 5%, а в городе Лянтор, пгт Агириш, Березово, Высокий, Зеленоборск, Игрим, Коммунистический, Кондинское, Куминский, Луговой, Малиновский, Мортка, Пионерский, Пойковский, Таёжный, Талинка — более 23%. В ЯНАО сокращение численности населения в пгт Уренгой и Харп составило, в среднем, более 34%, в городах Муравленко — 19%, Лабитнанги — 7%.

Таким образом, с одной стороны, наблюдается тенденция к агломерированию территории севера Западной Сибири, с другой — к постепенной поляризации уровня её заселённости и частичному обезлюживанию. При этом, если в ХМАО наблюдается положительная устойчивая связь между динамикой численности населения и главными в регионе отраслями экономики, то в ЯНАО такой взаимосвязи не прослеживается (рис. 1). Относительно полученных результатов для ЯНАО, можно предположить, учитывая низкую диверсифицированность его экономики³, влияние на них теневой заня-

² Среднегодовая численность населения. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 1126 с. — С. 46; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2010. — 996 с. — С. 57.

³ Доля добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости региона составляет более 70%, а официально зарегистрированная среднегодовая численность занятых в данном виде деятельности превышает 20%, постепенно увеличиваясь с 70,1 тыс. человек в 2004 г. до 97,4 тыс. человек в 2022 году. Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 2021 году. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности. Труд и занятость в России. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации). — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 30.06.2024).

Таблица 1

**Численность и половая структура населения городов
окружного значения ХМАО и ЯНАО, тыс. человек**

Table 1

The number and sex structure of the population of regional cities
in KhMAO and YaNAO, thousands of persons

Территория	1989			2002			2010			2020		
	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.
ХМАО	1282,4	657,4	625,0	1432,8	712,6	720,2	1532,2	750,8	781,4	1711,5	825,6	885,9
Белоярский	20,5	10,3	10,2	18,7	9,5	9,2	20,3	10,3	10,0	20,0	9,6	10,4
Когалым	44,3	22,8	21,5	55,4	26,9	28,5	58,2	29,2	29,0	61,4	29,7	31,8
Лангепас	25,6	13,2	12,4	37,2	19,0	18,2	41,7	21,0	20,7	42,7	20,7	22,0
Мегион	39,8	20,0	19,8	46,6	22,7	23,8	49,4	24,0	25,5	59,4	28,7	30,8
Нефтеюганск	93,9	47,6	46,3	107,8	53,2	54,6	122,9	60,5	62,3	124,7	58,8	66,0
Нижневартовск	241,5	123,7	117,7	239,0	117,9	121,2	251,7	121,9	129,8	283,3	139,7	143,6
Нягань	54,1	28,8	25,2	52,6	26,0	26,7	54,9	26,7	28,2	63,0	29,9	33,1
Покачи	11,5	5,9	5,6	17,0	8,6	8,4	17,2	8,5	8,7	16,0	7,8	8,2
Пыть-Ях	17,1	8,8	8,3	41,8	20,9	20,9	41,5	20,7	20,8	40,2	19,6	20,5
Радужный	43,7	23,4	20,3	47,1	23,6	23,5	43,4	21,2	22,2	43,6	21,2	22,4
Сургут	247,8	124,4	123,5	285,0	140,0	145,1	306,7	147,4	159,2	396,4	187,6	208,8
Урай	37,2	18,5	18,7	38,9	18,7	20,2	39,5	18,8	20,6	41,3	19,4	21,9
Ханты-Мансийск	34,5	16,9	17,6	54,0	27,2	26,7	80,2	38,7	41,4	107,5	51,2	56,3
Югорск	-	-	-	30,3	14,5	15,8	34,1	16,4	17,7	38,2	17,8	20,5
ЯНАО	494,8	259,2	235,6	507,0	254,9	252,1	522,9	259,0	264,0	510,5	249,0	261,5
Губкинский	9,7	5,5	4,1	20,4	10,0	10,4	23,3	11,5	11,8	33,3	16,7	16,6
Лабытнанги	31,5	16,5	15,0	27,3	13,8	13,5	26,9	13,9	13,0	25,5	12,4	13,1
Муравленко	-	-	-	35,9	18,3	17,6	33,4	16,6	16,8	29,2	14,8	14,4
Надым	52,6	26,6	26,0	45,9	22,4	23,6	46,6	22,5	24,1	46,0	22,2	23,8
Новый Уренгой	93,2	48,7	44,5	94,5	47,4	47,1	104,1	51,3	52,8	107,3	52,5	54,8
Ноябрьск	85,9	44,3	41,5	96,4	47,6	48,8	110,6	54,5	56,1	100,2	47,8	52,4
Салехард	32,3	16,0	16,3	36,8	17,6	19,2	42,5	20,0	22,6	48,0	22,5	25,5

Источник: составлено авторами по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Т. 1. Ч. 1. Табл. 3. Численность наличного населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краёв, областей, районов, городских поселений и сел-райцентров // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php; Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 1; Численность населения России, субъектов РФ в составе федеральных округов, районов, городских поселений, сельских населённых пунктов — районных центров и сельских населённых пунктов с населением 3 тыс. и более человек // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php; Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 1. Численность и размещение населения. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Всероссийская перепись населения 2020 года. — URL: https://72.rosstat.gov.ru/perepis_nas2020 (дата обращения: 09.04.2025).

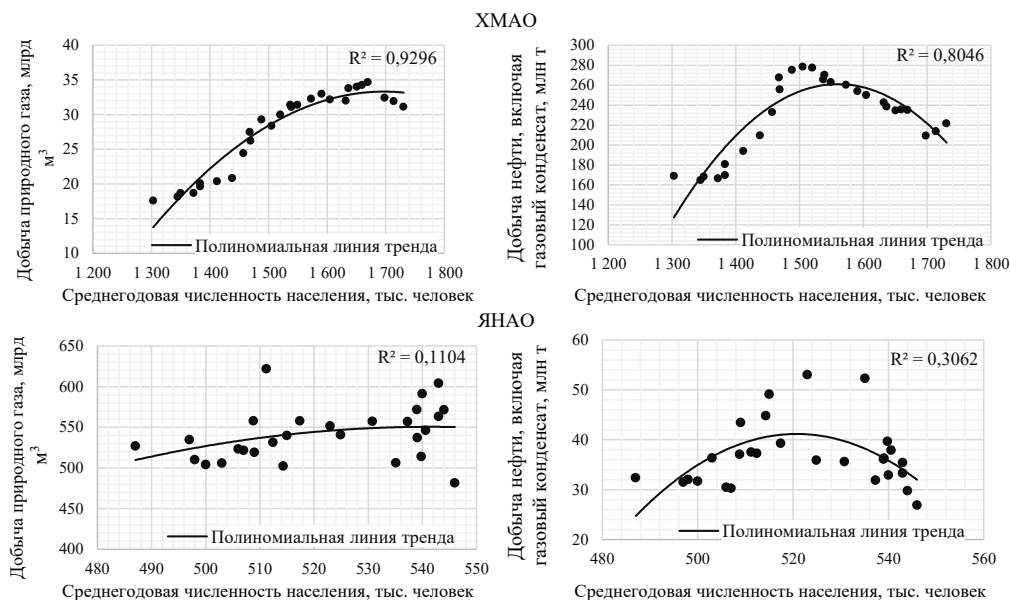

Рис. 1. Сопоставление динамики численности населения ХМАО и ЯНАО с динамикой развития основных видов деятельности их экономической специализации

Fig. 1. Comparison of the population dynamics in KhMAO and YaNAO with the dynamics of the development of the main types of activities in their economic specialization.

Источник. Составлено авторами по: Среднегодовая численность населения. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Р32 Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 1126 с. — С. 46; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Р32 Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2010. — 996 с. — С. 57.

тости (на это также указывают и некоторые исследования⁴).

Второй характерной особенностью динамики численности населения территорий севера Западной Сибири является её гендерное смещение — от регионов с преобладающим населением мужского пола, что было связано с характером работы, в том числе тяжелыми условиями труда, к регионам с преобладающим населением женского пола (рис. 2). Так, если по данным переписи 1989 г. на 1 тыс. мужчин в ХМАО приходилась 951 женщина, а в ЯНАО — 909⁵,

то в 2020 г. — на 1 тыс. мужчин в ХМАО приходилась 1073 женщины, в ЯНАО — 1050⁶.

При этом, общее сокращение численности населения, обусловленное сокращением численности мужчин наблюдалось (табл. 1): в ХМАО: в 2002 г. (к 1989 г.) — в городах Нижневартовске (сокращение численности на 1%, мужчин — на 5%) и Нягани (на 3%, мужчин — на 10%); в 2020 г. (к 2010 г.) — в Белоярском (сокращение численности на 2%, мужчин — на 6%); в ЯНАО: в 2020 г. (к 2010 г.) — в Лабитнанги (сокращение численности на 5%, мужчин — на 11%)⁷. Сокра-

⁴ Руденко Е. Число неформально занятых жителей ЯНАО выросло на 10%. «Теневые» работники очень рискуют, уверены экономисты // «МК Ямал», 12.02.2020. — URL: <https://www.mk-yamal.ru/economics/2020/02/12/chislo-neformalno-zanyatykh-zhiteley-yanao-vyroslo-na-10.html?ysclid=ly1dn5o0k0959680029> (дата обращения: 30.06.2024).

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Т. 2. Табл. 2 — Распределение населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краев

и областей по населению по полу и возрасту // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_89.php?reg=68 (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Итоги ВПН-2020. Т. 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке. Табл. 2. Население по возрастным группам и полу по субъектам РФ / Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno-polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Следует отметить, что до этого, в 2010 г. (к 2002 г.) сокращение численности населения в городе Лабитнанги было

шение численности мужчин при общем росте численности населения было зафиксировано: в ХМАО: в 2010 г. (к 2002 г.) — в Покахи (рост численности на 1%, сокращение числа мужчин — на 2%); в 2020 г. (к 2010 г.) — в Лангепасе (рост численности на 3%, сокращение числа мужчин — на 2%), Нефтеюганске (рост численности на 2%, сокращение числа мужчин — на 3%), Радужном (рост численности на 0,5%, сокращение числа мужчин — на 0,2%); в ЯНАО: в 2002 (к 1989 г.) — в Новом Уренгое (рост численности на 1,3%, сокращение числа мужчин — на 3%).

Рассматриваемая тенденция (гендерное смещение) может обуславливаться большей продолжительностью жизни женщин и, возможно, спецификой их миграционной активности. О последнем косвенно может свидетельствовать возрастная динамика прироста численности населения: число мужчин, родившихся в ХМАО (возраст 0–4 на рис. 2) через 30 лет сократилось на 4% (возраст 30–34 на рис. 2), а число женщин, хоть и не значительно, но возросло — на 0,2%. Также для молодежи 20–24 лет, по прошествии 30 лет число мужчин

выросло на 4%, а женщин — на 22%. Схожая ситуация и в ЯНАО, за исключением того, что в этом автономном округе численность населения по возрастам сокращается сильнее (чем в ХМАО), но процент сокращения численности женщин ниже, чем процент сокращения мужчин.

Третьей особенностью населения ХМАО и ЯНАО является постепенное изменение национального состава населения (табл. 2 и 3).

Так, в ХМАО представляет интерес динамика постепенного замещения русского населения народами Средней Азии, преимущественно таджиками — положительная динамика данной национальной группы наблюдается с начала 1990-х гг., как в абсолютном (численность), так и в относительном (удельный вес) значении. Помимо этого, с 2002 г. наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности населения и удельного веса национальных групп белорусов, коми, немцев, украинцев, а с 2010 г. — башкир. Схожая ситуация наблюдается и в ЯНАО.

Кроме того, на территориях обоих регионов отмечается рост численности коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Так, в ХМАО за последние 30 лет национальная группа ханты выросла на 65%, ман-

обусловлено сокращением числа женщин (сокращение численности населения — на 1,4%, женщин — на 4%).

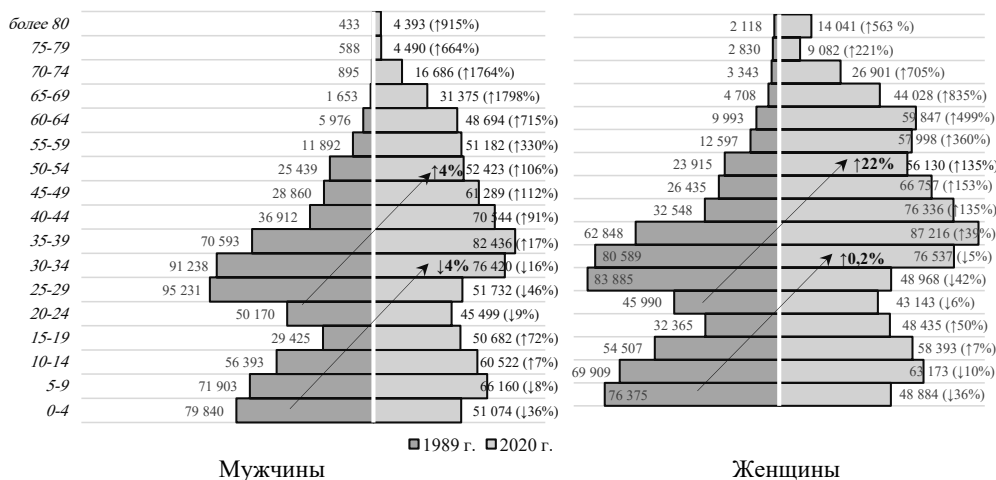

Рис. 2. Половозрастная структура населения ХМАО

Fig. 2. Sex and age structure of the population in KhMAO

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Таблица 2

Изменение национального состава населения ХМАО

Table 2

Changes in the national composition of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra

Национальная группа	Численность населения, тыс. человек						Удельный вес от общей численности, %					
	1959	1979	1989	2002	2010	2020	1959	1979	1989	2002	2010	2020
Русские	89,8	423,0(↑)	850,0(↑)	946,0(↑)	974,0(↑)	888,0(↓)	72,5	74,3(↑)	66,3(↓)	66,1(↓)	63,6(↓)	51,9(↓)
Ханты*	11,4	11,2(↓)	11,9(↑)	17,1(↑)	19,1(↑)	19,6(↑)	9,2	2,0(↓)	0,9(↓)	1,2(↑)	1,2(→)	1,1(↓)
Татары	2,9	36,9(↑)	97,7(↑)	107,0(↑)	108,0(↑)	79,0(↓)	2,4	6,5(↑)	7,6(↑)	7,5(↓)	7,1(↓)	4,7(↓)
Манси*	5,6	6,2(↑)	6,6(↑)	9,9(↑)	11,0(↑)	11,1(↑)	4,6	1,1(↓)	0,5(↓)	0,7(↑)	0,7(→)	0,6(↓)
Украинцы	4,4	45,5(↑)	148,0(↑)	123,0(↓)	91,0(↓)	41,6(↓)	3,5	8,0(↑)	11,6(↑)	8,6(↓)	6,0(↓)	2,4(↓)
Коми	2,8	3,1(↑)	3,4(↑)	3,1(↓)	2,4(↓)	1,6(↓)	2,3	0,5(↓)	0,3(↓)	0,2(↓)	0,2(→)	0,1(↓)
Немцы	2,1	3,5(↑)	8,9(↑)	8,3(↓)	6,8(↓)	3,6(↓)	1,7	0,6(↓)	0,7(↑)	0,6(↓)	0,4(↓)	0,2(↓)
Белорусы	1,3	7,6(↑)	27,8(↑)	20,5(↓)	14,7(↓)	6,2(↓)	1,0	1,3(↑)	2,2(↑)	1,4(↓)	1,0(↓)	0,4(↓)
Ненцы*	0,8	1,0(↑)	1,1(↑)	1,3(↑)	1,4(↑)	1,4(↑)	0,7	0,2(↓)	0,1(↓)	0,1(→)	0,1(→)	0,1(→)
Башкиры	0,1	7,5(↑)	31,2(↑)	35,8(↑)	35,4(↓)	29,7(↓)	0,1	1,3(↑)	2,4(↑)	2,5(↑)	2,3(↓)	1,7(↓)
Таджики	...	0,1	0,6(↑)	5,7(↑)	9,8(↑)	21,8(↑)	...	0,02	0,05(↑)	0,4(↑)	0,6(↑)	1,3(↑)
Азербайджанцы	...	1,3	12,8(↑)	25,1(↑)	26,0(↑)	21,3(↓)	...	0,2	1,0(↑)	1,8(↑)	1,7(↓)	1,2(↓)
Эвенки*	0,00	0,01(↑)	0,03(↑)	0,02(↓)	0,03(↑)	0,02(↓)	0,02	0,01	0,0	0,0	0,0	0,0
Другие	2,7	23,1(↑)	81,5(↑)	115,3(↑)	129,0(↑)	137,0(↑)	2,2	4,1(↑)	6,4(↑)	8,1(↑)	8,4(↑)	8,1(↓)
Не указано	0,00	0,00	0,10(↑)	13,2(↑)	102,0(↑)	447,0(↑)	0,0	0,0	0,0	0,9(↑)	6,7(↑)	26,1(↑)

Примечания: *коренные малые народы Севера; (↑) — прирост численности населения национальной группы; (↓) — сокращение численности населения национальной группы; (→) — отсутствие динамики. Отметим, что ряд исследователей (например**) указывает на спорные результаты ВПН-2020, касающихся национального состава населения субъектов РФ. Однако этот вопрос требует отдельного анализа, в рамках настоящего исследования были использованы данные Росстата (Итоги ВПН-2020. Т. 5.).

Источники: составлено авторами по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=69; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=67; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=65; Итоги ВПН-2020. Т. 5 Национальный состав и владение языками. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 09.04.2025).

** Игнатова О. В России оказалось более 11 процентов граждан «без национальности» // Российская Газета. 2023. — URL: https://rg.ru/2023/02/26/v-rossii-okazalos-bolee-11-procentov-grazhdan-bez-natsionalnosti.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 09.04.2025).

Таблица 3

Изменение национального состава населения ЯНАО

Table 3

Changes in the national composition of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug

Национальная группа	Численность населения, тыс. человек						Удельный вес от общей численности, %					
	1959	1979	1989	2002	2010	2020	1959	1979	1989	2002	2010	2020
Русские	27,8	93,8(†)	292,0(†)	298,0(†)	312,0(†)	253,0(↓)	44,6	59,0(†)	59,2(†)	58,9(↓)	59,7(†)	49,6(↓)
Ханты*	5,5	6,5(†)	7,2(†)	8,8(†)	9,5(†)	10,0(†)	8,9	4,07(↓)	1,46(↓)	1,73(†)	1,81(†)	1,96(†)
Татары	4,0	8,6(†)	26,4(†)	27,7(†)	28,5(†)	18,9(↓)	6,3	5,39(↓)	5,34(↓)	5,47(†)	5,45(↓)	3,70(↓)
Манси*	0,1	0,1(→)	0,2(†)	0,2(→)	0,2(→)	0,1(↓)	0,2	0,07(↓)	0,04(↓)	0,03(↓)	0,03(→)	0,02(↓)
Украинцы	1,9	15,7(†)	85,0(†)	66,1(↓)	49,0(↓)	18,2(↓)	3,1	9,90(†)	17,18(†)	13,03(↓)	9,37(↓)	3,57(↓)
Коми	4,9	5,6(†)	5,7(†)	6,2(↓)	5,1(↓)	3,5(↓)	7,8	3,55(↓)	1,16(↓)	1,22(†)	0,98(↓)	0,68(↓)
Немцы	1,0	1,0(→)	3,2(†)	2,6(↓)	1,8(↓)	1,0(↓)	1,5	0,65(↓)	0,64(↓)	0,51(↓)	0,35(↓)	0,19(↓)
Белорусы	0,4	2,1(†)	12,6(†)	9,0(↓)	6,5(↓)	2,3(↓)	0,6	1,34(†)	2,55(†)	1,77(↓)	1,24(↓)	0,46(↓)
Ненцы*	14,0	17,4(†)	20,9(†)	26,4(†)	29,8(†)	35,9(†)	22,4	10,96(↓)	4,23(↓)	5,21(†)	5,69(†)	7,04(†)
Башкиры	0,0	0,9(†)	6,8(↓)	7,9(†)	8,3(†)	6,1(↓)	0,0	0,55(†)	1,38(†)	1,56(†)	1,59(†)	1,20(↓)
Азербайджанцы	...	0,3	3,4(†)	8,4(†)	9,3(†)	6,7(↓)	...	0,19(†)	0,69(†)	1,65(†)	1,78(†)	1,31(↓)
Селькупы*	1,25	1,61(†)	1,53(↓)	1,80(†)	1,99(†)	2,0(†)	1,01(↓)	0,31(↓)	0,35(†)	0,38(†)	0,39(†)	2,0(↓)
Эвенки*	0,11	0,01(↓)	0,08(†)	0,06(↓)	0,04(↓)	0,03(↓)	0,2	0,01(↓)	0,02(†)	0,01(↓)	0,01(→)	0,01(→)
Другие	1,5	5,2(†)	28,6(†)	37,4(†)	43,6(†)	152,0(†)	2,55	3,37(†)	5,86(†)	8,63(†)	11,67(†)	22,34(†)
Не указано	0,0	0,004(†)	0,041(†)	7,3(†)	17,5(†)	38,5(†)	0,0	0,00(→)	0,00(→)	0,01(†)	0,03(†)	7,53(†)

Примечания: *коренные малые народы Севера; (†) — прирост численности населения национальной группы; (↓) — сокращение численности населения национальной группы; (→) — отсутствие динамики.

Источники: составлено авторами по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=69; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=67; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=65; Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 09.04.2025).

си — на 68%, ненцев — на 27%; в ЯНАО: ханты — на 39%, ненцев — на 72%, селькупов — на 31%. Можно предположить, что большое значение здесь сыграл принятый в 1999 г. закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», так как уже в 2002 г., по сравнению с 1989 г., прирост национальных групп составил в ХМАО: ханты — 44%, манси — 50%, ненцы — 18%; в ЯНАО: ханты — 22%, нен-

цы — 26%, селькупы — 18%. Согласно указанному закону, коренные малочисленные народы, помимо прочих прав, могут претендовать на получение целевой поддержки (в виде материальных и финансовых средств), направленной на их (КМНС) социально-экономическое развитие. Так, Е.Козичев отмечает: «в 2011 г. «Газпром» направил на компенсационные выплаты коренным народам Ямала 765 млн рублей (годом

ранее — 197 млн рублей). <...>. «Варьеган-нефть» в том же году потратила на выплаты народам Севера 6 млн рублей. Эти средства пошли на приобретение снегоходов, лодочных моторов и топлива для местного населения. «Аганнефтегазгеология», ведущая в ХМАО добычу на территориях, которые относятся к родовым угодьям 26 семей, планирует потратить на аналогичные компенсации в 2012 г. 7,5 млн рублей»⁸. Сегодня в ХМАО и ЯНАО функционирует многосторонняя комплексная система поддержки КМНС. Она включает широкий перечень мер, направленных как на социально-демографические (например, единовременные выплаты при рождении ребёнка, помощь многодетным семьям, обеспечение коренного населения лекарственными средствами и другое), так и на экономические (в том числе предоставление материально-технических ресурсов за счёт средств субъекта Федерации для развития традиционных форм хозяйствования и промыслов КМНС) аспекты уровня жизни⁹.

Четвертая особенность роста численности населения ХМАО и ЯНАО — с одной стороны, сохранявшийся до 2013–2014 гг. потенциал естественного прироста населения, с другой — преимущественно положительная динамика миграционного прироста — в ХМАО, в отдельные годы — и в ЯНАО (рис. 3). Отметим, что динамика естественного прироста на территории севера Западной Сибири всегда имела положительные значения, в то время как миграционное сальдо находилось в постоянных

колебаниях в области как положительных, так и отрицательных значений. Так, в период интенсивного освоения региона ключевую роль играла миграция, а в последующий период стабилизации происходит возрастание роли естественного прироста населения, значения которого устойчиво превышают значения миграционного прироста и компенсировали отток населения до настоящего времени. При этом миграционные процессы практически синхронизированы, что указывает на общие причины их динамики. По нашему мнению, основными факторами оттока населения являются: образовательная миграция, поиск работы в регионах с более благоприятными климатическими условиями, выезд за пределы региона после завершения трудовой деятельности.

Выводы

На протяжении более 50 лет демографическое развитие северных территорий Западной Сибири в значительной мере определялось динамикой добычи минерально-сырьевых ресурсов. Так, вахтовый метод был основным способом привлечения рабочей силы в рассматриваемых регионах с начала 1960-х гг., а на 1980-е гг. пришёл пик миграции населения на постоянное место жительства. Однако, после 1990-х годов динамика численности населения стала в меньшей степени зависеть от ведущей для ХМАО и ЯНАО отрасли экономики. Так, если в ХМАО до настоящего времени сохраняется динамика постепенного положительного роста численности населения благодаря миграционному и естественному приросту, то в ЯНАО наблюдается устойчивая тенденция оттока населения, связанная с его низким естественным и миграционным приростом — регион уже не является таким привлекательным для постоянного проживания.

Помимо этого, слабая и отрицательная динамика прироста численности сказывается и на изменении половозрастного состава — в обоих субъектах РФ он смещается в сторону старения населения и с пре-

⁸ Козичев Е. Льготы для коренных малочисленных народов в России // Коммерсантъ Власть, 11.06.2012. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1954808> (дата обращения: 18.07.2024).

⁹ Коренные малочисленные народы. Государственная поддержка: Коренные малочисленные народы Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — URL: <https://kmns.admhmao.ru/gosudarstvennaya-podderzhka/> (; Для представителей коренных малочисленных народов Севера введут новые меры поддержки. Официальный сайт Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. — URL: [https://yanao.ru/press-tsentr/novosti/dlya-predstaviteley-korennykh-malochislennykh-narodov-severa-vvedut-novye-mery-podderzhki-;](https://yanao.ru/press-tsentr/novosti/dlya-predstaviteley-korennykh-malochislennykh-narodov-severa-vvedut-novye-mery-podderzhki-/) Тихонова Н. Ямал и Югра расширили меры поддержки тундровиков // Российская газета — экономика УрФО. 2024. № 9465. — URL: https://rg.ru/2024/10/03/reg-urfo/olenevody-poprosili-podniat-ceny.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 08.04.2025).

Рис. 3. Естественный и миграционный прирост населения

Fig. 3. Natural and migration population growth

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

обладанием женщин. Также наблюдается постепенное замещение русского населения народами Средней Азии. Исследование показало, что для обеспечения дальнейшего роста и сохранения устойчивости развития северных регионов Западной Сибири необходима дальнейшая диверсификация их экономики, создание новых для территорий видов экономической деятельности, которые позволят сохранить рабочие места

и предотвратить дальнейший отток населения. Важную роль в этом процессе играет реализуемая государственная политика, анализ которой является перспективным направлением дальнейших исследований.

Литература и Интернет-источники

1. **Колева, Г. Ю.** Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: Монография. Часть 2 / Г. Ю. Колева. — Тюмень : Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2005. — 160 с. EDN: TSBLOB
2. **Пилясов, А. Н.** Города российской Арктики: сравнение по экономическим индикаторам / А. Н. Пилясов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2011. — № 4. — С. 64–69. EDN: OKBUGD
3. **Лизунова, Л. В.** Тенденции и перспективы социально-экономического развития муниципальных образований ЯНАО / Л. В. Лизунова // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. — 2012. — № 4(11). — Статья № 13. EDN: WKIUUV
4. **Кузьмин, А. И.** Методологические и практические аспекты формирования параметров для прогнозирования динамики населения северных территорий Свердловской области / А. И. Кузьмин, В. А. Лопатова // Экономика региона. — 2008. — № 2(14). — С. 199–203. EDN: JWVUTN

5. **Оруджиева, А. Г.** Особенности демографического развития городов Ямало-Ненецкого автономного округа в 90-е годы XX — начале XXI вв. / А. Г. Оруджиева // Вопросы управления. — 2013. — № 4(25). — С. 156–168. EDN: RZCVYF
6. **Кузьмин, А. И.** Опыт социального прогнозирования крупного северного города / А. И. Кузьмин, А. А. Бадина. — Екатеринбург: Библиотечка журнала «ЧиновникЪ», 2006. — 183 с. EDN: QOGQKH
7. **Корнеева, Я. А.** Адаптационные стратегии работников вахтовой организации труда при различной специфике производства в условиях Севера / Я. А. Корнеева, Н. Н. Симонова // Общественные науки. — 2011. — № 4. — С. 434–441. EDN: RTMVFF
8. **Лобова, В. А.** Психологическая адаптация рабочих межрегиональной вахты в контексте сохранения здоровья / В. А. Лобова // Вестник угроведения. — 2011. — № 1(4). — С. 81–89. EDN: PAQRQF
9. **Холодилова, К. А.** Качество жизни населения в условиях вахтового труда на Крайнем Севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / К. А. Холодилова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 5. — С. 96–102. EDN: JXKSCR
10. **Ершов, Е. В.** Система мониторинга состояния здоровья работников газодобывающего предприятия на Крайнем Севере / Е. В. Ершов, А. И. Бабенко, Е. С. Пониц, В. И. Хаснулин // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. — 2008. — Т. 28. — № 2. — С. 57–62. EDN: IUIMVP
11. **Лузина, Т. В.** Вахтовый метод как особая форма организации труда в рамках миграционной политики РФ / Т. В. Лузина, О. А. Малашкевич // Правовые средства стимулирования активной занятости и повышения конкурентоспособности на рынке труда. — Тюмень, 2019. — С. 30–42. EDN: YZHLJK
12. **Фаузер, В. В.** Российский Север: проблемы работающих вахтовым методом и государственная политика переселений / В. В. Фаузер, И. Г. Назарова // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. — 2011. — № 2. — С. 14. EDN: PFRTUN
13. **Крамар, В. С.** Вопросы эффективности государственной социальной политики в отношении жителей северных территорий, работающих вахтовым методом / В. С. Крамар, О. П. Андреев // Российский Север: траектория и перспективы социального развития / под общей ред. Н. А. Волгина, В. Н. Пивненко. — Москва : Русайнс, 2006. — С. 295–301. EDN: WXVVQB
14. **Ермаков, С. А.** Вопросы организации труда при применении вахтового метода на предприятиях / С. А. Ермаков // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. — 2010. — № 3–1. — С. 190–193. EDN: RSPXAL
15. **Борисов, Д. В.** Вахтовый метод как особая форма организации трудового процесса: на примере предприятий нефтегазовой промышленности: диссертация ... кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 / Денис Валерьевич Борисов. — Москва, 2004. — 143 с.
16. **Андреев, О. П.** Система менеджмента вахтового метода работы предприятия в условиях Крайнего Севера / О. П. Андреев, А. К. Арабский, В. А. Боровиков, В. С. Крамар // Газовая промышленность. — 2007. — № 9. — С. 28–31. EDN: IBCJWR
17. **Чупашева, Е. В.** Роль межкультурных компетенций в управлении персоналом предприятий северных регионов России / Е. В. Чупашева // Казанская наука. — 2014. — № 11. — С. 275–277. EDN: TELPMD
18. **Керимов, К. С.** Конфликтогенные факторы межэтнических взаимодействий в Северном регионе: результаты социологических исследований / К. С. Керимов // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 7. — С. 191–196. EDN: KBEEBJ
19. **Логинов, В. Г.** Вахтовый метод как основной источник рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики / В. Г. Логинов // Известия Уральского государственного горного университета. — 2021. — № 2(62). — С. 191–201. DOI: 10.21440 / 2307-2091-2021-2-191-201; EDN: LOOYOD
20. **Хайдукова, Е. С.** Современные миграционные процессы ХМАО — Югры / Е. С. Хайдукова // Экономические и социальные факторы развития народного хозяйства: сборник мате-

риалов II Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и магистрантов (Ханты-Мансийск, 31 января 2017 г.). — Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2017. — С. 99–106. EDN: ZWVLTV

21. **Oparin, D. A.** Locals and immigrants on the Yamal Peninsula. Social boundaries and variations in migratory experience / D. A. Oparin // *Asian Ethnicity*. — 2017. — Vol. 19 — Iss. 2. — P. 251–269. DOI: 10.1080 / 14631369.2017.1386543
22. **Успенская, Т. Н.** Базовые детерминанты миграционного поведения населения ХМАО / Т. Н. Успенская // *Народонаселение*. — 2005. — № 4(30). — С. 112–121. EDN: PUTAEL

Сведения об авторах:

Гончарова Ксения Сергеевна, к.э.н., научный сотрудник Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия.

Контактная информация: e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2381-3322; РИНЦ SPIN-код: 6154–9862.

Шеломенцев Андрей Геннадьевич, д.э.н., проф. Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.shelom@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1904-9587; РИНЦ SPIN-код: 9931–5778.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56

TRANSFORMATION OF THE POPULATION STRUCTURE IN THE NORTHERN REGIONS OF WESTERN SIBERIA: FACTORS AND CONSEQUENCES

Kseniya S. Goncharova*, Andrei G. Shelomentsev

Yugra State University

(16 Chekhova str., Khanty-Mansiysk, Russia, 628012)

**E-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com*

Funding:

The study was supported by the Russian Science Foundation through grant No. 25–28–00512. URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00512/>.

For citation:

Goncharova K. S., Shelomentsev A. G. Transformation of the population structure in the northern regions of Western Siberia: factors and consequences. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 42–56. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56 (in Russ.)

Abstract. *The relevance of the study lies in the gradual change of the socio-economic conditions for further development of the northern territories of Western Siberia. Traditionally, the basis of their development was oil and gas production, which ensured population growth and infrastructure construction: beginning of development of the oil and gas industry in the 1960s and its further development led to an influx of labor resources to Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous Okrugs. Attractiveness of these territories for the workforce from other regions was due to high wages and benefits provided there. However, in the context of the current decline in oil production, the key tasks are to preserve the demographic stability and social well-being of northern cities. Thus, the purpose of the study was to analyze the current state and prospects for socio-demographic development of the northern regions of Western Siberia under the conditions of further decrease in oil and gas production.*

The analysis was based on data from the population censuses of the late 1980s (data from earlier All–Union censuses of 1959 and 1979 were partially used for comparison) — 2021. As a result, the main stages of development of the northern cities of Western Siberia were considered, changes in their socio-demographic structure and migration processes were analyzed. There has been revealed predominantly negative dynamics of the population in the territories under consideration, that leads to a change in the sex and age composition of these territories, characterized by increasing dynamics in population aging and growing proportion of women among the entire population. There is also a gradual replacement of the Russian population by other national groups (mainly from Central Asia). It is concluded that further diversification of the economy of these territories is necessary — creation of new types of economic activity that will save jobs and prevent further outflow of people. An important role in this process is played by the state policy, the analysis and assessment of which is a promising direction for further research.

Keywords: socio-demographic transformation, shift method, migration, territories of new development, Western Siberia, population aging.

References and Internet sources

1. Koleva G. Yu. Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy kompleks: istoriya stanovleniya [The West Siberian Oil and Gas Complex: The History of Its Formation]. Part 2. Tyumen. Tyumenskiy gosudarstvennyy neftegazovyy universitet [Tyumen State Oil and Gas University]. 2005. 160 p. (in Russ.)
2. Pilyasov A. N. Goroda rossijskoj Arktiki: sravneniye po ekonomicheskim indikatoram [Towns of the Russian Arctic: comparison of the economic indicators]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya [Moscow University Bulletin. Series 5: Geography]. 2011. No. 4. P. 64–69. (in Russ.)
3. Lizunova L. V. Tendentsii i perspektivy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnykh obrazovaniy YaNAO [Trends and prospects for socio-economic development of the municipalities of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. EGO: Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo. [EGO: Economics. State. Society]. 2012. No. 4(11). Article No. 13. (in Russ.)
4. Kuzmin A. I., Lopaeva V. A. Metodologicheskiye i prakticheskkiye aspekty formirovaniya parametrov dlya prognozirovaniya dinamiki naseleniya severnykh territoriy Sverdlovskoy oblasti [Methodological and practical aspects of the shaping parameter for forecasting population dynamics in north territories of Sverdlovsk area]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2008. No. 2(14). P. 199–203. (in Russ.)
5. Orudzhieva A. G. Osobennosti demograficheskogo razvitiya gorodov Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v 90-e gody 20 — nachale 21 v [Demographic features of urban development of the Yamalo-Nenets autonomous district in the 90-s of XX — early XX century]. Voprosy upravleniya [Management Issues]. 2013. No. 4(25). P. 156–168. (in Russ.)
6. Kuzmin A. I., Badina A. A. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya krupnogo severnogo goroda [Experience in the Social Forecasting of a Large Northern City]. Ekaterinburg. Chinovnik [Official]. 2006. 183 p. (in Russ.)
7. Korneeva Ya. A., Simonova N. N. Adaptatsionnyye strategii rabotnikov vakhtovoy organizatsii truda pri razlichnoy spetsifike proizvodstva v usloviyakh Severa [Adaptation strategies of shift workers with different production specifics in the conditions of the North]. Obshchestvennyye nauki [Social Sciences]. 2011. No. 4. P. 434–441. (in Russ.)
8. Lobova V. A. Psikhologicheskaya adaptatsiya rabochikh mezhregionalnoj vakhty v kontekste sokhraneniya zdorovya [Psychological adaptation of interregional shift workers in the context of health preservation]. Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]. 2011. No. 1(4). P. 81–89. (in Russ.)
9. Kholodilova K. A. Kachestvo zhizni naseleniya v usloviyakh vakhtovogo truda na Krajnem Severe (na primere Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) [Quality of life under the conditions of shift work in the Far North (the case study of the Yamalo-Nenets Autonomous Area)]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2008. No. 5. P. 96–102. (in Russ.)

10. Ershov E. V., Babenko A. I., Ponich E. S., Khasnulin V. I. Sistema monitoringa sostoyaniya zdorovya rabotnikov gazodobyvayushchego predpriyatiya na Krajnem Severe [The system of health monitoring of workers of the gas enterprise in the Far North]. Byulleten Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii meditsinskikh nauk [Bulletin of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences]. 2008. Vol. 28. Iss. 2. P. 57–62. (in Russ.)
11. Luzina T. V., Malashkevich O. A. Vakhtovyy metod kak osobaya forma organizatsii truda v ramkakh migratsionnoj politiki RF [Shift method as a special form of labor organization within the framework of the migration policy of the Russian Federation]. Pravovyje sredstva stimulirovaniya aktivnoj zanyatosti i povysheniya konkurentosposobnosti na rynke truda: sbornik nauchnykh statej [Legal Means of Stimulating Active Employment and Increasing Competitiveness in the Labor Market]. Tyumen. 2019. P. 30–42. (in Russ.)
12. Fauzer V. V., Nazarova I. G. Rossijskij Sever: problemy rabotayushchikh vakhtovym metodom i gosudarstvennaya politika pereselenij [The Russian North: problems of shift workers and the State policy of resettlement]. Korporativnoje upravlenije i innovatsionnoje razvitije ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta [Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North]. 2011. No. 2. P. 14. (in Russ.)
13. Kramar V. P., Andreev O. P. Voprosy effektivnosti gosudarstvennoj sotsialnoj politiki v otnoshenii zhitelej severnykh territorij, rabotayushchikh vakhtovym metodom [Issues of the effectiveness of state social policy in relation to residents of the northern territories working in shifts]. Rossijskij Sever: traektoriya i perspektivy sotsialnogo razvitiya [The Russian North: Trajectory and Prospects of Social Development]. Eds. N. A. Volgina, V. N. Pivnenko. Moscow. 2006. P. 295–301. (in Russ.)
14. Ermakov S. A. Voprosy organizatsii truda pri primenenii vakhtovogo metoda na predpriyatiyakh [Issues of labor organization in the use of the shift method at enterprises]. Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyj vzglyad [Modern Trends in Economy and Management: A New Look]. 2010. No. 3–1. P. 190–193. (in Russ.)
15. Borisov D. V. Vakhtovyy metod kak osobaya forma organizatsii trudovogo protsessa: na primere predpriyatij neftegazovoj promyshlennosti [Shift Method as a Special Form of Organization of the Labor Process: on the Example of Oil and Gas Industry Enterprises]. Cand. Diss. Moscow. 2004. 143 p. (in Russ.)
16. Andreev O. P., Arabsky A. K., Borovikov V. A., Kramar V. S. Sistema menedzhmenta vakhtovogo metoda raboty predpriyatiya v usloviyakh Krajnego Severa [The management system of the shift method of the enterprise in the conditions of the Far North]. Gazovaya promyshlennost' [Gas Industry Journal]. 2007. No. 9. P. 28–31. (in Russ.)
17. Chupasheva E. V. Rol' mezhkulturnykh kompetentsij v upravlenii personalom predpriyatij severnykh regionov Rossii [The role of intercultural competences in personnel management at the enterprises in the northern regions of Russia]. Kazanskaya nauka [Kazan Science]. 2014. No. 11. P. 275–277. (in Russ.)
18. Kerimov K. P. Konfliktogennyye faktory mezhetnicheskikh vzaimodejstvij v severnom regione (na primere Tyumenskoj oblasti) [Conflictogenic factors of interethnic interactions in the Northern region (on the example of the Tyumen region)]. Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]. 2006. No. 7. P. 191–196. (in Russ.)
19. Loginov V. G. Vakhtovyy metod kak osnovnoj istochnik rabochej sily dlya osvoeniya neftegazovykh resursov zapolyarnykh rajonov Arktiki [Rotation system as the basic source of workforce for the development of oil and gas resources in the Arctic polar regions]. Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo gornogo universiteta [News of the Ural State Mining University]. 2021. No. 2(62). P. 191–201. DOI: 10.21440/2307-2091-2021-2-191-201 (in Russ.)
20. Khajdukova E. S. Sovremennyye migratsionnye protsessy KhMAO — Yugry [Current migration processes of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra]. Ekonomicheskiye i sotsialnyje faktory razvitiya narodnogo khozyajstva: sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii aspirantov i magistrantov, Khanty-Mansijsk, 31 yanvarya 2017 goda [Economic and

Social Factors of National Economy Development. Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference of postgraduate and master students, Khanty-Mansiysk, January 31, 2017]. Khanty-Mansiysk. Yugorskiy gosudarstvennyy universitet [Yugra State University]. 2017. P. 99–106. (in Russ.)

21. Oparin D. A. Locals and immigrants on the Yamal Peninsula. Social boundaries and variations in migratory experience. *Asian Ethnicity*. 2017. No. 19. Iss. 2. P. 251–269. DOI: 10.1080/14631369.2017.1386543
22. Uspenskaya T. N. Bazovyje determinanty migratsionnogo povedeniya naseleniya KhMAO [Basic determinants of the migration behaviour of population in Khanty-Mansi autonomous area]. *Narodonaselenie [Population]*. 2005. No. 4(30). P. 112–121. (in Russ.)

Information about authors:

Goncharova Kseniya Sergeevna, Candidate of Economics, Researcher, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia.

Contact information: e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2381-3322; Elibrary SPIN-code: 6154–9862

Shelomentsev Andrei Genadevich, Doctor of Economics, Professor, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia.

Contact information: e-mail: a.shelom@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1904-9587; Elibrary SPIN-code: 9931–5778.

Статья поступила в реакцию 09.01.2025, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-57-69
EDN: MYPZZL

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ВНЕШНЕГО МИГРАНТА В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ В 2022–2024 ГОДАХ

Петровская Ю. А.*, Карстен А. А.

Петрозаводский государственный университет
(185910, Россия, Петрозаводск, проспект Ленина, 33)

*E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru

Для цитирования:

Петровская Ю. А., Карстен А. А. Социально-демографический портрет внешнего мигранта в Республике Карелия в 2022–2024 годах // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 2. – С. 57–69. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-57-69; EDN: MYPZZL

Аннотация. При формировании миграционной политики на разных уровнях необходимо учитывать множество факторов, принимать во внимание специфику территорий, участвующих в миграционном процессе, а также систематически изучать социально-демографические характеристики мигрантов. Целью исследования является составление социально-демографического портрета внешнего мигранта в Республике Карелия (РК) на 2024 г. в сравнении с его ключевыми характеристиками в 2022 году. Для реализации этой цели авторами были выделены основные характеристики социально-демографического портрета, а также проведён сравнительный анализ «портрета» внешнего мигранта до и после начала Специальной военной операции (СВО). Основным методом исследования стал статистический анализ данных Росстата и отчётов Управления внешней миграции (УВМ) МВД по РК. Авторы приходят к выводу, что в условиях изменения внешнеполитической ситуации, вызванной проведением СВО, объём и потоки международных мигрантов в РК меняются. Однако, по основным параметрам социально-демографический портрет международного (внешнего) мигранта остаётся таким же как до пандемии и начала СВО. Республика Карелия в целом повторяет общероссийские тенденции, связанные с внешней миграцией населения. В силу того, что часть региона входит в состав Арктической зоны, наблюдается активная межрегиональная миграция населения: из Карелии в центральные и более южные регионы. Эта тенденция ставит вопрос об эффективности государственной политики в области поддержки жителей Арктической зоны РФ. Самыми динамично перемещающимися группами населения являются люди трудоспособного возраста, женского пола с высшим образованием.

Ключевые слова: миграция населения, внешний мигрант, социально-демографический портрет, половозрастная структура, миграционный процесс, образовательная структура.

Актуальность

Миграционные процессы обрели со второй половины двадцатого столетия поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы, различные сферы общественной жизнедеятельности [1]. Тема миграции населения, имеющая бесспорную значимость для современной России, особенно актуализируется в последние 5–7 лет. Это связано, прежде всего, с глобальной трансформацией мирового сообщества, начавшимися и обострившимися вооружёнными конфликтами, а также с участвовавшими природными катаклизмами. Люди мигрируют в поисках работы, безопасности и лучших условий жизни. Однако миграционные процессы влекут за собой серьёзные социальные, экономические, демографические изменения на макро- и микроуровнях. Вместе с преобразованием демографической структуры населения миграция населения оказывает существенное влияние на жизнеустройство самих мигрантов, создавая для них ситуацию стресса. Этот стресс связан, прежде всего, с необходимостью адаптации к новой социальной и культурной среде, с необходимостью принимать «правила игры» в новом государстве или регионе. Внешние мигранты (иностранцы граждане и лица без гражданства) сталкиваются в России с рядом проблем: проблемы с трудоустройством и поиском жилья в принимающем социуме, проблемы с оформлением документов, медицинским обслуживанием и т.д. Зачастую стоимость аренды жилья для иностранцев завышена, а арендодатель по разным причинам не хочет или не может оформить необходимые документы для учёта иностранного гражданина (например, уведомление о прибытии иностранного гражданина в место пребывания). Всё это усложняет контроль миграционных процессов в России.

Стоит отметить, что международная миграция носит противоречивый характер: с одной стороны — внешние мигранты пополняют численность рабочей силы, компенсируя её естественную убыль, с другой —

обостряют ряд социально-экономических и демографических проблем [2], что приводит к социальной напряжённости. Так, по данным ВЦИОМ августа 2023 г., 39% россиян полагают, что в последние годы отношения между людьми разных национальностей стали более напряжёнными. За десять лет этот показатель снизился (в 2013 г. так считали 57%). Ещё 38% полагают, что в сфере межнациональных отношений все стабильно, никаких изменений ни в лучшую, ни в худшую сторону не ощущается. В предыдущие замеры доля этой группы колебалась в пределах 33–40%. Реже встречается мнение, что межнациональные отношения стали менее напряжёнными, сегодня так думают 15% россиян, это в два раза больше, чем десять лет назад (2013 г. — 7%)¹.

Россия, несмотря на сложную геополитическую обстановку в мире, ежегодно принимает большое количество внешних (международных) мигрантов, а миграционная политика государства направлена не только на привлечение иностранных граждан, но и их ассимиляцию с целью экономического развития страны и воспроизводства населения. В рамках концепции государственной миграционной политики России проведены такие мероприятия, как корректировка правил осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности на территории РФ, оптимизация правил пребывания обучающихся в РФ иностранных граждан, создание дополнительных условий, способствующих добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, а также упрощение правил приёма в российское гражданство иностранных граждан, являющихся носителями русского языка, инвесторами, предпринимателями или выпускниками российских образовательных организаций и ряд других мероприятий, способствующих интеграции мигрантов в российское общество². Следует отметить, что основ-

¹ Иммигранты в России: за и против // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 15.04.2024).

² Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики

ным источником восполнения населения РФ и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство [3]. Миграционная политика же является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем. Она должна быть направлена на создание благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц (в том числе ранее покинувших её), которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества.

По официальным данным Росстата за 2024 г., в России было зарегистрировано 4,081 млн мигрантов³. Миграционный прирост за этот год составил 568,5 тыс. человек, что является максимумом с 1995 года. Даже несмотря на усиление контроля над международными мигрантами, усложнение процедуры получения временного проживания и тестирование детей-мигрантов на знание русского языка для поступления в школы, миграционный прирост в 2024 г., по сравнению с 2023 г., увеличился в 2,8 раза. На сегодняшний день в Республике Карелия (РК), по информации миграционной службы, находится примерно 6 тыс. внешних мигрантов, что составляет лишь 1% от общей численности региона⁴. Подобные тенденции актуализируют и ставят в основу исследования проблему эффективности мероприятий в рамках государственной миграционной политики. Для выстраивания адекватной миграционной политики важно понимание актуального социально-демографического портрета мигранта, который мог измениться под влиянием внешних факторов.

РК – приграничный регион, который, не является исключением в приёме внеш-

них мигрантов. Миграционная ситуация в РК характеризуется как сложная и многогранная. Основные тенденции включают в себя активный отток населения, особенно молодёжи, что является угрозой устойчивому социально-экономическому развитию региона [4]. В то же время следует учитывать, что миграция населения – разносторонний процесс, который необходимо рассматривать с учётом направленности миграционных потоков и целей перемещения. В этом ключе важной тенденцией является приток трудовых мигрантов в Карелию из зарубежных стран. Общая характеристика миграционной ситуации в РК выглядит следующим образом: за 2024 г. зафиксирован отток населения в другие регионы (–1182 человек), в то время, когда в 2023 г. межрегиональная миграция характеризовалась миграционным приростом (+350 человек). Что касается международной миграции, то она характеризуется миграционным приростом за 2023 и 2024 гг. (+65 и +1121 человек соответственно). Из них миграционный прирост из государств СНГ в 2024 г. составил 826 человек, что больше в сравнении с 2023 г., когда миграционный прирост составил 198 человек⁵. Отметим, что с 2021 г. фиксируется миграционный прирост из других государств в РК. Переломным можно считать 2023 г., когда в связи с началом СВО закрылись многие границы, и поток международной миграции в РК сократился, однако, в 2024 г. прирост международных мигрантов увеличился вдвое по сравнению с 2022 годом.

Миграционная политика в РК ориентирована на привлечение международных мигрантов в регион для закрытия потребности в рабочей силе, а также для привлечения дополнительных налоговых платежей. «Сегодня Карелии нужна рабочая сила. В базе данных органов службы занятости региона содержится информация о почти 6 тыс. вакансий. Половина из них – рабочие, 10% приходится на те, что не требуют специального образования – их могут

Российской Федерации на 2019–2025 годы» (с изменениями и дополнениями) // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/72092260/> (дата обращения: 20.04.2024).

³ РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b7ysclid=m9gdqk3sot841623863> (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ Лапухин И. В Карелии ужесточили контроль за мигрантами // Республика. – URL: <https://rk.karelia.ru/social/v-karelii-uzhestochili-kontrol-za-migrantami/> (дата обращения: 09.04.2025).

⁵ Демографический сборник России. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) 2023 // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 21.01.2024).

занять иностранцы. Кроме того, за прошлый год иностранные граждане, работавшие по патентам, принесли бюджету Карелии 174 млн рублей в виде налогов, это — авансовые налоговые платежи. Иностранцы получают патент на работу бесплатно, но каждый месяц оплачивают налог вперёд. В Карелии — один из самых высоких авансовых налоговых платежей, его размер — более 10 тыс. рублей»⁶. Однако, ситуацию с привлечением мигрантов в регион осложняет современная геополитическая обстановка, которая требует детального изучения: с начала проведения СВО постепенно закрылись границы с рядом государств и часть воздушного пространства. На данный момент существуют сложности с пересечением границ, а иногда и вовсе отсутствует возможность прямого транзита через Россию, в том числе через российско-финскую границу, основная протяжённость которой приходится на РК. Но несмотря на все сложности, мигранты приезжают в РК, с разными целями: работа, получение образования, репатриация, поиск убежища и другие. В высших учебных заведениях РК ежегодно идёт набор иностранных абитуриентов, Министерство науки и высшего образования РФ регулярно выделяет для этого квоты для иностранных граждан. В системе высшего образования предусмотрено поступление граждан, подтвердивших статус соотечественников, на общих основаниях на бюджетные места. Но несмотря на привлекательность региона, существует и ряд проблем, среди которых отсутствие комплексного подхода для успешной адаптации мигрантов, а также их социальной поддержки.

Методология

В качестве объекта исследования выступают внешние мигранты, прибывшие в РК в период с 2022 по 2024 год. Предмет исследования — социально-демографический портрет внешнего мигранта. Гипотезой

исследования послужило предположение о том, что социально-демографический портрет мигранта в РК изменился с началом СВО. Исследовательский вопрос: насколько РК соответствует общероссийскими миграционным тенденциям, или для региона необходима адаптированная миграционная политика с учётом социально-демографического портрета внешнего мигранта? Основным методом исследования стал статистический анализ следующих источников информации: научной литературы, данных Росстата, отчётов УВМ МВД по Республике Карелия.

В современной науке миграция как общественный феномен рассматривается с различных точек зрения, которые условно можно классифицировать на четыре подхода. Согласно первому подходу, миграция представляет собой профессиональное, территориальное, социальное перемещение населения в пределах страны. Второй подход определяет миграцию как социально-географическую категорию, связанную с отраслевым и/или профессиональным перемещением людей через границы регионов, в том числе в общемировом масштабе. В рамках третьего подхода миграция рассматривается как массовое явление, имеющее сложную структуру. И, наконец, четвёртый подход трактует миграцию как способ массового реагирования общества на сложившуюся социально-экономическую, социально-политическую и социокультурную ситуацию в стране [5].

Миграция населения является сложным социальным процессом, находящимся в поле научного интереса социологов, демографов, политологов, экономистов. В связи с тем, что понятие «миграция» является междисциплинарным, существует большое количество исследований, в том числе таких ответственных специалистов, как О.Д. Воробьева, Ж.А. Зайончковская, В.А. Ионцев, В.М. Моисеенко, А.В. Топилин, В.Н. Чапек, М.С. Блинова, Ю.В. Рошин, Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев, Т.Н. Юдина, Т.И. Заславская, Б.С. Хорев и многих других. Внимание следует уделить работам

⁶ Лапухин И. В Карелии ужесточили контроль за мигрантами // Республика. — URL: <https://rk.karelia.ru/social/v-karelii-uzhestochili-kontrol-za-migrantami/> (дата обращения: 09.04.2025).

Т. Н. Юдиной, которая занималась изучением интеграции мигрантов в принимающем социуме, а также внесла вклад в изучении миграции как социального феномена в истории человеческого сообщества. В её работах дан анализ моделей и теорий миграции, показано место социологии миграции в системе научного знания, а также предложены модели интеграции мигрантов в принимающем обществе [6]. Комплексный анализ исследований миграции населения в советский период, вопросы формирования терминологии и системы понятий представлены в работе Л. Л. Рыбаковского [7]. В настоящее время актуальными становятся исследования различных сторон миграции: феноменология миграции, гендерные аспекты миграционных процессов, взаимосвязь миграционных, экономических и демографических процессов, влияние миграции на устойчивое развитие, проблемы миграционной политики и безопасности.

Результаты исследования

Миграция населения представляет собой сложное социальное явление, которое отличается значительным многообразием [4]. Исходя из этого формируется большая социальная группа, которая внутри неоднородна, имеет различные характеристики условий и образа жизни. Для более полного и детального анализа этой социальной группы необходимо обратиться к составлению её социально-демографического портрета, что в свою очередь позволит проследить трансформацию структуры мигрантов с течением времени.

Республика Карелия является специфическим регионом, имеющим самую протяжённую в России государственную границу с Европейским Союзом (Финляндией). Часть территории региона входит в Арктическую зону РФ: Костомукшский городской округ, Беломорский, Калевальский, Кемский, Лоухский, Сегежский муниципальные районы. На территории республики проживают люди разных национальностей: русские, белорусы, украинцы, финны, а также малочисленные коренные народы — каре-

лы и вепсы⁷. При этом в республику приезжают и представители других стран. Поэтому важно отметить, что в 2023 г. за счёт притока из государств СНГ население РК выросло на 156 человек, а со странами дальнего зарубежья зафиксирована убыль — 101 человек. Наибольший миграционный прирост отмечен в обмене населением с Таджикистаном (155 человек), Арменией (20 человек), Казахстаном (11 человек), миграционная убыль — с Финляндией (95 человек) и Украиной (64)⁸. В ситуации приграничности территории РК, в условиях, когда состав населения республики уже изначально многонационален, когда существуют малочисленные коренные народы, которые стремятся сохранить свою идентичность, становится важным вопрос о том, насколько РК вообще соответствует общероссийскими миграционным тенденциям, или для региона необходима адаптированная миграционная политика, которая будет учитывать специфику региона. Такое сравнение представляется возможным через составление социального портрета внешнего мигранта и анализ местных социально-культурных условий.

Социально-демографический портрет — это понятие, которое широко используется в социологии для более полного описания изучаемой социальной группы, а также для определения места этой группы в иерархии социума. Основными его компонентами выступают социальные и демографические характеристики изучаемого объекта, выраженные в ряде показателей, таких как пол, возраст, национальность, уровень образования, статус в обществе и подобные. Возрастные особенности и гендерные различия социальной группы во многом определяют её мировоззренческие, идеологические и ценностные ориентиры. Отдельно отметим роль образования — образовательный статус выступает показате-

⁷ Республика Карелия (справка) // Министерство иностранных дел РФ. — URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru> (дата обращения: 06.03.2024).

⁸ Территориальный орган Росстата по Республике Карелия. Оперативные итоги миграции населения Республики Карелия за 2023 год. — URL: <https://10.rosstat.gov.ru/folder/115211/document/224695> (дата обращения: 15.07.2024).

лем трудового потенциала индивида. Также от уровня образования во многом зависит экономическая и социальная активность личности, степень профессионализма, возможность более успешно адаптироваться к социальным рискам [8]. Стоит также отметить, что образование для мигранта выступает социальным лифтом, с помощью которого он может занять более высокие ступени иерархической лестницы в принимающем обществе.

Возраст. Для анализа возрастной структуры мигрантов авторами используется классификация Росстата, которая определяет три возрастные категории: 1) мигранты трудоспособного возраста; 2) мигранты моложе трудоспособного возраста и 3) мигранты старше трудоспособного возраста⁹. Следует пояснить, что к населению моложе трудоспособного возраста отнесены дети в возрасте 0–15 лет, которых в РФ насчитывается 828 тыс. человек, а в РК — 2,9 тысяч. К мигрантам трудоспособного возраста относятся женщины 16–56 лет и мужчины 16–61 лет. На конец 2022 г. в РФ их количество было равно 291 тыс. человек, в РК — 12,6 тысяч. Что касается лиц старше трудоспособного возраста, к ним, согласно методологическим пояснениям Росстата, относятся женщины-мигранты 57 лет и старше, мужчины-мигранты 62 года и старше. Так, по данным 2023 г., в России насчитывается 454 тыс. человек, из них в РК зарегистрировано 2 тысячи¹⁰. Для того, чтобы проследить динамику миграционных процессов в РК, обратимся к статистическим данным по миграционному приросту и убыли. Из официальных данных видно, что с 2014 по 2020 гг. в Карелии была зафиксирована миграционная убыль населения трудоспособного возраста, в то время как по России в целом наблюдалась обратная картина. Начиная с 2020 г. фиксируется миграционный прирост и в Карелии, причём са-

мые большие показатели были зафиксированы в 2021 г. и составили +1056 мигрантов. В 2022 г. миграционный прирост в Карелии составил 321 человек. Из этих данных видно, что после начала СВО миграционный прирост существенно сократился, но массового оттока мигрантов из региона не зафиксировано.

Большинство внешних (международных) мигрантов — лица трудоспособного возраста, меньше всего внешних мигрантов старше трудоспособного возраста. Стоит также отметить, что среди мигрантов трудоспособного возраста преобладают лица в возрасте от 20 до 45 лет. Это можно объяснить тем, что люди этой возрастной группы уже получили базовое образование в своей стране, но приезжают в Россию для дальнейшего обучения, а также в поисках лучших условий жизни, в поисках более высокого дохода. Поток мигрантов данной возрастной группы можно объяснить также тем, что молодёжь более склонна к риску и к переменам в жизни в сравнении другими группами.

Пол. Анализ гендерной структуры мигрантов позволяет сделать вывод о том, что соотношение мужчин и женщин примерно одинаково, с небольшим перевесом женщин. Распределение по полу выглядит следующим образом: на федеральном уровне зарегистрировано 2,1 млн мужчин и 2,2 млн женщин, что в процентном соотношении составляет 47,8% и 52,2% соответственно. На региональном уровне сохраняется федеральная пропорция: в РК зарегистрировано 8,3 тыс. мужчин и 9,3 тыс. женщин, или 47,2% мужчин и 52,8% женщин. На рис. 1 и 2 можно увидеть, что этот тренд сохраняется с 2017 г. как в РФ в целом, так и в РК.

Гражданство. По данным территориального органа Росстата по Республике Карелия, международная миграция населения до начала СВО (за 2021 г.) составила 1681 человек, а миграционный прирост +832 человека. Миграционные потоки в основном были сформированы выходцами из Таджикистана (+250), Украины (+140) и Азербайджана (+110). По итогам 2022 г. международная миграция составила 1581 человек,

⁹ Численность населения РФ по полу и возрасту // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 14.04.2024).

¹⁰ Распределение мигрантов по возрастным группам (число прибывших). // Росстат. — URL: https://showdata.gks.ru/report/278984/?filter_1_0=2022-01 (дата обращения: 15.03.2024).

Рис. 1. Гендерная структура внешних мигрантов в Республике Карелия, человек

Fig. 1. Gender structure of migrants in the Republic of Karelia, persons

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Рис. 2. Гендерная структура внешних мигрантов в Российской Федерации, человек

Fig. 2. Gender structure of migrants in the Russian Federation, persons

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

а миграционный прирост + 562 человека. По итогам 2024 г. миграционный прирост в Республике Карелия составил +1121 человек: в основном представители Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Значительно меньше в 2024 г. стало представителей Казахстана, Армении, Азербайджана. Как видно из этих данных, в миграционных процессах участвуют преимущественно выходцы из государств СНГ. Это обусловлено, прежде всего, безвизовым режимом со странами СНГ, а также упрощённой системой получения гражданства РФ и наличием «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Остальные — это студенты, в основном из Китая и Индии, которые обучаются в Петрозаводском государственном университете и в Пе-

трозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова.

Количество постоянно проживающих в республике внешних мигрантов за 2024 г. выросло на 5% по сравнению с предыдущим годом. За 2022 г. основные миграционные потоки формировали граждане Украины (457 человек) и Таджикистана (452 человека)¹¹. Эта тенденция сохраняется с 2019 года. При этом, количество мигрантов из Украины сократилось с 2014 по 2022 г. в 2,5 раза: если в 2015 г. численность мигрантов из Украины в РК составляла 1161 человек, то в 2022 г. с началом проведения СВО на территорию республики прибыли 457 человек. Вероятнее всего, это связано с внешнеполитическими событиями.

¹¹ Статистический ежегодник «Республика Карелия 2023» // Территориальный орган Росстата по Республике Карелия. — URL: [https://10.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/02011\(6\).pdf](https://10.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/02011(6).pdf) (дата обращения: 15.07.2024).

Семейное положение. По данным Росстата за 2023 г., большинство внешних мигрантов в России (51,4%) состоят в браке. Менее трети (28%) никогда не были замужем или женаты, 5% находятся в разводе, 3% овдовели. Согласно исследованию социально-демографических процессов, которое проводил Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН¹². Опрос показал, что для мигрантов ценностью номер один по совокупности выступает крепкая семья и хорошие дети, — к важным её отнесли почти 57% респондентов. Работа (карьера) для мигрантов среди ценностей находится на втором месте, то есть можно предположить, что приезжают работать в Россию они в основном ради благополучия семьи.

Цель въезда. Традиционно при пересечении границы необходимо указывать цель визита: служебная, коммерческая, работа, учёба, частная, туризм и транзит. В 2020 г. с целью осуществления трудовой деятельности в РК въехало 2252 иностранных гражданина, с частной целью — 2238 человек, туризм — 1702, а с образовательной целью — 1040 иностранных граждан¹³. В 2022 г. основными целями въезда международных мигрантов на территорию РФ можно назвать осуществление трудовой деятельности, учебу и туризм: с целью осуществления трудовой деятельности, по данным УВМ МВД по РК, на территорию Республики въехало около 15 тыс. иностранных граждан или 49% от количества поставленных на миграционный учёт по месту пребывания. Наибольшее количество прибывших отмечается из таких стран, как Узбекистан (39%) и Таджикистан (36%). С целью получения образования и обучения в РК прибыло 1,5 тысячи иностранных граждан или 5% от поставленных на миграционный учёт по месту пребывания, наибольшее количество студентов отмечается из Китая (23%), Индии (17%), Таджикиста-

на (13%), Иордании (9%), Туркменистана (9%). Большинство мигрантов проходит обучение в Петрозаводском государственном университете и Петрозаводской государственной консерватории им. А.К.Глазунова. С туристической целью прибыло около 7 тыс. иностранных граждан. Большая часть иностранных граждан проживает в Петрозаводске. По УВМ МВД по РК за 2024 г., основной целью въезда является работа. Так, с целью осуществления трудовой деятельности въехало свыше 9,6 тысяч иностранных граждан или 32% от количества поставленных на миграционный учёт по месту пребывания. Наибольшее количество прибывших отмечается из стран Центрально-Азиатского региона — Узбекистана (41%) и Таджикистана (34%)¹⁴.

Следует отметить, что структура миграции как в Россию, так и в РК не изменилась с началом СВО, но ужесточились меры миграционного законодательства. Ряд стран попали в перечень стран с высоким уровнем террористической опасности — к таким странам относятся ряд стран Африки, Палестина и Таджикистан. Также санкции и закрытие границ со многими странами сократили потоки мигрантов из таких стран, как США, Финляндия, Латвия, Молдова. В то же время в 2023 г. был зафиксирован резкий «скачок» нелегальной миграции на территории РК¹⁵ через государственную границу с Финляндией. Под этим предлогом с финской стороны в декабре 2023 г. были закрыты все контрольно-пропускные пункты на границе, которые не открылись и на начало 2025 года. Принятые МВД РК меры позволили не допустить дестабилизации миграционной обстановки. В настоящее время продолжают мероприятия по проверке транспортных средств, направляющихся к государственной границе, с целью недопущения незаконной миграции.

¹² Учёные сравнили ценности москвичей и мигрантов. Как различаются их взгляды на семью, религию и работу // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/11/2023/6560a7829a79470b8c7a613c> (дата обращения: 21.07.2024).

¹³ Миграция в Республике Карелия // Если быть точным. — URL: <https://tochno.st/problems/migrants/regions/kareliya> (дата обращения 09.04.2025).

¹⁴ Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел Республики Карелия за 2024 год // МВД по Республике Карелия. — URL: <https://10.mvd.rf/ms/statistika-yvm/stat> (дата обращения: 09.04.2025).

¹⁵ В Карелии задержали 150 мигрантов, направлявшихся к границе с Финляндией // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2023/655c69489a7947dc2d6c96ce> (Дата обращения: 15.01.2024 г.).

При этом нужно отметить, что внутренняя миграция (перемещение между административно-территориальными образованиями РФ, сопровождаемое сменой постоянного места жительства [9]) сохраняет тенденцию к увеличению оттока населения из районов Крайнего Севера в центральные и южные регионы России, несмотря на существующие меры социальной поддержки населения: Арктическая ипотека, Арктический гектар, увеличенный районный коэффициент и другие. Эта тенденция захватывает и РК, миграционный отток из которой в другие регионы России не компенсируется положительным сальдо внешних миграций.

Финансовое положение. Мигранты в РК работают в основном на низкооплачиваемых должностях в сфере оптовой и розничной торговли; занимаются ремонтом автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования. Поэтому финансовое положение мигрантов в РК, как правило, хуже, чем у коренного населения. Эта ситуация в целом

повторяет общероссийскую тенденцию: в России основными сферами трудовой деятельности мигрантов являются торговля, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг и транспортная сфера¹⁶. Росстатом в апреле, мае, августе, сентябре 2019 г. проводилось выборочное наблюдение труда мигрантов. По данным этого наблюдения, 33,3% опрошенных мигрантов в РК были заняты в сфере строительства, 31,3% — в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств и мотоциклов, 8,7% — в сфере деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (рис. 3). По России в целом заметно больше мигрантов занято в сельском хозяйстве и обрабатывающих производствах, но в РК эти виды экономической деятельности не развиты из-за географического положения.

¹⁶ Численность трудовых мигрантов, привлекавшихся на работу предпринимателями, по видам экономической деятельности и субъектам Российской Федерации // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr/index.html (дата обращения: 05.01.2024).

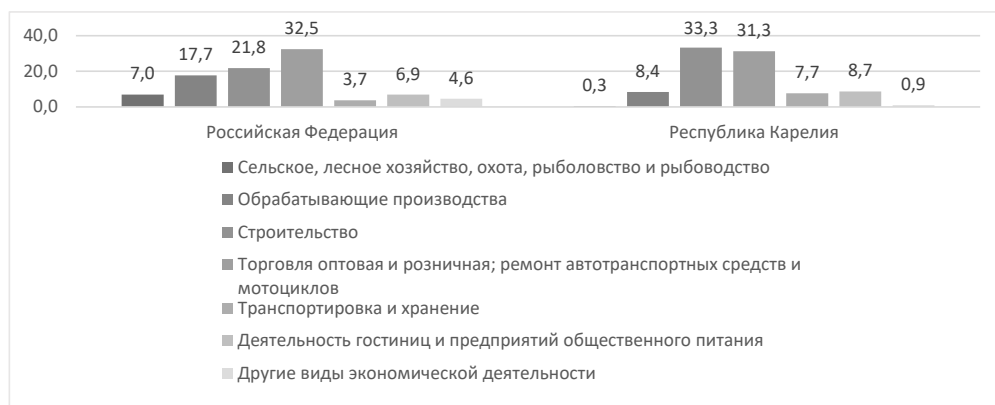

Рис. 3. Структура трудовой деятельности мигрантов, %

Fig. 3. Structure of labor activity of migrants, %

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Для более полного понимания миграции населения как социального процесса следует рассматривать не только международную (внешнюю) миграцию, но и миграцию внутреннюю. В связи с проведением СВО и в следствии обстрелов приграничных тер-

риторий за 2022 и 2023 гг. возросло количество внутренних мигрантов — тех, кто переселяется в пределах территорий РФ. Так, по данным Росстата за 2022 г., Белгородскую область покинули 4633 человека, Брянскую область — 1619, Курскую область —

1990 человек. Согласно данным из приложения к Демографическому ежегоднику России¹⁷, основные перемещения совершаются в пределах Центрального федерального округа, но также происходит перемещение в Северо-Западный федеральный округ (за 2023 г. в округ переехали 15528 человек), в том числе в РК прибыло 1394 человека.

Выводы

Социально-демографический портрет мигранта в Республике Карелия выглядит следующим образом: внешний (международный) мигрант — это человек трудоспособного молодого возраста 20–45 лет, состоящий в браке и прибывший на территорию РК из стран СНГ с целью работы. Он проживает в Петрозаводске, который является столицей республики и привлекает мигрантов рабочими местами и относительно хорошими условиями жизни. В большинстве своем внешние мигранты в Республике Карелия заняты в сфере строительства и торговли, что связано с полученной ими профессией и потребностями рынка труда. Эта тенденция остаётся актуальной последние десятилетия. Характерный для российского и карельского рынка труда дефицит «синих воротничков» только усилился, и на начало 2025 г. стал ещё больше. На фоне нехватки кадров зарплаты курьеров, водителей, ремонтников, кладовщиков, грузчиков и строителей растут.

В современных реалиях поток мигрантов в РК меняется, но по основным па-

раметрам остаётся таким же как до пандемии COVID-19 и СВО. Вследствие этого кардинально не меняется и социально-демографический портрет мигранта. РК повторяет общероссийские тенденции, связанные с внешней миграцией населения. Однако в силу того, что часть региона входит в состав Арктической зоны РФ, наблюдается активная внутренняя миграция из региона в южные и центральные регионы страны. Меры социальной поддержки в виде льготной ипотеки и повышенного районного коэффициента лишь снижают темпы оттока населения, но не являются привлекательными для того, чтобы остаться в РК.

На данный момент миграционная политика учитывает не все особенности миграционных процессов и региональную специфику. Что же касается социально-экономических последствий для региона, можно сказать, что есть как положительные, так и отрицательные стороны [10]. По отчёту УВМ МВД по РК не зафиксировано дополнительной нагрузки на инфраструктуру и другие сферы жизнедеятельности в результате миграционных процессов. К положительным социально-экономическим последствиям можно отнести занятость мигрантов в тех экономических сферах, в которых хуже трудоустраиваются россияне, приток населения в регион, а также дополнительные средства в бюджет РК за счет авансовых налоговых платежей (покупки патентов на работу). К негативным последствиям можно отнести то, что несмотря на осуществление трудовой деятельности на территории РФ, большая часть доходов мигранты направляют своим родным и близким.

¹⁷ Демографический сборник России. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов РФ) 2023 // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 16.05.2024).

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, Л. Л.** История и теория миграции населения. Книга 3: Теория трёх стадий миграционного процесса / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-Информ, 2019. — 218 с.
2. **Золотарева, О. А.** Социально-демографический портрет современного мигранта в России цифрами статистики / О. А. Золотарева, К. А. Михалева, В. Б. Пушкарева // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — 2020. — № 3–1. — С. 769–775. EDN: SPEIQD
3. **Шурухнова, Д. Н.** Перспективы формирования единого миграционного пространства в рамках Союзного государства Россия — Беларусь / Д. Н. Шурухнова // Криминологический журнал. — 2023. — № 4. — С. 165–169. DOI: 10.24412 / 2687-0185-2023-4-165-169; EDN: IOWIBX

4. **Степуть, И. С.** Миграционные вызовы стратегическому развитию Арктической зоны России / И. С. Степуть, Е. А. Хотеева, А. В. Симакова // *The Newman in Foreign policy*. — 2023. — № 70. — С. 7–10. EDN: LBHQCL
5. **Бистяйкин, А. В.** Социальный портрет трудового мигранта в регионе: аспекты социологического исследования / А. В. Бистяйкин // *Телескоп*. — 2024. — № 4. — С. 128–133. DOI: 10.24412 / 1994-3776-2024-4-128-134; EDN: YKYBGB
6. **Юдина, Т. Н.** Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук по специальности 22.00.01 / Т. Н. Юдина. — Москва, 2004. — 347 с. EDN: NMVWTR
7. **Рыбаковский, Л. Л.** Миграция населения / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Юрайт, 2022. — 480 с. EDN: ATRPMS
8. **Меньшикова, О. И.** Высшее образование как элемент формирования социально-трудового потенциала / О. И. Меньшикова // *Знание. Понимание. Умение*. — 2006. — № 4. — С. 65–73. EDN: JVIDAX
9. **Рыбаковский, О. Л.** Постоянная миграция населения российских регионов / О. Л. Рыбаковский, В. С. Судоплатова // *Народонаселение*. — 2015. — № 3. — С. 4–14. EDN: VCXLED
10. **Рязанцев, С. В.** Формы временной миграции в России / С. В. Рязанцев // *Миграционное право*. — 2014. — № 1. — С. 14–17. EDN: RTBWJV

Информация об авторах:

Петровская Юлия Александровна, к.соц.н., доцент, зав. кафедрой, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0254-6923; РИНЦ SPIN-код: 1122-2888.

Карстен Анна Александровна, специалист, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: annushka1597@gmail.com.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-57-69

SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT OF EXTERNAL MIGRANT IN THE REPUBLIC OF KARELIA IN 2022–2024

Yuliya A. Petrovskaya*, Anna A. Karsten

Petrozavodsk State University

(33 Lenina prospect, Petrozavodsk, Russia 185910)

**E-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru*

For citation:

Petrovskaya Yu. A., Karsten A. A. Socio-demographic portrait of external migrant in the Republic of Karelia in 2022–2024. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 57–69. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-57-69 (in Russ.)

Abstract. *When forming migration policy at different levels, it is necessary to take into account many factors, consider the specifics of the territories involved in the migration process, and systematically study the socio-demographic characteristics of migrants. The aim of the study is to compile a socio-demographic portrait of an external migrant in the Republic of Karelia in 2024 in comparison with its key characteristics in 2022. To achieve this goal, the authors identified the main characteristics of the socio-demographic portrait, and made a comparative analysis of the «portrait» of an external migrant before and after the start of the special military operation. The main research method was*

the statistical analysis of such information sources as scientific literature, data from the Federal State Statistics Service (Rosstat), as well as reports from the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia (RK). The authors conclude that in the context of the changing foreign policy situation caused by the Russian Federation's special military operation in Ukraine, the volume and flows of international migrants to the Republic of Kazakhstan are changing. However, the main parameters of the socio-demographic portrait of the international (external) migrant remain the same as before the pandemic and the beginning of the special military operation. The Republic of Karelia on the whole repeats the all-Russian trends related to the external migration of the population. Due to the fact that part of the region is part of the Arctic zone, there is an active inter-regional migration of the population: from Karelia to the central and more southern regions. This trend raises the question of the effectiveness of government policy in supporting residents of the Arctic zone of the Russian Federation. The most dynamically moving groups of the population are people of working age, women with higher education.

Keywords: migration of population, external migrant, socio-demographic portrait, sex and age structure, migration process, educational structure.

References and Internet sources

1. Rybakovsky L. L. Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kniga 3: Teoriya trokh stadiy migratsionnogo protsesssa [History and Theory of Population Migration. Book 3. Theory of Three Stages of the Migration Process]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2019. 218 p. (in Russ.)
2. Zolotareva O. A., Mikhaleva K. A., Pushkareva V. B. Sotsial'no-demograficheskiy portret sovremennogo migranta v Rossii tsiframi statistiki [Socio-demographic portrait of a modern migrant in Russia by the figures of statistics]. Bol'shaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]. 2020. No. 3–1. P. 769–775. (in Russ.)
3. Shurukhnova D. N. Perspektivy formirovaniya yedinogo migratsionnogo prostranstva v ramkakh Soyuznogo gosudarstva Rossiya – Belarus' [Prospects for the formation of a single migration space within the framework of Union State of Russia – Belarus]. Kriminologicheskiy zhurnal [Criminological Journal]. 2023. No. 4. P. 165–169. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-4-165-169 (in Russ.)
4. Stepus I. S., Khoteeva E. A., Simakova A. V. Migratsionnyye vyzovy strategicheskomu razvitiyu Arkticheskoy zony Rossii [Migration challenges to the strategic development of the Russian Arctic zone]. The New man in Foreign Policy. 2023. No. 70. P. 7–10. (in Russ.)
5. Bistyakin A. V. Sotsial'nyy portret trudovogo migranta v regione: aspekty sotsiologicheskogo issledovaniya [Social portrait of a migrant worker in the region: aspects of sociological research]. Teleskop [Telescope]. 2024. No. 4. P. 128–133. DOI: 10.24412/1994-3776-2024-4-128-134 (in Russ.)
6. Yudina T. N. Migratsionnyye protsessy: teoriya, metodologiya i praktika sotsiologicheskogo issledovaniya [Migration Processes: Theory, Methodology and Practice of Sociological Research]. Doct. Diss. Moscow. 2004. 347 p. (in Russ.)
7. Rybakovsky L. L. Migratsiya naseleniya [Migration of Population]. Moscow. Yurayt [Yurait]. 2022. 480 p. (in Russ.)
8. Menshikova O. I. Vyssheye obrazovaniye kak element formirovaniya sotsial'no-trudovogo potentsiala [Higher education as an element of social and labor potential formation]. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye [Knowledge. Understanding. Skill]. 2006. No. 4. P. 65–73. (in Russ.)
9. Rybakovsky O. L., Sudoplatova V. S. Postoyannaya migratsiya naseleniya rossiyskikh regionov [Constant migration of population in Russian regions]. Narodonaselenie [Population]. 2015. No. 3.P. 4–14. (in Russ.)
10. Ryazantsev S. V. Formy vremennoy migratsii v Rossii [Forms of migration in Russia]. Migratsionnoye pravo [Migration Law]. 2014. No. 1. P. 14–17. (in Russ.)

Information about the authors:

Petrovskaya Yuliya Aleksandrovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Head of Department, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0254-6923; Elibrary SPIN-code: 1122-2888.

Karsten Anna Aleksandrovna, specialist, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: annushka1597@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 18.08.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-70-82
EDN: NXVZSO

МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИЗ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аржаев Ф. И.¹, Морковкин Д. Е.^{1*}, Мамедов Т. Н.¹, Симагин Ю. А.²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

Для цитирования:

Аржаев Ф. И., Морковкин Д. Е., Мамедов Т. Н., Симагин Ю. А. Многомерный анализ уровня жизни населения в Республике Беларусь // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 2. – С. 70-82.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-70-82; EDN: NXVZSO

Аннотация. Обеспечение устойчивого роста уровня жизни населения страны для экономики социально ориентированной Республики Беларусь (РБ) является одним из главных индикаторов её эффективности. В аспекте экономического развития Союзного государства (СГ) Российской Федерации (РФ) и РБ он также важен как элемент обеспечения большей связанности экономик и социальных сфер РФ и РБ, что определяет актуальность исследования. Цель — выявление влияния развития СГ на рост уровня жизни населения в РБ, гипотеза — развитие СГ ведёт к росту уровня жизни населения в РБ, хотя социальные стандарты РБ по некоторым параметрам и так уже являются более высокими, чем в РФ. Для достижения цели применялся системный подход на основе метода динамического норматива оценки уровня жизни. В процессе исследования получены следующие результаты: 1) гипотеза наличия развития СГ на уровень жизни населения в РБ не подтвердилась; 2) выделены регионы со значительными отклонениями в уровне жизни от средних по РБ, эти отклонения объяснены связями компонентов социально-экономической системы; 3) доказано, что сотрудничество с РФ имеет большое влияние на уровень жизни в РБ, однако СГ служит только как драйвер такого сотрудничества. Практическая значимость исследования складывается из предложения инструментария мониторинга уровня жизни на основе широкого набора показателей экономики и социальной сферы, а также тем, что предлагается анализ функционирования социальной интеграции на уровне СГ, применимый для органов управления.

Ключевые слова: уровень жизни, бедность, Союзное государство, системный анализ, регионы Республики Беларусь, социальная интеграция.

Введение

Союзное государство (СГ) стало одним из важнейших шагов в экономической интеграции Российской Федерации (РФ) и Республики Беларусь (РБ). Тем не менее, не произошло синхронизации экономических систем РФ и РБ в полной мере, в частности, нет единых подходов к социальной политике и защите населения. Решение этой проблемы может лежать либо в плоскости совершенствования законодательной базы СГ, либо в направлении развития социальных политик РФ и РБ в тех направлениях и до того уровня схожести, когда вопрос об их синхронизации может быть решён в рамках органов управления СГ. Здесь можно согласиться с А. А. Мигранян [1], что само по себе обеспечение единого уровня жизни необходимо в рамках Союзного государства, в частности, по причине того, что разрыв в уровне жизни между РФ и РБ приводит к замедлению и усложнению экономического сотрудничества в целом.

Целью исследования является выявление влияния СГ на изменение уровня жизни в РБ. Проверяется следующая гипотеза — развитие Союзного государства позволяет увеличить уровень жизни в РБ. Для этого решён ряд задач: проанализирована схожесть и различия социально-экономических систем РФ и РБ; проведён анализ уровня жизни в регионах РБ методом динамического норматива; выявлены причины изменений и отклонений от средних для РБ оценок уровня жизни; проведена оценка характера этих отклонений (они связаны с внутренними или внешними относительно РБ причинами).

Исследование имеет как теоретическую, так и практическую значимость — оно расширяет теорию международных отношений в части интеграционных объединений концепцией влияния глобальных интеграционных процессов на социальное развитие регионов страны. С практической точки зрения результаты исследования могут быть использованы как в РФ, так и в РБ для организации статистического наблюдения за уровнем жизни, а также в работе Парла-

ментской Ассамблеи СГ в направлении синхронизации социальных эффектов СГ для РФ и РБ.

Обзор литературы

Литература по вопросу того, что считать и как измерять бедность и уровень жизни, обширна. Эти вопросы освещаются, например, А. Аткинсоном [2] и А. Аддае-Коранке [3]. Многократно исследована проблема и отечественными учёными в части связи теоретических воззрений на бедность, что исключительно важно в вопросе связи нормативов в этом исследовании. В. Н. Бобков в ряде трудов [4] описывает связь бедности с уровнем жизни и методы их измерения, И. Н. Молчанов, проводивший микроанализ связи бедности и уровня жизни как экономических категорий [5], и многие другие. Но если тематика связи бедности, уровня жизни и экономического развития исследована хорошо, то взаимосвязь этих явлений и международной интеграции рассматривается редко, особенно в контексте развития отдельных регионов.

Проблема влияния СГ на уровень жизни в РБ также слабо изучена. В первую очередь выделяется труд К. П. Боришполец в части правового анализа социального сотрудничества в СГ [6]. Автор указывает, что социальная интеграция в рамках СГ сталкивается даже на нормативном уровне с такими вопросами, как статус иностранных граждан на территории друг друга, миграционным вопросом и правоохранительной деятельностью. Ряд других работ рассматривает отдельные причины бедности и низкого уровня жизни в стране [7], вопросы территориального распределения уровня жизни в РБ [8], но в рамках этой работы такие исследования представляют, скорее, справочный интерес и рассматривают небольшое количество факторов влияния на исследуемые явления.

Таким образом, существует большое разнообразие подходов к измерению и оценке бедности и уровня жизни, но вопросы влияния международной интеграции на региональное развитие исследованы относительно-

но слабо. Более того, для РБ почти отсутствуют глубокие современные исследования проблемы уровня жизни, в которых бы описывались системные оценки сфер социальной защиты и социально-экономического развития РБ. При этом в большинстве исследований применяются простые и не до конца репрезентативные методы — сравнительный анализ отдельных социально-экономических показателей, регрессионный анализ (не дающий точных ответов на вопрос о проблемных направлениях из-за вероятностного характера и отсылке к доле объясняемых изменений) и анализ индексов уровня жизни (не позволяющий оценить внутреннюю связанность показателей в системе). Все три подхода обладают и преимуществами, однако в исследовании комплексной проблемы не могут быть признаны достаточными для анализа системных изменений, происходящих в РБ с ростом значимости СГ.

Методология

Методология, применяемая в статье, может быть разделена на две части. Первая заключается в анализе системных взаимодействий РБ и РФ в рамках СГ в социально-экономической среде и выделении ключевых драйверов и препятствий их роста, вторая посвящена апробации метода динамического норматива для анализа территориального распределения эффектов от развития СГ в РБ. Вторая часть основана на использовании метода динамического норматива в преломлении к социально-экономической сфере. Исследуются 4 упорядоченных перечня темпов роста показателей, при этом предполагается, что благосостояние населения должно, как минимум, оставаться неизменным.

Упорядочение показателей в рамках указанных перечней темпов роста следующее (от наименьшего к наибольшему): 1) благосостояние населения — миграционное сальдо — рождаемость — индекс Джини — склонность к потреблению — склонность к сбережению — средняя заработная плата — коэффициент нагрузки на эконо-

мически активное население — занятость; 2) благосостояние населения — коэффициент фондов — индекс Джини — индекс цен в сфере ЖКХ — индекс цен в строительной отрасли — индекс потребительских цен — индекс цен в экономике — склонность к сбережениям — средние доходы населения из всех источников; 3) благосостояние населения — миграционное выбытие — рождаемость — индекс Джини — охват дошкольным образованием (на 1000 детей) — количество больничных коек в расчёте на 1000 человек — количество бытовой техники (на 100 домохозяйств) — количество транспортных средств в семье (включая мотоциклы и мопеды) — площадь жилых помещений на 1 человека; 4) благосостояние населения — индекс производительности труда — объем вложений в инновации — инвестиции в основной капитал в строительстве — инвестиции в основной капитал — занятость — прибыль организаций — валовый оборот организаций — валовый региональный продукт.

На основе четырёх указанных перечней были рассчитаны нормативы, по отклонениям от которых можно судить о ситуации в конкретных регионах (областях) РБ. Подробное описание применённой методологии дано в работе [9]. В настоящем исследовании ключевой задачей видится преломление этой методологии к анализу внешних и внутренних эффектов для системы с учётом того, что в рамках СГ качество эффектов относительно системы менялось. Отметим, что в региональном разрезе отсутствуют данные коэффициента Джини и коэффициента фондов, в связи с чем для всех регионов они приняты одинаковыми с РБ в целом.

Результаты

Традиционно уровень жизни и бедность — понятия на пересечении систем социальной поддержки и экономической политики государства [10]. С одной стороны, система социального обеспечения позволяет перераспределять блага внутри страны, а с другой — именно экономическая систе-

ма лежит в основе их создания. В этой связи обратимся к анализу того, как взаимосвязаны эти системы в экономике РБ и в СГ в целом.

Модели экономик РФ и РБ различны. Это явление происходит как из их разных размеров, так и ориентированности экономики РБ на переработку ресурсов из РФ ещё со времён СССР. Между странами сформировались устойчивые производственные цепочки, взаимоотношения в сфере социальной политики. Так, созданы условия для развития единого рынка труда, в РБ действуют российские банковские карты и принимаются переводы из РФ, население РБ активно работает в РФ, в том числе в отраслях с высокой добавленной стоимостью¹. Тем не менее, существует ряд диспропорций в развитии социальной интеграции в рамках СГ. Среди них выделяется различие подходов к развитию социально-ориентированной рыночной экономики в РБ вкупе с рентной моделью, по которой государство дотирует население за его труд (в условиях предсказуемого длительного экономического роста такая модель рациональна). В РФ же сформировалась модель рыночных механизмов регулирования рынка с невысокой значимостью социальных эффектов такой модели для населения.

Второй ключевой диспропорцией развития социальной интеграции СГ является сложность формирования единого рынка труда в связи с: 1) различием подходов к формированию заработных плат — в РФ зарплаты формируются преимущественно рыночным методом с учётом спроса и предложения на рынке труда, тогда как в РБ заработная плата в основном зависит от тарификации труда, что позволяет предлагать для экономики в целом развитие нормирования труда; 2) несмотря на то, что юридически россияне и белорусы имеют равные права на труд в двух странах, для российских компаний, особенно компаний с государственным участием, граждане РБ

по своему рабочему статусу не отличаются от других иностранцев; 3) узостью рынка труда РБ — для специалистов из РФ в Беларуси существует не так много интересных вакансий, конкурс на которые высок даже внутри РБ [12]. Таким образом, сложности формирования единого рынка труда остаются актуальными, хотя на регуляторном уровне и устраняются.

Третьей значимой диспропорцией является несоответствие глубины и интенсивности интеграционных процессов в рамках СГ. При этом на территории РБ, по данным статистики РБ, количество предприятий с российским участием растёт очень медленно — в среднем на 0,4% в год с 2012 года. Этот показатель способствует сохранению больших экономических различий между экономиками, а также между моделями потребления в странах. Так, в РФ сложилась модель экстенсивного потребления, обеспечиваемая более медленными доходами населения по сравнению с ценами: в этих условиях население предпочитает не сберегать, особенно в условиях растущей стоимости заёмного капитала, а обеспечить себя товарами длительного потребления. В РБ сохраняется модель медленного (фактически отсутствующего) роста реальных доходов населения, который компенсируется также медленным ростом цен, обеспечиваемым, в том числе, за счёт их государственного регулирования [13]. В таких условиях склонность населения РБ к потреблению ниже, чем в РФ в обычных условиях.

Исходя из сказанного, социальный аспект интеграции в СГ развит относительно слабо. Хотя реализация «Договора о создании Союзного государства» затронула как экономическое, так и социальное сотрудничество РФ и РБ, социальный аспект в рамках СГ видится производной от экономического. Так, при интенсивном развитии СГ, происходящем тогда, когда кризис или посткризисное восстановление затрагивает только одну из стран, экономическое сотрудничество интенсифицируется. За этим следует и углубление социального аспекта интеграции — в 2021 г. подписан оче-

¹ Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы. — Москва: Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко, 2021. — 56 с.

редной документ² «Основные направления реализации положений «Договора о создании Союзного государства», включающий, в том числе, и упрощение взаиморасчётов через национальные платёжные системы, гармонизацию налогового законодательства, синхронизацию макроэкономической политики, что для российских компаний стало драйвером прихода на рынок РБ. До этого значимыми барьерами были сложности во взаиморасчётах с местными контрагентами, а также налоговые и финансовые риски.

² Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства // Правительство РФ: [сайт]. — URL: <http://government.ru/news/43234/> (дата обращения: 16.11.2024).

В целом СГ и его органы власти обеспечивают достаточно высокий уровень экономической интеграции между РФ и РБ. Однако, уровень социальной интеграции все же ниже, так как является производным от экономических драйверов. Этот тезис, однако, стоит также рассмотреть, как возможное объяснение территориальных диспропорций уровня жизни в РБ. Так, данные обработки статистики позволяют выделить области Витебскую, Минскую и Могилевскую по первому нормативу, области Брестскую и Витебскую — по второму, области Витебскую и Гродненскую области — по третьему (в положительную сторону) и области Гомельскую, Гродненскую и Могилевскую — по четвёртому нормативу как явно отличающиеся от остальных регионов (табл. 1).

Таблица 1

Отличия уровня жизни по областям РБ («—» — отличие в меньшую сторону от норматива, «++» — отличие в большую сторону от норматива)*

Table 1

Differences in living standards by regions of the Republic of Belarus («—» is a smaller difference from the norm, «++» is a big difference from the norm)

Норматив	Регион РБ (область/город)					
	Витебская ^{1,2}	Могилёвская ¹	Брестская ^{2,3}	Гродненская ²	Гомельская ^{1,3}	Минская с Минском
Общий норматив	--	--				--
Стоимость жизни	--		--			
Модель потребления	++			++		++
Ресурсная база		--		--	--	

*Пустая ячейка означает, что регион входит в норматив, области граничат: ¹с РФ; ²с ЕС, ³с Украиной.

Источник: составлено авторами.

Как видно из табл. 1, наибольшее количество отличий от нормативного распределения (три) наблюдается в Витебской области, однако также можно выделить области Могилевскую, Гродненскую, Минскую с городом Минск. Здесь важно отметить, что именно через Витебскую, Минскую и Гродненскую области проходят основные транспортные артерии, соединяющие Россию и страны ЕС. При этом в областях Брестской,

Могилевской и Гомельской наблюдаются устойчиво худшие показатели (нет позитивных отклонений), чем в среднем по РБ. Эти области также соседствуют с другими странами, однако не являются основными регионами транзита товаров из РФ в Европу и наоборот.

Таким образом, основные транзитные регионы и столица РБ отличаются наибольшими отклонениями от среднего по Бела-

руси уровня жизни. Основные показатели, которые формируют названные отличия, макроэкономические и связанные с моделью потребления. Это легко объяснить с точки зрения более высоких зарплат, обеспечиваемых компаниями иностранными и в сфере логистики. В частности, активная перевозка грузов из РФ в РБ и наоборот в рамках единого таможенного пространства СГ обеспечивает названным регионам более высокий рост доходов, но и ставит уровень жизни в них в зависимость от активности сотрудничества РФ и РБ и объёма транзита грузов из Европы в РФ и наоборот.

Склонность к потреблению в рассматриваемых регионах также выше за счёт, во-первых, более высоких зарплат, а во-вторых, более дешёвых товаров. В РБ до сих пор сохраняются низкие цены на продукцию, транзит которой осуществляется по основным транспортным артериям [14], а также активным развитием приграничной торговли: так, Смоленск расположен всего в 90 км от российско-белорусской границы, а Орша — в 55 км. С учётом упрощённого миграционного режима приграничная торговля за счёт колебаний курса валют и наличия или отсутствия тех или иных товаров развивается активно, а количество поездок в соседнюю страну по личным нуждам людей, проживающих в приграничных регионах, высоко. Помимо увеличения склонности к потреблению, все сказанное влияет и на возможности приобретения товаров долгосрочного потребления, что в явном виде улучшает показатели модели потребления.

Таким образом, динамика показателей первого графа связана с динамикой отдельных показателей третьего: более высокие доходы населения, более активная его миграция, а также относительно менее высокие цены приводят к тому, что меняется потребительская поведенческая модель в сторону большего потребления товаров. Аналогичное заключение справедливо и для личного транспорта — в Минске более высокие доходы населения обеспечивают большее количество автомобилей на 100 человек, тогда как в принципе наличие мото-

ризованного транспорта в приграничных областях позволяет использовать преимущества их положения — преодолеть более 100 км из Орши в Смоленск на общественном транспорте не представляется проблемой, в частности, города связывает скоростное железнодорожное сообщение, однако такой вид передвижения ограничивает возможности крупных покупок, покупок бытовой техники. Для их осуществления требуется личный автомобиль.

Описанные выше закономерности позволяют связать устойчивое занижение меры сходства макроэкономических показателей в указанных регионах и завышение меры сходства в части модели потребления — для Витебской и Минской областей характерно более интенсивное потребление на фоне большего расслоения населения. Что касается второго и четвёртого графов, то явных закономерностей с территориальным влиянием развития СГ не прослеживается — скорее, наоборот, в Могилевской и Гомельской областях наблюдается более низкая мера сходства по показателям, связанным с функционированием предприятий, что справедливо и для Гродненской области, то есть, непосредственно приграничное сотрудничество предприятий слабее влияет на уровень жизни в регионах, чем сотрудничество в сфере логистики и комплексное экономическое сотрудничество в Минске и Минской области.

Обратимся к анализу ранговых коэффициентов корреляции Спирмена (K_s) и Кендалла (K_k) — первый отражает внутреннюю связанность показателей системы, второй — влияние внешних факторов, сказывающееся на динамике показателей системы. Сразу отметим высокую степень связанности макроэкономических показателей в РБ (с худшими значениями в Минске), относительно невысокую связанность показателей уровня жизни, достаточно высокую — для показателей модели потребления (наихудшие в Могилевской и Брестской областях) и для ресурсной базы (наихудшие в Гомельской области). Таким образом, сама социально-экономическая система РБ обладает внутренней связанностью — ма-

кроэкономические результаты, ресурсная база их достижения и модель потребления ресурсов, генерируемых в экономике, системны (высокие значения K_s это доказывают). Тем не менее, система цен не сбалансирована и находится в некотором отрыве от остальных экономических показателей.

В 2021 г. и 2016 г. происходили значительные подвижки в развитии СГ. Очевидно, что в связи с глубокой интеграцией РФ и РБ стоит рассматривать изменения как во внутренней динамике системы, так и во влиянии на неё извне. По значениям K_s с 2016 г. улучшается внутренняя связанность макроэкономических показателей (общий норматив), в 2016 г. положительные изменения наблюдались во всех (кроме модели потребления, где данных за этот год нет) сферах. В 2021 г., несмотря на коронакризис, во всех нормативах значения меры K_s увеличились, значимых изменений не наблюдалось исключительно в части ресурсной базы. С 2016 г. также увеличились значения K_k в общем нормативе и в нормативе стоимости жизни, для нормативов модели потребления и ресурсной базы ничего не изменилось, тогда как в 2021 г. значения K_k ни в одном из нормативов не претерпели значимых изменений.

Таким образом, можно заключить, что СГ даёт драйвер развитию сотрудничества между РФ и РБ (как минимум — в год принятия значимых решений), но само по себе не обеспечивает достаточные стимулы социальной интеграции. Влияние СГ как международного объединения стран на уровень жизни в РФ и в РБ исчерпалось в 2016 г., тогда как дальнейший процесс социальной интеграции может и должен происходить за счёт изменений в самой социально-экономической системе РБ, в частности, в системе ценообразования и модели потребления.

Обсуждение

В исследовании дан анализ уровня жизни в РБ в контексте социальной интеграции с российской экономикой. В социально-экономической системе РБ существует

ряд положительных элементов, мультипликация которых на российскую может дать значимые положительные эффекты, среди них — ориентированность на максимальное качество оказания социальных услуг, а не на их эффективность, что коренным образом меняет структуру потребностей.

В РФ предложенный метод показывает гораздо большие значения меры сходства, что свидетельствует о более высоком уровне жизни населения. Апробация метода для РБ продемонстрировала ряд диспропорций, некоторые из них так или иначе обозначались ранее. Например, вопросы роста доходов населения ранее исследовались в контексте «серых» зарплат в РБ [15], тогда как явная связь доходов (зарботных плат), занятости и эффективности предприятий опускалась. В частности, эта закономерность (4-й и 1-й нормативы) позволяет утверждать, что без повышения эффективности предприятий РБ, а также их инновационности, невозможно снижение неравенства в стране (индекс Джини практически не снижается во времени). Такая диспропорция приводит к избыточному росту склонности к потреблению (из первого норматива склонность к сбережению — 3-я по фактическим темпам роста в Минской и Витебской областях, склонность к сбережению падает), что не характерно для нормального функционирования экономики. Рост потребления во многом обеспечивает не рост инновационности отечественной продукции, а повышение её маржинальности (в четвёртом нормативе вложения в инновации растут медленно, тогда как прибыль от продаж растёт быстрее всех других показателей). Все это приводит к постоянной необходимости сдерживать рост цен и к недополучению социальных трансфертов населением в Гомельской и Могилевской областях.

Проблема естественной убыли населения РБ также частично связана с падением темпов экономического роста в Беларуси. Как показывает связь 4-го и 1-го графов, существует прямая зависимость и с показателем миграции — для регионов с низкой мерой сходства по первому графу характерно превышение темпов миграции над «укладывающимися»

в норматив, а также то, что зарплаты в этих регионах растут быстрее, чем в РБ в целом. Миграционные процессы в РБ и из РБ в РФ затрудняют создание семьи, несмотря на повышение уровня жизни мигранта (рождаемость растёт медленнее миграции в Минске, Витебской и Могилевской областях).

Что же касается стоимости жизни, то низкие значения меры сходства в Брестской области объясняются быстрым ростом индекса цен в строительстве и относительно невысоким ростом доходов населения после 2021 года. Действительно, этот ранее экспортоориентированный регион РБ столкнулся как с санкционным давлением со стороны ЕС, так и с миграционным кризисом, что привело к этим взаимосвязанным тенденциям. В Витебской области помимо названных факторов сложилась также высокая степень расслоения населения по доходам [17], а также значимые проблемы с развитием устойчивой промышленности (в том числе и из-за недостатка инвестиций в основной капитал — 4-й норматив и недостаточным ростом доходов населения — 2-й норматив). При этом стоит признать, что Витебская область активно развивает системы социальной защиты населения: рост числа больничных коек и мест в детских садах в 3-м нормативе соответствует позиции показателей в эталонном распределении.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что СГ незначительно влияет на изменение уровня жизни РБ само по себе, оно формирует предпосылки его изменения, которые реализуются или нет на региональном и республиканском уровне через экономическое сотрудничество с РФ. В частности, аналогичные выводы можно сделать и из анализа правовой базы сотрудничества [6], которая не претерпела принципиальных изменений с 2016 года.

Выводы

Сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь на современном этапе — одно из важнейших направлений внешнеэкономической политики обо-

их государств. В рамках Союзного государства созданы условия для активного экономического сотрудничества. Тем не менее, значимость социального аспекта российско-белорусского сотрудничества остаётся конъюнктурной. В процессе исследования получены следующие ключевые результаты: 1) не подтвердилась гипотеза наличия непосредственного влияния СГ на уровень жизни в РБ; 2) выделены регионы со значительными отклонениями в уровне жизни от средних по РБ, эти отклонения объяснены с точки зрения связи компонентов социально-экономической системы; 3) доказано, что экономическое сотрудничество с РФ имеет большое влияние на уровень жизни в РБ, однако СГ служит только как драйвер такого сотрудничества.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что СГ не имеет долгосрочных драйверов в части влияния на социальное развитие и повышение уровня жизни в РБ. Действительно, в отдельные значимые для СГ периоды принимаемые решения в части его развития положительно влияли на уровень жизни в РБ, однако уже в следующем периоде это влияние становилось незначительным. Исходя из того, что экономические эффекты от решений 2016 и 2021 гг. были существенные и долгосрочные, можно заключить, что в РБ уровень жизни напрямую зависит от экономической активности — в периоды её резкого подъёма он также повышается, в периоды, когда отсутствует резкий рост экономики, уровень жизни не растёт и возвращается к прежнему состоянию в силу сильной связанности элементов социально-экономической системы РБ.

Приграничное сотрудничество влияет на уровень жизни в большей степени в регионах, через которые проходит наибольший транзит, для остальных регионов его эффекты незначительны. Витебская, Могилевская, Гродненская области и город Минск с Минской областью выделяются по уровню жизни сильнее всего в зависимости от рассматриваемого норматива в большую или меньшую стороны. Это объясняется а) транзитным потенциалом регионов, б) наличи-

ем в некоторых из них высокоэффективных предприятий (в основном в свободных экономических зонах), в) поведенческими особенностями потребления, связанными с более высокими доходами населения и большей волатильности цен и доходов, г) большим влиянием миграции и санкционного давления.

Исходя из эффектов СГ для экономики РБ и её социальной сферы в целом, а также

неоднозначного влияния на приграничные регионы можно заключить, что в основе роста уровня жизни в РБ лежат экономические всплески, при нормальном функционировании экономики уровень жизни сохраняется неизменным, но СГ формирует регуляторную основу для развития экономического сотрудничества с РФ, вследствие которого формируются значимые драйверы экономического роста РБ.

Литература и Интернет-источники

1. **Мигранян, А. А.** Потенциал развития экономического сотрудничества России со странами ЕАЭС и СНГ / А. А. Мигранян // Проблемы постсоветского пространства. — 2020. — Т. 7 — № 3. — С. 327–346. DOI: 10.24975 / 2313-8920-2020-7-3-327-346; EDN: YHBCV
2. **Atkinson, A.** Measuring Poverty around the World / A. Atkinson. — Princeton : Princeton University Press, 2019. — 464 p.
3. **Addae-Korankye, A.** Theories of Poverty: A Critical Review / A. Addae-Korankye // Journal of Poverty, Investment and Development. — 2019. — No. 48. — P. 55–62.
4. **Жаромский, В. С.** Построение комплексной оценки бедности по трём профилям бедности // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 1. — С. 92–105. DOI: 10.24411 / 1561-7785-2019-00007; EDN: ICOEVN
5. **Бобков, В. Н.** Бедность, уровень и качество жизни: методология анализа и механизмы реализации / В. Н. Бобков // Уровень жизни населения регионов России. — 2005. — № 1(83). — С. 7–20. EDN: LMBEKL
6. **Боришполец, К. П.** Союзное государство России и Белоруссии: равные права граждан — решённые и проблемные вопросы / К. П. Боришполец // Международная аналитика. — 2018. — № 4. — С. 7–16. EDN: BPCXLQ
7. **Bornukova, K.** Fiscal Policy and Child Poverty in Belarus / K. Bornukova, J. Cuesta, G. Shymanovich, U. Valetka // European Journal of Development Research. — 2023. — Vol. 35. — No. 5. — С. 1080–1101. DOI: 10.1057 / s41287-022-00560-y; EDN: USTCGE
8. **Горбенкова, Е. В.** Анализ влияния приближённости областных центров на уровень социально-экономического развития сельских поселений Беларуси / Е. В. Горбенкова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Строительство и архитектура. — 2014. — № 1. — С. 49–62. EDN: SEZFXJ
9. **Аржаев, Ф. И.** Уровень жизни в дальневосточном регионе: подходы к мониторингу и снижению диспропорций / Ф. И. Аржаев, Д. Е. Морковкин, Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 114–127. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-4-114-127; EDN: NCDWRT
10. **Кошарная, Г. Б.** Уровень и образ жизни бедного населения в региональном социуме / Г. Б. Кошарная, Л. Ф. Каримова // Вестник Института социологии. — 2016. — 7. — № 3. — С. 38–56. DOI: 10.19181 / vis.2016.18.3.411; EDN: WXBKUD
11. **Долинина, Т. Н.** Заработная плата как социально-трудовая рента: особенности формирования в Республике Беларусь / Т. Н. Долинина // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. — 2020. — № 1(232). — С. 31–37. EDN: FBVEIN
12. **Тихонова, Л. Е.** Трудовая миграция в Республике Беларусь: теория и практика в современных условиях / Л. Е. Тихонова, В. П. Пугачёв // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. — 2021. — № 13. — С. 89–96. DOI: 10.52928 / 2070-1632-2021-58-13-89-96; EDN: MZSBTS

13. **Геврасёва, А. П.** Интеграционные процессы и их влияние на регулирование цен в Республике Беларусь / А. П. Геврасёва. // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. — 2014. — № 7. — С. 45–49. EDN: VTRDCR
14. **Межевич, А. Н.** Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь: проблемы развития в новых экономических и политических условиях / А. Н. Межевич, И. П. Ситов // Управленческое консультирование. — 2023. — № 6. — С. 137–144. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-6-137-144; EDN: BRQYFD
15. **Москалевич, Г. Н.** Реализация концепции социального государства в Республике Беларусь / Г. Н. Москалевич // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — 2023. — Т. 6. — Ч. 1. — С. 254–260. EDN: EDCXCJ
16. **Шурубович, А. В.** Экономика Белоруссии: 25 лет на пути системной трансформации / А. В. Шурубович // РСМ. — 2016. — № 2(91). — С. 90–106. EDN: WCDQXN
17. **Авдей, О. В.** Доходы населения и экономический рост в Беларуси / О. В. Авдей, Ю. В. Чайковская // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. — 2017. — № 3(9). — С. 73–80. EDN: ZWROOR

Сведения об авторах:

Аржаев Федор Игоревич, к.э.н., ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия. Контактная информация: arzhaevfedor@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-2986-3235, РИНЦ SPIN-код: 3716-8510.

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; РИНЦ SPIN-код: 8277-4480.

Мамедов Турал Нати́г оглы, к.э.н., ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tural-mamedov-2011@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9899-1396; РИНЦ SPIN-код: 1483-1334.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881-6084.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-70-82

MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS OF THE POPULATION LIVING STANDARDS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Fedor I. Arzhaev¹, Dmitry E. Morkovkin^{1*}, Tural N. Mamedov¹, Yury A. Simagin²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

²ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

For citation:

Arzhaev F. I., Morkovkin D. E., Mamedov T. N., Simagin Yu. A. Multidimensional analysis of the population living standards in the Republic of Belarus. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 70-82. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-70-82 (in Russ.)

Abstract: *The issue of ensuring sustainable growth in living standards for the socially oriented economy of the Republic of Belarus is one of the most significant indicators of its effectiveness. In the context of the development of the Union State, this issue is also important as a component of strengthening the economic ties between the Russian Federation and the Republic of Belarus. Given the low level of attention to this issue in the academic community, the study seems relevant. The aim of this study is to examine the impact of the Union State on changes in living standards in Belarus. The hypothesis is that cooperation within the Union State contributes to an improvement in the living standards. To achieve this goal, there was used a systematic approach based on a dynamic standard method for assessment of the living standards in regions of Belarus. The following key findings were obtained during the study: 1) The hypothesis of a direct impact of the Union State on the living standards in the Republic of Belarus has not been confirmed; 2) Regions with significant deviations from the average standard of living in Belarus have been identified. These deviations are explained by the connection between the components of the socio-economic system; 3) It has been proven that the economic cooperation with Russia has a significant impact on the living standards in Belarus. However, the Union State only serves as a driver of this cooperation. The theoretical significance of this study lies in the fact that it is the only work on the living standards in Belarus based on a comprehensive analysis of the socio-economic context. The practical significance of this proposal lies in both the development of tools for monitoring living standards based on a variety of economic and social indicators, and in the analysis of the social integration within the Union State, which can be applied by the governing bodies. The article proposes to address the issues related to poverty and living standards in the regions of the Republic of Belarus by providing a comprehensive system for data collection and analysis. This system would allow for a more accurate understanding of the economic and social conditions within each region, as well as the disparities between them. Additionally, this proposal includes an analysis of the social integration, which is essential for ensuring the cohesion and stability of the Union State. By studying the integration of different groups within the Union State, we can identify areas where further efforts are needed to promote equality and cooperation.*

Keywords: *living standards, poverty, Union State, system analysis, regions of the Republic of Belarus, social integration.*

Литература и Интернет-источники

1. Migranyan A. A. Potentsial razvitiya ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii so stranami YeAES i SNG [Potential of development of economic cooperation between Russia and EAEU and CIS countries]. *Problemy postsovetskogo prostranstva [Post-Soviet Issues]*. 2020. Vol. 7. No. 3. P. 327–346. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-3-327-346 (in Russ.)
2. Atkinson A. *Measuring Poverty around the World*. Princeton. Princeton University Press. 2019. 464 p.
3. Addae-Korankye A. Theories of poverty: a critical review. *Journal of Poverty, Investment and Development*. 2019. No. 48. P. 55–62.
4. Zharomsky V. S. Postroyeniye kompleksnoy otsenki bednosti po trom profilyam bednosti [Building an integrated poverty measure by three poverty profiles]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 1. P. 92–105. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00007 (in Russ.)
5. Bobkov V. N. Bednost', uroven' i kachestvo zhizni: metodologiya analiza i mekhanizmy realizatsii [Poverty, standards and quality of life: methodology of analysis and implementation mechanisms]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2005. No. 1. P. 7–20. (in Russ.)

6. Borishpolets K. P. Soyuznoye gosudarstvo Rossii i Belorussii: ravnyye prava grazhdan — reshonnyye i problemnyye voprosy [The Union State of Russia and Belarus: equal rights of citizens — resolved and problematic issues]. *Mezhdunarodnaya analitika [Journal of International Analytics]*. 2018. No. 4. P. 7–16. (in Russ.)
7. Bornukova K., Cuesta J., Shymanovich G., Valetka U. Fiscal policy and child poverty in Belarus. *European Journal of Development Research*. 2023. Vol. 35. No. 5. P. 1080–1101. DOI: 10.1057/s41287-022-00560-y
8. Gorbenkova E. V. Analiz vliyaniya priblizhonnosti oblastnykh tsentrov na uroven' sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sel'skikh poseleniy Belarusi [Analysis of the impact of proximity of regional centers on the level of socio-economic development of rural settlements in Belarus]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Stroitel'stvo i arkhitektura [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Construction and Architecture]*. 2014. No. 1. P. 49–62. (in Russ.)
9. Arzhaev F. I., Morkovkin D. E., Simagin Yu. A. Uroven' zhizni v dal'nevostochnom regione: podkhody k monitoringu i snizheniyu disproportsiy [Living standards in the Far Eastern region: approaches to monitoring and reducing imbalances]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 114–127. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-114-127 (in Russ.)
10. Kosharnaya G. B., Karimova L. F. Uroven' i obraz zhizni bednogo naseleniya v regional'nom sotsiume [The living standards and lifestyle of the poor in a regional society]. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 38–56. DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.411 (in Russ.)
11. Dolinina T. N. Zarabotnaya plata kak sotsial'no-trudovaya renta: osobennosti formirovaniya v Respublike Belarus' [Wages as a social and labor rent: features of formation in the Republic of Belarus]. *Trudy BGTU. Seriya 5: Ekonomika i upravleniye [Proceedings of the Belarus State Technological University. Series 5: Economics and Management]*. 2020. No. 1(232). P. 31–37. (in Russ.)
12. Tikhonova L. E., Pugachev V. P. Trudovaya migratsiya v Respublike Belarus': teoriya i praktika v sovremennykh usloviyakh [Labor migration in the Republic of Belarus: theory and practice under modern conditions]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki [Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences]*. 2021. No. 13. P. 89–96. DOI: 10.52928/2070-1632-2021-58-13-89-96 (in Russ.)
13. Gevraseva A. P. Integratsionnyye protsessy i ikh vliyaniye na regulirovaniye tsen v Respublike Belarus' [Integration processes and their impact on price regulation in the Republic of Belarus]. *Trudy BGTU. Seriya 5: Ekonomika i upravleniye [Proceedings of the Belarus State Technological University. Series 5: Economics and Management]*. 2014. No. 7. P. 45–49. (in Russ.)
14. Mezhevich A. N. Prigranichnoye sotrudnichestvo Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Belarus': problemy razvitiya v novykh ekonomicheskikh i politicheskikh usloviyakh [Cross-border cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus: development problems in new economic and political conditions]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye [Administrative Consulting]*. 2023. No. 6. P. 137–144. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-6-137-144 (in Russ.)
15. Moskalevich G. N. Realizatsiya kontseptsii sotsial'nogo gosudarstva v Respublike Belarus' [Implementation of the concept of welfare state in the Republic of Belarus]. *Bol'shaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]*. 2023. Vol. 6. Part 1. P. 254–260. (in Russ.)
16. Shurubovich A. V. Ekonomika Belorussii: 25 let na puti sistemnoy transformatsii [The economy of Belarus: 25 years on the way to system transformation]. *RSM [Russia and the Contemporary World]*. 2016. No. 2. P. 90–106. (in Russ.)
17. Avdei O. V., Chaikovskaya Yu. V. Dokhody naseleniya i ekonomicheskii rost v Belarusi [Household income and economic growth in Belarus]. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*. 2017. No. 3(9). P. 73–80. (in Russ.)

Information about the authors:

Arzhaev Fedor Igorevich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: arzhaevfedor@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2986-3235, Elibrary SPIN-code: 3716–8510.

Morkovkin Dmitry Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; Elibrary SPIN-code: 8277–4480.

Mamedov Tural Natig ogly, Candidate of Economics, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tural-mamedov-2011@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9899-1396; Elibrary SPIN-code: 1483–1334.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881–6084.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-83-95
EDN: OMJZEM

ГЕНЕЗИС БЕДНОСТИ В МОНГОЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Бредихин А. В.^{1,2*}, Аржаев Ф. И.³, Селезнев И. А.⁴, Мехдиев Э. Т.³

¹Институт Китая и современной Азии РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

³Финансовый университет при Правительстве РФ
(125468, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

⁴ИСПИ ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, улица Фотиевой, 6, корп. 1)

*E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Для цитирования:

Бредихин А. В., Аржаев Ф. И., Селезнев И. А., Мехдиев Э. Т. Генезис бедности в Монголии на современном этапе: экономико-географический анализ // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 83-95. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-83-95; EDN: OMJZEM

Аннотация. В рамках исследования ставится цель — выявить причины сохранения бедности в Монголии и её географического распространения. В процессе исследования авторами выделены три группы факторов, влияющих на устойчивость бедности — природно-климатические, геоэкономические и социально-экономические. По каждой группе факторов в процессе исследования получены результаты, обосновывающие сохранение бедности. Так, показано, что Монголия находится в «географическом тупике»: находится далеко от побережья Мирового океана, её территория зажата между двумя странами — Российской Федерацией (РФ) и Китайской Народной Республикой (КНР), которые обладают значительно большими политическим, социально-экономическим, природно-ресурсным и другими потенциалами. Природные и климатические особенности территории Монголии обуславливают специфику сельского хозяйства (почти исключительно пастбищное животноводство из-за отсутствия условий для ведения растениеводства на большей части территории страны) и, соответственно, ведение сельским населением преимущественно кочевого образа жизни, что, в свою очередь, объясняет распределение бедности по аймакам (регионам Монголии): в аймаках с преимущественно городским населением или с наличием развитой горнодобывающей промышленности (Улан-Батор, Дархан, Эрдэнэт и другие) уровень бедности населения значительно ниже, чем по стране в целом. Торговое и экономическое сотрудничество Монголии с РФ и КНР влияет на экономику Монголии, стимулирует её развитие, но мало связано с динамикой бедности населения, почти не влияет на социальное развитие страны. Ключевые экономические проблемы объясняют слабую связь развития экономики и бедности, то есть социально-культурные факторы наиболее значимы для сохранения бедности населения.

Ключевые слова: бедность, Монголия, причины бедности, природно-климатические условия, геоэкономические факторы, социально-экономическое развитие.

© Бредихин А. В., Аржаев Ф. И., Селезнев И. А., Мехдиев Э. Т., 2025

Введение

В современных условиях проблематика бедности стоит остро во многих странах мира, несмотря на смещение внимания к неравенству. Монголия в этом контексте остаётся слабо изученной как в силу небольшого населения и невысокой его значимости в достижении глобальной Цели устойчивого развития ООН № 1 (ЦУР-1), так и в силу того, что страна имеет собственную специфику, не согласующуюся в полной мере с современными подходами к бедности. С учётом того, что страна — сосед России и один из важных партнёров, выявление причин сохранения бедности в Монголии и возможных шагов по её преодолению — актуальная и значимая проблема.

Объект исследования — социально-экономическая система Монголии, предметом исследования является специфика монгольской бедности. В рамках исследования ставится цель — выявить причины сохранения бедности населения в Монголии и её географического распространения. Для достижения цели решаются задачи: оценивается динамика бедности и темпов экономического развития, а также их взаимосвязь, выявляется специфика природно-географических факторов, проверяется наличие влияния экономического сотрудничества с РФ и КНР на бедность населения Монголии.

К ключевым результатам исследования можно отнести доказательство несостоятельности современных подходов к противодействию бедности для кочевого населения; обоснование географического и климатического фактора как основных в сохранении бедности в Монголии; доказательство высокого влияния РФ и КНР на динамику монгольской экономики, но фактическое отсутствие такового на уровень бедности. Отметим скудность официальных статистических данных, в силу чего приходится адаптировать их под современные условия и верифицировать несколькими источниками.

Обзор литературы

Вопросы бедности в Монголии в основном изучались в контексте достижения ЦУРов ООН в связке с вопросами экономического роста, но почти никогда — как самостоятельная тема. Так в работе [1] вопрос бедности в Монголии отсылает к социалистическому прошлому страны. Фактически, автор повторяет нарратив Всемирного банка — для борьбы с бедностью необходим доступ к образованию, общественным благам, социальная защита, гендерное равенство, чего социалистическая Монголия не могла добиться. Полностью упускается из виду как специфика экономического развития страны на различных этапах, так и образ жизни населения. В более современном исследовании [2], наоборот, основное внимание уделяется группе наиболее бедных граждан Монголии — кочевых животноводах: предлагается вывод о том, что уровень жизни в Монголии, как минимум для сельской местности, имеет смысл измерять в головах скота, а не в доходах домохозяйства. Несмотря на интересные результаты в части измерения бедности кочевого населения страны, работа не объясняет причины географического распределения бедности.

В исследовании связи бедности и экономического роста [3] авторы эмпирически доказывают, что результатом бурного экономического роста стало снижение бедности и неравенства в стране. В то же время указывается на то, что эффект мог бы быть больше, если бы развитие шло не только за счёт экстенсивного использования природного потенциала, но и трансформации экономики. Одним из наиболее полных трудов по тематике причин бедности в Монголии является работа Ф.Пасторе [4], который систематизировал социально-экономические предпосылки бедности с точки зрения ловушки бедности и образования. В работе, тем не менее, не учтены культурно-исторические особенности Монголии и отсутствие роста спроса в стране на высококвалифицированные кадры. Аналогичные результаты при анализе социаль-

но-экономической системы страны получены и в другой работе [5], где констатируется необходимость смены современной экономической политики страны.

Наиболее интересные результаты получены в работах, связанных с попыткой оценки влияния природных факторов на уровень жизни в стране [6; 7] — авторы в явном виде указывают на то, что бедность в Монголии необходимо связывать с климатическими условиями, а не использовать подход к многомерной бедности или экономической связи между уровнем жизни и устойчивым экономическим ростом. Косвенно это доказано в работе, посвящённой влиянию пандемии COVID-19 на бедность в стране, в которой авторы доказывают, что такое влияние не прослеживается [8].

Методология исследования

В рамках данного исследования предлагается обратиться к классическому экономико-географическому анализу происхождения бедности. Для этого выделены следующие блоки потенциальных причин бедности и её сохранения в стране: природно-климатические, геоэкономические и социально-экономические. В каждом блоке факторов рассматриваются и выделяются наиболее значимые. Для природно-географических факторов необходимо проверить гипотезу об изолированности страны. Для этого используем теорему Кёнига, предполагающую, что все точки на плоскости могут быть связаны через другие точки или напрямую рёбрами графа. Соответственно, чем меньше рёбер у графа, исходящего из отдельной точки, тем центральнее положение точки по отношению к другим. В работе по трём видам транспорта (автомобильный, железнодорожный и авиационный) рассчитано, сколько точек связывает каждый из графов и сколько рёбер у этого графа, затем количество точек разделено на количество рёбер, таким образом получен индекс связанности. В рамках этой части исследования причин бедности объясняется её устойчивость к экономическим методам борьбы с ней.

Вторая часть исследования направлена на проверку связи бедности и внешних факторов — замкнутости страны между РФ и КНР. Проводится корреляционный анализ связи внешней торговли Монголии с РФ и КНР, на основании которого делаются выводы о внешних причинах генезиса бедности в стране. В случае выявления корреляции между бедностью и внешней торговлей, доказываем, что соседство с двумя сверхдержавами не позволяет Монголии в полной мере использовать преимущества глобальной мировой торговли для преодоления бедности.

Третий блок факторов — социально-экономический, он анализируется для выявления того, каковы причины внутренних диспропорций в уровне бедности в стране. Требуется выявить сходство распределения бедности с социальными или экономическими явлениями, чтобы доказать социально-экономический генезис сохранения бедности в Монголии.

Результаты

Монголию принято считать одним из «провалов» реализации ЦУР-1 из-за высокой активности международных организаций в стране, значимого объёма финансирования программ против бедности (664 млн долларов США только от Всемирного банка с 2018 по 2022 гг. включительно) и отсутствия явных результатов в борьбе с бедностью¹. На рис. 1 отражена динамика бедности населения в стране по национальной черте бедности в сравнении с ВВП страны. При росте ВВП бедность оставалась на одном уровне и даже немного росла, что опровергает теорию экономического роста как инструмента преодоления бедности. Дополнительным доказательством тому может быть тот факт, что Монголия относительно богата природными ресурсами и активно их экспортирует [9]. Однако, это слабо влияет на бедность — экономическое развитие в стране и бедность населения слабо связаны.

¹ The World Bank in Mongolia, 2024. — URL: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/overview#3> (дата обращения: 17.08.2024).

Уместно было бы предположить, что в силу того, что основной приток капитала приходится на отдельные регионы страны, в частности, на столицу — Улан-Батор (финансовый центр страны), аймаки (регионы) Восточно-Гобийский и Южно-Гобийский, Дорнодский, Дарханский, Селенгинский — (индустриальные районы), то именно они могли бы стать наиболее благополучными с точки зрения бедности. Географическое распределение бедности в стране не отсле-

живалось с 2011 г., в связи с чем ориентироваться можно только на данные, представленные на рис. 2, которые опровергают возможность географического распределения бедности в стране в соответствии со структурой экономики аймаков. Так, Баян-Улгийский аймак отличается низким уровнем бедности, хотя в основе его экономики лежит животноводство, а Селенгинский и Дорнодский аймаки испытывают значительные проблемы с бедностью.

Рис. 1. Доля бедного населения в Монголии (%) и ВВП в постоянных ценах (түгрік)

Fig. 1. Share of poor population in Mongolia (%) and GDP in constant prices (tugriks)

Источник: Ядуурлын бүх хэлбэрийг эцэс болгох, 2022. — URL: <http://sdg.gov.mn/Goal/?id=1>; GDP (constant LCU), 2024. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KN> (дата обращения: 17.06.2024).

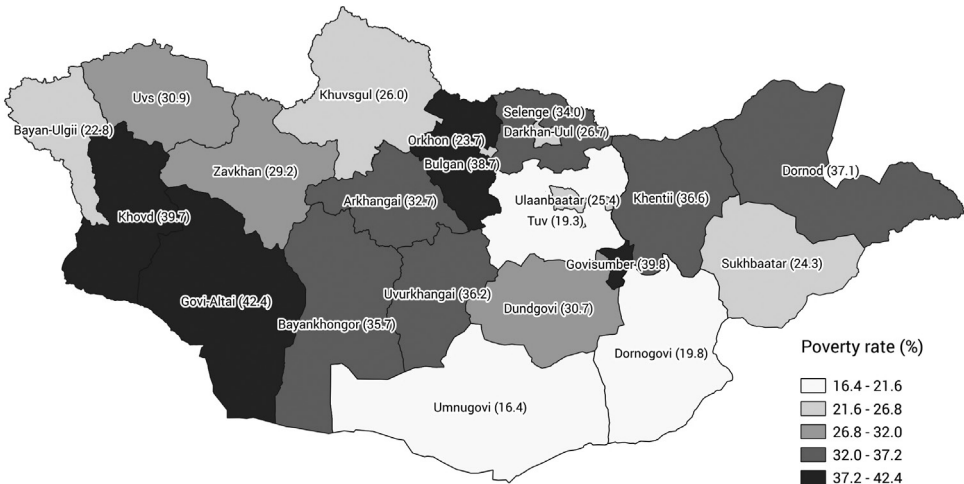

Рис. 2. Доля бедного населения по аймакам Монголии в 2011 г., %

Fig. 2. Percent of poor population by aimags of Mongolia in 2011, %

Источник: Ядуурлын бүх хэлбэрийг эцэс болгох, 2022. — URL: <http://sdg.gov.mn/Goal/?id=1> (дата обращения: 17.06.2024).

Выделить единую закономерность распределения бедности на территории страны на основании представленных данных невозможно, они не соотносятся ни с характером населения (сельское или городское), ни с их положением относительно РФ и КНР, ни с уровнем экономического развития и структурой экономики аймаков. Отметим, что даже для основных туристических центров страны — Центрального аймака, Восточно-Гобийского и Южно-Гобийского аймаков, а также Хубсгульского аймака [10] нет единой закономерности распределения бедности.

В этой связи уместно рассмотреть ряд других особенностей страны, которые позволяют более точно выделить причины распределения бедного населения именно выделенным образом. Прежде всего, обозначим ключевые климатические и географические ограничения для преодоления бедности. Традиционно к таким принято относить суровый климат и сложности с питьевой водой, малопродуктивную для земледелия почву и отсутствие выхода к морю [11]. Для Монголии характерно наличие всех названных причин. В дополнение к сказанному страна соседствует только с РФ и КНР, что значительно ограничивает как её экспортные возможности, так и логистику в целом,

в том числе и из-за заинтересованности обеих стран в получении влияния на Монголию [12].

Население страны по размеру сопоставимо даже с соседними регионами КНР и РФ, более того, около четверти населения проживает в столице Улан-Баторе и ещё около 20% в других крупных городах. Остальная часть населения либо занята сезонной работой, что предполагает смену места проживания в зависимости от сезона, либо занято в неформальном секторе экономики. На юге страны расположены пустынные и степные зоны с резко континентальным климатом, на севере — гористые территории. Эти местности сложны для освоения, то есть, даже от двух соседей страна отрезана географическими преградами (естественно, не полностью, например, часть территории, прилегающая к российской Республике Бурятия покрыта лесостепями и относительно невысокими горами). Обратимся к теореме Кенига, проиллюстрировав её на примере модальностей транспорта для Улан-Батора, и соседних территорий РФ и КНР — Улан-Удэ (столица Республики Бурятия) и Хух-Хото (столица китайского автономного района Внутренняя Монголия) (табл. 1).

Таблица 1

Связанность территорий и индекс связанности

Table 1

Connectivity of territories and the connectivity index

Вид транспорта	Улан-Батор	Улан-Удэ	Хух-Хото
Автомобильный	21 маршрут в Монголии и 1 — в Улан-Удэ	28 маршрутов по РФ и 3 — в Монголию	65 маршрутов по КНР
Железнодорожный	6 маршрутов в РФ, 2 — в КНР и 2 — по Монголии	10 маршрутов по РФ и 1 — в Монголию	26 маршрутов по КНР
Авиационный	15 международных маршрутов и 4 — по Монголии	14 по РФ и 1 — в Монголию	70 маршрутов по КНР, 1 — в Монголию
Индекс связанности			
Автомобильный	1,56	1,36	1,00
Железнодорожный	1,85	1,08	1,44
Авиационный	1,89	2,53	1,42

Источник: рассчитано авторами по открытым данным транспортных компаний Монголии, РФ и КНР.

Как показывает таблица, Монголия находится в «географическом тупике», пытаясь компенсировать это авиационным транспортом. Что же касается взаимосвязи бедности и географии, то, чем более изолирована страна от возможностей дешёвого экспорта товаров или услуг морским транспортом и импорта технологий, необходимых ей товаров для развития производственной базы, тем устойчивее в ней бедность [11]. Выявленный эффект обосновывает причину устойчивости бедности в стране, но не даёт ответа на её географическое распределение внутри страны.

Ранее уже говорилось о том, что можно предположить влияние на бедность насе-

ления международных факторов, в частности, зависимость от импорта товаров из РФ и КНР, необходимость балансирования между интересами РФ и КНР как в политическом, так и в экономическом смысле [13]. Соседство с РФ и КНР несколько ограничивает возможность ценового арбитража для монгольских экспортёров, однако, как РФ, так и КНР активно сотрудничают с Монголией в сфере образования, культуры и гуманитарных инициатив [14], формируя драйвер снижения бедности. Фактически можно заключить, что бедность и внешняя торговля страны никак не связаны (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционный анализ бедности, ВВП и внешней торговли Монголии

Table 2

Correlation analysis of poverty, GDP, and Mongolia's foreign trade

Корреляция внешней торговли	Экспорт в КНР	Импорт из КНР	Экспорт в РФ	Импорт из РФ	Сальдо с КНР	Сальдо с РФ
С бедностью населения	-0,021	0,033	-0,209	0,102	-0,021	-0,111
С ВВП Монголии	0,229	0,892	0,540	0,892	0,228	-0,898

Источник: рассчитано авторами по данным организации ООН по торговле и развитию (UNCTAD). — URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix> (дата обращения: 17.08.2024).

Табл. 2 доказывает фактическое отсутствие какой-либо значимой схожести динамики бедности населения и внешней торговли, чего нельзя сказать про связь объёма ВВП и внешней торговли. Таким образом, доказав отсутствие явной связи экономического роста и бедности в стране в первой части исследования, можно констатировать, что никакого внешнего влияния с точки зрения взаимной торговли со стороны РФ и КНР на бедность в Монголии не прослеживается. При этом активная торговля и партнёрские отношения с соседями позволяют монгольской экономике развиваться, образуя внутренние ресурсы для преодоления бедности в стране.

Совершенно по-другому представляется восприятие самим монгольским обществом такого торгового сотрудничества — оно воспринимается во многом негативно, как

попытка навязать определённый путь развития (синоизация, апелляция к советскому прошлому). В основе восприятия помощи в преодолении бедности обществом Монголии лежит одновременно желание балансировать между соседями, получая от них максимум ресурсов, а с другой — желание проводить независимую от них политику [15]. При таком подходе международные инициативы в части борьбы с бедностью будут иметь ограниченную эффективность, как и эффекты сотрудничества с РФ и КНР.

От международных факторов обратимся к внутренним. В Монголии наблюдается высокий уровень инфляции, обесценивающий накопления населения². Это связано с тем, что ключевыми драйверами роста экономики остаются сырьевой сектор и сельское

² Инфляция в Монголии останется на уровне 8,7% в 2024 году. — URL: <https://asiarussia.ru/news/39013/> (дата обращения: 17.08.2024).

хозяйство, основная часть продукции которого потребляется внутри страны, в то время как ключевой продукцией на экспорт являются сырье и продукция лёгкой промышленности, то есть, продукция, конкуренция на мировых рынках которой высока и требует монетарной поддержки экспортёров. Нельзя также не отметить, что в период пандемии COVID-19 произошёл резкий спад экспорта и производства, что увеличило безработицу в стране в 2021 г. [16], хотя в дальнейшем наблюдался спад безработицы.

Отдельным вопросом является политика страны в отношении иностранного бизнеса — до сих пор сохраняется значительная доля предприятий, столкнувшихся с давлением со стороны властей и коррупцией³. С учётом сказанного, приток иностранных инвестиций в Монголию, несмотря на интерес инвесторов к её природным ресурсам, нестабильный. Это не позволяет в полной мере использовать природную ренту. Собственно, политика её использования хаотична — с 2000 г. безусловный базовый доход от использования природных ископаемых вводился 3 раза — в 2010, 2011–2012 и 2024 гг.,⁴ что, однако, не снизило бедность населения, но увеличило внешний долг страны и ускорило инфляционные процессы. Политика же в области бедности населения в Монголии остаётся размытой, без конкретных мер.

В целом для страны критичным стало падение драйверов роста (горнодобывающая промышленность, лёгкая промышленность) в условиях пандемии COVID-19. Рис. 1 показывает замедление экономического роста в период 2019–2022 гг., что наложилось на и без того проблемный экспорт минеральных ресурсов в 2019 году. Тем не менее, названные выше факторы инфляционного

давления, наличия рабочих мест и драйверов экономического роста не оказали критического влияния на бедность населения, скорее, снизили объём располагаемых Монголией ресурсов для проведения программ по её снижению. Гораздо более значимы социально-демографические факторы.

Проблема бедности в стране определяется тем, что демографическая модель предполагает активное воспроизводство населения, при этом скорость воспроизводства населения в сельских регионах и части населения, ведущей кочевой или маргинализированный образ жизни выше, чем в городах страны [17]. При этом политика поддержки этой части населения фактически отсутствует или же реализуется хаотично в силу того, что в рамках подходов к бедности по доходу или многомерной бедности эта часть населения в зависимости от сезона и климатических условий находится постоянно под угрозой крайней бедности, но обеспечить её социальными благами не представляется возможным в силу отсутствия постоянного места жительства.

Так, заболевания домашних животных наиболее сильно сказываются на тех монгольских хозяйствах, у которых нет возможности обратиться за ветеринарной помощью, то есть на кочевниках и не крупных хозяйствах, наиболее подверженных бедности. В целом же обратим внимание на то, что подход к многомерной бедности в части жилья, чистой воды, здравоохранения и других благ в Монголии неприменим, так как около четверти населения ведут кочевой образ жизни постоянно⁵ и ещё от 10 до 12% ведут кочевой образ жизни в зависимости от сезона⁶, то есть обеспечить около трети населения страны даже благами первой необходимости фактически невозможно. Общий паттерн внутренней миграции в Монголии обусловлен климатическим фактором (по-

³ Кража на триллионы тугриков: что вызвало массовые протесты в Монголии. — URL: <https://www.forbes.ru/society/482431-kraza-na-trilliony-tugrikov-cto-vyzvalo-massovye-protesty-v-mongolii> (дата обращения: 17.08.2024).

⁴ Каждый гражданин Монголии получит дивиденды как часть общего природного богатства страны. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/19864767>; Gentilini, U., Grosh, M., Rigolini, J., Yemtsov, R. Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. — Washington, DC: World Bank, 2020. (дата обращения: 17.08.2024).

⁵ Counting the uncoun ted How the Mongolian nomadic survey is leaving no one behind. — URL: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/counting-uncoun ted-how-mongolian-nomadic-survey-leaving-no-one-behind> (дата обращения: 17.08.2024).

⁶ Mongolia case study — the evolving education needs and realities of nomads and pastoralists. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000266056> (дата обращения: 17.08.2024).

года), традиционным фактором (лунный календарь) и природным фактором (наличием пастбищ). Районы, пригодные только для кочевого животноводства, концентрируются в наихуднейших аймаках — Кобдоском, Дзабханском, Гоби-Алтайском, Хубсугульском, Хэнтэйском, Дорнодском и Сухэ-Баторском. Фактически, для 33–45% населения Монголии, ведущих кочевой образ жизни, характерна бедность. Крупнейшие промышленные центры страны отличаются низким уровнем бедности за исключением тех, в которых активно развивается кочевое животноводство, где уровень бедности остаётся высоким. В то же время, северные и восточные аймаки, в которых возможно оседлое земледелие, отличаются более низким уровнем бедности по сравнению с западными, южными и центральными, где основным занятием сельского населения остаётся кочевое животноводство.

Бедность в Монголии по своей сути остаётся явлением природно-географического характера, как было продемонстрировано выше. Развитие монгольской экономики имеет ограниченное влияние на бедность населения — она хотя и снижается, но незначительно. Совершенно по-другому оценивается географическое распределение бедности — оно определяется демографической моделью и кочевым образом жизни части населения, а также природными факторами. Попытка свести исследование бедности в Монголии к классическим подходам многомерной бедности, исторического наследия или же экономических факторов, её определяющих, не может принести результатов по той причине, что в стране наблюдается стратификация бедности (хотя общий уровень жизни и остаётся низким). Как показали результаты исследования, эта стратификация основана на разделении населения на оседлое и кочевое вдобавок к классическим различиям в городской и сельской бедности. Предложения по преодолению бедности, основанные по политическим и экономическим трансформациях [1], не будут иметь значимого эффекта в силу того, что они мало затронут ту часть общества, для которой бедность наиболее

часто встречается — население, ведущее кочевой образ жизни. В то же время, попытка его включения в программы для оседлого населения через создание условий для оседлого животноводства⁷ приведёт к тому, что монгольский сельскохозяйственный сектор будет фактически уничтожен. Аналогично, попытки создать драйвер снижения бедности «извне» не приведёт к серьёзным изменениям, так как экономическое благосостояние страны не коррелирует с бедностью, первое, безусловно, повысится, а вот бедность населения не будет иметь тренда к снижению. Тем не менее, отметим, что бедность в индустриальных и приграничных аймаках несколько уменьшится вследствие роста торговли с РФ и КНР и их инвестиций в Монголию.

Предложения по борьбе с бедностью в стране, основанные на универсальном базовом доходе⁸, могут иметь положительные эффекты, особенно при стабильной их реализации для оседлого населения и при условии реализации таких предложений с использованием специальных счетов, открытых на получателей в банках страны, и для кочевого населения. Выплата в неденежной форме или же наличным расчётом, наоборот, приведёт к росту коррупции. Возможным вариантом борьбы с бедностью является создание мобильных пунктов оказания социальных услуг по принципу «одного окна», однако это требует значительных затрат как на обеспечение связи, так и на логистику.

Совершенно отдельной темой является восприятие бедности в Монголии. С учётом образа жизни большей части населения, а также значительного влияния родственных связей на уровень жизни, бедность для населения страны представляется частью общественных отношений. Это подтверждается и географическим фактором бедности — в отсутствии реальных вариантов снижения бедности механизма-

⁷ Reducing poverty among nomads in Mongolia. — URL: <https://borgenproject.org/nomads-in-mongolia/> (дата обращения: 17.08.2024).

⁸ Resources-to-Cash: A Cautionary Tale from Mongolia. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2661202 (дата обращения: 17.08.2024).

ми государственного регулирования, наиболее эффективными остаются общественные механизмы. Они представлены традиционными отношениями (крупными общинами, выполняющими функции самоорганизации и экономические функции) [18], которые поддерживают уровень жизни своих членов на определённом, социально-обусловленном уровне. Такой тип отношений порождает восприятие бедности как общего явления для всех членов общины, и необходимость коллективной работы всей общины для её преодоления. Несмотря на постепенное проникновение информационных технологий в отдалённые регионы страны, сохранение общинного строя и традиционных ценностей не порождает социального напряжения вследствие бедности в монгольском обществе. Частично из-за этого, а также религиозных воззрений (буддизма) сегодня в стране не наблюдается яркого проявления негативных эффектов социального неравенства.

Выводы

Проблема бедности населения остаётся острой в Монголии, несмотря на усилия по снижению её уровня и смягчению последствий. На сегодняшний день важным является также вопрос восприятия бедности в самой Монголии. Проблема бедности обусловлена факторами природно-географического, социально-экономического и геоэкономического характера. «Географический тупик», а также сложные природно-климатические условия не позволяют сформировать новые модели роста экономики страны, тогда как

в связи с традиционным типом воспроизводства населения, значимой долей кочевого населения и эффектом ловушки бедности, попытки преодоления бедности через стимулирование экономического роста — бесперспективны.

Фактор влияния на экономику Монголии соседей (РФ и КНР) действует, но его роль в преодолении бедности населения преувеличена. В частности, никакой статистической взаимосвязи между взаимной торговлей с РФ, КНР и бедностью не прослеживается, тогда как попытки соседей содействовать преодолению бедности воспринимаются монгольским обществом негативно. Явным объяснением географического распределения бедности в Монголии является природный фактор — доступность пастбищ для населения, ведущего кочевой образ жизни. В отсутствии или ограниченном характере денежных доходов эта часть населения считается наиболее бедной, тогда как кочевой характер жизни не позволяет учитывать условия жизни кочевого населения корректно.

Политика по борьбе с бедностью населения в Монголии должна учитывать не только социально-экономические последствия, но и значимую роль культуры и общественных ценностей в жизни монголов. В этой связи сложно предсказать последствия применения рекомендаций Всемирного банка и экспертов других организаций в части смены социальной политики страны. Целесообразно использовать механизмы универсального базового дохода или экспериментальные способы повышения уровня жизни с учётом выявленной в исследовании специфики.

Литература и Интернет-источники

1. Poverty and the Transition to a Market Economy in Mongolia / ed. K. Griffin. — London : Palgrave Macmillan, 1995. — 182 p.
2. *Hufnagel, L.* Globalization and Sustainability — Ecological, Social and Cultural Perspectives / L. Hufnagel. — Rijeka : IntechOpen, 2024. — 502 p.
3. *Doojav, D. J.* Implications of Economic Growth, Poverty and Inequality in Mongolia over the Period of 2008–2012 / D. J. Doojav, A. E. Bayarjargal // The Northeast Asian Economic Review. — 2017. — No. 5. — P. 15–29.

4. **Pastore, F.** 'I Wish I Had 100 Dollars a Month ...' The Determinants of Poverty in Mongolia / F. Pastore // The European Journal of Development Research. — 2016. — No. 28. — P. 934–956.
5. **Авирмэд, Д.** Социальные условия регионального развития Монголии / Д. Авирмэд // iPolytech Journal. — 2014. — № 4. — С. 178–181.
6. **Осодоев, П. В.** Пространственная трансформация пастбищного животноводства Монголии в результате изменения продуктивности «Кормящего ландшафта» / П. В. Осодоев, А. С. Михеева, Д. А. Дарбалаева [и др.] // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. — 2013. — № 1. — С. 124–128. EDN: RDFMNT
7. **Раднаев, Б. Л.** Оценка влияния процессов опустынивания на социально-экономическое положение населения Монголии по данным социологического опроса (на примере аймака Дархан-Уул) / Б. Л. Раднаев, А. С. Михеева, Э. Д. Санжеев [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. — 2011. — № 1. — С. 190–199. EDN: NUMWXT
8. **Imideeva, I. V.** Current state of migration processes in Mongolia during the COVID-19 pandemic / I. V. Imideeva, B. Nandintsetseg // Transbaikial State University Journal. — 2020. — No. 5. — P. 83–92. DOI: 10.21209 / 2227-9245-2020-26-5-83-92; EDN: LTEMJS
9. **Weiyue, Z.** Finding Paths out of Poverty for Mongolia / Z. Weiyue // Communications in Humanities Research. — 2024. — Vol. 30. — No. 1. — P. 129–132. DOI: 10.54254 / 2753-7064 / 30 / 20231664; EDN: YCCTNY
10. **Бямба, О.** Картографирование туризма в Монголии / О. Бямба, Е. Л. Касьянова // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2019. — Т. 1. — № 2. — С. 89–96. DOI: 10.33764 / 2618-981X-2019-1-2-89-96; EDN: ROZSHL
11. **Fuseini, M. N.** Poverty in the Global South: Does the Geographical Theory Offer Any New Insight to Understanding Penury? / M. N. Fuseini, E.-K. Francis, A. A. Ibrahim, S. Mohammed // Cogent Social Sciences. — 2024. — Vol. 10. — No. 1. — P. 1–20. DOI: 10.1080 / 23311886.2024.2321710; EDN: XONCRQ
12. **Дондоков, З.Б.-Д.** Экономический коридор Китай-Монголия-Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов / З.Б.-Д. Дондоков, В. Намжилова // ЭКО. — 2022. — Т. 52. — № 15. — С. 52–71. DOI: 10.30680 / ECO0131-7652-2022-12-52-71; EDN: TLZXUE
13. **Макаров, А. В.** Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии / А. В. Макаров, Е. В. Макарова, А. Б. Андреев // ЭКО. — 2020. — № 10(556). — С. 34–49. DOI: 10.30680 / ECO0131-7652-2020-10-34-49; EDN: GTEUAB
14. **Лун, Ч.** Экономический коридор Китай-Монголия-Россия: вопросы правового сотрудничества приграничных регионов / Ч. Лун // Россия и АТР. — 2018. — № 1. — С. 106–117. EDN: YWJFAF
15. **Якушев, С.** Монголия в современной системе международных отношений / С. Якушев // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 8. — С. 109–115. EDN: MTDCOT
16. **Григорьева, Ю. Г.** Монголия в условиях COVID-19: основные вызовы и меры социально-экономического реагирования / Ю. Г. Григорьева // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2022. — Т. 24. — № 1 — С. 85–98. DOI: 10.24866 / 1813-3274 / 2022-1 / 85-98; EDN: HNVFTI
17. **Бадарев, Д. Д.** Монгольский кейс демографического прироста населения / Д. Д. Бадарев // Власть. — 2023. — № 4. — С. 280–286. DOI: 10.31171 / vlast.v31i4.9757; EDN: OXYCDB
18. **Гомбожапов, А. Д.** Социальная организация общины кочевников Монголии в XXI веке: роль родственных связей / А. Д. Гомбожапов // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 211–223. DOI: 10.24224 / 2227-1295-2021-1-211-223; EDN: ZEMDAI

Сведения об авторах:

Бредихин Антон Викторович, к.ист.н., ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН; старший преподаватель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: bredikhin90@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4097-3854; РИНЦ SPIN-код: 2073-2737.

Аржаев Федор Игоревич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: arzhaevfedor@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2986-3235, РИНЦ SPIN-код: 3716-8510.

Селезнев Игорь Александрович, к.соц.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСПИ ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: igdrake@yandex.ru; РИНЦ SPIN-код: 4902-0364.

Мехдиев Эльнур Таджаддинович, к.ист.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: e.mehdiev@gmail.com; РИНЦ SPIN-код: 4968-4639.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-83-95

THE ORIGIN OF POVERTY IN MONGOLIA TODAY: AN ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL ANALYSIS

Anton V. Bredikhin^{1,2*}, Fedor I. Arzhaev³, Igor A. Seleznev⁴, Elnur T. Mekhdiev³

¹*Institute of China and Contemporary Asia RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Lomonosov Moscow State University
(1/33 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119234)*

³*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125468)*

⁴*ISPR FCTAS RAS
(6, kor.1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)*

**E-mail: bredikhin90@yandex.ru*

For citation:

Bredikhin A.V., Arzhaev F.I., Seleznev I.A., Mekhdiev E.T. The origin of poverty in Mongolia today: an economic and geographical analysis. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-83-95 (in Russ.)

Abstract. Poverty in Mongolia remains a pressing concern, as it not only affects trade relations with neighboring countries but also has implications for stability within the country. Therefore, understanding the reasons for poverty's resistance to efforts to eradicate it and identifying its underlying causes is crucial. The goal of the study is to identify causes for the persistence of poverty and its geographic distribution. Through this research, three groups of factors were identified that contribute to the persistence of poverty: environmental and climatic, geo-economic, and socio-cultural. For each group of factors, there were obtained results justifying the persistence of poverty. Thus, it has been proven that Mongolia is in a geographical dead end (being far from the Coast of the World Ocean and sandwiched between the Russian Federation and the People's Republic of China), while the nature climatic features of its territory dictate nomadic lifestyle and specific agricultural practices (pasture husbandry), which in turn explain the distribution of poverty across aimags (regions of Mongolia). Trade cooperation with the Russian Federation and the People's Republic of China

influences Mongolia's economy and stimulates its development, although it has no direct impact on poverty dynamics. Key economic problems explain the weak correlation between the economic development and poverty, emphasizing socio-cultural factors as the most significant contributors to poverty persistence.

Keywords: poverty, Mongolia, causes of poverty, natural and climatic conditions, geo-economic factors, socio-economic development.

References and Internet sources

1. *Poverty and the Transition to a Market Economy in Mongolia*. Ed. K. Griffin. London. Palgrave Macmillan. 1995. 182 p.
2. Hufnagel L. *Globalization and Sustainability – Ecological, Social and Cultural Perspectives*. IntechOpen. 2024. 502 p.
3. Doojav D. J., Bayarjargal A. E. Implications of economic growth, poverty and inequality in Mongolia over the period of 2008–2012. *The Northeast Asian Economic Review*. 2017. No. 5. P. 15–29.
4. Pastore F. 'I wish I had 100 Dollars a month ...' The determinants of poverty in Mongolia. *The European Journal of Development Research*. 2016. No. 28. P. 934–956.
5. Avirmed D. Sotsial'nyye usloviya regional'nogo razvitiya Mongolii [Social conditions for regional development of Mongolia]. *iPolytech Journal*. 2014. No. 4. P. 178–181 (in Russ.)
6. Osodoev P. V., Mikheeva A. S., Darbalaeva D. A., et al. Prostranstvennaya transformatsiya pastbishchnogo zhivotnovodstva Mongolii v rezul'tate izmeneniya produktivnosti «Kormyashchego landshafta» [Spatial transformation of grazing in Mongolia as a result of «feeding» landscape productiveness changes]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova [Vestnik of North-Eastern Federal University]*. 2013. No. 1. P. 124–128. (in Russ.)
7. Radnaev B. L., Mikheeva A. S., Sanzheev R. D., et al. Otsenka vliyaniya protsessov opustynivaniya na sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye naseleniya Mongolii po dannym sotsiologicheskogo oprosa (na primere aymaka Darkhan-Uul) [Estimation of influence of processes of desertification on economic and social situation of the population of Mongolia (on the example of aimag Darhan-Uul)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Earth Sciences]*. 2011. No. 1. P. 190–199. (in Russ.)
8. Imideeva I. V., Nandintsetseg B. Current state of migration processes in Mongolia during the COVID-19 pandemic. *Transbaikal State University Journal*. 2020. No. 5. P. 83–92. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-5-83-92
9. Weiyue Z. Finding paths out of poverty for Mongolia. *Communications in Humanities Research*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 129–132. DOI: 10.54254/2753-7064/30/20231664
10. Byamba O., Kasyanova E. L. Kartografirovaniye turizma v Mongolii [Mapping of tourism in Mongolia]. *Interesko Geo-Sibir' [Interexpo GEO-Siberia]*. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 89–96. DOI: 10.33764/2618-981X-2019-1-2-89-96 (in Russ.)
11. Fuseini M. N., Enu-Kwesi F., Abdulai I., Sulemana M. Poverty in the global South: Does the geographical theory offer any new insight to understanding penury? *Cogent Social Sciences*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 1–20. DOI: 10.1080/23311886.2024.2321710
12. Dondokov Z. D., Namzhilova V. O. Ekonomicheskii koridor Kitay – Mongoliya – Rossiya: vystraivaniye infrastrukturoy svyazannosti v usloviyakh global'nykh vyzovov [China-Mongolia-Russia corridor: building infrastructure connectivity in the face of global challenges]. *EKO [ECO]*. 2022. Vol. 52. No. 15. P. 52–71. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-12-52-71 (in Russ.)
13. Makarov A. V., Makarova E. V., Andreev A. B. Mongol'skiy koridor: problemy i perspektivy razvitiya tranzitno-transportnoy seti Mongolii [The Mongolian corridor: problems and prospects of Mongolian transport network development]. *EKO [ECO]*. 2020. No. 10(556). P. 34–49. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-10-34-49 (in Russ.)
14. Lun Ch. Ekonomicheskii koridor Kitay – Mongoliya – Rossiya: voprosy pravovogo sotrudnichestva prigranichnykh regionov [Economic corridor China-Mongolia-Russia: issues of legal cooperation of border regions]. *Rossiia i ATR [Russia and Asia-Pacific Region]*. 2018. No. 1. P. 106–117. (in Russ.)

15. Yakushev S. Mongolia v sovremennoy sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy [Mongolia in modern system of international relations]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2010. No. 8. P. 109–115. (in Russ.)
16. Grigoreva Yu. G. Mongolia v usloviyakh COVID-19: osnovnyye vyzovy i mery sotsial'no-ekonomicheskogo reagirovaniya [Mongolia under COVID-19: key challenges and socio-economic response]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [Pacific Rim: Economics, Politics, Law]. 2022. Vol. 24. No. 1. P. 85–98. DOI: 10.24866/1813-3274/2022-1/85-98 (in Russ.)
17. Badaraev D. D. Mongol'skiy keys demograficheskogo prirosta naseleniya [Mongolian case of demographic population growth]. *Vlast'* [Authority]. 2023. No. 4. P. 280–286. DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9757 (in Russ.)
18. Gombozhapov A. D. Sotsial'naya organizatsiya obshchiny kochevnikov Mongolii v 21 veke: rol' rodstvennykh svyazey [Social organization of the Mongolian nomad community in XXI century: Role family ties]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. 2021. No. 1. P. 211–223. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-211-223 (in Russ.)

Information about the authors:

Bredikhin Anton Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia RAS; Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: bredikhin90@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4097-3854; Elibrary SPIN-code: 2073–2737.

Arzhaev Fedor Igorevich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: arzhaevfedor@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2986-3235, Elibrary SPIN-code: 3716–8510.

Seleznev Igor Aleksandrovich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher, ISPR FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: igdrake@yandex.ru; Elibrary SPIN-code: 4902–0364.

Mekhdiev Elnur Tadzhammadovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: e.mekhdiev@gmail.com; Elibrary SPIN-code: 4968–4639.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-96-104
EDN: OQTEKF

УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ ПАЦИЕНТОВ КАЧЕСТВОМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СТОЛИЧНЫХ ПОЛИКЛИНИКАХ

Назарова И. Б.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: inna-nazarova@mail.ru

Для цитирования:

Назарова И. Б. Удовлетворённость пациентов качеством медицинской помощи в столичных поликлиниках // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 96-104. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-96-104; EDN: OQTEKF

Аннотация. Удовлетворённость пациентов полученной медицинской помощью — важная составляющая качества работы государственной медицинской организации столицы. Цель исследования — изучить предикторы неудовлетворённости пациентов медицинской помощью, которые позволяют корректировать работу медицинской организации, выстраивая взаимодействие врача и пациента. Исследование основано на данных Росстата — «Выборочное наблюдение состояния здоровья населения» (СЗН), проведённого в 2024 г. во всех субъектах РФ. Опрошено 98961 человек от 15 лет и старше, 41,8% мужчин и 58,2% женщин. Жители Москвы составляют 6,8% (6743 человека), Московской области — 4,2% (4114 человека). В Москве удовлетворены оказанной медицинской помощью 81% обратившихся в государственные медицинские организации. Неудовлетворённость связана с организационными и коммуникационными недостатками. Организационные проблемы включают длительность ожидания в регистратуре поликлиники, записи на исследование (62%), отсутствие необходимого оборудования и лекарств (44%), некомфортные условия (24%), плохие санитарные условия (10%). Вторичный анализ данных СЗН сопряжён с ограничением информации. Перечень элементов, которые влияют на удовлетворённость пациента качеством оказания медицинской помощи, не ограничивается имеющимся в указанной базе. Недостатки инфраструктурного характера являются наиболее значимыми предикторами для неудовлетворённости пациентов медицинской помощью. Профессионализм врачей также является значимым фактором, но находится на третьем месте по вкладу в общую удовлетворённость пациента медицинской помощью. Чаще не удовлетворены качеством медицинской помощи женщины, пациенты, представляющие старшие возрастные группы. Но при наличии недостатков инфраструктурного или коммуникационного характера, личные качества пациентов перестают иметь значение.

Ключевые слова: качество медицинской помощи, медицинская организация, стандарт поликлиник, пациентоориентированность, удовлетворённость медицинской помощью.

Введение

Качество медицинской помощи — одно из важных условий в системе взаимодействия пациента и медицинского работника и одна из характеристик качества жизни человека [1]. В столичных поликлиниках в стандарт работы коллектива включены ценности: пациентоориентированность (повышение качества оказания медицинской помощи, новый подход к взаимоотношениям с пациентами, лечение в комфортных условиях, доброжелательную и позитивную обстановку, взаимоуважительные отношения с пациентами, новые форматы обратной связи)¹, доверие, командная работа, профессионализм, доброжелательность [2]. Данные принципы работы являются залогом удовлетворённости пациентов при посещении медицинской организации. Однако о низкой удовлетворённости пациентов оказанной помощью в некоторых поликлиниках говорят данные рейтинга поликлиник в Москве: минимальный балл по шкале рейтинга «пациентоориентированность» — 5,8 (максимум — 10 баллов, средний балл — 7,3, медиана — 7,2); по шкале «профессионализм» — 6,03 (среднее значение — 7,4, медиана — 7,3). Проблема удовлетворённости связана с субъективной оценкой, которая не может являться безусловным критерием качества работы профессионала или медицинской организации. Вместе с тем, коллектив поликлиник исходит из того, что пациент должен быть в целом удовлетворён полученной помощью и общением с представителями команды медицинского учреждения.

Некоторые факторы удовлетворённости пациента и качества медицинской помощи сложно измерить объективными показателями, поэтому во многих исследованиях и для обратной связи медицинской организации и пациента используются оценки пациентов [3]. Результаты различных исследований показывают, что удовлетворённость медицинской помощью связана социально-демографическими характеристиками —

возрастом пациента, удовлетворённостью различными сферами жизни (материальным положением, жилищными условиями), а также диагнозом [1; 4; 5].

Исследование, проведённое в Свердловской области, показывает наличие различий в удовлетворённости мужчин и женщин временем ожидания приёма специалиста, отношением со стороны медицинских работников, объяснением врача по поводу лечения [6]. Возраст старше 45 лет являлся прогностическим фактором более низкого уровня общей удовлетворённости медицинской помощью среди жителей России. И мужчины скорее удовлетворены медицинской помощью, чем женщины [7].

Удовлетворённость населения медицинской помощью влияет на доверие по отношению к системе здравоохранения на территории проживания и в целом российской системе здравоохранения, что становится предпосылкой следованию правил здорового образа жизни [8–10]. Поиск факторов, влияющих на удовлетворённость (неудовлетворённость) пациента, поможет нивелировать или исключить конфликты врача и пациента, сделать лечение пациента более эффективным и не вносить дополнительный негативный вклад в профессиональное выгорание врача. Цель исследования — изучить предикторы неудовлетворённости пациентов медицинской помощью, которые позволяют корректировать работу медицинской организации, выстраивая взаимодействие врача и пациента в позитивном ключе.

В статье использованы данные Росстата — результаты «Выборочного наблюдения состояния здоровья населения», реализованного Росстатом в 2024 г. (СЗН-2024)². Исследование проводилось во всех субъектах РФ и охватило около 60 тыс. домохозяйств,

¹ Новый стандарт московских поликлиник. — URL: <https://mosgorzdrav.ru/myclinic#> (дата обращения: 12.03.2025).

² Выборочное наблюдение состояния здоровья населения проведено во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». Уровень представительности результатов — в целом по Российской Федерации. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor24/PublishSite_2024/index.html (дата обращения: 26.01.2025).

программа исследования предполагала опрос всех членов домохозяйств. Используются данные, представленные Росстатом и расчёты автора, выполненные на основе микроданных СЗН-2024. В 2024 г. опрошено 98961 человек от 15 лет и старше: 41,8% мужчин и 58,2% женщин. В качестве примера выбран наиболее продвинутый регион — город Москва (6743 опрошенных), где работа поликлиник основывается на ценностях московских поликлиник, а жители столицы (в соответствии с данными СЗН) отмечают более высокий уровень здоровья, в качестве «хорошее, очень хорошее» — 65%, а в среднем по стране — 52% [11].

Результаты исследования

В 2024 г. (в течение последних 12 месяцев перед опросом) жители России обращались в государственные (78%) и/или частные (26%) медицинские организации (поликлиники, больницы, центры и другие) по поводу ряда заболеваний или по другим причинам. Ситуация в Москве практически не отличается от ситуации по России в целом. К врачам медицинских организаций государственной системы здравоохранения обращались 81% жителей столицы и каждый пятый (20%) — к врачам в медицинские организации частной формы собственности.

Не обращались в медицинскую организацию (поликлиники, больницы, центры другие) за медицинской помощью 16% москвичей (18% участников исследования СЗН-2024). Половина жителей столицы (50%) в случае плохого самочувствия лечились самостоятельно, применяя лекарства и «народные» средства. Треть (36%) пользовались платными услугами (в среднем по России — 43%). В Москве удовлетворены оказанной медицинской помощью 81% обратившихся в государственные медицинские организации и 88% — в частные. Следовательно, пятая часть не довольны медицинской помощью в государственном учреждении и десятая часть — из обратившихся в частные.

Различные исследования, проведённые в последние годы, показывают похожие ре-

зультаты в отношении доли неудовлетворённых медицинской помощью. Например, в 2022 г. остались довольны оказанной медицинской помощью при обращении в бюджетные медицинские учреждения за последний год только 49% россиян, довольны отчасти 27%, недовольны — 23%. Довольны медицинской помощью прежде всего молодые люди в возрасте 18–24 лет (67%), со средним образованием (61%), больше других — жители Москвы и Санкт-Петербурга (61%)³.

Пациенты, которые были не удовлетворены оказанной медицинской помощью в столичных поликлиниках, детализировали свои ответы. В целом претензии можно разделить на два основных блока: первый связан с организационными недостатками, второй — с коммуникационными. Организационные проблемы включают длительность ожидания в регистратуре поликлиники, записи на исследование (62%), отсутствие необходимого оборудования и лекарств (44%), некомфортные условия (отсутствие достаточного количества сидячих мест и нормальной вентиляции) (24%), плохие санитарные условия (10%) (табл. 1).

Вопрос, связанный с длительностью ожидания в поликлиниках России и некоторых регионах выглядит хуже, чем в столице (Россия — 72%, Ленинградская область — 79%). Основная проблема коммуникации отмечена половиной пациентов (53%) и касалась непрофессионализма врачей (неправильно поставленный диагноз или неверно назначенное лечение). И здесь Москва выглядит хуже, чем в среднем по всем регионам (49%), и даже гораздо хуже, чем Московская область (35%). Грубое отношение медицинского персонала отметил каждый пятый (19%), хуже выглядит Ленинградская область (26%). Каждый десятый москвич (11%) в качестве недостатка отметил требование оплаты медицинских услуг или лекарственных препаратов, которые должны предоставляться бесплатно (лучше выглядит Санкт-Петербург — 6%).

³ Государственная медицина: в погоне за качеством // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvennaja-medicina-v-pogone-za-kachestvom> (дата обращения: 01.03.2024).

Таблица 1

**Причины неудовлетворённости оказанной медицинской помощью в
медицинских организациях государственной системы здравоохранения
и частной формы собственности (в возрасте 15 лет и более), %**

Table 1

Reasons for dissatisfaction with medical care provided in medical organizations of the
state health care system and of private form of ownership (aged 15 years and over), %

Причина неудовлетворённости	Москва		Московская область		Все регионы	
	п	%	п	%	п	%
Длительность ожидания в регистратуре поликлиники, записи на исследование	675	62	472	71	11557	72
Непрофессионализм врачей (неправильно поставленный диагноз или неверно назначенное лечение)	576	53	231	35	7847	49
Отсутствие необходимого оборудования и лекарств	474	44	358	54	8481	53
Некомфортные условия (отсутствие достаточного количества сидячих мест и нормальной вентиляции)	257	24	145	22	3889	24
Грубое отношение медицинского персонала	201	19	126	19	3479	22
Запись в карточку/медицинской документации большего количества процедур/услуг, чем было сделано во время приёма	199	18	33	5	1600	10
Требование оплаты медицинских услуг или лекарственных препаратов, которые должны предоставляться бесплатно	116	11	73	11	1955	12
Плохие санитарные условия	105	10	96	14	1699	11

Источник: расчёты автора на основе микроданных СЗН-2024.

Пятая часть (18%) отметили также запись в карточку/медицинской документации большего количества процедур/услуг, чем было сделано во время приёма. Это проблема прежде всего столицы, поскольку в среднем в России такую проблему отметила десятая часть пациентов, в Московской области — 5%, в Санкт-Петербурге — 3%. Большинство пациентов довольны обслуживанием в медицинских организациях, в которые они обратились: 84% пациентов не назвали ни одной конкретной проблемы при посещении врача, одну проблему назвали 5%, две — 5%, три проблемы и более — 7%.

Определить факторы, связанные с неудовлетворённостью пациента оказанной медицинской помощью в государственной системе здравоохранения в 2024 г., позволяет анализ на основе логистической регрессии, которая была проведена в три этапа (табл. 2). В анализ включены независимые переменные, между значениями ко-

торых корреляционная связь не обнаружена. Зависимая переменная — неудовлетворённость оказанной медицинской помощью. Все переменные представлены в виде дихотомических.

Модель 1. На первом этапе в анализ включены независимые переменные, составляющие социально-демографическую характеристику человека: пол, возраст, образование. Мы видим, что не удовлетворены пациенты в любом возрасте, но в возрастных группах старше 50 лет неудовлетворённость возрастает. Женщины более требовательны к качеству медицинской помощи. Образование пациента роли не играет.

Модель 2. На втором этапе были введены переменные, характеризующие состояние здоровья пациента — некоторые заболевания, о которых есть данные в исследовании СЗН: артериальная гипертензия (гипертоническая болезнь), заболевание почек (в том числе мочекаменная болезнь), болезни

Таблица 2

Неудовлетворённость оказанной медицинской помощью в медицинских организациях государственной системы здравоохранения (в возрасте 15 лет и более), %

Table 2

Dissatisfaction with the medical care provided in medical organizations of the state health care system (aged 15 years and over), percentage

Независимые переменные – характеристики пациентов (n – абсолютные значения)	Неудовлетворённость оказанной медицинской помощью		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Мужчины (n = 3003, 45%; женщины – n = 3740, 55%)	1,20***	1,13***	1,26
Возраст, 20–29 лет (n = 1010, 15%)	2,07***	2,02***	1,93
Возраст, 30–39 лет (n = 1574, 23%)	2,47**	2,37***	1,04
Возраст, 40–49 лет (n = 1349, 20%)	2,73***	2,50***	1,11
Возраст, 50–59 лет (n = 819, 12%)	3,05***	3,59***	0,94
Возраст, 60–69 лет (n = 803, 12%)	3,26***	3,55***	1,20
Возраст, 70 лет и старше (n = 891, 14%)	3,10***	2,29***	1,09
Образование высшее и степень (n = 3530, 52%)	-0,98	1,00	-0,49***
Артериальная гипертония (гипертоническая болезнь) (n = 1201, 18%)		0,75***	0,90
Заболевание почек (в том числе мочекаменная болезнь) (n = 383, 6%)		0,78***	-1,31
Болезни щитовидной железы (n = 402, 6%)		0,70***	-1,40
Длительность ожидания в регистратуре поликлиники, записи на исследование (n = 675, 62%)			6,26***
Некомфортные условия (отсутствие достаточного количества сидячих мест и вентиляции) (n = 257, 24%)			1,79*
Отсутствие необходимого оборудования и лекарств (n = 474, 44%)			2,63***
Непрофессионализм врачей (неправильно поставленный диагноз или неверно назначенное лечение) (n = 576, 53%)			1,83***
Плохие санитарные условия (n = 103, 10%)			-0,84
Грубое отношение медицинского персонала (n = 201, 19%)			1,85**
Требование оплаты медицинских услуг или лекарственных препаратов, которые должны предоставляться бесплатно (n = 116, 11%)			-0,60*
Запись в карточку/документацию большого количества процедур/услуг, чем было сделано (n = 199, 18%)			1,02
Константа	-0,07***	-0,46***	4,08
Cox & Snell – R ²	0,009	0,015	0,017
Включено в анализ, n	74641	73939	15623
-2 Log Likelihood	75966,4	74587,5	1945,7

*** p < 0,001; ** p < 0,01; * p < 0,05.

Источник данных: расчёты автора на основе микроданных СЗН-2024.

щитовидной железы. Все три заболевания (переменные) показывают, что не удовлетворены прежде всего люди, у которых есть заболевания. При этом значимость пола и возраста сохраняется. Женщины, имеющие заболевания, более требовательны при получении медицинской помощи. И в возрасте от 50 до 70 лет пациенты также чаще не удовлетворены медицинской помощью в поликлинике, чем молодые.

Модель 3. На последнем этапе в модель были введены переменные, которые характеризуют конкретные причины неудовлетворённости пациента. Наиболее ярко проявило себя недовольство длительным ожиданием в регистратуре поликлиники, записью на исследование (6,26). Именно те пациенты, которым пришлось затратить больше времени, чем они предполагали, будут не удовлетворены медицинской помощью. Отсутствие необходимого оборудования и лекарств также является важным предиктором неудовлетворённости пациента медицинской помощью (2,63). Важную роль в удовлетворённости играет с точки зрения пациента непрофессионализм врачей (неправильно поставленный диагноз или неверно назначенное лечение) (1,83). Наивысшая значимость указанных трёх предикторов подтверждается и статистическими данными (табл. 2).

Меньший вклад в неудовлетворённость пациента вносит грубое отношение медицинского персонала (1,85) и некомфортные условия (отсутствие достаточного количества сидячих мест, нормальной вентиляции и подобное) (1,79). Не играет роль для общей неудовлетворённости оказанной медицинской помощью требование оплаты медицинских услуг или лекарственных препаратов, которые должны предоставляться бесплатно, плохие санитарные условия и запись в карточку/медицинской документации большого количества процедур/услуг, чем было сделано во время приёма (что присутствует при посещении поликлиники у каждого десятого пациента).

Если при оказании медицинской помощи в поликлинике присутствуют вышеуказанные недостатки, то недовольны будут,

прежде всего, пациенты, которые не имеют высшего образования. При этом возраст и наличие заболевания значение потеряли. Следовательно, при наличии недостатков в решении организационных вопросов в поликлинике, перестают иметь значение личные характеристики пациента.

Заключение

В ряду причин, влияющих на удовлетворённость оказанной медицинской помощью в государственных медицинских организациях, ключевая роль отводится врачу, который, безусловно является основной фигурой для пациента в процессе получения медицинской помощи. Однако наше исследование показывает, что взаимодействие с врачом не является основной причиной неудовлетворённости медицинской помощью. Организационные элементы играют ведущую роль в неудовлетворённости и в целом влияют на отношение пациента к медицинской помощи. Следовательно, устраняя организационные недостатки возможно нивелировать неудовлетворённость пациентов. При условии отсутствия недостатков в получении медицинской помощи (нет очередей, доступна запись, врач был внимательным), недовольство все-таки может присутствовать у пациентов, которые имеют ряд особых заболеваний, и у представителей старших возрастных групп. И чаще — у женщин.

На первом месте по значимости среди недостатков отмечаются недостатки инфраструктурного характера, прежде всего — проблема длительного ожидания, которая может быть связана с ожиданием в регистратуре поликлиники или записью на исследование. Разочарование пациентов связано с отсутствием необходимого оборудования и лекарств. Профессионализм врачей по значимости находится только на третьем месте в ряду факторов, влияющих на удовлетворённость пациента медицинской помощью в целом. Указанные предикторы должны быть в фокусе наибольшего внимания руководителей медицинских организаций.

Литература и Интернет-источники

1. **Корчагина, И. И.** Оценка качества жизни по результатам опроса населения / И. И. Корчагина, Л. А. Мигранова // *Народонаселение*. — 2017. — № 1(75). — С. 103–115. EDN: YRJHKK
2. **Назарова, И. Б.** Ценности во взаимодействии врача и пациента: понимание и сотрудничество / И. Б. Назарова, Р. С. Нестеров // *Здравоохранение Российской Федерации*. — 2024. — Т. 68. — № 5. — С. 364–370. DOI: 10.47470/0044-197X-2024-68-5-364-370; EDN: LOVVOO
3. **Boudreaux, E. D.** Determinants of patient satisfaction in a large, municipal ED: the role of demographic variables, visit characteristics, and patient perceptions / E. D. Boudreaux, R. D. Ary, C. V. Mandry, B. McCabe // *American Journal of Emergency Medicine*. — 2000. — Vol. 18. — No 4. — P. 394–400. DOI: 10.1053 / ajem.2000.7316
4. **Blenkiron, P.** What determines patients' satisfaction with their mental health care and quality of life? / P. Blenkiron, C. A. Hammill // *Postgraduate Medical Journal*. — 2003. — Vol. 79. — Iss. 932. — P. 337–340. DOI: 10.1136 / pmj.79.932.337
5. **Волнухин, А. В.** Влияние характеристик пациента на удовлетворённость медицинской помощью, оказываемой врачом общей практики и врачом-терапевтом участковым / А. В. Волнухин, Т. Е. Морозова, Г. П. Сквирская [и др.] // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. — 2023. — Т. 31. — № 6. — С. 1353–1359. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2023-31-6-1353-1359; EDN: NCYCSC
6. **Мезенцева, Т. А.** Удовлетворённость населения медицинской помощью в Свердловской области / Т. А. Мезенцева, С. Л. Леонтьев, А. А. Курмангулов [и др.] // *Вестник Уральской медицинской академической науки*. — 2024. — Т. 21. — № 1. — С. 86–100. DOI: 10.22138 / 2500-0918-2024-21-1-86-100; EDN: VIRSSB
7. **Тюфилин, Д. С.** Удовлетворённость медицинской помощью в Российской Федерации: факторы, влияющие на оценку / Д. С. Тюфилин, В. П. Чигрина, В. А. Медведев [и др.] // *Менеджер здравоохранения*. — 2023. — № 8. — С. 68–80. DOI: 10.21045 / 1811-0185-2023-8-68-80; EDN: QDNJRS
8. **Локосов, В. В.** Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения / В. В. Локосов, А. В. Ярашева, О. А. Александрова // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 192–205. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-192-205; EDN: IYJIMH
9. **Ярашева, А. В.** Современные здоровьесберегающие практики россиян / А. В. Ярашева, С. В. Макара, Н. В. Аликперова // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 127–138. DOI: 10.19181 / population.2023.26.2.11; EDN: XOZVXW
10. **Новоселова, Е. Н.** Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность / Е. Н. Новоселова. — Москва : МАКС Пресс, 2021. — 360 с. EDN: OTULOL
11. **Локосов, В. В.** Специфика самосохранительного поведения населения столичного региона / В. В. Локосов, И. Б. Назарова, В. М. Карпова, С. В. Ляликова // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. — 2024. — Т. 32. — № S2. — С. 1130–1136. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2024-32-s2-1130-1136; EDN: DQISLN

Сведения об авторе:

Назарова Инна Борисовна, д.э.н., главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; РИНЦ SPIN-код: 5172-5164.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-96-104

PATIENTS' SATISFACTION WITH THE QUALITY OF MEDICAL CARE IN THE CAPITAL'S POLYCLINICS

Inna B. Nazarova

ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: inna-nazarova@mail.ru

For citation:

Nazarova I. B. Patients' satisfaction with the quality of medical care in the capital's polyclinics. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. -96-104. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-96-104 (in Russ.)

Abstract. Cooperation between a medical professional and a patient is the main value of medical organization work and the key to improving the quality of specialists. Patient's satisfaction with medical care received is an important indicator of the quality of work of state medical organizations in Moscow. The purpose of the study is to examine predictors of patient's dissatisfaction with medical care, trust in medical organizations in general, which allow adjusting the work of medical organizations, building the interaction between a doctor and a patient in a positive way. The study is based on Rosstat data — Sample Health Monitoring Survey conducted in 2024 in all constituent entities of the Russian Federation. 98961 people aged 15 and older were surveyed, 41.8% of men and 58.2% of women. Residents of Moscow make up 6.8% (6743 people), Moscow Oblast — 4.2% (4114 people). In Moscow, 81% of those who applied to state medical organizations are satisfied with the medical care provided. Dissatisfaction is related to organizational and communication deficiencies. Organizational problems include long waiting times at clinic reception, appointments for examinations (62%), lack of necessary equipment and medicines (44%), uncomfortable conditions (24%), poor sanitary conditions (10%). Secondary analysis of the data from the Sample Health Monitoring Survey is connected with information limitations. The list of elements that affect patients' satisfaction with the quality of medical care is not limited to those available in the specified database. Infrastructure deficiencies are the most significant predictors of patient dissatisfaction with medical care in general. Professionalism of doctors is also a significant factor, but it is only in third place in terms of contribution to overall patient satisfaction with medical care. Women and patients from older age groups are more often dissatisfied with the quality of medical care. However, in the presence of infrastructural or communication deficiencies, personal qualities of patients cease to matter.

Keywords: quality of medical care, medical organization, clinic standard, patient-centered care, satisfaction with medical care.

References and Internet sources

1. Korchagina I. I., Migranova L. A. Otsenka kachestva zhizni po rezul'tatam oprosa naseleniya [Estimation of the quality of life according to the population survey outcomes]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. Vol. No 75. P. 103–115. (in Russ.)
2. Nazarova I. B., Nesterov R. S. Tsennosti vo vzaimodejstvii vracha i patsienta: ponimaniye i sotrudnichestvo [Values in the doctor-patient interaction: understanding and cooperation]. *Zdravookhraneniye Rossiiskoj Federatsii [Health Care of the Russian Federation]*. 2024. Vol. 68. No. 4. P. 364–370. DOI: 10.47470/0044-197X-2024-68-5 (in Russ.)
3. Boudreaux E. D, Ary R. D, Mandry C. V, McCabe B. Determinants of patient satisfaction in a large, municipal ED: the role of demographic variables, visit characteristics, and

- patient perceptions. *American Journal of Emergency Medicine*. 2000. Vol. 18. No. 4. P. 394–400. DOI: 10.1053/ajem.2000.7316
4. Blenkiron P., Hammill C. A. What determines patients' satisfaction with their mental health care and quality of life? *Postgraduate Medical Journal*. 2003. Vol. 79. Iss. 932. P. 337–340. DOI: 10.1136/pmj.79.932.337
 5. Volnukhin A. V., Morozova T. E., Skvirskaya G. P., et. al Vliyanije kharakteristik patsienta na udovletvoryonnost' meditsinskoj pomoshch'yu, okazyvajemoj vrachom obshchej praktiki i vrachom-terapevtom uchastkovym [The effect of characteristics of patient on satisfaction with medical care rendered by general practitioner and district therapist]. *Problemy sotsialnoj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2023. Vol. 31. No. 6. P. 1353–1359. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-6-1353-1359 (in Russ.)
 6. Mezentsseva T. A., Leontiev S. L., Kurmangulov A. A., et al. Udovletvoryonnost' naseleniya meditsinskoj pomoshch'yu v Sverdlovskoj oblasti [Public satisfaction with medical care in the Sverdlovsk region]. *Vestnik Ural'skoj meditsinskoj akademicheskoy nauki [Journal of Ural Medical Academic Science]*. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 86–100. DOI: 10.22138/2500-0918-2024-21-1-86-100 (in Russ.)
 7. Tyufilin D. S., Chigrina V. P., Medvedev V. A., et. al. Udovletvoryonnost' meditsinskoj pomoshch'yu v Rossijskoj Federatsii: faktory, vliyayushchije na otsenku [Satisfaction with medical care in the Russian Federation: factors influencing the assessment]. *Menedzher Zdravookhraneniya [Healthcare Manager]*. 2023. No. 8. P. 68–80. DOI: 10.21045/1811-0185-2023-8-68-80 (in Russ.)
 8. Lokosov V. V., Yarasheva A. V., Aleksandrova O. A. Faktory formirovaniya osnov samo-sokhranitel'nogo povedeniya naseleniya [Factors forming the foundations for self-preservation behavior of the population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 192–205. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-192-205 (in Russ.)
 9. Yarasheva A. V., Makar S. V., Alikperova N. V. Sovremennyye zdorov'yesberegayushchiye praktiki rossiyan [Modern health-saving practices of Russians]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 127–138. (in Russ.)
 10. Novoselova E. N. Zdorov'je kak tsennost' i praktika: obshchestvo, sem'ya, lichnost' [Health as a Value and Practice: Society, Family, Personality]. Moscow. MAKS Press [MAKS Press]. 2021. 360 p. (in Russ.)
 11. Lokosov V. V., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. Spetsifika samosokhranitel'nogo povedeniya naseleniya stolichnogo regiona [Specificity of self-preservation behavior of the population of the capital region]. *Problemy sotsialnoj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2024. Vol. 32. No. S2. P. 1130–1136. DOI: 10.32687/0869-866X-2024-32-s2-1130-1136 (in Russ.)

Information about the author:

Nazarova Inna Borisovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; Elibrary SPIN-code: 5172-5164.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-105-116
EDN: QZQBSG

ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ РОССИИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Кабанова Е. Е.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

E-mail: elekabanova@fa.ru

Для цитирования:

Кабанова Е. Е. Проблемы доступности туристической среды России для людей с ограниченными возможностями здоровья // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 2. – С. 105-116.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-105-116; EDN: QZQBSG

Аннотация. В последние годы сфера инклюзивного туризма становится всё более популярной темой научных публикаций. Инклюзивное направление в туризме является относительно новым и, судя по текущей статистике, актуальным направлением в сфере организованного отдыха в России. Целью представленной работы является оценка текущего состояния развития туристической сферы для инвалидов в России, обзор опыта иностранных государств, а также возможностей адаптации лучших зарубежных практик к российской туристической отрасли. Проведён анализ статистических показателей развития доступной среды в России и в других странах. Основным источником данных является Росстат. Обработка исходных данных осуществляется с применением методов анализа временных рядов, системного анализа, синтеза, индукции. Сделан вывод, что в основе будущего инклюзивного туризма лежат три фактора развития: информационный, транспортный и инфраструктурный. Другими словами, граждане с ограниченными возможностями здоровья должны иметь варианты беспрепятственного приезда, размещения и перемещения с туристическими целями в населённых пунктах и между ними, а также должны быть осведомлены о таких вариантах. В работе оценивается современный уровень развития данных направлений в сфере российского инклюзивного туризма с анализом статистических показателей. Отмечается, что, не смотря на позитивную динамику, в целом процесс снятия барьеров для людей с ограниченными возможностями здоровья в туристической сфере России находится на начальной стадии развития. Повышение внимания к доступности туристических услуг для всех граждан на государственном уровне присутствует в принятии «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года», которая содержит пункты развития инклюзивного направления туризма.

Ключевые слова: доступная среда, инвалидность, люди с ограниченными возможностями здоровья, туристская инфраструктура, туристские услуги.

Введение

Современные стандарты качества жизни граждан вне зависимости от их физического состояния диктуют новые обстоятельства функционирования различных сфер человеческой деятельности, и здесь не является исключением развитие инклюзивной индустрии организованного отдыха и туризма [1–3]. Ключевым моментом инклюзивного туризма является создание дружелюбной атмосферы, необходимых условий — безбарьерной среды и инфраструктуры — для обеспечения равных условий доступности туристических объектов и услуг, а также развитие информационной составляющей каждого этапа указанных процессов [4; 5].

В последние годы сфера инклюзивного туризма становится всё более популярной темой научных публикаций, что свидетельствует о неизменно растущем интересе в профессиональной среде к данной проблеме. И это не случайно: на долю инвалидов приходится порядка 10% численности населения страны. Причём это официально подтверждённая цифра, а истинная численность маломобильных граждан на самом деле гораздо выше. Поэтому одной из важнейших задач государства и общества является содействие социализации и вовлечению в обычную жизнь столь крупной части населения нашей страны [6; 7].

Повышение внимания к неограниченной доступности туристических услуг для всех граждан на государственном уровне выражается в принятии «Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» (Стратегия), которая содержит пункты развития инклюзивного направления в данном направлении. Также стоит отметить и упоминание о стимуляции принятия работников с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в сфере организованного отдыха, что повышает статус Стратегии как программного документа по постепенному увеличению вовлечения граждан с ограниченными возможностями во все этапы туристической индустрии от потребления услуг до их предложения. Разработка данного программного до-

кумента осуществлялась с использованием материалов Конвенции ООН о правах инвалидов (КПИ), которая в статье 30 декларирует доступность для инвалидов всех видов туристических услуг и объектов рекреационного и культурно-развлекательного профиля. КПИ была принята ещё в 2006 г., поэтому многие развитые страны уже достаточно давно перешли от декларативного присоединения к КПИ к практической реализации её положений и вплотную приблизились к достижению указанной цели. Так, по данным Л.А. Межовой, в странах Европы адаптация туристической инфраструктуры для лиц с ОВЗ составляет от 65% до 95% общего числа инфраструктурных элементов [8].

В России даже в наиболее крупных туристических центрах (Москва и Санкт-Петербург) этот показатель не превышает 30%. Лишь только город Сочи приближается к уровню 60% — преимущественно в результате оптимизации городской среды под требования проведения Паралимпиады-2014, когда не только спортивные объекты, но и вся инфраструктура города была приспособлена для использования людьми с ОВЗ [9]. В остальном же деятельность в стране в целом по созданию безбарьерной туристической инфраструктуры находится практически на начальном этапе развития [10].

Информационная доступность туристических услуг

Соглашаясь с мнением О.Е. Афанасьева, касательно того, что современная организация отдыха на ранних его этапах предполагает обзорное изучение потенциальных объектов посещения целевыми группами посетителей через соответствующие Интернет-ресурсы [11], отметим, что в настоящее время в плане доступности информации о развитости инклюзивной инфраструктуры тех или иных объектов наблюдается существенный пробел, что осложняет предварительную оценку доступности объекта для потенциальных посетителей, и что также может являться основной причиной отказа в его посещении. Поэтому является важной задачей создание и поддержание

одного или нескольких наиболее крупных и известных ресурсов по тематике инклюзивного туризма [12]. Отметим, что в настоящее время такие возможности для инвалидов находятся на начальном этапе развития. Например, на сайте ключевого ресурса для людей с ограниченными возможностями — Всероссийского общества инвалидов (ВОИ) — в разделе «Доступные туристические объекты»¹ указаны всего лишь 35 объектов доступной инфраструктуры организованного отдыха в 14 регионах страны. Вполне оправдано утверждение о том, что ресурс далеко не исчерпывающе отражает доступную туристическую среду в регионах страны, и что данное обстоятельство является одним из сдерживающих факторов развития инклюзивного туризма, так как информационная составляющая в современных условиях является ключевой в формировании туристических маршрутов. Исходя из этого, было бы целесообразно повышать уровень содержания данного информационного ресурса, так как он является сайтом наиболее значимой организации инклюзивного профиля, и уместно именно здесь собирать наибольший объём информации в сфере туризма для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Хорошим примером развития является сайт Globe4all², который позволяет подобрать экскурсию под потребности практически любой категории лиц с ограниченными возможностями здоровья. Ресурс Invasite.ru³, созданный при поддержке Министерства социальной политики Свердловской области, предлагает список российских курортов и санаториев для людей с ограниченными возможностями. В списке 44 организации только в нескольких регионах стра-

ны. Продемонстрирован различный набор характеристик для каждого из объектов, однако, не уточняя их инфраструктурную доступность от места прибытия в регион.

Стоит отметить, что нет необходимости перечислять ресурсы, посвящённые тематике инклюзивного туризма. Достаточно ограничиться фактом, что всех их объединяет нацеленность описания лишь на один точечный аспект (сам туристический объект, место коллективного размещения и т.д.) без создания полной всеобъемлющей картины доступности для маломобильных граждан отдыха в целом с картой безбарьерных маршрутов, доступных объектов торговой, социальной и транспортной инфраструктуры. Invasite.ru является одним из многих сайтов, посвящённых именно отелям, санаториям или курортам для людей с ограниченными возможностями. Однако, точно так же, как и раздел ВОИ, как и Globe4all, все они лишь точно охватывают отдельные места притяжения или коллективного размещения, не описывая инклюзивность среды всего населённого пункта, возможности беспрепятственного перемещения в его границах от объекта к объекту или к месту размещения. И, что самое главное — доступность среды вокзалов/аэропортов и иных мест прибытия с туристическими целями.

Единственным положительным работоспособным примером внедрения и развития подобных проектов является «Карта доступности объектов в Свердловской области» в рамках проекта «Доступная среда» Свердловской области⁴. На данной карте отмечена доступность почти 8,3 тыс. социально значимых объектов, туристических, образовательных, транспортных и иного назначения по всей области, что делает проект уникальным для современной российской действительности. Это, наверное, единственный достаточно содержательный ресурс для маломобильных граждан среди всех представленных в Интернете, который среди огромного количества объектов целого региона отображает степень их доступности для каждой категории инвалидов.

⁴ «Доступная среда» Свердловской области. Карта доступности. — URL: <https://slk.msp.midural.ru/ds/index.html#top> (дата обращения: 29.07.2024).

¹ Доступные туристические объекты // Всероссийская организация инвалидов. — URL: https://www.voi.ru/ludyam_s_invalidnostiu/puteshestviya_i_transport/dostupnie_tur_objekti?page=2&&ysclid=lxzqo4y7i2773654892 (дата обращения: 07.08.2024).

² Туризм для всех // Globe4all. — URL: <https://globe4all.net> (дата обращения: 27.07.2024).

³ Информационный портал для граждан с инвалидностью и родителей детей-инвалидов // Invasite. — URL: <https://invasite.ru/product/kurortyi-i-sanatorii-dlya-lyudey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami> (дата обращения: 27.07.2024).

Правда, к сожалению, без отражения возможности безбарьерного перемещения между ними. Однако, для российской практики это самый положительный пример развития информационного ресурса тематики инклюзивного туризма и нормальной жизнедеятельности местных граждан с ограниченными возможностями в целом.

Инфраструктурная доступность туристических услуг

Что касается обеспечения комфорта пребывания и передвижения инвалидов, то инфраструктурой для лиц с ОВЗ пользуются до 20% посетителей объектов без инклюзий. Это, прежде всего, родители с детскими колясками, велосипедисты, самокатчики. Другими словами, развитие доступной среды служит повышению удобства перемещения не только для инвалидов, которые составляют небольшой процент посетителей, но также для всех групп населения. Р.Т.Тимакова сообщает, что в России проживает до 35 млн маломобильных граждан, поэтому текущая численность инвалидов в 11 млн является далеко не исчерпывающей проблематику равной доступности туристических услуг и инфраструктуры в целом [13]. М.В.Якименко предлагает не ограничивать понятие маломобильности наличием подтверждённой инвалидности, поскольку временные затруднения, некоторые заболевания и возраст не всегда позволяют установить группу инвалидности [14]. Поэтому к проблеме доступности инфраструктуры надо подходить комплексно с пониманием того, что её использование необходимо для более широкого круга лиц, чем с официально подтверждёнными ограничениями по здоровью.

Концентрируя внимание на оптимизации отдельных объектов и территорий, можно встретиться с проблемой невозможности перемещения между ними для инвалидов, что может нивелировать усилия и расходы на создание доступной среды в конкретных местах. Поэтому целесообразнее сосредоточиться не столько на создании условий комфортабельного посещения отдельных точек притяжения или зна-

чительных городских территорий, сколько на инфраструктурном обновлении целых туристических комплексов с доступными маршрутами между отдельными объектами и населёнными пунктами. Сюда входит и пешеходная доступность, и общественный транспорт, и обеспечение возможности посещения торгово-развлекательных объектов, а также возможность пригородного и междугороднего сообщения. Причём последнее является одним из важнейших факторов инклюзивного туризма. Здесь стоит отметить отсутствие некоторых важных целевых показателей программно-целевого планирования. Например, существует такой индикатор как «доля парка городских транспортных средств, оборудованных для перевозки инвалидов». Но речь здесь только о транспорте без организации посадки и высадки из него, и упоминание о междугородних перевозках также отсутствует — скорее всего, междугородние автобусы по умолчанию включены в общий показатель. Хотя именно беспрепятственное перемещение между городами обеспечивает возможность развития инклюзивного туризма в регионах. И было бы целесообразно выделить их в отдельный индикатор.

Также отметим, что, например, подземный или наземный пешеходный переход в большинстве случаев представляет собой непреодолимую преграду для инвалидов-колясочников (как и для родителей с детскими колясками) без посторонней помощи. И создание возможностей для проезда инвалидов в транспорте нивелируется невозможностью перемещения через дорогу на остановку транспорта или с неё, а также неудобством или непреодолимостью без посторонней помощи посадки-высадки на необорудованных остановках. Не рассматривая в целом проблему в комплексе «от дома до соседнего города», ограничиваясь отдельными этапами этого маршрута, создаётся доступная среда в отдельных точках при не всегда существующей возможности перемещения между ними даже в границах одного и того же населённого пункта.

Здесь уместно обратиться к международному опыту. Например, в США существу-

ет закон об американцах с ОВЗ (Americans with Disabilities Act — ADA) [15–17], который представляет собой не отдельный документ, а комплекс законодательных актов, касающихся всех сфер жизнедеятельности человека и направленный на исключение дискриминации инвалидов на любом направлении. В контексте нашего исследования интерес представляют вторая и третья часть ADA, которые посвящены созданию общедоступной среды на общественном транспорте и в местах общественного пользования. Причём доступность транспорта подразумевает соответствие требованиям не только самих транспортных средств, но и остановок общественного транспорта: метро, железных дорог (в т.ч. пригородного сообщения) и трамваев. И, что важно, отдельным статистическим индикатором, отмечаемым, в сборниках «National Transportation Statistics»⁵, является доля междугородних автобусов, оснащённых пандусами и лифтами для инвалидов по требованиям ADA версии ещё 1992 года. Таковых на 2020 г. в США было 97,5% (в 2000 г. — 79,9%). Кроме того, примерно половина остановок и станций в стране полностью оснащена оборудованием для доступа маломобильных граждан. В целом динамика движения к полной инклюзивной доступности общественного транспорта в США достаточно высокая. Американский опыт не является исчерпывающе положительным (например, в привлекательном для туристов Нью-Йорке ситуация значительно хуже, чем во многих других городах), но заимствование некоторых направлений в формировании инклюзивного туризма в России будет целесообразным.

Возвращаясь к российским реалиям, можно отметить, что в программе «Доступная среда» в плане создания условий для беспрепятственного перемещения ОВЗ на транспорте пока ограничились оборудованием транспортных средств, исключив целевые показатели оборудования остано-

вок (за исключением метро) без выделения междугороднего общественного транспорта [18]. Причём целевые показатели далеки от 100%-х значений: долю автобусов, оборудованных средствами для использования инвалидами, планируется к 2025 г. повысить до 23,8%, трамваев — до 18,1%, троллейбусов — до 40,4%. Станции метро, доступные для инвалидов, к 2025 г. должны составить лишь 25,3% от их общего количества. Из положительных моментов следует отметить заметное опережение целевых показателей «Доступной среды» уже по данным 2023 года.

Как видно из табл. 1, в целом плановый уровень 2025 г. для общественного транспорта (автобусы, трамваи, троллейбусы и метро) в целом достигнут уже в 2019–2020 гг. На этот же период приходится максимум оснащённости специальными техническими средствами железнодорожного подвижного состава и воздушных судов, для которых затем наступает некоторый спад, которому трудно подобрать объяснение.

Так как железнодорожный транспорт (компания «Российские железные дороги» — РЖД) является для России ключевым в обеспечении относительно недорогих междугородних пассажирских перевозок, улучшение условий его использования гражданами с ОВЗ в перспективе благоприятно скажется на развитии инклюзивного туризма в стране. Эволюция повышения уровня доступности услуг железнодорожного транспорта имеет достаточно длительную историю: начиная ещё с распоряжения РЖД № 1835р в 2013 г., компания проводит последовательную политику внедрения равных условий комфортабельности проезда и обеспечения удобства обслуживания пассажиров с ОВЗ. Всего за 2 года (2017–2019 гг.) в РЖД уровень распространения специальных средств и оборудования для проезда маломобильных граждан вырос почти в 4 раза (с 16,6% до 67%). К сожалению, затем было допущено сокращение — до 56,3% к 2023 году. Несмотря на это, РЖД в настоящее время является флагманом внедрения инклюзивного подхода к пассажирам среди всех видов транспорта в России.

⁵ U.S.Department of Transportation. Bureau of Transportation Statistics. Transportation Statistics Annual Report. — URL: <https://rosap.ntl.bts.gov/gsearch?terms=Transportation+Statistics+Annual+Report&collection> (дата обращения: 29.07.2024).

Таблица 1

Доступность отдельных видов транспорта для лиц с ОВЗ в 2017–2023 гг. (доля средств, оборудованных для инвалидов), %

Table 1

Accessibility of certain types of transport for people with disabilities in 2017–2023 (proportion of vehicles equipped for the disabled), %

Вид транспорта	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Цель на 2025
Станции метро	12,3	17,3	23,2	25,8	32,5	34,7	35,8	41,4	25,3
Автобусы	11,2	12,0	14,1	18,7	22,9	34,0	36,4	39,6	23,8
Трамваи	10,3	12,8	15,2	18,4	21,2	24,0	28,4	33,7	18,1
Троллейбусы	29,8	29,9	31,4	33,8	33,0	41,7	47,1	54,0	40,4
Ж/д подвижной состав*	...	16,6	33,2	63,9	67,0	53,3	53,7	56,3	нет
Морские и речные суда*	...	3,7	9,0	8,6	8,9	8,4	8,7	11,0	нет
Воздушные суда*	...	33,3	44,6	44,1	42,3	42,6	33,6	35,0	нет

*Пассажирские транспортные средства, оснащённые специальными техническими устройствами.

Источник: Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/6tr6_2023.xlsx (дата обращения: 19.08.2024).

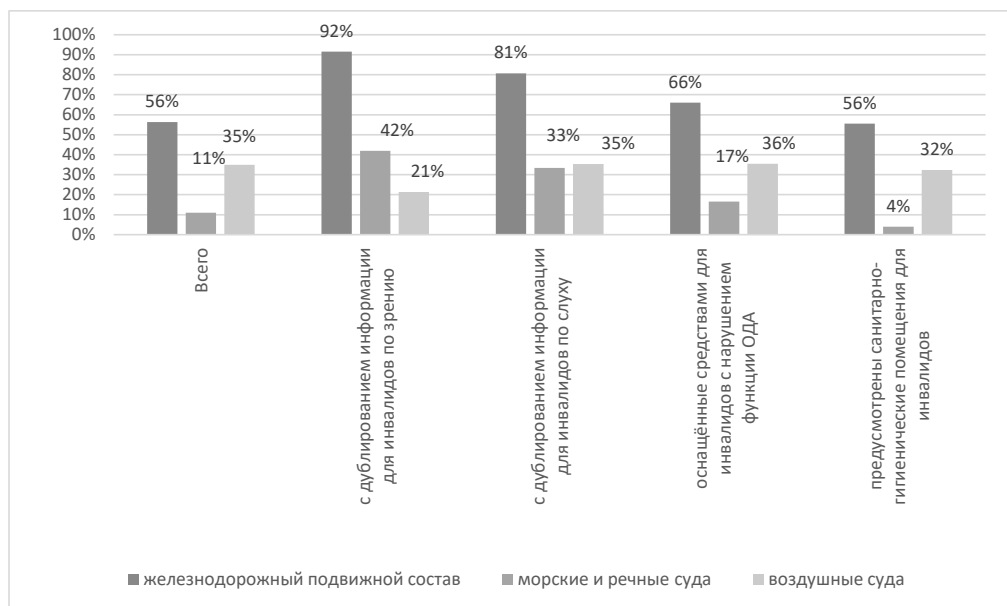

Рис. 1. Доля транспортных средств, оборудованных для использования инвалидами с нарушениями отдельных функций в 2023 г., %

Fig. 1. The share of vehicles equipped for use by disabled people with certain disabilities in 2023, %
 Источник: Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/6tr6_2023.xlsx (дата обращения: 19.08.2024).

Оптимизация же для использования всеми гражданами воздушного транспорта, судя по данным табл. 1, находится в стагнации. В целом данные таблицы, хотя и демонстрируют достаточно оптимистичную картину в отношении опережающего достижения плановых показателей «Доступной среды», далеки от оптимальных значений, которые описаны выше (со ссылкой на данные Л.А. Межовой [8]), находясь в пределах 65–95%. Также напомним, что в США по данным National Transportation Statistics, 97,5% междугородних автобусов и свыше 50% станций и остановок оснащены по требованиям безбарьерной среды. При этом в России статистика и плановые показатели оборудования остановочных пунктов помимо станций метро отсутствуют вовсе.

Несомненно, наибольшие сложности в организации безбарьерной среды для беспрепятственного перемещения и использования необходимых элементов транспортной инфраструктуры представляет обеспечение проезда для инвалидов с нарушением функций опорно-двигательного аппарата (ОДА) и организация санитарно-гигиенических помещений. Это подтвер-

ждается данными рис. 1. Отметим, что информация в разрезе оснащённости транспортных средств техническими средствами для инвалидов с различными нарушениями имеется в России лишь для железнодорожного, водного и воздушного транспорта.

Рисунок демонстрирует, что наибольшую проблему создания доступной среды на транспорте составляет оборудование санитарно-гигиенических помещений в подвижном составе дальнего следования, что объясняется логичными причинами сложности переоборудования уже имеющихся в эксплуатации транспортных средств. Немного странным выглядит относительно низкая доля воздушных судов, на которых обеспечивается дублирование информации рельефным шрифтом Брайля, поскольку с технической точки зрения это выполнить не сложно. Рисунок отражает повышенное внимание РЖД к маломобильным пассажирам и демонстрирует наибольшие успехи в создании безбарьерных возможностей перемещения по сравнению с остальными видами транспорта в России. И в масштабах нашей страны создание доступной среды на российской железнодорожной сети может считаться эталоном развития.

Таблица 2

Доля номеров, приспособленных для проживания инвалидов, в средствах коллективного размещения за 2016–2022 гг., %

Table 2

The share of rooms adapted for the disabled in collective accommodation facilities for 2016–2022, %

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	1,1	1,2	1,2	1,3	1,4	1,7	1,5
Гостиницы	0,9	1,0	1,0	1,2	1,4	1,9	1,3
Хостелы	1,5	0,6	0,8	0,7	0,6	0,5	0,7
Санаторно-курортные организации, в том числе:	2,0	2,1	1,9	2,0	1,8	2,1	2,3
- санатории для детей	2,5	2,4	2,4	2,5	2,4	2,4	2,4
- организации отдыха	0,5	0,9	0,9	1,2	1,2	1,3	1,3
Численность человек с ОВЗ, размещённых за год, тыс.	...	...	...	155,9	106,1	157,2	200,4
Доля людей с ОВЗ в общем количестве отдыхающих, %	...	...	...	2,3	2,6	2,6	3,1

Источник: Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/R2_tur.xlsx (дата обращения: 20.08.2024).

Доступность мест коллективного размещения

Ранее были описаны два важных фактора, влияющих на развитие сферы инклюзивного туризма — информационная доступность сведений о наличии безбарьерной среды на отдельных объектах и возможность беспрепятственного перемещения с туристическими целями между объектами и населёнными пунктами. Третьим фактором развития является доступность мест коллективного размещения (гостиниц, отелей, хостелов и подобного) для маломобильных граждан. И это равная по значимости часть создания всеохватывающей доступной среды для туризма в России. В табл. 2 показаны ключевые статистические данные по этому вопросу.

Как можно видеть из данных таблицы, в целом в местах коллективного размещения специализированными номерами для лиц с ОВЗ являются 1,5% номерного фонда. Наибольшая доля наблюдается в санаториях для детей, где доступная среда сформирована в 2,4% случаев. В хостелах этот показатель наименьший — всего лишь 0,7%. Динамика показателей в целом не очень высокая, хотя и положительная — за исключением хостелов.

Выводы

Исследование показало, что современная туристическая система России в плане доступности для лиц с ОВЗ находится на низком уровне развития и выводы следующие.

1. Информационный аспект фактически не развит, и маломобильным гражданам приходится в основном полагаться на блоги, отзывы и описания (часто устаревшие) уже отдохнувших людей, что делает предварительный поиск информации о туристическом маршруте недостоверным.

2. Внедрение требований доступности для лиц с ОВЗ на транспорте принесит определённые плоды, но текущий уровень развития доступной среды на транспорте, не смотря на опережение плановых показателей, находится на относительно невы-

соком уровне и далёк от оптимальных 90%. Он носит ограниченный характер повышения доступности для лиц с ОВЗ непосредственно в транспортных средствах, не фиксируя внимания на остальной транспортной инфраструктуре.

3. Не смотря на значительные положительные преобразования в транспорте, в сфере мест размещения пока ещё наблюдается стабильно низкий уровень предложения сервиса и мест размещения для граждан с ограниченными возможностями. Также нужно отметить, что доля размещённых лиц с инвалидностью заметно выше доступного номерного фонда для них — 3,1% против 1,5% доступных мест в 2022 году. Это показывает, что отдыхающие с ОВЗ вынуждены останавливаться в обычных номерах без специального оборудования.

4. Стоит отметить рост популярности отдыха среди лиц с инвалидностью — если в 2019 г. их насчитывалось 155,9 тыс. (2,3% от всех отдыхающих), то в 2022 г. — уже 200,4 тыс. (3,1%). Это свидетельствует о тенденции к снижению психологических и инфраструктурных препятствий для безбарьерного отдыха в нашей стране. Но места коллективного размещения практически не охвачены работой по созданию доступной среды — более половины отдыхающих граждан с ОВЗ вынуждены останавливаться в неприиспособленных для них номерах.

5. Сфера инклюзивного туризма является важным, привлекательным и перспективным направлением. В настоящее время доступная среда мест размещения, безбарьерная инфраструктура туристических объектов и населённых пунктов, доступность и полнота описаний в Интернете являются одними из важнейших инструментов развития инклюзивной туристической сферы. Люди с ограниченными возможностями должны иметь возможность беспрепятственного информирования, перемещения и размещения на отдых на каждом этапе туристической поездки.

Литература и Интернет-источники

1. **Логунова, Н. А.** Роль государства в развитии инклюзивного туризма / Н. А. Логунова, Ж. Л. Доценко // Сервис в России и за рубежом. — 2016. — Т. 10 — № 2(63). — С. 40–53. EDN: VZKIBT
2. **Ханина, А. В.** Роль государства в становлении и развитии инклюзивного туризма на современном этапе развития / А. В. Ханина // Трансформация национальной социально-экономической системы России: Материалы V Международной научно-практической конференции (Москва, 2 декабря 2022 г.). — Москва : Российский государственный университет правосудия, 2023. — С. 222–227. EDN: EIBZIG
3. **Чурилина, И. Н.** Инклюзивный туризм как инновационный метод реабилитации и восстановления благополучия человека / И. Н. Чурилина, Л. В. Ларченко, Т. Ю. Анисимов, А. М. Волков // Инновации. — 2021. — № 1(267). — С. 79–84. EDN: YXBNWJ
4. **Ефремова, Е. Е.** Некоторые проблемные аспекты организации обслуживания лиц с ограниченными возможностями в отечественных отелях / Е. Е. Ефремова // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: Сборник научных трудов 12-й Международной научно-практической конференции. В 3-х томах. (Курск, 21–22 февраля 2023 г.). Т. 1. — Курск : Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, 2023. — С. 207–212. EDN: KSCCDW
5. **Праздникова, Н. Н.** Повышение доступности инклюзивного туризма с помощью информационного портала / Н. Н. Праздникова, М. Ж. Мейргазин, Э. Б. Нурлубекулы // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. — 2023. — № 15. — С. 26–32. EDN: OSHGGW
6. **Ангелина, И. А.** Инклюзивный туризм как способ социализации людей с ограниченными возможностями здоровья / И. А. Ангелина, Е. С. Кожухова, Е. Г. Змиевская // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты: Материалы IX Международной научно-практической конференции (Горловка, 29 марта 2024 г.). — Горловка : Донецкий национальный технический университет, 2024. — С. 13–17. EDN: JOECVN
7. **Петрова, А. С.** О возможностях развития инклюзивного туризма в России: региональный опыт / А. С. Петрова // Beneficium. — 2020. — № 3(36). — С. 28–34. EDN: MKNJPM
8. **Межова, Л. А.** Теория и практика организации инклюзивного туризма в России и за рубежом / Л. А. Межова, А. Л. Летин, Л. А. Луговская // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1-1. — С. 849. EDN: VIENYT
9. **Бурьянова, А. А.** Инклюзивный туризм и коммуникативная эффективность / А. А. Бурьянова, С. Е. Кузнецова, А. П. Гутковский // Олимпийское наследие и крупно-масштабные мероприятия: влияние на экономику, экологию и социокультурную сферу принимающих дестинаций: Материалы XIII Международной научно-практической конференции в рамках Международного туристского форума (Сочи, 7–9 октября 2022 г.). — Сочи : Сочинский государственный университет, 2022. — С. 214–217. EDN: FWHVAN
10. **Сесёлкин, А. И.** Проблемы развития инклюзивного туризма / А. И. Сесёлкин, А. С. Махов, В. Д. Чепик [и др.] // Учёные записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2015. — № 11(129). — С. 241–246. EDN: VCZERZ
11. **Афанасьев, О. Е.** Особенности информационного обеспечения безбарьерной среды в пространствах городских объектов культуры в контексте развития экскурсионного туризма (на примере ГАУК ЦПКИО им. М. Горького) / О. Е. Афанасьев, Л. А. Шаркова, В. Е. Волков // Сервис в России и за рубежом. — 2024. — Т. 18 — № 1(110). — С. 189–211. EDN: FIKZZR
12. **Пирогова, О. Е.** Цифровой контент туристической отрасли: анализ содержания и доступности / О. Е. Пирогова, А. В. Мустафина // Международный научный журнал. — 2021. — № 5. — С. 33–39. EDN: IUWXPС
13. **Тимакова, Р. Т.** Современные тенденции устойчивого развития «доступной среды» на железнодорожном транспорте / Р. Т. Тимакова, Ю. В. Ильюхина // Вестник ВГУИТ. — 2022. — Т. 84 — № 1(91). — С. 410–417. EDN: SMUTMG

14. **Якименко, М. В.** Состояние и перспективы развития инклюзивного туризма в России: основные аспекты формирования безбарьерной (доступной) среды / М. В. Якименко, О. З. Русева // *Сервис в России и за рубежом*. — 2022. — Т. 16 — № 4. — С. 7–17. EDN: QVOFZT
15. **Wardana, W.** Famtrip Diffable: An Inclusive Tourism Development as an Effort in Realizing Disability-Friendly Tourism / W. Wardana, T. Herawan // *Khasanah Ilmu — Jurnal Pariwisata Dan Budaya*. — 2024. — Vol. 15. — No. 1. — P. 33–41. DOI: 10.31294/khi.v15i1.14757
16. **Aldousari, A.** The 1991 Americans with Disabilities Act (ADA) Standards for Accessible Design / A. Aldousari, A. Alghamdi, H. Alwadei // *International Journal of Humanities & Social Science Studies*— 2021. — No. 4. — P. 59–62.
17. **Reinarts, N.** ADA to Ph.D.? The Americans with Disabilities Act and post-secondary educational attainment / N. Reinarts, V. Melo // *Public Choice*. — 2023. — Vol. 197. — P. 421–432. DOI: 10.1007/s11127-023-01075-8
18. **Кабанова, Е. Е.** Развитие инклюзивного туризма в России: формирование комплексного представления / Е. Е. Кабанова, С. С. Ломакин, И. А. Рыбина // *Экономика и предпринимательство*. — 2023. — № 1(150). — С. 700–707. EDN: KUCEFE

Сведения об авторе:

Кабанова Елена Евгеньевна, к.соц.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: elekabanova@fa.ru; ORCID: 0000-0003-4463-5326; РИНЦ SPIN-код: 3575-0262.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-105-116

PROBLEMS OF ACCESSIBILITY OF THE TOURIST ENVIRONMENT IN RUSSIA FOR PEOPLE WITH DISABILITIES

Elena E. Kabanova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)*

E-mail: elekabanova@fa.ru

For citation:

Kabanova E. E. Problems of accessibility of the tourist environment in Russia for people with disabilities. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 105-116. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-105-116 (in Russ.)

Abstract. *In recent years, the field of inclusive tourism has become an increasingly popular topic for scientific publications. The inclusive direction in tourism is a relatively new and, judging by current statistics, a relevant direction in the field of organized recreation in Russia. The purpose of the presented work is to assess the current state of development of the tourism sector for people with disabilities in Russia, to review the experience of foreign countries, as well as the possibilities of adapting the best foreign practices to the Russian tourism industry. Analysis of statistical indicators of the development of an accessible environment in Russia and other countries was carried out. The main source of data is Rosstat. Processing of the initial data is carried out using the methods of time series analysis, system analysis, synthesis, induction. It is concluded that the future of inclusive tourism is based on three development factors: information, transport and infrastructure. In other words, people with disabilities should have options for unimpeded arrival, accommodation and movement for tourist purposes in populated areas and between them, and should also be aware of such options. The paper assesses the present level of development of these areas in the sphere of Russian inclusive tourism*

with analysis of statistical data. It is noted that, despite the positive dynamics, in general, the process of removing barriers for people with disabilities in the tourism sector of Russia is at an early stage of development. Increased attention to the availability of tourism services for all citizens at the state level is present in adoption of the «Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation for the Period up to 2035», which contains points for the development of inclusive tourism.

Keywords: accessible environment, disability, people with disabilities, tourism infrastructure, tourism services.

References and Internet sources

1. Logunova N. A., Docenko Zh. L. Rol' gosudarstva v razvitii inklyuzivnogo turizma [The role of the state in the development of inclusive tourism]. *Servis v Rossii i za rubezhom. [Services in Russia and Abroad]*. 2016. Vol.10. No. 2(63). P. 40–53. (in Russ.)
2. Khanina A. V. Rol' gosudarstva v stanovlenii i razvitii inklyuzivnogo turizma na sovremennom etape razvitiya [The role of state in the formation and development of inclusive tourism at the present stage of development]. *Transformatsiya natsional'noj sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy Rossii: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii [Transformation of the National Socio-Economic System of Russia. Proceedings of the V international scientific and practical conference]*. Moscow. Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya [Lebedev Russian State University of Justice]. 2023. P. 222–227. (in Russ.)
3. Churilina I. N., Larchenko L. V., Anisimov T. Yu., Volkov A. M. Inklyuzivnyy turizm kak innovatsionnyy metod reabilitatsii i vosstanovleniya blagopoluchiya cheloveka [Inclusive tourism as an innovative method of rehabilitation and restoration of human well-being]. *Innovatsii [Innovations]*. 2021. No. 1(267). P. 79–84. (in Russ.)
4. Efremova E. E. Nekotorye problemnyye aspekty organizatsii obsluzhivaniya lits s ogranichennymi vozmozhnostyami v otechestvennykh otelyakh [Some problematic aspects of the organization of services for people with disabilities in domestic hotels]. *Sovremennyye podhody k transformatsii kontseptsij gosudarstvennogo regulirovaniya i upravleniya v sotsial'no-ekonomicheskikh sistemakh: Sbornik nauchnykh trudov 12-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kursk, 21–22 fevralya 2023 goda). Tom 1. [Modern Approaches to Transformation of the Concepts of State Regulation and Management in Socio-Economic Systems. Proceedings the 12th international scientific and practical conference (Kursk, February 21–22, 2023)]. Vol. 1. Kursk. Kurskiy filial Finansovogo universiteta pri Pravitel'stve RF [Kursk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation]. 2023. P. 207–212. (in Russ.)*
5. Prazdnikova N. N., Mejriginov M. Zh., Nurlubekuly E. B. Povysheniye dostupnosti inklyuzivnogo turizma s pomoshch'yu informatsionnogo portala [Increasing accessibility of inclusive tourism through an information portal]. *Nauka i turizm: strategii vzaimodeystviya [Science and Tourism: Strategies of Interaction]*. 2023. No. 15. P. 26–32. (in Russ.)
6. Angelina I. A., Kozhuhova E. S., Zmievskaia E. G. Inklyuzivnyy turizm kak sposob sotsializatsii lyudej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya [Inclusive tourism as a way to socialize people with disabilities]. *Aktual'nyye voprosy ekonomiki i upravleniya: teoreticheskije i prikladnyye aspekty: Materialy 9 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (Gorlovka, 29 marta 2024 goda) [Current Issues of Economics and Management: Theoretical and Applied Aspects. Proceedings of IX international scientific and practical conference (Gorlovka, March 29, 2024)]*. Gorlovka. Donetskij natsional'nyj tekhnicheskij universitet [Donetsk National Technical University]. 2024. P. 13–17. (in Russ.)
7. Petrova A. S. O vozmozhnostyakh razvitiya inklyuzivnogo turizma v Rossii: regional'nyj opyt [Opportunities for development of inclusive tourism in Russia: regional experiences]. *Beneficium*. 2020. No. 3(36). P. 28–34. (in Russ.)
8. Mezhova L. A., Letin A. L., Lugovskaya L. A. Teoriya i praktika organizatsii inklyuzivnogo turizma v Rossii i za rubezhom [Theory and practice of organizing inclusive tourism in Russia and abroad]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education]*. 2015. No. 1–1. P. 849. (in Russ.)

9. Buryanova A. A., Kuznetsova S. E., Gutkovsky A. P. Inklyuzivnyj turizm i kommunikativnaya effektivnost' [Inclusive tourism and communication effectiveness]. Olimpijskoje nasledije i krupnomasshtabnye meropriyatiya: vliyanije na ekonomiku, ekologiyu i sotsiokul'turnuyu sferu prinimayushchikh destinatsij: Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh Mezhdunarodnogo turistskogo foruma (Sochi, 7–9 oktyabrya 2022 goda) [Olympic Legacy and Large-Scale Events: Impact on the Economy, Ecology and Sociocultural Sphere of Host Destinations. Proceedings of XIII international scientific and practical conference within the framework of the International Tourism Forum (Sochi, October 7–9, 2022)]. Sochi. Sochinskij gosudarstvennyj universitet [Sochi State University]. 2022. P. 214–217. (in Russ.)
10. Seselkin A. I., Makhov A. S., Chepik V. D., et al. Problemy razvitiya inklyuzivnogo turizma [Problems of inclusive tourism development]. Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta [Scientific Notes of Lesgaft University]. 2015. No. 11(129). P. 241–246. (in Russ.)
11. Afanasiev O. E., Sharkova L. A., Volkov V. E. Osobennosti informatsionnogo obespecheniya bezbar'ernoj sredy v prostranstvakh gorodskikh ob'ektov kul'tury v kontekste razvitiya ekskursionnogo turizma (na primere GAUK TsPKIO im. M. Gor'kogo) [The information support for a barrier-free environment in urban cultural objects in excursion tourism development: the case of Gorky Park]. Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad]. 2024. Vol. 18. No. 1(110). P. 189–211. (in Russ.)
12. Pirogova O. E., Mustafina A. V. Tsifrovoy kontent turisticheckoj otrasli: analiz soderzhaniya i dostupnosti [Digital content of the tourism industry: content and accessibility analysis]. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal [International Scientific Journal]. 2021. No. 5. P. 33–39. (in Russ.)
13. Timakova R. T., Iliukhina Yu. V. Sovremennyye tendentsii ustojchivogo razvitiya «dostupnoj sredy» na zheleznodorozhnom transporte [Current trends in the sustainable development of an «accessible environment» in railway transport]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologij [Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies]. 2022. Vol. 84. No. 1(91). P. 410–417. (in Russ.)
14. Yakimenko M. V., Ruseva O. Z. Sostoyaniye i perspektivy razvitiya inklyuzivnogo turizma v Rossii: osnovnyye aspekty formirovaniya bezbar'ernoj (dostupnoj) sredy [The current state and development prospects of the inclusive tourism in Russia: the main aspects of forming a barrier-free (accessible) environment]. Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad]. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 7–17. (in Russ.)
15. Wardana W., Herawan T. Famtrip diffable: An inclusive tourism development as an effort in realizing disability-friendly tourism. *Khasanah Ilmu — Journal Pariwisata Dan Budaya*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 33–41. DOI: 10.31294/khi.v15i1.14757
16. Aldousari. A., Alghamdi A., Alwadei H. The 1991 Americans with Disabilities Act (ADA) standards for accessible design. *International Journal of Humanities & Social Science Studies*. 2021. No. 4. P. 59–62
17. Reinarts N., Melo V. ADA to Ph.D.? The Americans with Disabilities Act and post-secondary educational attainment. *Public Choice*. 2023. Vol. 197. P. 421–432. DOI: 10.1007/s11127-023-01075-8
18. Kabanova E. E., Lomakin S. S., Rybina I. A. Razvitije inklyuzivnogo turizma v Rossii: formirovaniye kompleksnogo predstavleniya [Development of inclusive tourism in Russia: formation of a comprehensive view]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo [Journal of Economy and Entrepreneurship]*. 2023. No. 1(150). P. 700–707. (in Russ.)

Information about the author:

Kabanova Elena Evgenievna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: elekabanova@fa.ru; ORCID: 0000-0003-4463-5326; Elibrary SPIN-code: 3575-0262.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-117-128
EDN: RRQAVE

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТСКОГО АУТИЗМА

Ошкордина А. А.^{1*}, Гончарова Н. А.¹, Хаитова А. И.²

¹Уральский государственный экономический университет
(620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62)

²Благотворительный Фонд «Я особенный»
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Радищева, 6а)

*E-mail: al2111la@yandex.ru

Для цитирования:

Ошкордина А. А., Гончарова Н. А., Хаитова А. И. Социально-экономические аспекты реализации медико-педагогических технологий в реабилитации детского аутизма // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 2. – С. 117-128. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-117-128 EDN: RRQAVE

Аннотация. В современном обществе проблемы медико-демографического характера выступают на первый план в силу увеличивающегося уровня патологий здоровья населения. На основании проведенных исследований и литературных обзоров распространённость рождения детей с нарушениями аутистического спектра с каждым годом увеличивается, поэтому вопросы лечебно-диагностического и реабилитационного характера являются особенно актуальными с социально-экономической точки зрения развития общества. В статье рассматриваются возможности создания благоприятных условий для организации медико-психологической, педагогической, социальной и образовательной адаптации детей с нарушениями аутистического спектра. Цель исследования заключается в выявлении взаимообусловленной взаимосвязи проведения реабилитационных мероприятий у детей с расстройствами аутистического спектра на их вовлеченность в процесс общественного воспроизводства и повышения показателей медико-демографического характера развития российского общества в будущих периодах времени. На основании сопоставления информационно-аналитической и статистической информации выявлены проблемы финансового регулирования, а также ресурсного обеспечения при внедрении адаптивных и образовательных технологий в реабилитационный процесс у детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Определены основные направления в совершенствовании системы предоставления социальных услуг населению с позиций их доступности и качества для сохранения демографического фонда страны, которые способствуют исполнению нацпроектов «Семья», «Продолжительная и активная жизнь» и «Новые технологии сбережения здоровья», а также помогают реализовывать права граждан, создавать новые рабочие места через стимулирование рынка социальных услуг, создание обширной, проникающей системы социального обслуживания, эффективно расходовать бюджетные средства. Полученные результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение для организаторов, управленцев и специалистов экономического профиля в области разработки и внедрения медико-реабилитационных, социально-психологических и педагогических технологий и услуг в реабилитационном процессе у детей с РАС.

Ключевые слова: социально-экономическая эффективность, аутизм, заболеваемость, гарантии, инвалидизация, общественное воспроизводство.

© Ошкордина А. А., Гончарова Н. А., Хаитова А. И., 2025

Введение

На сегодняшний день во всем мире наблюдается рост количества детей с нарушениями аутистического спектра. Впервые выявленная данная патология у детей датируется серединой 1960-х гг. и являлась на тот момент редкой (около 3 случаев на 10000 детей) патологией. Известно, что дети с аутизмом рождаются во всем мире, вне зависимости от расы, вероисповедания и социально-экономического статуса семей. Кроме того, необходимо помнить, что ежегодно совершенствуются и развиваются диагностические и медицинские технологии выявления патологических состояний в раннем возрасте, что позволяет диагностировать патологические состояния и аномалии здоровья ребёнка на ранних стадиях заболеваний, что повышает эффективность медицинских, педагогических и реабилитационных мероприятий. Кроме того, увеличение патологических состояний в психозональном и интеллектуальном уровне развития детей современные учёные связывают с внедрением современных коммуникаций, зачастую исключаящий человеческое общение из повседневной жизни как взрослого, так и маленького человека формируют аномалии психоэмоционального и физического состояния отдельно взятого индивида [1]. По данным Минздрава РФ, распространённость расстройств аутистического спектра (РАС) в России (как и в мире) составляет около 1% детской популяции. Согласно данным Росстата РФ за 2023 г., численность детей составляет около 31 млн человек — это означает, что примерное количество диагнозов «РАС» в России составляет около 300 тыс. человек.

Проблемам реабилитации детей с расстройствами аутистического спектра посвящены труды зарубежных и отечественных учёных Е. В. Хилькевич, А. Б. Сорокина, Е. Ю. Давыдовой, А. Г. Хаустовой, Ю. А. Быстровой, А. Н. Бражниковой, Н. В. Карпенковой, Д. Рицци, А. Дибари и другие [2–7]. Вместе с тем необходимо отметить факт, что методология выявления аутизма у детей с РАС на ранних стадиях непрерывно

совершенствуется, что приводит к более высокому уровню выявляемости данной патологии в ранних возрастных группах детей. Так, за последнее десятилетие проблемам реабилитации детей с РАС уделяется все большее внимание со стороны специалистов медицинского и педагогического профиля, а также концентрируется внимание за наблюдением поведенческих отклонений в психосоматическом состоянии ребёнка со стороны родителей. Тем не менее, не существует подтверждённых методов инструментальной медицинской диагностики, что зачастую осложняет постановку диагноза в раннем возрасте в силу характерных признаков поведенческих отклонений в жизнедеятельности ребёнка. Несмотря на высокий уровень заинтересованности специалистов медицинского, педагогического и социального профиля, в отечественной литературе практически отсутствуют исследования в области оценки социально-экономического эффекта реабилитационных мероприятий, предполагающих вовлеченность отдельно взятого индивида в процесс общественного воспроизводства в будущем. Таким образом, в современном обществе вопросы экономического характера, связанные с системой планирования, анализа, оценки и рационального использования экономических ресурсов лечебно-диагностических и образовательных технологий реабилитационного процесса аутизма в детском возрасте носят актуальный характер и, на наш взгляд, будут являться объектами пристального исследования экономистов, финансистов и социологов.

Исследовательской базой послужили труды зарубежных и отечественных учёных в области экономических, социально-педагогических и медицинских знаний. В целях анализа и расчёта экономических показателей использовались статистические и информационно-аналитические официальные источники в сфере реализации реабилитационных и лечебно-диагностических технологий в России и за рубежом. Авторы в своей работе опирались на изучение колоссального практического опыта в организации образова-

тельных и психолого-педагогических услуг при реабилитации детей с аутизмом в Екатеринбурге и Свердловской области. При обработке и систематизации информационно-аналитического материала использовались методы группировки, детализации, синтеза, историко-логический метод исследования, а также методы экономического и статистического анализа.

Результаты исследования социально-экономических показателей реализации медико-педагогических технологий реабилитации детского аутизма

Первым определил патологические состояния аутистического спектра швейцарский психиатр Э.Блейлер в 1911 году¹. Современное значение термин «аутизм» приобрёл в 1940-х гг. благодаря психиатрам Л.Каннеру и Г.Аспергеру². Необходимо отметить вклад учёных СССР в мировую практику выявления детей с аутизмом. Работы Г.Е. Сухоревой посвящены вопросам детской психиатрии — ещё в 1925 г. она выявила и описала патологические отклонения у детей и определила синдром аутизма. В начале XX в. результаты научных исследований в СССР являлись мало интегрированными в систему мировой научной мысли, и для англоязычного пространства научные работы советских учёных были недоступны, поэтому в западных странах Л. Каннер считается первооткрывателем аутизма.

На основании проведённых исследований и литературных обзоров распространённость рождения детей с нарушениями аутистического спектра в современном мире составляет 62/10000 населения, то есть по усреднённым расчётам один ребёнок из 160 родившихся детей страдает данной патологией с возможной дальнейшей инвалидизацией. Кроме того, необходимо отметить обобщённые усреднённые данные большого количества исследований в странах Западной Европы, США, России

и Китая, которые значительно варьируют в оценках полученных статистических показателей распространённости этой патологии. В остальных странах мира такие исследования либо вообще не проводились, либо носят частичный характер, поэтому данные предположительны, либо вообще отсутствуют.

В 2023 г. Т.Морозова и С.Довня опубликовали данные исследования Центра по контролю и профилактике заболеваний США, в соответствии с которыми аутизм встречается у каждого 36-го ребёнка в возрасте 8 лет (максимальном возрасте поступления в школу)³. С каждым годом наблюдается снижение в 4 раза выявляемости детей с этой патологией в возрасте 8 лет, что может свидетельствовать о ранней диагностике в младенческом возрасте, которая предполагает своевременные реабилитационные мероприятия, приводящие в итоге к адаптации ребёнка к современным условиям жизнедеятельности и возможности дальнейшего вовлечения в общественное воспроизводство во взрослом возрасте, а также к полному самостоятельному социально-бытовому обслуживанию.

В современной России проблемам ранней диагностики и реабилитации детей с расстройствами аутистического спектра посвящены работы отечественных учёных в области медицины, психиатрии, педагогики и социологии, такие, как Л.М. Мухарьмова, И.К. Зангиева, К.А. Лесных, Ж.В. Савельева, В.В. Дворянинова, Е.С. Федосеева, Е.В. Горбунова, С.К. Хаидов и другие [8–12]. Таким образом, проблемам реабилитации и коррекции поведения детей с РАС в раннем возрасте уделяется все больше внимание как со стороны учёных, так и со стороны федеральных и региональных органов власти. Как свидетельствуют результаты зарубежных и отечественных учёных, более 50% всех реабилитированных в детском возрасте входят во взрослую жизнь без особых отклонений в психическом состоянии

¹ Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien // Handbuch der Psychiatrie. — Leipzig, 1911. — 320 p.

² Kanner L. Judging emotions from facial expressions // Psychological Monographs. — American Psychological Association (APA). — 1931. — Vol. 41. — No. 3. — P. 127.

³ Морозова Т., Довня С. Обновлённая статистика Центра по контролю и профилактике заболеваний США // Фонд обнажённые сердца, 20.10.2023. — URL: <https://nakedheart.online/articles/statistika-autisma-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 23.07.2024).

здоровья, включаются в общественное производство, заводят семьи и так далее. Что в современном обществе в условиях «кадрового голода» практически во всех отраслях российской экономики является особенно актуальным.

Обращает на себя внимание факт, свидетельствующий о росте охвата социально-психологической, медицинской и образовательной помощью вновь выявленных больных РАС в детском возрасте в России, что способствует более эффективной адаптации и интеграции в систему общественно-бытовой деятельности ребёнка с РАС. Кроме того, не нужно забывать о социально-экономическом эффекте в будущих периодах времени, когда ребёнок, получив образование, профессию будет вовлечён в формирование рынка труда и общественное воспроизводство, принося экономический эффект государству, а также своей собственной семье. Не может не радовать увеличение числа детей школьного возраста, вовлечённых в образовательный процесс на уровне средней школы на территории России за последние годы. Так, в 2022 г. образовательными программами было охвачено 45888 детей с РАС, что на 18% больше, чем в предыдущем году. Если же сравнивать с 2018 г., то рост данного показателя составил более, чем в 2 раза. Тем не менее, численность детей с РАС и частота встречаемости расстройств аутистического спектра сильно отличается в различных частях России, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

По всем федеральным округам (ФО) отмечается равномерный небольшой (12–18%) прирост численности детей с РАС в системе образования. Наибольшая динамика выявлена по Центральному ФО — 27%. Высокий уровень доли выявляемости патологии может быть связан с неравномерностью распределения демографических показателей на территории РФ. Так, в Центральном ФО наблюдается высокий уровень концентрации численности населения. Вместе с тем, сложившаяся ситуация может свидетельствовать о недостаточном уровне диагностического скрининга детей раннего возраста, а также о неравномерности рас-

пространённости методологии ранней диагностики в различных регионах РФ.

Обращает на себя внимание показатель удельного веса вовлечённых в учебно-образовательный процесс детей с РАС в общей численности обучающихся, который варьирует в пределах от 0,1% до 0,4% и на первый взгляд может свидетельствовать о низком уровне вовлеченности детей с данной патологией в учебно-образовательный процесс. Но данная ситуация не совсем соответствует действительности, так как около 65–70% детей с РАС обучаются в общеобразовательных школах, где не ведётся сбор и обработка статистической информации в разрезе форм заболеваемости. Поэтому, если ребёнок реабилитирован на ранних стадиях заболевания и вовлечён в процесс всеобщего школьного образования, то информация о нем смешивается с общей педагогической статистикой без учёта диагнозов в системе здравоохранения. В тоже самое время, медицинские организации не отслеживают информацию об уровне полученного образования и вовлеченности ребёнка в учебно-образовательный процесс на разных стадиях его взросления.

Исследования А. В. Хаустова и М. А. Шумских свидетельствуют о том, что 71% детей с нарушениями аутистического спектра в России обучаются на уровнях начального, основного и среднего общего образования. Гораздо меньшая доля детей с риском развития РАС охвачена ранней помощью — 1,5% от их общей численности, что ещё раз подтверждает вывод о необходимости совершенствования системы скрининга детей в раннем возрасте. Кроме того, как отмечают авторы, в России минимальное число подростков и взрослых с РАС включены в систему среднего профессионального и высшего образования: 1,1% и 0,033% соответственно от общей численности людей с РАС [13].

В 2013 г. Государственная Дума РФ утвердила Федеральный Закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» № 442-ФЗ, в соответствии с которым должны быть сформулированы

Таблица 1
Динамика численности обучающихся с РАС по федеральным округам (ФО)

Table 1

Dynamics of the number of students with ASD by federal districts

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
Центральный ФО					
Детей с РАС, человек	38065	39505	40000	41044	42702
Обучающихся с РАС, человек	5175	6006	11526	13476	17216
Доля обучающихся от числа детей с РАС, %	13,6	15,2	28,8	32,8	40,3
Южный ФО					
Детей с РАС, человек	17051	18515	18901	19479	19971
Обучающихся с РАС, человек	3111	3215	4065	4463	4485
Доля обучающихся от числа детей с РАС, %	18,2	17,4	21,5	22,9	22,5
Северо-Западный ФО					
Детей с РАС, человек	14753	14804	14932	15375	15705
Обучающихся с РАС, человек	1262	1485	1833	2173	2451
Доля обучающихся от числа детей с РАС, %	8,6	10,3	12,3	14,1	15,6
Дальневосточный ФО					
Детей с РАС, человек	10093	10415	10497	10588	10703
Обучающихся с РАС, человек	1201	995	1716	1803	2070
Доля обучающихся от числа детей с РАС, %	11,9	9,6	16,3	17,0	19,3
Сибирский ФО					
Детей с РАС, человек	20007	21350	21665	22012	22411
Обучающихся с РАС, человек	2870	3339	3789	4879	5678
Доля обучающихся от числа детей с РАС, %	14,3	15,6	17,5	22,2	25,3
Уральский ФО					
Детей с РАС, человек	14900	15359	15669	16063	16502
Обучающихся с РАС, человек	2472	2618	3260	3650	4115
Доля обучающихся от числа детей с РАС, %	16,5	17,0	20,8	22,7	24,9
Приволжский ФО					
Детей с РАС, человек	30736	32664	33284	34001	34800
Обучающихся с РАС, человек	3760	4493	5291	6449	7709
Доля обучающихся от числа детей с РАС, %	12,2	13,8	15,9	19,0	22,2
Северо-Кавказский ФО					
Детей с РАС, человек	12972	13341	13701	14174	14562
Обучающихся с РАС, человек	895	942	1419	2224	2164
Доля обучающихся от числа детей с РАС, %	6,9	7,1	10,4	16,0	14,9
Российская Федерация в целом					
Детей с РАС, человек	158577	165953	168649	182736	177356
Обучающихся с РАС, человек	20746	23093	32899	39117	45888
Доля обучающихся от числа детей с РАС, %	13,1	13,9	19,5	21,4	25,9

Источник: Аналитическая справка о состоянии образования обучающихся с расстройствами аутистического спектра в субъектах Российской Федерации в 2022 году. // Федеральный ресурсный Центр по организации комплексного сопровождения детей с РАС. — URL: https://autism-frc.ru/ckeditor_assets/attachments/4263/analiticheskaya_spravka_monitoring_ras_2022_29_12_2022.pdf (дата обращения: 23.07.2024).

новые принципы организации системы социального обслуживания, к которым можно отнести: индивидуальные программы предоставления социальных услуг; включение в систему социального обслуживания негосударственных (коммерческих и некоммерческих) организаций и индивидуальных предпринимателей; принцип равного и свободного доступа граждан к социальным услугам; принцип приближенности поставщика социальных услуг к месту жительства получателей; право получателей на выбор поставщиков социальных услуг; формирование тарифов на основании подушевых нормативов финансирования социальных услуг.

Несмотря на то, что каждый регион своевременно отчитался о разработке стандартов и тарифов на социальное обслуживание, утвержденном порядке выплаты компенсации за работу негосударственных поставщиков, создании региональных реестров поставщиков услуг и так далее, на сегодняшний день сохраняются барьеры социального, правового и экономического характера для получателей социальных услуг, которые заключаются в следующем: 1) сложность получения полного перечня социальных услуг в индивидуальной программе предоставления социальных услуг; 2) недостаточное количество реально работающих и предоставляющих социальные услуги населению поставщиков в реестре, в том числе негосударственных организаций; 3) барьеры, связанные с развитием рынка социальных услуг, на котором получатели могут выбрать себе поставщика самостоятельно.

Вступление в реестр поставщиков социальных услуг до сих пор «вручную» регулируется уполномоченными министерствами. На сегодняшний день отсутствует прозрачность в формировании принципов распределения объемов предоставления социальных услуг в разрезе их поставщиков. Зачастую наибольший удельный вес реализации социальных услуг приходится на организации с наименьшим потребительским рейтингом, в то время как организациям с высоким оценочным рейтингом затягивают сроки их вступления в реестр, а также для

таких поставщиков устанавливается низкий уровень тарифов за услуги, который исключают комплексный подход их реализации и оплаты. Так, на сегодняшний день на территории России действуют штучные тарифы на оказание социальных услуг, которые предусматривают набор отдельных медико-социальных и педагогических услуг без учёта востребованности в тех или иных видах услуг детей с РАС в соответствии с разработанными программами образовательного и реабилитационного процесса, в которых отражены индивидуальные особенности развития каждого ребёнка. На наш взгляд, более целесообразно ввести почасовые тарифы, предусматривающие оказание индивидуально подобранного комплекса медицинских, педагогических и социальных услуг для каждого ребёнка с РАС в соответствии с разработанной индивидуальной программой реабилитации.

Социальная адаптация детей с РАС объективно требует координацию усилий врачей, педагогов и социальных работников, что, несомненно, влияет на уровень затрат в системе формирования цен на комплекс данных услуг. Кроме того, к индивидуальным реабилитационным и образовательным программам необходимо подходить дифференцированно, что в конечном итоге будет влиять на стоимость этих мероприятий. Кроме того, отсутствие временных подушевых нормативов финансирования не позволяет внедрить эффективный учёт и контроль своевременности и полноты оказания услуг, не позволяет проводить анализ достаточности социальной помощи детям, гарантированной им государством. Так, до сих пор сохраняются те же принципы и нормы финансового обеспечения детей-инвалидов, которые были сформированы и реализованы в период существования СССР в первой половине XX века. Кроме того, этот порядок продолжает действовать во многих субъектах РФ, в том числе и на территории Свердловской области, и практически охватывает более 90% всего объёма предоставляемой медико-социальной помощи, в том числе сохраняя принципы «штучной» оплаты их реализации.

Таким образом, существующая сегодня система финансирования не позволяет поставщикам социальных и образовательных услуг вести учёт расходов средств бюджета по каждому получателю услуг или их группе, так как государственные поставщики социальных услуг, в соответствии с бюджетным законодательством, имеют прямое бюджетное финансирование, и не привязаны к количеству обслуженных получателей услуг и продолжительности времени их обслуживания (в часах). Отчёты по социальным услугам делаются не с целью анализа эффективности расходования денежных средств, а с целью подготовки отчёта. Финансирование государственного поставщика социальных услуг и подготовка отчёта по социальным услугам не совсем увязаны между собой по смыслу.

При этом, большинство негосударственных поставщиков, а также учреждённые с привлечением государственных организаций, получают финансирование в виде грантов на саму организацию. Размеры грантов в рамках поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства определяют без учёта установленных в регионе подушевых нормативов финансирования социальных услуг. Только небольшая часть негосударственных поставщиков социальных услуг субсидируются по подушевым нормативам финансирования. Именно они ведут учёт расходов госбюджета в разрезе каждого получателя услуг или группы поставщиков. Стоимостной объём оказания услуг у таких поставщиков в регионе, по экспертным оценкам, составляет около 1% бюджетных средств, выделенных в бюджете региона на оказание социальных услуг. Другими словами, в регионе поставщики социальных услуг находятся не в равных условиях финансирования.

Направления по совершенствованию внедрения медико-социальных и педагогических технологий реабилитации аутизма у детей

Принципиальным решением для ускорения формирования конкурентного рын-

ка социальных услуг, на наш взгляд, является участие Свердловской области во внедрении Федерального закона «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» от 13 июля 2020 г. № 189-ФЗ. Чтобы Свердловская область приступила к работе в социальной сфере по принципам этого закона, необходимо проявить инициативу региональным органам власти.

По нашему мнению, идея Федеральной межведомственной программы социальной адаптации детей и взрослых с РАС позволит получать своевременную, специализированную, доступную помощь ребёнку и взрослому, через механизмы подушевого финансирования получателя помощи в достаточном объёме для своей социальной адаптации, а региону — получить дополнительное финансирование в рамках этой федеральной программы. Кроме того, данный подход позволит сохранять демографический фонд страны, способствовать исполнению нацпроектов «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Новые технологии сбережения здоровья» реализовывать гарантии и права своих граждан, создавать новые рабочие места через стимулирование рынка социальных услуг, создание обширной системы социального обслуживания, эффективно расходовать бюджетные средства.

Изменение системы финансирования поставщиков социальных услуг в целях реабилитации детей с РАС, на наш взгляд, является на сегодняшний день актуальнейшей задачей, так как ожидать снижения заболеваемости заболеванием в современном обществе не приходится, ссылаясь на рост данной патологии в медицинской статистике. В то же время, начиная с 2022 г. в Свердловской области наблюдается недостаток трудовых ресурсов почти во всех отраслях народного хозяйства в связи с бурным развитием реального сектора экономики. В силу поставленных задач Правительством РФ в долгосрочной перспективе вопрос о подготовке кадров в различных отраслях и подотраслях народного хозяй-

ства встанет ещё более остро в ближайшее десятилетие. Поэтому необходимо именно сегодня внедрять технологии реабилитации и адаптации детей с отклонениями в физическом и психоэмоциональном развитии для сохранения их трудового потенциала в будущем. Необходимо учитывать не только экономический эффект с позиций государства, но и индивидуальный социально-экономический эффект с позиций отдельно взятого индивида, адаптированного к реалиям жизненного пространства (который может быть просто неоченим в финансовом эквиваленте). Оценивая экономическую эффективность, связанную с вовлечением реабилитированных детей с РАС в общественное воспроизводство, исходя из уровня валового регионального продукта на территории Свердловской области в 2022 г. (который в среднем составляет около 880 тыс. рублей в расчёте на одного работающего за год), не сложно определить экономический эффект в течение трудовой деятельности 1 работающего, который будет варьировать в пределах 35–40 млн рублей.

Выводы

В условиях ухудшающихся медико-демографических показателей в стране, в том числе в Свердловской области, необходимо уделять пристальное внимание на создание благоприятных условий организации медико-психологической и педагогической реабилитации детей на ранних стадиях развития патологических состояний здоровья. Для этого необходимо произвести коррекцию формирования государственного заказа в разрезе поставщиков социальных услуг, переходя при этом на подушевой принцип финансирования, когда финансовые потоки следуют за пациентом. При этом выбор пациентом (прежде всего родителями ребёнка) организации будет сопряжён с оценкой качества и уровнем сбалансированности программ реабилитации, а также их результативностью для индивида с учётом личностных его характеристик и особенностей.

Таким образом, организации-поставщики социальных услуг становятся держателями финансовых ресурсов, что будет стимулировать внедрение дифференцированного подхода к разработке комплексных мер по реабилитации и адаптации ребёнка с учётом его индивидуальных особенностей, а не набор отдельно взятых услуг медицинского, психологического или педагогического характера, включая обучение родителей. Кроме того, будет упрощена оценка качества предоставляемых социальных услуг с позиций потребителя, так как у родителей будет возможность самостоятельного выбора той организации, где осуществляется персонифицированный подход к реабилитационному процессу и наблюдается наиболее высокий уровень результативности применения этих технологий.

Другими словами, на сегодняшний день необходима разработка и внедрение новой системы контроля качества и учёта удовлетворённости получателей социальных услуг, которая на сегодняшний день в большинстве регионов РФ носит имитационный характер и не позволяет реально оценивать и контролировать вложенные государством финансовые средства для создания комфортных и эффективных условий реабилитационного процесса детского аутизма. При решении данных задач, также необходимо уделять внимание на создание равных условий для поставщиков социальных услуг, реализующих государственный заказ, на основании рыночных механизмов их оказания, для чего необходимо формировать мотивационное поле для поставщиков социальных услуг.

Литература и Интернет-источники

1. **Халикова, Д. Р.** Социокультурная инклюзия: концептуальные основы и тенденции развития / Д. Р. Халикова, Е. В. Хилькевич // Аутизм и нарушения развития. — 2022. — Т. 20. — № S2. — С. 4–12. EDN: VEHRYH
2. **Сорокин, А. Б.** Изучение особенностей поведения у детей ясельного возраста с подозрением на наличие расстройства в спектре аутизма при помощи плана «Диагностического обследования при аутизме» ADOS-2 / А. Б. Сорокин, Е. Ю. Давыдова // Аутизм и нарушения развития. — 2017. — Т. 15. — № 2(55). — С. 38–44. EDN: ZMIOMN
3. **Манелис, Н. Г.** Использование методов модификации поведения для коррекции речевых расстройств у аутичных детей / Н. Г. Манелис // Аутизм и нарушения развития. — 2005. — Т. 3. — № 3. — С. 22–33.
4. **Хаустов, А. В.** Особые образовательные потребности обучающихся с расстройствами аутистического спектра / А. В. Хаустов // Аутизм и нарушения развития. — 2016. — Т. 14. — № 2. — С. 3–12. DOI: 10.17759 / autdd.2016140201; EDN: WBDPDF
5. **Богдашина, О. Б.** Модели организации комплексной помощи детям с расстройствами аутистического спектра на западе / О. Б. Богдашина // Аутизм и нарушения развития. — 2016. — Т. 14. — № 4. — С. 27–34. EDN: XYFTGH
6. **Быстрова, Ю. А.** Исследование компетенции морально-этической ответственности у молодых людей с РАС на этапе их профессиональной подготовки, включающей тьюторское сопровождение / Ю. А. Быстрова, А. Н. Бражникова, И. В. Карпенкова // Аутизм и нарушения развития. — 2023. — Т. 21. — № 4. — С. 52–60. DOI: 10.17759 / autdd.2023210406; EDN: TZMERB
7. **Рицци, Д.** Использование тренировки навыков поведения и других видов манипуляции средовыми факторами для обучения навыкам безопасности подростков с РАС / Д. Рицци, А. Дибари // Аутизм и нарушения развития. — 2019. — Т. 17. — № 3. — С. 12–28. EDN: CSLEQE
8. **Мухарямова, Л. М.** Социальная среда для людей с аутизмом в России: проблема доступности в оценках экспертов / Л. М. Мухарямова, Ж. В. Савельева // Экология человека. — 2021. — Т. 28. — № 1. — С. 45–50. DOI: 10.33396 / 1728-0869-2021-1-45-5; EDN: YERITT
9. **Зангиева, И. К.** Межгрупповые различия в установках к людям с расстройствами аутистического спектра (РАС) / И. К. Зангиева, К. А. Лесных // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 5(159). — С. 559–577. EDN: OXORMJ
10. **Дворянинова, В. В.** Когнитивные расстройства у родственников детей, больных ранним детским аутизмом / В. В. Дворянинова, Л. Н. Касимова, Ж. В. Альбицкая // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. — 2017. — № 1(94). — С. 33–34. EDN: YIXOMD
11. **Федосеева, Е. С.** Особенности эмоционального принятия ребенка с ранним детским аутизмом в системе детско-родительских отношений / Е. С. Федосеева, Т. А. Бондаренко, В. И. Морозова // Современные наукоёмкие технологии. — 2017. — № 3. — С. 107–112. EDN: YIZVPB
12. **Горбунова, Е. В.** Развитие самооценки младших школьников с синдромом раннего детского аутизма / Е. В. Горбунова, С. К. Хаидов // Акмеология. — 2016. — № 2(58). — С. 119–122. EDN: XCVWFV
13. **Хаустов, А. В.** Динамика в развитии системы образования детей с расстройствами аутистического спектра в России: результаты Всероссийского мониторинга 2021 года / А. В. Хаустов, М. А. Шумских // Аутизм и нарушения развития. — 2022. — Т. 20. — № 3. — С. 6–14. DOI: 10.17759 / autdd.2022200301; EDN: FPRFJC

Сведения об авторах:

Ошкордина Алла Анатольевна, к.э.н., доцент, доцент Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Контактная информация: e-mail: al2111la@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0258-8202, РИНЦ SPIN-код: 5993–0775.

Гончарова Надежда Анатольевна, к.ист.н., доцент, доцент Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Контактная информация: e-mail: nadin1325x@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3193-5864; РИНЦ SPIN-код: 4392-9189.

Хаитова Александрина Иосифовна, директор Благотворительного фонда «Я особенный», Екатеринбург, Россия

Контактная информация: e-mail: ya.haitova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1315-0473; РИНЦ SPIN-код: 3454-5474.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-117-128

SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF MEDICAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN REHABILITATION OF CHILDHOOD AUTISM

Alla A. Oshkordina^{1*}, Nadezhda A. Goncharova¹, Aleksandrina I. Khaitova²

¹Ural State University of Economics

(62 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620144)

²Charitable Foundation «I Am Special»

(6a Radishcheva str., Ekaterinburg, Russia, 620014)

*E-mail: al2111la@yandex.ru

For citation:

Oshkordina A. A., Goncharova N. A., Khaitova A. I. Socio-economic aspects of the implementation of medical and pedagogical technologies in rehabilitation of childhood autism. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 117-128. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-117-128 (in Russ.)

Abstract. *In modern society, medical and demographic problems come to the fore due to the increasing level of pathological health conditions of the population. Based on the conducted research and literature reviews, prevalence of the birth of children with autism spectrum disorders (ASD) in the modern world is increasing every year, therefore, the issues of therapeutic, diagnostic and rehabilitation character are especially relevant today from the socio-economic point of view of the development of society. The article discusses the possibilities of creating favorable conditions for organizing medical-psychological, pedagogical, social and educational adaptation of children with autism spectrum disorders. The purpose of the study is to identify the interdependent relationship between the implementation of rehabilitation measures for children with autism spectrum disorders aimed at involving them in the process of social reproduction and increasing the indicators of the medical and demographic nature of the development of Russian society in the future periods of time. The authors have identified the main directions in improving the system of providing social services to the population in terms of their accessibility and quality in order to preserve the country's demographic fund, which contribute to implementation of the National Projects «Demography», «Health Care», and also help to implement the guarantees and rights of their citizens, create new jobs through stimulating the social services market, creating an extensive, penetrating system of social services, and effective spending of the budget funds. The results obtained have both theoretical and practical significance for organizers, managers and economic specialists in the field of development and implementation of medical, rehabilitation, socio-psychological and pedagogical technologies and services in the rehabilitation process for children with ASD.*

Keywords: socio-economic efficiency, autism, morbidity, guarantees, disability, social reproduction.

References and Internet sources

1. Khalikova D. R., Khilkevich E. V. Sotsiokul'turnaya inkluziya: kontseptual'nyye osnovy i tendentsii razvitiya [Sociocultural inclusion: conceptual foundations and development trends]. *Autizm i narusheniya razvitiya [Autism and Developmental Disorders]*. 2022. Vol. 20. No. S2. P. 4–12. (in Russ.)
2. Sorokin A. B., Davydova E. Yu. Izucheniye osobennostey povedeniya u detey yasel'nogo vozrasta s podozreniyem na nalichie rasstroystva v spektre autizma pri pomoshchi plana «Diagnosticeskogo obsledovaniya pri autizme» ADOS-2 [Autism diagnostic evaluation schedule (ADOS-2) for evaluation of behavior and communication in toddlers with concern of autism spectrum disorders]. *Autizm i narusheniya razvitiya [Autism and Developmental Disorders]*. 2017. Vol. 15. No. 2 (55). P. 38–44 (in Russ.)
3. Manelis N. G. Ispol'zovaniye metodov modifikatsii povedeniya dlya korrektsii rechevykh rasstroystv u autichnykh detey [Using behavior modification methods to correct speech disorders in autistic children]. *Autizm i narusheniya razvitiya [Autism and Developmental Disorders]*. 2005. Vol. 3. No. 3. P. 22–33. (in Russ.)
4. Khaustov A. V. Osobyie obrazovatel'nyye potrebnosti obuchayushchikhsya s rasstroystvami autisticheskogo spektra [Special educational needs of students with autism spectrum disorders]. *Autizm i narusheniya razvitiya [Autism and Developmental Disorders]*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 3–12. (in Russ.)
5. Bogdashina O. B. Modeli organizatsii kompleksnoy pomoshchi detyam s rasstroystvami autisticheskogo spektra na zapade [Models of the organization of comprehensive care for children with ASD in the West]. *Autizm i narusheniya razvitiya [Autism and Developmental Disorders]*. 2016. Vol. 14. No. 4. P. 27–34. (in Russ.)
6. Bystrova Yu. A., Brazhnikova A. N., Karpenkova I. V. Issledovaniye kompetentsii moral'no-eticheskoy otvetstvennosti u molodykh lyudey s RAS na etape ikh professional'noy podgotovki, vliyuchayushchey t'yutorskoye soprovozhdeniye [Study of the competence of moral and ethical responsibility in young people with ASD at the stage of their professional training with tutor support]. *Autizm i narusheniya razvitiya [Autism and Developmental Disorders]*. 2023. Vol. 21. No. 4. P. 52–60. (in Russ.)
7. Rizzi D., Dibari A. Ispol'zovaniye trenirovki navykov povedeniya i drugikh vidov manipulyatsii sredovymi faktorami dlya obucheniya navykam bezopasnosti podrostkov s RAS [Using behavior skills training and other environmental manipulations to teach safety skills to adolescents with ASD]. *Autizm i narusheniya razvitiya [Autism and Developmental Disorders]*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 12–28. (in Russ.)
8. Mukharyamova L. M., Savelyeva Zh. V. Sotsial'naya sreda dlya lyudey s autizmom v Rossii: problema dostupnosti v otsenkakh ekspertov [Social environment for people with autism in Russia: expert assessment of the accessibility issue]. *Ekologiya cheloveka [Human Ecology]*. 2021. Vol. 28. No. 1. P. 45–50. (in Russ.)
9. Zangieva I. K., Lesnykh K. A. Mezhhruppovyye razlichiya v ustanovkakh k lyudyam s rasstroystvami autisticheskogo spektra (RAS) [Intergroup differences in attitudes towards people with autism spectrum disorders (ASD)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2020. No. 5(159). P. 559–577. (in Russ.)
10. Dvoryaninova V. V., Kasimova L. N., Albitskaya Zh. V. Kognitivnyye rasstroystva u rodstvennikov detey, bol'nykh rannim detskim autizmom [Cognitive disorders in relatives of children suffering from early infantile autism]. *Sibirskiy vestnik psikhiiatrii i narkologii [Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry]*. 2017. No. 1(94). P. 33–34. (in Russ.)
11. Fedoseeva E. S., Bondarenko T. A., Morozova V. I. Osobennosti emotsional'nogo prinyatiya rebenka s rannim detskim autizmom v sisteme detsko-roditel'skikh otnosheniy [Features of emotional child adoption with early infantile autism in the system of parent-child relationship]. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii [Modern High Technologies]*. 2017. No. 3. P. 107–112. (in Russ.)

12. Gorbunova E. V., Khaidov S. K. Razvitiye samootsenki mladshikh shkol'nikov s sindromom rannego detskogo autizma [Development of self-appraisal of junior schoolchildren suffering from early infantile autism (EIA) syndrome]. *Akmeologiya* [*Acmeology*]. 2016. No. 2(58). P. 119–122. (in Russ.)
13. Khaustov A. V., Shumskikh M. A. Dinamika v razvitii sistemy obrazovaniya detey s rasstroystvami autisticheskogo spektra v Rossii: rezul'taty Vserossiyskogo monitoringa 2021 goda [Dynamics in the development of the education system for children with autism spectrum disorders in Russia: results of the 2021 National Monitoring]. *Autizm i narusheniya razvitiya* [*Autism and Developmental Disorders*]. 2022. Vol. 20. No. 3. P. 6–14. (in Russ.)

Information about the authors:

Oshkordina Alla Anatolievna, Candidate of Economics, Associate Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

Contact information: e-mail: al2111la@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0258-8202, Elibrary SPIN-code: 5993–0775.

Goncharova Nadezhda Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

Contact information: e-mail: nadin1325x@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3193-5864; Elibrary SPIN-code: 4392–9189.

Khaitova Aleksandrina Iosifovna, Director of Charitable Foundation «I Am Special», Ekaterinburg, Russia

Contact information: e-mail: ya.haitova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1315-0473; Elibrary SPIN-code: 3454–5474.

Статья поступила в редакцию 06.09.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-129-144
EDN: RTAAQG

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Губарев Р. В.^{1*}, Ярашева А. В.², Дзюба Е. И.³

¹Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
(115054, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

³Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН
(450054, Россия, Уфа, Проспект Октября, 71)

*E-mail: gubarev.roma@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра (УФИЦ) РАН № 075–00571–25–00 на 2025 год.

Для цитирования:

Губарев Р. В., Ярашева А. В., Дзюба Е. И. Искусственный интеллект – эффективный инструмент измерения и планирования качества жизни населения России // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 2. – С. 129–144. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-129-144; EDN: RTAAQG

Аннотация. Присоединение России к международной программе ООН в области устойчивого развития предполагает решение ряда социальных проблем и, прежде всего, борьбу с бедностью и сглаживание монетарного (по денежным доходам) неравенства. Решение таких проблем на современном этапе осложняется военным конфликтом на Украине. Коллективный Запад оказывает беспрецедентное санкционное давление на национальную экономику. В такой ситуации актуализируется вопрос совершенствования социальной политики государства, который, в свою очередь, предполагает и развитие инструментария для мониторинга качества жизни населения нашей страны. Данное исследование посвящено разработке и апробации авторского подхода для комплексной оценки качества жизни населения России на мезоуровне управления с применением искусственного интеллекта. Рейтингование регионов России, исходя из качества жизни населения, осуществлялось индексным методом. Рейтинг за 2023 г. возглавляла Республика Татарстан, а не как обычно (согласно результатам, представленным в других тематических работах) Москва. Столица нашей страны в 2023 г. заняла второе место рейтинга (в предыдущем году практически делила также второе-третье место с Санкт-Петербургом). Относительно низкое место в рейтинге объясняется тем, что Москва располагалась лишь на 56-м месте в третьем субрейтинге, характеризующим уровень бедности и неравенства населения по доходам. Отсюда, столица страны

© Губарев Р. В., Ярашева А. В., Дзюба Е. И., 2025

на современном этапе развития без преувеличения является городом контрастов по уровню бедности и монетарного неравенства населения. Искусственный интеллект позволяет корректно сгруппировать субъекты РФ по качеству жизни населения. С его помощью также углубляется и факторный анализ, а, следовательно, совершенствуется механизм планирования и прогнозирования изучаемого явления. В конечном итоге результаты тематической оценки с применением искусственного интеллекта могут быть учтены при корректировке социальной политики государства.

Ключевые слова: качество жизни населения, бедность, социальное неравенство, регионы России, искусственный интеллект, кластеризация, классификация, прогнозирование.

Постановка проблемы

В настоящее время общемировой тенденцией является ESG-трансформация не только применительно к компаниям, но и территориям (муниципалитет, регион и страна). Устойчивое развитие региона предполагает экономический рост, социальное развитие и экологическую безопасность. Национальные проекты создали основу для повышения качества жизни населения в России. Однако в нашей стране до сих пор не решёнными остаются такие ключевые социальные проблемы как бедность и социальное неравенство населения по доходам. Сложная геополитическая ситуация в мире из-за специальной военной операции России на Украине, а также сопряжённое с ней санкционное давление на российскую экономику со стороны США и стран ЕС в первую очередь негативно отразилось на качестве жизни большинства граждан нашей страны. При этом в современной России также возросла и интенсивность экологических протестов с широкой их географией [1].

Целью данного исследования является разработка и апробация авторского подхода для комплексной оценки качества жизни населения в регионах России с применением искусственного интеллекта (ИИ). ИИ позволяет решать широкий спектр задач. В контексте проводимого исследования это кластеризация, классификация и прогнозирование качества жизни населения нашей страны на мезоуровне управления.

Проблемами измерения качества жизни населения, уровня бедности граждан (включая занятых) и социального неравенства в современной России занимается

ряд отечественных учёных В.Н.Бобков [2; 3], М.К.Горшков [4; 5], Ж.Т.Тощенко [6; 7], Н.Е.Тихонова [8; 9], М.Ф.Черныш [10; 11] и другие. При этом исследователи, как правило, связывают решение таких проблем в нашей стране с необходимостью скорейшей трансформации капитализма олигархического типа в социальное государство. В работе [12] подробно представлен обзор известных зарубежных и российских подходов к измерению качества жизни населения. Несмотря на большое количество тематических методик, редким явлением для нашей страны остаётся применение ИИ. Поэтому в данном исследовании предпринимается попытка разработки гибридного подхода, позволяющего проводить не только ретроспективную оценку качества жизни населения в регионах России, но и решать ряд задач с помощью ИИ.

Данные и методы исследования

Основным источником информации являются данные за 2019–2023 гг., размещённые на сайте Росстата и ЕМИСС. Конкурентная позиция каждого российского региона по качеству жизни населения определяется на основе построения тематического индекса. Охарактеризуем основные методологические особенности такого индекса. Авторы не претендуют на оптимальный состав показателей, определяющих качество жизни населения в регионах России (рис. 1). Однако предпринимается попытка формирования системы из ключевых индикаторов с учётом ряда работ [13–17]. Расчёт тематического индекса осуществляется на основе 20 показателей, объединённых в 4 группы.

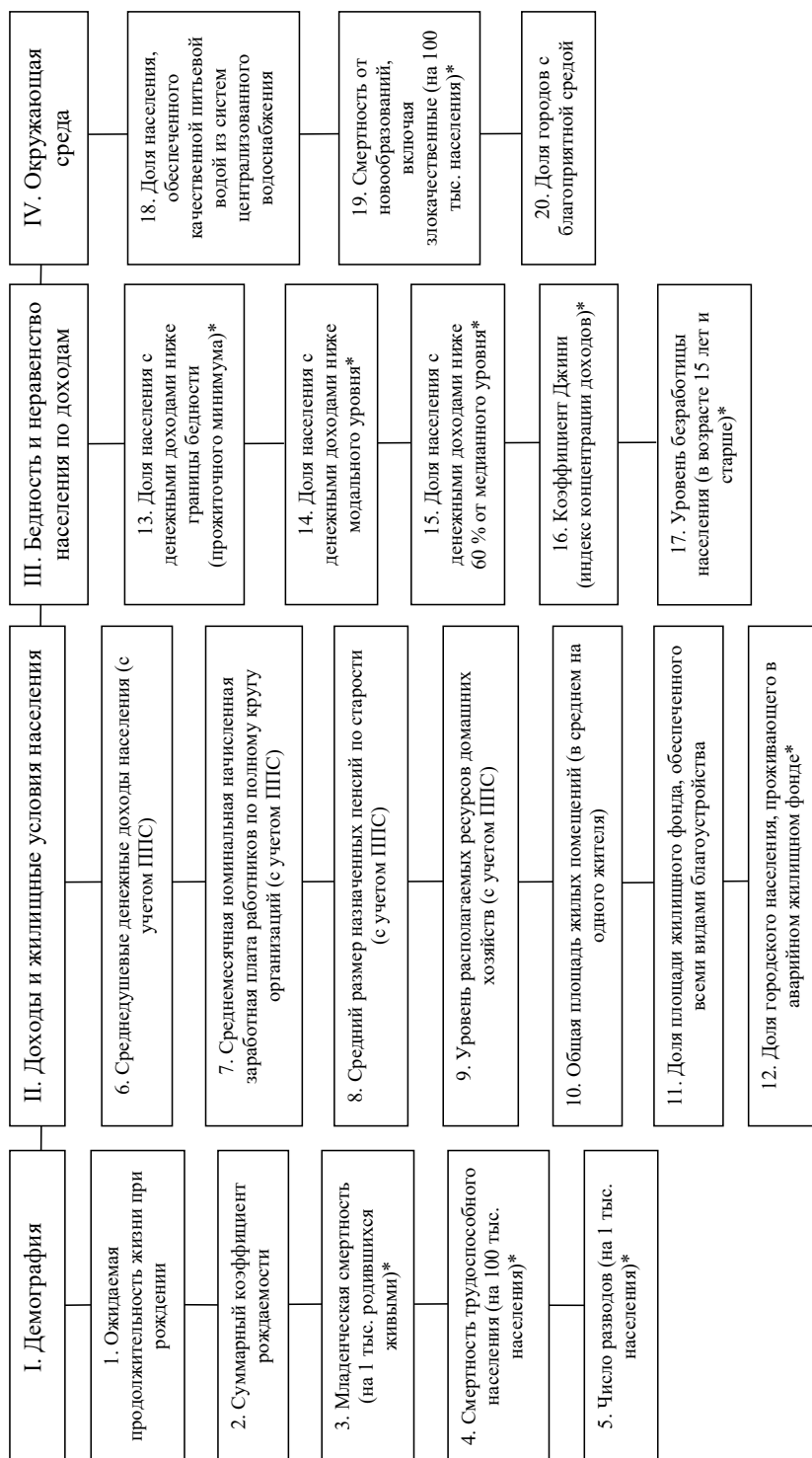

Рис. 1. Система ключевых показателей, определяющих качество жизни населения в регионах России
 Fig. 1. The system of key indicators determining the quality of life of the population in the regions of Russia

*рост значений показателя негативен.

Источник: составлено авторами.

Корректность межрегиональных сравнений обеспечивается за счёт того, что индикаторы в стоимостном выражении приводятся с учётом паритета покупательной способности (далее — ППС). За базу сравнения принимается стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в Москве. Для остальных регионов России рассчитываются поправочные коэффициенты.

«Свёртка» показателей производится с учётом качественной характеристики (позитивная или негативная) оценки роста их значений. Так, в первом случае нормированное значение индикатора — это отношение разницы между его фактическим и минимальным значением к размаху вариации. В обратной ситуации (при негативной оценке) из единицы вычитается ранее полученное выражение.

Согласно поставленной задаче (определения конкурентной позиции региона России), применяется «плавающая» база сравнения, т.е. размах вариации для каждого показателя рассчитывается в годовом разрезе. Уделяется внимание и оценке подчинения исходных данных закону нормального распределения. Для этого рассчитывается коэффициент асимметрии информации. При необходимости (если значение выше указанного показателя более 0,5) производится трансформация нормированных значений индикаторов путём извлечения квадратного корня. И, наконец, расчёт индекса и четырёх субиндексов производится по формуле простой среднеарифметической, т.е. с равной ценностью каждого показателя. В отличие от большинства тематических работ авторы данного исследования не ограничиваются ретроспективной оценкой. Так, с помощью ИИ последовательно решаются задачи кластеризации, классификации и прогнозирования качества жизни населения в регионах России.

Распределение регионов России по группам (кластеризация) производится в демоверсии программного продукта Deductor Studio Lite 5.1 на примере 2022 и 2023 годов. Нейромоделирование осуществляется в годовом разрезе методом самоорганизующихся карт Т.Кохонена. По причине от-

носительно малого количества (82) наблюдений обучение и тестирование проводится на всём их множестве. Способ начальной инициализации карты — из обучающего множества. При этом в ходе обучения применяется Гауссова функция соседства. Учитывая основные статистические характеристики (наименьшее, среднее и наибольшее значение) индекса принимается решение о выделении трёх групп (кластеров), характеризующихся ниже среднего, средним и выше среднего уровнем жизни населения.

Решение задачи классификации регионов также осуществляется, исходя из фактического значения индекса для 2022 и 2023 гг., но в программном продукте NeuroSolutions for Excel 6.0. «Входные переменные» — значения трёх первых субиндексов. Результативным показателем является номер группы (первые два кластера) российских регионов. Все (126) наблюдений предварительно разделяются на обучающее (114) и тестовое (около 9,5%) подмножество. В программном продукте имеется возможность выбора из нескольких возможных топологий искусственных нейронных сетей. Ограничимся двумя: Self-Organizing Feature Map Network (SOM) или самоорганизующиеся карты Т.Кохонена и CANFIS (Co-Active Neuro-Fuzzy Inference System) Network (Fuzzy logic, FL) или гибридный метод, объединяющий функции нечёткой логики с модульной нейронной сетью. В первом случае имеется возможность варьирования числа скрытых слоёв и поиска оптимального значения числа нейронов в одном из них. В данном исследовании вычислительные эксперименты проводятся для одного скрытого слоя. При этом число нейронов варьируется в интервале от 2 до 9 с единичным шагом. Активационная функция для скрытого и выходного слоя, соответственно сигмоидный и линейный аксон. Во втором случае скрытые слои не предусмотрены, а активационная функция для выходного слоя идентичная.

И, наконец, реализация прогностической функции также осуществляется в программном продукте NeuroSolutions for Excel 6.0 по данным за 2019–2023 годы.

Из 410 наблюдений 369 составляют обучающее подмножество, остальные (10%) — тестовое подмножество. «Входные» переменные это три первых субиндекса, результирующий показатель — значение индекса. Серии вычислительных экспериментов проводятся для шести возможных топологий: Multilayer Perceptron (MLP, многослойный перцептрон), Generalized Feed Forward (GFF, обобщённая нейросеть прямого распространения), Modular Neural Network (MNN, модульная нейронная сеть), Jordan / Elman Network (JEN, рекуррентные нейронные сети Джордана и Элмана), Principal Component Analysis (PCA, метод главных компонент) и Time-Lag Recurrent Network (TLRN, рекуррентная нейросеть с временной задержкой). Первоначально серия вычислительных экспериментов проводилась для одного скрытого слоя с целью поиска оптимального количества нейронов в нём. При этом число нейронов варьировалась в интервале от 2 до 9 с еди-

ничным шагом. Активационная функция для скрытого и выходного слоя, соответственно гиперболический тангенс и линейный аксон. Точность (адекватность) аппроксимации исходных данных с помощью искусственных нейронных сетей различной топологии определялась на основе ряда показателей: коэффициент корреляции между фактическими и теоретическими или экспериментальными значениями «выходной» переменной (r); средняя ошибка аппроксимации (E), наибольшая ошибка аппроксимации ($\max e$), количество (N) и процент (P) корректно (при 5% и 8% ошибке аппроксимации, e) распознанных наблюдений из тестового подмножества. Значения четырёх последних показателей адекватности рассчитывались авторами исследования самостоятельно. Причём последние два показателя являются так называемым частотным критерием качества процедуры обучения искусственной нейронной сети.

Таблица 1

**Рейтинг регионов России по качеству жизни населения
в 2019–2023 гг. (ключевой фрагмент)**

Table 1

Rating of Russian regions by quality of life of the population in 2019–2023 (key fragment)

Субъект РФ	Индекс / Рейтинг				
	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Татарстан	0,704 / 4	0,739 / 2	0,738 / 1	0,76 / 1	0,763 / 1
Город Москва	0,706 / 3	0,706 / 6	0,72 / 4	0,75 / 3	0,735 / 2
Московская область	0,684 / 7	0,725 / 3	0,71 / 7	0,723 / 5	0,728 / 3
Город Санкт-Петербург	0,724 / 1	0,743 / 1	0,733 / 2	0,751 / 2	0,726 / 4
Белгородская область	0,707 / 2	0,706 / 7	0,719 / 5	0,719 / 6	0,726 / 5
Республика Башкортостан	0,625 / 18	0,655 / 17	0,661 / 14	0,685 / 9	0,683 / 10
Ивановская область	0,572 / 57	0,602 / 52	0,627 / 43	0,604 / 54	0,629 / 41
Республика Коми	0,618 / 21	0,645 / 21	0,644 / 29	0,616 / 48	0,628 / 42
Астраханская область	0,592 / 42	0,61 / 50	0,615 / 56	0,595 / 60	0,625 / 43
Республика Бурятия	0,489 / 78	0,536 / 76	0,548 / 76	0,519 / 78	0,508 / 78
Республика Тыва	0,454 / 80	0,49 / 80	0,519 / 81	0,512 / 80	0,5 / 79
Республика Ингушетия	0,574 / 56	0,593 / 63	0,587 / 66	0,534 / 75	0,494 / 80
Забайкальский край	0,487 / 79	0,531 / 77	0,529 / 79	0,513 / 79	0,484 / 81
Еврейская автономная область	0,436 / 81	0,485 / 81	0,455 / 82	0,467 / 82	0,483 / 82

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Результаты исследования и их обсуждение

Ключевой фрагмент результатов ретроспективной оценки или ранжирования регионов России по качеству жизни населения представлен в табл. 1. Как видно из данных табл. 1, наш рейтинг возглавляет Республика Татарстан, а не как обычно (исходя из результатов, представленных в других тематических работах) город Москва.

В 2022–2023 гг. значение индекса лидера рейтинга последних трёх лет практически фиксировалось на одном уровне и в настоящее время достигло исторического максимума — 0,763. Столица нашей страны в отчётном году заняла второе место рейтинга (в предыдущем периоде практически делила также второе-третье место с Санкт-Петербургом). Однако необходимо отметить некоторое снижение значения индекса для Москвы в 2022–2023 годах. Непривычно высокое пятое место в «свежем» рейтинге занимает Белгородская область. Республика Башкортостан на протяжении последних двух лет по качеству жизни населения входила в первую десятку российских регионов. При этом необходимо отметить, что даже у группы регионов-лидеров на современном этапе развития имеются существенные резервы повышения качества жизни населения.

С целью уточнения приоритетных направлений социальной политики на мезоуровне управления в табл. 2 и 3 на примере регионов-лидеров рейтинга представлена декомпозиция итоговых результатов оценки в разрезе, соответственно субиндексов и показателей. Возвращаясь к ранжированию, необходимо отметить, что для группы субъектов РФ — аутсайдеров рейтинга получилась типичная (по сравнению с другими тематическими работами отечественных учёных) картина. Так, на постоянной основе к регионам России с самым низким качеством жизни населения относились Республика Бурятия, Республика Тыва, Забайкальский край и Еврейская автономная область. Как видно из данных табл. 2, в «свежем» рейтинге Москва «проваливается» по третьему субиндексу. Он формируется на основе 7 ин-

дикаторов, характеризующих уровень бедности и неравенства населения по доходам. Идентична ситуация и в Республике Башкортостан. Регион также по третьему субиндексу занимает лишь медианное положение, т.е. значительно ниже, чем в «свежем» рейтинге (итоговое девятое место в 2023 г.).

В «свежем» рейтинге по пятнадцатому и шестнадцатому показателю (соответственно доля населения с денежными доходами ниже 60% от медианного уровня и коэффициент Джини) оказался лишь на 80-м месте, т.е. в группе регионов-аутсайдеров. В первом случае это контрастирует с лидерством по уровню бедности согласно российскому законодательству. Исходя из европейских стандартов (база сравнения 60% от медианного уровня денежных доходов) столица нашей страны в «свежем» рейтинге низко «проваливается». Также и по восьмому показателю (средний размер назначенных пенсий по старости с учётом ППС) для Москвы сложилась крайне неблагоприятная ситуация (последнее место в рейтинге за 2023 г.). И, наконец, столица России оказалась лишь на 76 месте по такому важному социальному индикатору (десятому показателю) как общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя. Поэтому можно сделать вывод, что современная Москва без преувеличения является городом контрастов по уровню бедности и неравенству населения в денежных доходах.

Ретроспективная оценка углубляется путём кластерного анализа, который в рамках данного исследования проводится в годовом разрезе. Все наблюдения с помощью ИИ были корректно распознаны. При этом средняя / максимальная ошибка объединения регионов России в кластеры по качеству жизни населения для 2022–2023 гг. составляла, соответственно $3,26 \cdot 10^{-04}$ / $2,38 \cdot 10^{-3}$ и $4,46 \cdot 10^{-04}$ / $4,82 \cdot 10^{-3}$. Отсюда, можно сделать вывод о высокой точности процедуры. Основные результаты кластерного анализа визуализированы на рис. 2–4. Как видно из рис. 4, за последние два года произошли исключительно позитивные изменения в кластерной структуре российских регионов по уровню жизни населения.

Таблица 2

Субрейтинги регионов-лидеров России по качеству жизни населения в 2023 году

Table 2

Subratings of the leading regions of Russia in terms of quality of life of the population in 2023

Субъект РФ	Субрейтинг первый	Субрейтинг второй	Субрейтинг третий	Субрейтинг четвертый
Белгородская область	18	4	22	14
Московская область	15	9	11	4
Город Москва	2	12	56	7
Город Санкт-Петербург	14	6	35	12
Республика Башкортостан	17	19	43	16
Республика Татарстан	3	3	23	5

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Декомпозиция (в разрезе индикаторов) результатов рейтингования для регионов-лидеров России по качеству жизни населения за 2023 год

Table 3

Decomposition (in terms of indicators) of the rating results for the leading regions of Russia by quality of life of the population for 2023

Показатель	Белгородская область	Московская область	Город Москва	Город Санкт-Петербург	Республика Башкортостан	Республика Татарстан
Первый	20	16	2	5	26	12
Второй	75	46	39	61	41	34
Третий	11	17	17	33	28	6
Четвертый	18	15	5	8	26	11
Пятый	16	30	5	46	13	3
Шестой	12	9	2	6	42	8
Седьмой	33	13	3	7	29	15
Восьмой	5	66	82	65	21	6
Девятый	13	53	3	15	11	14
Десятый	6	10	76	55	42	43
Одиннадцатый	13	11	7	2	30	6
Двенадцатый	19	21	1	2	34	7
Тринадцатый	6	5	2	1	27	3
Четырнадцатый	29	39	3	9	25	19
Пятнадцатый	52	44	80	73	57	61
Шестнадцатый	53	44	80	73	56	61
Семнадцатый	57	24	3	1	13	9
Восемнадцатый	50	18	2	1	35	14
Девятнадцатый	21	17	31	56	13	23
Двадцатый	13	12	1	1	29	1

Источник: составлено авторами.

Так, существенно (с 23,2% до 39%) возросла доля субъектов РФ с уровнем жизни населения выше среднего за счёт перехода части регионов из второго кластера. Это происходило на фоне сокращения на 2,4 процентных пункта доли регионов России, характеризующихся уровнем жизни населения ниже среднего.

В нашем случае ИИ также позволяет и эффективно решить задачу классификации регионов по уровню жизни населения. Так, с помощью искусственных нейронных сетей топологий SOFMN и FL были полностью корректно отнесены к каждому из первых двух кластеров регионы России, включённые в тестовую выборку наблюдений за 2022–2023 годы. Успешное решение этой задачи позволяет реализовать прогно-

стическую функцию, т.е. нахождение субъекта РФ в определённом кластере для необходимого периода упреждения при различных вариантах (сценариях) развития событий.

И, наконец, с помощью ИИ в рамках данного исследования может осуществляться аппроксимация и прогнозирование индекса качества жизни населения в регионах России. По итогам серии вычислительных экспериментов было установлено оптимальное число нейронов в скрытом слое для каждой из шести ранее выбранных топологий нейромоделей: MLP, GFF и PCA — 9, JEN и TLRN по 8 и MNN — 7. Результаты оценки адекватности таких искусственных нейронных сетей представлены в табл. 4.

Таблица 4

Оценка адекватности нейромоделей с различной топологией

Table 4

Evaluation of the adequacy of neural models with different topologies

Нейромодель	r	E, %	max e, %	N		P	
				e<5%	e<8%	e<5%	e<8%
MLP	0,976	1,6	7,7	39	41	95,1	100
GFF	0,976	1,6	7,4	40	41	97,6	100
MNN	0,973	1,7	7,4	40	41	97,6	100
JEN	0,972	1,7	7,4	40	41	97,6	100
PCA	0,975	1,6	7,7	39	41	95,1	100
TLRN	0,968	1,9	7,3	39	41	95,1	100

Источник: составлено авторами.

Как видно из данных табл. 4, каждая из шести нейромоделей независимо от выбранной топологии позволяла с высокой степенью точности аппроксимировать исходные данные. При этом наилучшие результаты почти по всем показателям адекватности (за исключением наибольшей ошибки аппроксимации) были получены с помощью нейромодели GFF. Поэтому далее проверялась гипотеза о целесообразности увеличения до двух количества скрытых слоёв для нейромодели такой топологии. В ходе вычислительных экспериментов было установлено, что при фиксированном числе нейронов в первом скрытом слое

в размере 9 и оптимальное их количество во втором скрытом слое также составляет 9. Однако увеличение числа скрытых слоёв в нейромодели топологии GFF до двух привело к некоторому снижению точности аппроксимации. Так, значения первых трёх показателей адекватности для новой искусственной нейронной сети составили, соответственно 0,973; 1,7 и 7,5%. Поэтому с целью реализации прогностической функции в нашем случае можно ограничиться нейромоделью топологии GFF с одним скрытым слоем, т.е. не формируя ансамбль из искусственных нейронных сетей. Помимо этого нейромодель позволяет углубить фак-

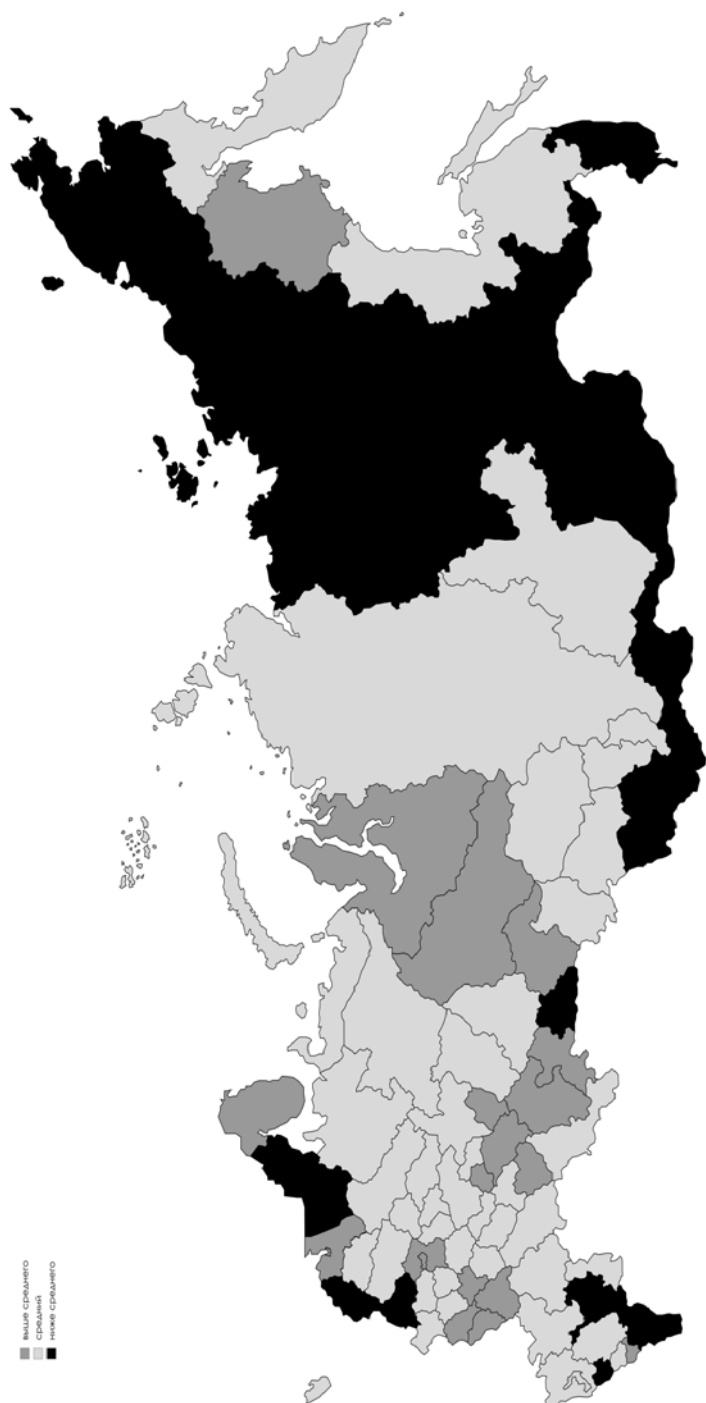
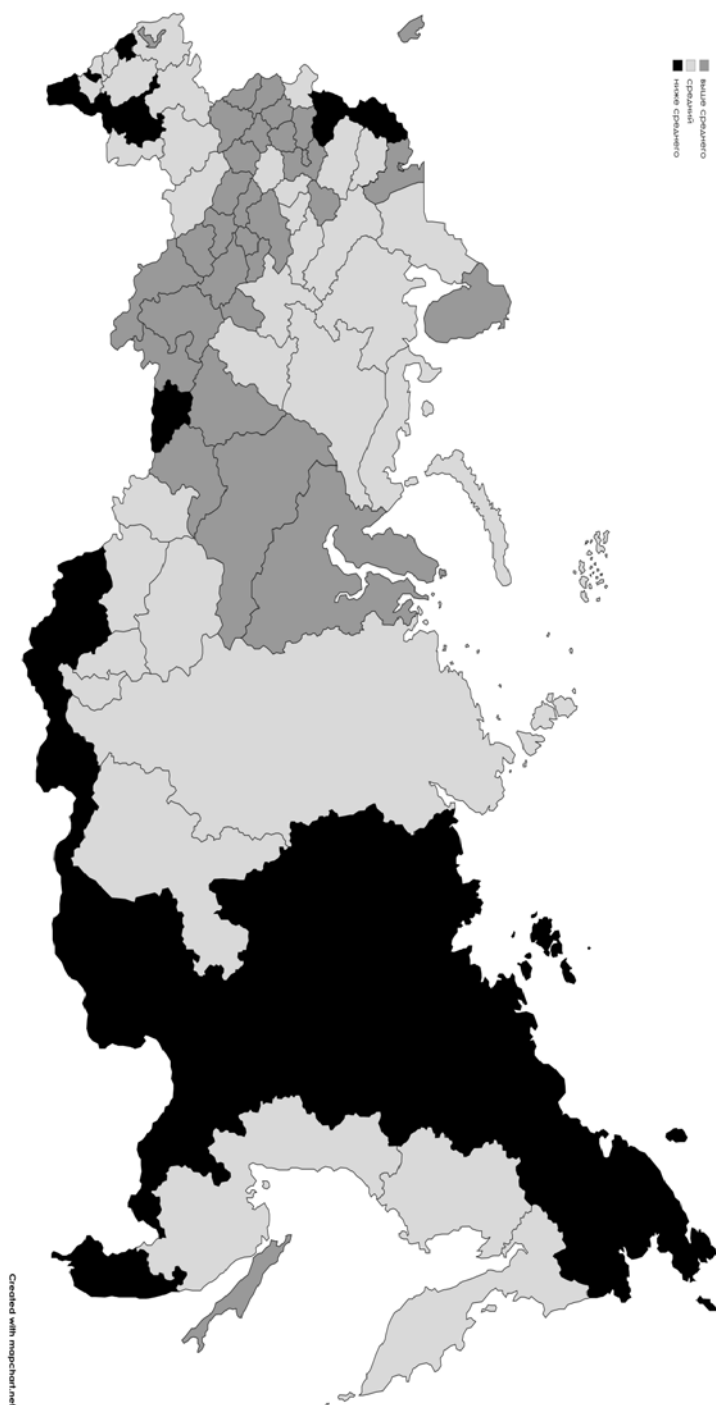

Рис. 2. Распределение регионов России по уровню жизни населения в 2022 году
Fig. 2. Distribution of Russian regions by living standards in 2022

Примечание: город Севастополь — уровень выше среднего и Республика Крым — уровень ниже среднего.
Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Распределение регионов России по уровню жизни населения в 2023 году
Fig. 3. Distribution of Russian regions by living standards in 2023
Примечание: город Севастополь — уровень выше среднего и Республика Крым — уровень ниже среднего.
Источник: составлено авторами.

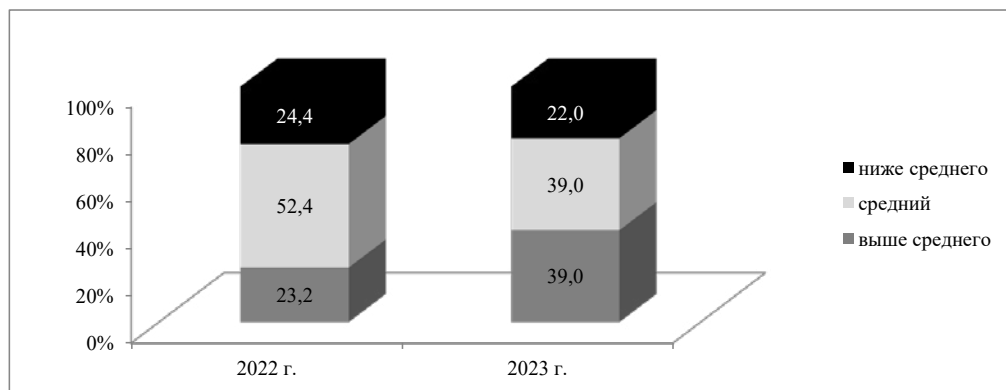

Рис. 4. Кластерная структура регионов России по уровню жизни населения за 2022–2023 годы

Fig. 4. Cluster structure of Russian regions by living standards of the population for 2022–2023

Источник: составлено авторами.

торный анализ результативного показателя (эндогенной переменной). В этом случае проводится анализ чувствительности для индекса качества жизни населения в регионах России к вариации «входных» (экзогенных) переменных.

В рамках данного исследования ограничимся краткосрочным прогнозированием (на 2024 г.) индекса для регионов-лидеров России (табл. 5), что в нашем случае предполагает предварительную перспективную оценку значений трёх субиндексов. Возможное изменение значений факторов (экзогенных переменных) в рамках исследования определяется методом экспертных оценок с разработкой трёх возможных сценариев (оптимистического, наиболее вероятного и пессимистического) развития событий в перспективе. Эксперты считают, что вероятность развития событий в перспективе по одному из сценариев составляет 30%, 50% и 20% соответственно. Предположим, что значение первого, второго и третьего субиндекса по каждому такому субъекту РФ за прогнозный период увеличится, соответственно на 0,005 / 0,007 / 0,01; 0,007 / 0,009 / 0,012 и 0,01 / 0,012 / 0,015 по сравнению с 2023 г. для пессимистического / наиболее вероятного / оптимистического сценария развития событий.

В табл. 5 представлено математическое ожидание, как для входных переменных, так и результативного показателя. Как видно из данных, при условии ранее заданного увеличения значений субиндексов в 2024 г. ожидается рост значений индекса для всех регионов-лидеров. Повышение степени реалистичности перспективной оценки результативного показателя возможно за счёт применения метода экстраполяции тренда факторов (трёх субиндексов).

В настоящее время практически во всех органах исполнительной власти, как на федеральном, так и региональном уровне планирование различных социально-экономических и экологических индикаторов осуществляется на основе сценарного подхода (предполагается пессимистический, наиболее вероятный и оптимистический вариант развития событий). Результаты нейромоделирования позволят обеспечить высокую точность такого планирования.

В рамках исследования апробирован на данных региональной статистики России за 2019–2023 гг. авторский подход к оценке качества жизни населения на мезоуровне управления. Система показателей вклю-

чала не только традиционные социальные индикаторы, но и тесно связанные с экологической обстановкой в регионах нашей страны. Декомпозиция итоговых результатов ретроспективной оценки качества жизни населения в регионах России позволила выявить существенные резервы роста даже для группы лидеров. Так, в частности, для Москвы на современном этапе развития архиактуальной проблемой является борьба с бедностью и сглаживание монетарного неравенства, в частности, за счёт совершенствования действующего механизма поддержки пенсионеров по старости.

Эмпирическим путём было доказано, что искусственный интеллект (искусственные

нейронные сети) позволяет решить широкий спектр задач, в контексте проводимого исследования, это кластеризация, классификация и прогнозирование качества жизни населения в регионах России. Полученные результаты могут быть применены руководством страны и её субъектов при корректировке (актуализации) социальной политики. Так, применяемый органами исполнительной власти сценарный подход в сочетании с нейромоделированием позволит обеспечить высокую точность планирования. В случае ожидаемого развития событий по пессимистическому сценарию у руководства субъекта РФ будет возможность своевременно разрабатывать комплекс превентивных мер.

Таблица 5

**Прогнозирование значения индекса качества жизни населения
для регионов-лидеров России на 2024 год**

Table 5

Forecasting the value of the quality of life index for the leading regions of Russia for 2024

Субъект РФ	Субиндекс первый	Субиндекс второй	Субиндекс третий	Индекс	Темп прироста индекса, %
Белгородская область	0,662	0,783	0,695	0,730	0,64
Московская область	0,689	0,727	0,713	0,732	0,61
Город Москва	0,832	0,703	0,635	0,742	0,98
Город Санкт-Петербург	0,693	0,769	0,672	0,729	0,49
Республика Башкортостан	0,680	0,681	0,659	0,684	0,11
Республика Татарстан	0,768	0,784	0,694	0,767	0,60

Источник: составлено авторами.

Литература и Интернет-источники

1. **Семенов, А. В.** Динамика и кросс-региональная вариация экологической протестной активности россиян (2007–2021) / А. В. Семенов, Я. А. Снарский, Т. Ю. Ткачева // Социс. Социологические исследования. — 2024. — № 2. — С. 62–74. DOI: 10.31857 / S0132162524010069; EDN: GCSYMA
2. **Бобков, В. Н.** Парадигма базового дохода и ее влияние на возможности развития человеческого потенциала / В. Н. Бобков // Вестник Института социологии. — 2023. — № 4. — С. 18–37. DOI: 10.19181 / vis.2023.14.4.2; EDN: ENCPAJ
3. **Бобков, В. Н.** Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России / В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина, Е. В. Одинцова // Российский экономический журнал. — 2022. — № 1. — С. 78–107. DOI: 10.33983 / 0130-9757-2022-1-78-107; EDN: YGFLOH
4. **Горшков, М. К.** Российское общество в социологическом измерении / М. К. Горшков // Вестник Российской академии наук. — 2020. — № 3. — С. 232–242. DOI: 10.31857 / S0869587320030068; EDN: JFCAXN
5. **Горшков, М. К.** Субъективное благополучие в контексте качества жизни (по результатам социологических измерений) / М. К. Горшков // Вестник Российской академии наук. — 2024. — № 2. — С. 107–114. DOI: 10.31857 / S0869587324020031; EDN: GHACD

6. **Тощенко, Ж. Т.** Общественный договор: исторические и современные реалии в советском / российском обществе / Ж. Т. Тощенко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2023. — № 3. — С. 39–53. DOI: 10.15838 / esc.2023.3.87.2; EDN: STNYTJ
7. **Тощенко, Ж. Т.** Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры / Ж. Т. Тощенко // Социс. Социологические исследования. — 2021. — № 11. — С. 24–36. DOI: 10.31857 / S013216250016200-3; EDN: GCWVYR
8. **Латов, Ю. В.** Новое общество — новый ресурс — новый класс? (к 60-летию теории человеческого капитала) / Ю. В. Латов, Н. Е. Тихонова // Terra Economicus. — 2021. — № 2. — С. 6–27. DOI: 10.18522 / 2073-6606-2021-19-2-6-27; EDN: WTPZWR
9. **Тихонова, Н. Е.** Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции / Н. Е. Тихонова, Е. Д. Слободенюк // Мир России. — 2022. — № 1. — С. 113–137. DOI: 10.17323 / 1811-038X-2022-31-1-113-137; EDN: SXNSOS
10. **Черныш, М. Ф.** Институциональные основы неравенства в современном обществе / М. Ф. Черныш // Мир России. — 2021. — № 3. — С. 6–28. DOI: 10.17323 / 1811-038X-2021-30-3-6-28; EDN: WRKCHQ
11. **Черныш, М. Ф.** Дискурсы социальной справедливости в китайском и российском культурных контекстах / М. Ф. Черныш, Хэ Ицзинь // Полис. Политические исследования. — 2021. — № 3. — С. 111–128. DOI: 10.17976 / jpps / 2021.03.08; EDN: OCBROD
12. **Шматова, Ю. Е.** Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований / Ю. Е. Шматова, М. В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 3. — С. 141–162. DOI: 10.15838 / esc / 2015.3.39.11; EDN: UADIFN
13. **Бобков, В. Н.** Особенности жилищной обеспеченности сельского и городского населения / В. Н. Бобков, Н. К. Долгушкин, Е. В. Одинцова // Вестник Российской академии наук. — 2021. — № 8. — С. 745–754. DOI: 10.31857 / S0869587321080053; EDN: OXXDJP
14. **Бобков, В. Н.** Социальное неравенство в России / В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова // Журнал новой экономической ассоциации. — 2020. — № 3. — С. 179–184. DOI: 10.31737 / 2221-2264-2020-47-3-8; EDN: MMHLWC
15. **Губарев, Р. В.** Управление качеством жизни населения в регионах России / Р. В. Губарев, Е. И. Дзюба, О. М. Куликова, Ф. С. Файзуллин // Журнал институциональных исследований. — 2019. — № 2. — С. 146–170. DOI: 10.17835 / 2076-6297.2019.11.2.146-170; EDN: LWLYCS
16. **Строев, П. В.** Методический подход к комплексной оценке уровня жизни населения в регионах России / П. В. Строев, М. М. Низамутдинов, В. В. Орешников // Регионоведение. — 2024. — № 1. — С. 71–89. DOI: 10.15507 / 2413-1407.126.032.202401.071-089; EDN: ISTEYP
17. **Тикунов, В. С.** Интегральная оценка качества жизни населения городов и регионов России / В. С. Тикунов, С. К. Белоусов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2022. — № 2. — С. 48–60; EDN: TAZCKZ

Сведения об авторах:

Губарев Роман Владимирович, к.э.н., доцент кафедры экономической теории, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: gubarev.roma@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1634-5030; РИНЦ SPIN-код: 1942–4180.

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ SPIN-код: 4700–6733.

Дзюба Евгений Иванович, научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: intellectRus@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2209-2017; РИНЦ SPIN-код: 2347–7189.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-129-144

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN EFFECTIVE TOOL FOR MEASURING AND PLANNING THE QUALITY OF LIFE OF THE RUSSIAN POPULATION

Roman V. Gubarev^{1*}, Aziza V. Yarasheva², Evgeny I. Dzyuba³,

¹Plekhanov Russian University of Economics
(36 Stremyanny lane, Moscow, Russia, 115054)

²ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

³Institute for Socio-Economic Research of Ufa Federal Research Center RAS (ISER UFRC RAS)
(71 Oktyabrya prospect, Ufa, Russia, 450054)

*E-mail: gubarev.roma@yandex.ru

Funding:

The research was carried out within the framework of the State assignment to Ufa Federal Research Center RAS No. 075–00571–25–00 for 2025.

For citation:

Gubarev R. V., Yarasheva A. V., Dzyuba E. I. Artificial intelligence as an effective tool for measuring and planning the quality of life of the Russian population. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 129–144. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-129-144 (in Russ.)

Abstract. Russia's accession to the UN International sustainable development program involves solving a number of social problems and, above all, combating poverty and smoothing out monetary (in terms of monetary income). Solution to these problems at the present stage of our country's development is complicated by the military conflict in Ukraine. The collective West is exerting unprecedented sanctions pressure on the national economy. In this situation, the issue of improving the state's social policy is becoming more relevant, which, in turn, also involves development of tools for monitoring the quality of life of the population of our country. This study is devoted to development and testing of the author's approach for a comprehensive assessment of the quality of life of the Russian population at the meso-level of management using artificial intelligence. The rating of Russian regions, based on the quality of life of the population, was carried out using the index method. The rating for 2023 was headed by the Republic of Tatarstan, but not, as usual (according to the results presented in other thematic works), by Moscow. The capital of our country took second place in the rating in 2023 (in the previous year, it also practically shared second and third place with St. Petersburg). The relatively low place in the rating is explained by the fact that Moscow was only in 56th place in the third sub-rating, which characterizes the level of poverty and inequality of the population by income. Hence, the capital of the country at the current stage of development is, without exaggeration, a city of contrasts in terms of poverty and monetary inequality of the population. Artificial intelligence allows us to do a correct grouping of subjects of the Russian Federation by the quality of life of the population. With its help, factor analysis is also deepened, and, consequently, the mechanism for planning and forecasting the phenomenon under study is improved. Ultimately, the results of the thematic assessment using artificial intelligence can be taken into account when adjusting the state's social policy.

Keywords: quality of life, poverty, social inequality, regions of Russia, artificial intelligence, clustering, classification, forecasting.

References and Internet sources

1. Semenov A. V., Snarski Ya. A., Tkacheva T. Yu. Dinamika i kross-regional'naya variatsiya ekologicheskoy protestnoy aktivnosti rossiyan (2007–2021) [Temporal and cross-regional variance in environmental protest activity of Russians (2007–2021)]. *Socis. Sotsiologicheskije issledovaniya [Socis. Sociological Studies]*. 2024. No. 2. P. 62–74. DOI: 10.31857/S0132162524010069 (in Russ.)
2. Bobkov V. N. Paradigma bazovogo dokhoda i yeyo vliyanije na vozmozhnosti razvitiya chelovecheskogo potentsiala [The basic income paradigm and its impact on human development opportunities]. *Vestnik instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2023. No. 4. P. 18–37. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.2 (in Russ.)
3. Bobkov V. N., Gulyugina A. A., Odintsova E. V. Sotsial'nyje posledstviya tridsati let kapitalisticheskikh reform v Rossii [Social consequences of thirty years of capitalist reforms in Russia]. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal [Russian Economic Journal]*. 2022. No. 1. P. 78–107. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107 (in Russ.)
4. Gorshkov M. K. Rossiyskoje obshchestvo v sotsiologicheskom izmerenii [Russian society in the sociological dimension]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2020. No. 3. P. 232–242. DOI: 10.31857/S0869587320030068 (in Russ.)
5. Gorshkov M. K. Sub»ektivnoje blagopoluchije v kontekste kachestva zhizni (po rezul'tatam sotsiologicheskikh izmereniy) [Subjective well-being in the context of quality of life (based on the results of sociological measurements)]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2024. No. 2. P. 107–114. DOI: 10.31857/S0869587324020031 (in Russ.)
6. Toshchenko Zh. T. Obshchestvennyy dogovor: istoricheskije i sovremennyye realii v sovetskom / rossiyskom obshchestve [Social contract: historical and contemporary realities in Soviet/Russian society]. *Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2023. No. 3. P. 39–53. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2 (in Russ.)
7. Toshchenko Zh. T. Publichnyy i privatnyy zhiznenny mir prekariata: osnovnyje cherty i orientiry [The public and private life world of the precariat: main features and landmarks]. *Socis. Sotsiologicheskije issledovaniya [Socis. Sociological Studies]*. 2021. No. 11. P. 24–36. DOI: 10.31857/S013216250016200-3 (in Russ.)
8. Latov Yu. V., Tikhonova N. E. Novoje obshchestvo — novyy resurs — novyy klass? (k 60-letiyu teorii chelovecheskogo kapitala) [A new society, a new resource, a new social class? (60th anniversary of the human capital theory)]. *Terra Economicus*. 2021. No. 2. P. 6–27. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-2-6-27 (in Russ.)
9. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. Bednost' rossiyskikh professionalov: rasprostranennost', prichiny, tendentsii [Poverty among Russian professionals: scale, causes, trends]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2022. No. 1. P. 113–137. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137 (in Russ.)
10. Chernysh M. F. Institutsional'nyje osnovy neravenstva v sovremennom obshchestve [The institutional foundations of inequality in modern society]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. 2021. No. 3. P. 6–28. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-6-28 (in Russ.)
11. Chernysh M. F., He Yijin. Diskursy sotsial'noy spravedlivosti v kitayskom i rossiyskom kul'turnyy kontekstakh [Discourses of social justice in the Chinese and Russian cultural contexts]. *Polis. Politicheskije issledovaniya [Polis. Political Studies]*. 2021. No. 3. P. 111–128. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.08 (in Russ.)
12. Shmatova Yu. E., Morev M. V. Izmerenije urovnya schast'ya: literaturnyy obzor rossiyskikh i zarubezhnykh issledovaniy [Assessing the level of happiness: a review of Russian and foreign research]. *Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2015. No. 3. P. 141–162. DOI: 10.15838/esc/2015.3.39.11 (in Russ.)
13. Bobkov V. N., Dolgushkin N. K., Odintsova E. V. Osobennosti zhilishchnoy obespechennosti sel'skogo i gorodskogo naseleniya [Features of housing provision for rural and urban population]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2021. No. 8. P. 745–754. DOI: 10.31857/S0869587321080053 (in Russ.)

14. Bobkov V. N., Odintsova E. V. Sotsial'noye neravenstvo v Rossii [Social inequality in Russia]. Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]. 2020. No. 3. P. 179–184. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-47-3-8 (in Russ.)
15. Gubarev R. V., Dzyuba E. I., Kulikova O. M., Fayzullin F. S. Upravleniye kachestvom zhizni naseleniya v regionah Rossii [Quality management of the population in the regions of Russia]. Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy [Journal of Institutional Studies]. 2019. No. 2. P. 146–170. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.2.146-170 (in Russ.)
16. Stroeve P. V., Nizamutdinov M. M., Oreshnikov V. V. Metodicheskiy podhod k kompleksnoy otsenke urovnya zhizni naseleniya v regionah Rossii [Methodological approach to comprehensive assessment of living standards in Russian regions]. Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]. 2024. No. 1. P. 71–89. DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.071-089 (in Russ.)
17. Tikunov V. S., Belousov S. K. Integral'naya otsenka kachestva zhizni naseleniya gorodov i regionov Rossii [Integral assessment of the quality of life in Russian cities and regions]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography]. 2022. No. 2. P. 48–60. (in Russ.)

Information about the authors:

Gubarev Roman Vladimirovich, Candidate of Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: gubarev.roma@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1634-5030; Elibrary SPIN-code: 1942–4180.

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Head of laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary SPIN-code: 4700–6733.

Dzyuba Evgeny Ivanovich, Researcher, ISER UFRC RAS, Ufa, Russia.

Contact Information: e-mail: intellectRus@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2209-2017; Elibrary SPIN-code: 2347–7189.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-145-159
EDN: SLAWXV

БЛОГЕРСТВО – ХОББИ ИЛИ ПРОФЕССИЯ? ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА

Камарова Т. А., Тонких Н. В.*, Бегичева С. В.

Уральский государственный экономический университет
(620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62)

*E-mail: tonkihnv@usue.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ (проект № 22-18-00614-П). – URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

Для цитирования:

Камарова Т. А., Тонких Н. В., Бегичева С. В. Блогерство – хобби или профессия? Представления студенчества // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 2. – С. 145-159. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-145-159; EDN: SLAWXV

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы блогерства как нового феномена в области цифровой коммуникации и социально-трудовой деятельности. Отношение к блогерству у представителей различных поколений неоднозначно, ассоциации, связанные с этим понятием, имеют высокую вариативность и недостаточно изучены. Цель исследования заключается в выявлении различий в мнениях студентов о блогерстве в зависимости от их принадлежности к возрастной группе, к поколению Z или Y. Ключевой исследовательский вопрос – воспринимается ли блогерство преимущественно как профессия или как хобби. Следует отметить, что профессия предполагает наличие соответствующего профессионального образования (диплома), и в нашей стране процесс обучения данной специальности находится на начальной стадии. В то же время блогерство может рассматриваться как форма трудовой деятельности как для лиц с профессиональным образованием, так и для тех, кто его не имеет. Объектом изучения является студенческая молодёжь поколений Z (зумеры) и Y (миллениалы). Эмпирической базой послужили данные опроса среди студентов-бакалавров (N = 539 человек). Полученные результаты показали наличие различий в представлениях о блогерстве в зависимости от возраста. Так, 51% представителей поколения Z рассматривают блогерство как трудовую деятельность, в то время как 29% считают его хобби. У представителей поколения Y мнения противоположны: 20% считают блогерство трудовой деятельностью, а 48% – хобби. Выявлены основные привлекательные аспекты блогерства как новой формы занятости: возможность заниматься любимым делом, самореализация, удалённая работа и гибкий график. Поколения Z и Y согласны с тем, что условия работы блогером способствуют достижению баланса между работой и личной жизнью. Основные недостатки профессионального блогерства связаны с неустойчивостью условий самозанятости: трудовой и финансовой нестабильностью, а также сверхзанятостью. Установлено, что поколенческие различия в восприятии блогерства как трудовой деятельности не влияют на мотивацию его выбора: 25% представителей поколения Z и 22% поколения Y хотели бы

стать блогерами. Результаты исследования имеют теоретическое значение для специалистов, занимающихся новыми формами занятости. В практическом плане представляется перспективным развитие правового статуса блогерства и разработка образовательных и профессиональных стандартов для этой деятельности.

Ключевые слова: блогер, профессия, хобби, социальные сети, цифровизация, поколение Y, поколение Z, баланс между работой и личной жизнью.

Постановка проблемы

Эволюция в телекоммуникационных технологиях повлияла на трансформацию информационного пространства, на осуществление социальных, общественных и трудовых практик. Популярность социальных сетей и мессенджеров растёт, российские пользователи ежедневно тратят на них более двух часов, при этом молодое поколение проводит в интернете больше времени¹. Социальные сети развиваются по инновационному типу, постоянно расширяя спектр возможностей для пользователей. Сегодня помимо площадки для коммуникаций это ещё и интернет-платформы для обучения, отдыха, развлечения, бизнеса, маркетинга, нетворкинга, информационных каналов и трудовой деятельности. Цифровые возможности порождают новые тенденции и тренды, феномен блогерства стал заметен за рубежом в 1990-е годы, в России — в 2000-е. Катализатором активного роста его популярности стала пандемия. Расширяется круг блогеров-любителей и круг людей, которые в профессиональном самоопределении также считают себя блогерами. В нашей стране блогеры не имеют чёткого статуса и правового регулирования своей деятельности, что требует дальнейшего научно-общественного осмысления. Несмотря на то, что интерес к теме блогерства попал в фокус научного внимания, можно отметить недостаточную изученность проблемы в связи с её новизной и стремительным развитием. По результатам первых исследований соотношения блогерства с социально-трудовым полем [1]

можно отметить, что среди учёных не сложилось единого мнения, относится ли блогерство к профессии или трудовой деятельности либо этот феномен можно рассматривать преимущественно как хобби/современное увлечение. Ощущается недостаток содержательно-сущностных исследований.

Целью исследования является эмпирическая оценка представлений студенчества о блогерстве, воспринимается ли понятие «блогерство» преимущественно как профессия или как хобби; выявление различий в мнениях в зависимости от принадлежности молодёжи к возрастной группе Z (зумеров) или Y (миллениалов).

Библиографический анализ исследований по тематике «блогерство»

С использованием библиометрического метода проведена оценка состояния исследовательского поля в рамках предметной области по следующим ключевым дефинициям: «блогер», «блогосфера», «блогинг», «блогерство». Блогер — это человек, который регулярно создаёт и размещает на своей интернет-странице авторский контент (фото, видео, тексты и пр.) и предоставляет его аудитории, ведёт свой блог [1]. Блогосфера — сфера взаимодействия блогеров и пользователей социальных сетей, совокупность всех блогов как сообщество [2]. Блогинг — деятельность по процессу создания и ведения своего блога (привлечение аудитории, регулярная публикация контента). Блогерство — процесс ведения блогером индивидуального блога [3]. Поиск и отбор работ осуществлялся по указанным ключевым дефинициям, встречающимся в заголовках и ключевых словах в базе публикаций российского информационно-аналитического портала научной электрон-

¹ Социальные сети и мессенджеры: вовлечённость и предпочтения: аналитический обзор // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechnost-i-predpochteniya> (дата обращения: 01.07.2024).

ной библиотеки Elibrary.ru. Из общего количества публикаций (57745280 на момент сбора данных — 1 июля 2024 г.) по резуль-

татам запроса было найдено: 1444 публикации с дефиницией «блогосфера»; 1134 —

Таблица 1

Показатели публикационной активности по ключевым дефинициям блогерства в базе данных Elibrary.ru за 2005–2024 гг. (по состоянию на 1 июля 2024 г.)

Table 1

Publication activity indicators for key definitions of blogging in the Elibrary.ru database for 2005–2024 (as of 01.07.2024)

Показатель	Поисковая дефиниция			
	Блогосфера	Блогер	Блогинг	Блогерство
Число авторов	1929	1742	1014	308
Общее число публикаций	1444	1134	659	194
Общее число публикаций в журналах, в том числе:	759	513	248	63
в журналах, входящих в Web of Science или Scopus	60	18	18	0
в журналах, входящих в ядро	78	25	22	0
в журналах, входящих в RSCI	45	15	14	0
Суммарное число цитирований	3462	1722	867	204
Среднее число цитирований в расчёте на одну статью	2,40	1,52	1,32	1,05

Источник: составлено авторами по данным базы Elibrary.ru на момент запроса (01.07.2024).

Таблица 2

Динамика публикационной активности по ключевым дефинициям блогерства по базе данных Elibrary.ru за 2005–2024 гг. (по состоянию на 1 июля 2024 г.)

Table 2

Dynamics of publication activity by key definitions of blogging in the Elibrary.ru database for 2005–2024 (as of 01.07.2024)

Год	Поисковая дефиниция				Год	Поисковая дефиниция			
	Блого-сфера	Блогер	Блогинг	Блогер-ство		Блого-сфера	Блогер	Блогинг	Блогер-ство
2005	*	1	*	*	2015	94	41	13	3
2006	*	1	*	*	2016	83	47	21	6
2007	2	2	*	1	2017	87	62	32	5
2008	9	*	*	5	2018	116	72	51	14
2009	20	3	*	1	2019	128	124	72	21
2010	31	8	7	1	2020	140	149	87	28
2011	50	12	6	*	2021	163	200	102	31
2012	61	10	3	1	2022	144	176	121	37
2013	67	15	14	*	2023	139	153	97	36
2014	89	19	8	4	2024	21	39	18	7

*Данные за соответствующий год не были представлены.

Источник: составлено авторами по данным базы Elibrary.ru на момент запроса (01.07.2024).

«блогер»; 659 — «блогинг»; 194 — «блогерство» (табл. 1).

В табл. 2 представлена динамика публикационной активности по годам. Первая публикация по поисковым дефинициям датируется 2005 годом. Начало исследова-

тельской активности по предметной области связано с появлением в России в 2001 г. первых социальных сетей. Именно появление социальных сетей и других цифровых информационных/профессиональных платформ стало триггером возникновения такого феномена, как блогерство. Рост публикационной активности в 2020 г. связан с пандемией COVID-19.

В табл. 3 указаны топ-10 направлений исследований по основным тематическим рубрикам с наибольшим количеством публикаций. Исследования носят междисциплинарный характер, при этом наибольший интерес учёных наблюдается в рамках экономики, массовой коммуникации/информации и журналистики, юриспруденции. В экономике блогерство рассматривается как новый маркетинговый инструмент, позволя-

ющий расширить географию рынка продвижения услуг/продуктов, привлечь разные категории населения и новых клиентов [4; 5]. Блогерство породило новый вид маркетинга — инфлюенс-маркетинг («инфлюенсеры» от англ. influence — влиять), новый вид продвижения рекламы в социальных сетях блогерами, являющимися лидерами мнений для своей лояльной аудитории, способными заинтересовать целевую аудиторию для продвижения товаров/услуг, при этом реклама осуществляется в форме рекомендаций с их стороны [6; 7]. Примечательно, что рекомендациям блогеров доверяют значительно больше, чем традиционной рекламе, что отражено в работах российских [8] и зарубежных учёных [9]. Рядом авторов предложена методика расчёта эффективного взаимодействия бизнеса с инфлюенсера-

Таблица 3

Распределение публикаций по тематическим направлениям

Table 3

Distribution of publications by subject areas

Тематическое направление	Публикации				Цитирования			
	Поисковая дефиниция				Поисковая дефиниция			
	Блогосфера	Блогер	Блогинг	Блогерство	Блогосфера	Блогер	Блогинг	Блогерство
Экономика. Экономические науки	100	212	115	46	253	278	147	80
Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации	333	206	148	30	422	257	153	34
Государство и право. Юридические науки	59	145	18	13	226	311	35	27
Языкознание	407	180	76	13	840	279	126	14
Народное образование. Педагогика	91	99	84	26	340	126	118	30
Социология	134	82	83	26	322	169	109	31
Политика. Политические науки	111	36	30	4	387	54	47	4
Психология	*	32	16	7	*	40	25	5
Культура. Культурология	33	24	18	*	83	*	16	*
Философия	*	21	*	8	63	35	16	4

*Данные по соответствующим направлениям и дефинициям не были представлены.

Источник: составлено авторами по данным базы Elibrary.ru на момент запроса (01.07.2024).

ми («лидерами мнений») [10] для продвижения рекламы; в других работах исследовано влияние мнений блогеров на ценообразование на рынке товаров и услуг [11].

Второй аспект экономических исследований по тематике блогерства связан с появлением новых возможностей для заработка и экономической деятельно-

сти. Блогерство рассматривается как новая форма цифровой занятости [1] вследствие развития цифровой экономики/Экономики/электронной торговли. В ряде работ прослеживается прямая корреляция уровня дохода с количеством подписчиков блога [12].

Исследовательский интерес к правовым и юридическим вопросам связан с проблемами легитимности получения трудового дохода от блогерства и отсутствия правового/трудоустройства законодательного статуса. В работах изучается возможность легализации и правового регулирования блогерской деятельности [13]. В 2014 г. в России были внесены поправки в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», устанавливающие правовой статус и ответственность блогера. Закон обязывал блогеров соблюдать требования, регулирующие порядок распространения массовой информации, уравнивая таким образом их деятельность с деятельностью СМИ. Специалисты отмечают неэффективность «закона о блогерах», нормы которого были упразднены в 2017 г.; идёт проработка новых подходов к регулированию деятельности блогеров [14].

Значительный пласт исследований относится к тематической рубрике «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации» [15]. Цифровизация медиасферы неизбежно порождает трансформацию профессиональной среды журналистики. В новых реалиях российские и зарубежные исследователи рассматривают необходимость развития новой цифровой школы журналистики [16]. Ряд авторов относит блогерство к журналистике, вводя термин «сетевая журналистика» [17]. Авторы подчёркивают её преимущество в сравнении с традиционными СМИ в части возможности предоставления оперативной информации для потребителей [18].

Тесную связь блогерства с журналистской подтверждают результаты семантического анализа ключевых слов, указанных в публикациях по блогерской тематике. Визуализация результатов представ-

лена на рис. 1. Составлено два семантических облака ключевых слов по двум выборкам. Первая сформирована из наиболее цитируемых статей по предметной области за весь исследуемый период публикационной активности с 2005 по 2024 г. ($N = 317$). Вторая выборка составлялась за последние полтора года — с начала 2023 г. по июнь 2024 г. ($N = 97$) и по другому принципу: отбиралась каждая пятая публикация. Из массива ключевых слов исключались слова «блог», «блогер», «блогинг», «блогосфера», так как задача состояла в выявлении семантических связей блогерства с другими явлениями и понятиями.

На облаке слов в обоих вариантах наиболее часто встречающиеся ключевые слова пересекаются, эти слова выделены более крупным шрифтом: социальные сети, журналистика, СМИ, маркетинг, инфлюенсер, имидж, аудитория, коммуникация, молодёжь. Примечательно, что на облаке публикаций 2023–2024 гг. проявилось новое, часто употребляемое ключевое слово — профессия. Можно констатировать, что дискуссионный вопрос соотношения блогерства с профессиональной деятельностью актуализировался за последние полтора года. Несмотря на противоречивые результаты эмпирических исследований, проведённых среди различных групп населения с целью определения сущности блогерства, многие учёные рассматривают его как профессию будущего [1; 19]. Данное мнение при этом разделяют только 35% россиян (результаты исследования ВЦИОМ и Центра социального проектирования «Платформа», 2020 г.)². Тем не менее нельзя отрицать факт роста популярности блогерства. В России в 2019 г. зарегистрирована Национальная ассоциация блогеров. Основные задачи ассоциации заключаются в защите профессиональных интересов блогеров; создании цивилизованных условий их деятельности; выработке совместных решений по вопросам блогерской деятельности; совершенствовании законо-

² От блогеров — к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. новые тренды / ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiei-obzor-ot-bloggerov-k-inflyuenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy> (дата обращения: 16.07.2024).

а поколение Z сформировалось в условиях интенсивной цифровизации и распространения социальных сетей, что усилило поток информации и повлияло на изменение ценностей. В источниках можно встретить разные поколенческие периоды. Мы придерживаемся адаптированной российской версии классификации поколений, где временные периоды немного сдвинуты относительно первоначальной теории, что связано с более поздним развитием в России Интернет-технологий, временных лагов наступления ключевых событий в обществе, экономике и других сферах, формирующих мировоззренческие установки поколений. Использована следующая периодизация: поколение Y (миллениалы) — рождённые в период 1985–2002 гг., и поколение Z (зумеры) — рождённые в период 2003–2023 гг. [20].

Опрос проводился в марте 2024 г., к нему привлекались студенты, обучающиеся

по программам бакалавриата в Уральском государственном экономическом университете. Реализованная выборка составила 539 человек. В опросе приняли участие как студенты очного (средний возраст 19,3 года), так и заочного (средний возраст 25,5 года) отделений. Диапазон возраста опрошенных позволил выделить для дальнейшего анализа две группы: представителей поколения Z в возрасте от 16 лет до 21 года, и поколения Y, к которым мы отнесли студентов в возрасте от 22 до 39 лет. При этом форма обучения не рассматривалась в качестве когортного деления, поскольку обе формы обучения — очная и заочная — представлены в исследуемых группах поколений. Социально-демографические характеристики опрошенных представлены в табл. 4. Ответы были выгружены в формате.csv. Статистическая обработка данных проведена в RStudio — среде разработки для языка R: рассчитана описательная статистика, про-

Таблица 4

Социально-демографические показатели респондентов

Table 4

Socio-demographic indicators of respondents

Показатель	Поколение		Пол	
	Z	Y	Женский	Мужской
Частота	370	169	315	224
Доля, %	68,6	31,4	58,4	41,6

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

ведён частотный анализ, построены таблицы сопряжённости, выполнен тест χ^2 , определяющий наличие значимой корреляции между категориальными переменными.

Результаты исследования

Полученные в ходе исследования данные позволяют утверждать, что существуют статистически значимые различия ($\alpha \leq 0,05$) в восприятии блогерства студентами поколений Z и Y. Так, на вопрос «Смотрите/слушаете ли Вы каких-либо блогеров?», утвердительно ответили 86% студентов поколения Z, среди студентов поколения Y положительный ответ дали 79% опрошенных.

Отметим, что регулярно просматривают каналы блогеров 86% респондентов-женщин и 79% респондентов-мужчин.

На вопрос «Если у Вас есть любимые блогеры, напишите, чем они Вас привлекают?» утвердительно ответили 24% студентов поколения Y и 38% студентов поколения Z. При этом в анкетах миллениалов чаще всего встречались такие ответы, как «интересным контентом», «полезной информацией», «юмором»; зумеры, как правило, указывали: «харизмой», «интересной информацией и визуалом», «уверенностью в себе, целеустремлённостью», «открытостью, нет боязни сказать что-то не то или не так», «мотивируют». Согласно опросу,

51% опрошенных студентов поколения Z считают, что блогерство — это профессия; 29% — хобби; 20% уверены, что это современный модный тренд. В группе студентов-миллениалов 48% опрошенных склонны

рассматривать блогерство как хобби, 28% — как модный тренд; только 20% из них думают, что это профессия. Распределение ответов студентов поколений Z и Y представлено на рис. 2.

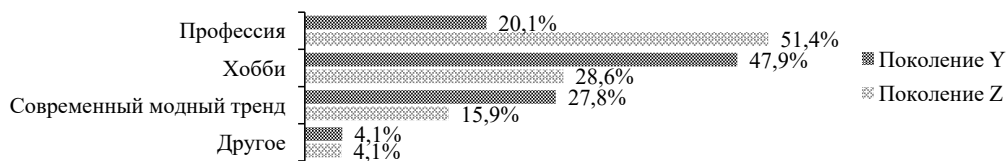

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, блогерство — это...» в разрезе поколений Y и Z, %

Fig. 2. Distribution of answers to the question «In your opinion, blogging is...» students of generations Y and Z, %

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

Мы считаем, что различия в восприятии и потреблении контента блогеров между миллениалами и зумерами обусловлены их опытом взросления, отношением к технологиям, а также предпочтениями в формате и источниках информации. Так, студенты поколения Z привыкли получать информацию и развлекаться через цифровые платформы с раннего возраста, предпочитая краткий и визуальный контент, который можно потреблять параллельно с другими видами деятельности. Зумеры ценят аутентичность автора блога и возможность взаимодействия в реальном времени. Привычки и предпочтения зумеров в потреблении информации и развлечений способствуют тому, что блогеры становятся лидерами мнений для поколения Z. Миллениалы, выросшие в эпоху перехода от аналоговых технологий к цифровым, часто остаются верными традиционным медиа и предпочитают более длинные и детализированные форматы контента. Это объясняет их меньший интерес к блогерам по сравнению с поколением Z.

Согласно результатам нашего исследования, рождённые в век цифровых технологий и выросшие в эпоху повсеместного интернета зумеры чаще рассматривают блогерство как профессию. Студенты поколения Z активно используют онлайн-ресурсы для обучения и самовыражения, что делает

блогерство и создание контента логичным продолжением их интересов и навыков. Зумеры с раннего возраста начинают использовать социальные сети и другие платформы для создания контента, что способствует пониманию возможностей и развитию навыков монетизации через рекламу, спонсорство и партнёрский маркетинг. Зумеры видят много примеров своих сверстников, добившихся успеха в блогерстве, что служит дополнительной мотивацией к тому, чтобы рассматривать эту деятельность как серьёзную карьеру.

В то же время студенты поколения Y, обучающиеся на заочном отделении и, как правило, уже выбравшие карьерные пути в традиционных сферах деятельности, предпочитают более стабильный и предсказуемый доход, чем неопределённые доходы от блогерства. Студенты-миллениалы на текущем этапе жизни покупают жильё и создают семьи. Эти финансовые обязательства требуют постоянного дохода, который работа блогером не всегда может обеспечить. Для многих миллениалов блогерство остаётся хобби, которое приносит личное удовлетворение и возможность самовыражения, не будучи основным источником заработка.

Наше исследование показало, что 82% опрошенных не согласны с утверждением, что работа блогером — это лёгкий способ заработка. На вопрос «Как Вы считаете,

чтобы стать успешным, известным блогером нужно очень много работать, инвестировать как время, так денежные средства?» утвердительно ответили 87%. При этом 50% респондентов поколений Z, Y согласны

с утверждением, что работа блогером способствует балансу между работой и личной жизнью (work-life balance). Обсуждая привлекательные стороны профессии блогера, студенты поколений Z, Y чаще всего ука-

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Чем, по Вашему мнению, привлекательна профессия блогера?»?, %

Fig. 3. Distribution of answers to the question «What, in your opinion, is attractive about the profession of a blogger?»?, %

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

зывают нефинансовые аспекты. Распределение ответов на вопрос «Чем, по Вашему мнению, привлекательна профессия блогера?» приведено на рис. 3.

Среди основных недостатков профессии блогера студенты отмечают финансовую нестабильность (непостоянный доход) (37%), нестабильность трудовой занятости (28%), необходимость много и усиленно работать, зачастую отказывая себе в выходных и отпуске (19%), необходимость постоянно обучаться новым навыкам (12%) (рис. 4).

Отметим отсутствие статистически значимых различий в ответах двух поколений студентов на вопросы о факторах привлекательности и недостатках профессии блогера. Как уже обсуждалось, зумеры чаще по сравнению с миллениалами считают блогинг полноценной профессией, следовательно, одинаковое распределение ответов демонстрирует тот факт, что зумеры менее остро воспринимают недостатки профессии блогера и готовы принимать риски ради возможностей, которые предлагает эта профессия.

В среде студентов поколения Z привычна ситуация, когда их ровесники блоге-

ры и инфлюенсеры становятся фигурами, оказывающими влияние на их культурные и социальные ценности. Согласно ответам, блогинг привлекает людей из разных возрастных групп, имеющих различные интересы, но наиболее частый ответ на вопрос «На Ваш взгляд, кто чаще всего становится блогером?» — «подростки» (43%), распределение ответов приведено на рис. 5.

При выборе категории «Другое» респондентам предлагалось указать свой вариант ответа. Приведём примеры ответов респондентов: «Абсолютно разные люди, зачастую обладающие чем-то своим особенным, что задевает людей», «Блогерами становятся творческие люди, которым интересно попробовать развиваться в новой сфере и узнавать что-то новое», «Каждый может им стать, главное почувствовать свою аудиторию, что она любит смотреть и слушать», «Люди, которые владеют знаниями в какой-то сфере, они могут стать экспертами и продвигать тем самым свои навыки и знания, также зарабатывать на этом» и т.п. Общим фактором, отмеченным в этих ответах, является желание делиться своими идеями, знаниями и опытом с широкой аудиторией, а также использовать блогинг как инструмент

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «В чём, по Вашему мнению, состоят недостатки профессии блогера?», %

Fig. 4. Distribution of answers to the question «In your opinion, who most often becomes a blogger?», %

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

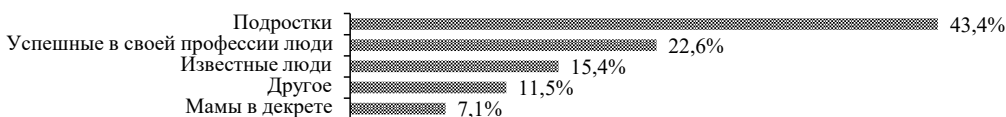

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, кто чаще всего становится блогером?», %

Fig. 5. Distribution of answers to the question «In your opinion, who most often becomes a blogger?», %

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

для самореализации и профессионального роста. Показательно, что среди опрошенных блоги ведут 14% респондентов, среди них 7% — миллениалы, 17% — зумеры (различия в пропорциях являются значимыми на уровне $\alpha \leq 0,05$). При этом стать блогерами хотели бы 22% опрошенных студентов поколения Y и 25% — поколения Z (различия в пропорциях не являются статистически значимы на уровне $\alpha \leq 0,05$).

Выводы

Результаты исследования мнений студенческой молодёжи о блогерстве позволили сделать следующие выводы. Существуют статистически значимые различия в восприятии блогерства студентами поколений Z и Y. Представители поколения Z значительно чаще рассматривают блогерство как профессию, используют каналы блогеров в качестве авторитетных источников информации и отмечают наличие любимых блогеров. Миллениалов в первую очередь привлекает содержательная составляющая блогов. Зумеры, как правило, уделяют больше внимания личности блогера, его хариз-

ме, целеустремлённости и способности мотивировать аудиторию.

Указанные различия не влияют на стремление стать профессиональным блогером, поскольку разница в частоте ответов в обоих поколениях статистически незначима: 22% студентов поколения Y и 25% студентов поколения Z выражают желание стать блогерами. Кроме того, отсутствуют статистически значимые различия в ответах двух поколений на вопросы о привлекательности и недостатках профессии блогера. Привлекательные аспекты в основном связаны с нефинансовыми причинами: возможностью заниматься любимым делом, самовыражением, гибким графиком работы и удалённым режимом. Это подтверждает концепцию теорий поколений, где ценности обоих поколений акцентируют внимание на профессиональной и личной свободе. Поколения Z и Y согласны с тем, что условия работы блогером способствуют достижению баланса между работой и личной жизнью и одинаково оценивают возможные риски профессии, связанные с нестабильностью самозанятости, финансовыми трудностями и высокой нагрузкой. Большинство

респондентов в обеих группах подчёркивают, что блогерство — это не лёгкий способ заработка, а трудовая деятельность, требующая серьёзных усилий.

На наш взгляд, блогерство следует рассматривать как перспективный вид профессиональной деятельности, особенно для молодёжи. По мнению опрошенных студентов, блогерами становятся преимущественно подростки, вдохновляясь успешными примерами индивидуальных медиапроектов. Учитывая осознание бизнесом роли блогеров в качестве инфлюенсеров потребительских ценностей, можно ожидать роста востребованности блогеров на рынке труда как наёмного персонала.

Несомненно, профессия предполагает получение соответствующего профессионального образования и наличия диплома. В современных условиях существуют возможности для обучения блогингу. Некоторые высшие учебные заведения включают в свои программы бакалавриата и магистратуры дисциплины, посвящённые различным аспектам цифровых медиа, маркетинга и журналистики. Студенты могут изучать создание качественного контента, эффективные методы продвижения блогов

и взаимодействия с аудиторией. Практические навыки для развития собственных медиапроектов предлагают программы переподготовки, такие как «Современная журналистика и блогинг» (МГУ), «Видеоблогинг» (ВШЭ). Кроме того, ряд образовательных онлайн-платформ предлагают курсы по блогингу с поддержкой наставников и доступом к сообществу студентов. Например, Skillbox, «Нетология», GeekBrains предлагают курсы, ориентированные на продвижение блога, охватывающие темы контент-стратегии, SEO, SMM и особенности продвижения на различных платформах. Курс «Специалист по ведению блога» можно освоить на «Яндекс Практикуме» за четыре месяца. Специализированное обучение для блогеров также предлагают другие школы и тренинговые центры.

Считаем, что назрел вопрос об институализации блогерства как профессии. Необходимо формализовать блогерскую деятельность в правовом поле, определить профессиональный статус блогера и установить профессиональные стандарты его работы с последующей разработкой государственных образовательных стандартов для этой сферы.

Литература и Интернет-источники

1. **Симонова, А. А.** Феномен блогерства в контексте новых форм удалённой занятости / А. А. Симонова, В. В. Пить // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. — 2023. — Т. 9. — № 1. — С. 135–143. DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-1-1-2; EDN: WUBBYM
2. **Ушанов, П. В.** Русскоязычная блогосфера: традиции и инновации в политической коммуникации / П. В. Ушанов // Россия и АТР. — 2023. — № 4(122). — С. 37–49. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-4-37-49; EDN: PWGKFY
3. **Мацнева, М. А.** Блогинг как новая коммуникативная практика / М. А. Мацнева // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. — 2023. — № 4(125). — С. 7–16. EDN: VZYGSK
4. **Андрияшина, А. А.** Направления и перспективы развития международного Интернет-маркетинга / А. А. Андрияшина // Журнал социологических исследований. — 2024. — Т. 9. — № 1. — С. 78–82. EDN: TBGPRG
5. **Карпыкбаева, А. Б.** Маркетинг влияния (Influencer-маркетинг) как стратегия бренда / А. Б. Карпыкбаева // Вестник экономики, права и социологии. — 2019. — № 4. — С. 16–19. EDN: JWWILJ
6. **Костин, Д. М.** Блогер как инструмент построения личного бренда персоны и репутации компании: тенденции и перспективы / Д. М. Костин // Научный журнал. — 2023. — № 1(66). — С. 18–27. EDN: UCYNHB
7. **Котенева, А. П.** Влияние блогеров и знаменитостей на осведомлённость о продукции: анализ и перспективы / А. П. Котенева // Вестник науки. — 2023. — Т. 1. — № 12(69). — С. 133–138. EDN: MNFWAY

8. **Александровский, С. В.** Как лидеры мнений помогают брендам на рынке общественного питания / С. В. Александровский, О. С. Силкина // Информационное общество. — 2021. — № 1. — С. 2–14. DOI: 10.52605 / 16059921_2021_01_02; EDN: UEBMHD
9. **Cooley, D.** The effect of social media on perceived information credibility and decision making / D. Cooley, R. Parks-Yancy // Journal of Internet Commerce. — 2019. — Vol. 18. — Iss. 3. — P. 249–269. DOI: 10.1080 / 15332861.2019.1595362
10. **Утегенова, В. Б.** Привлечение инфлюенсеров (блогеров) для продвижения товаров или услуг бизнеса / В. Б. Утегенова, Ю. А. Шумилова // Бренд-менеджмент пространств: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 20–21 мая 2021 г.). — Тюмень : Тюменский государственный университет, 2021. — С. 125–134. EDN: SKXUYO
11. **Галанова, А. В.** Влияние социальных сетей на цены акций производителей одежды / А. В. Галанова, Д. И. Епифанова // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2022. — № 2. — С. 71–93. DOI: 10.38050 / 01300105202224; EDN: EATNTE
12. **Габитова, Э. Ф.** Блогеры как дополнительный источник дохода для бюджета / Э. Ф. Габитова // Совершенствование налогового администрирования: материалы Пятой научно-практической конференции (Уфа, 10 декабря 2020 г.). — Уфа : Уфимский государственный авиационный технический университет, 2020. — С. 227–229. EDN: WQXASM
13. **Костин, Д. М.** Необходимость легализации деятельности блогеров в России / Д. М. Костин // Научный журнал. — 2023. — № 1(66). — С. 12–18. EDN: TFSPEE
14. **Белякова, С. В.** Блогерство как профессия XXI века / С. В. Белякова, А. С. Колотова, А. А. Попова // Наука и образование. — 2021. — Т. 4. — № 2. — Порядковый № 576. EDN: ROJJSQ
15. **Виноградова, К. Е.** Журналисты-блогеры в системе инфлюенс-маркетинга / К. Е. Виноградова, О. В. Воронина // Брендинг как коммуникационная технология XXI века: материалы IX Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 февраля 2023 г.). — Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2023. — С. 156–158. EDN: KGTMTZ
16. **Fulton, J.** Media entrepreneurship: preparing students for work in a creative profession / J. Fulton // Australian Journalism Review. — 2019. — Vol. 41. — Iss. 1. — P. 67–83. DOI: 10.1386 / ajr.41.1.67_1
17. **Авакимова, Е. А.** Блогерство как форма сетевой журналистики: теоретический аспект / Е. А. Авакимова // Научный аспект. — 2024. — Т. 26. — № 2. — С. 3220–3225. EDN: MIIRTW
18. **Кожемякин, Е. А.** Блоги как средство журналистской коммуникации / Е. А. Кожемякин, А. А. Попов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2012. — № 6(125). — С. 148–155. EDN: RMTXYT
19. **Долгорукова, И. В.** Факторы конструирования блоггинга в профессиональной структуре российского общества / И. В. Долгорукова // Общество: социология, психология, педагогика. — 2023. — № 4(108). — С. 23–27. DOI: 10.24158 / spp.2023.4.2; EDN: KHFFNG
20. **Миронова, О. А.** Проблемы и задачи цифрового образования в России в контексте теории поколений / О. А. Миронова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2019. — № 1(65). — С. 51–63. EDN: ZCULPN

Сведения об авторах:

Камарова Татьяна Александровна, к.э.н., доцент Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: kta@usue.ru, ORCID: 0000-0003-0087-9310; РИНЦ SPIN-код: 4255–7664.

Тонких Наталья Владимировна, к.э.н., доцент, зав. лабораторией Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: tonkikhnv@usue.ru, ORCID: 0000-0003-2957-7607; РИНЦ SPIN-код: 7756–5209.

Бегичева Светлана Викторовна, к.э.н., доцент, доцент Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: begichevas@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0551-1622; РИНЦ SPIN-код: 1924–9572.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-145-159

BLOGGING — A HOBBY OR A PROFESSION? STUDENTS' ATTITUDES

Tatiana A. Kamarova, Natalia V. Tonkikh*, Svetlana V. Begicheva

Ural State University of Economics
(62 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620144)

*E-mail: tonkihmv@usue.ru

Funding:

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00614). URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

For citation:

Kamarova T. A., Tonkikh N. V., Begicheva S. V. Blogging — a hobby or a profession? Students' attitudes. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 145-159. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-145-159 (in Russ.)

Abstract. *The article considers current issues of blogging as a new phenomenon in the field of digital communication and social and labor activity. The attitude towards blogging among representatives of different generations is ambiguous, and the associations with this concept are highly variable and have not been sufficiently studied. The purpose of the study is to identify differences in students' opinions about blogging depending on their age group, their belonging to generation Z or Y. The key research question is whether blogging is perceived primarily as a profession or a hobby. The object of the study is student youth of generations Z (Zoomers) and Y (Millennials). The empirical base was the data from a survey of bachelor students (N = 539 people). The results obtained showed differences in ideas about blogging depending on age. Thus, 51.4% of the representatives of Generation Z consider blogging as a profession, while 28.6% consider it a hobby. Representatives of Generation Y have opposite opinions: 20.1% consider blogging a profession, and 47.9% — a hobby. The main attractive aspects of blogging as a profession were identified: the opportunity to do what you love, self-realization, remote work and flexible hours. Generations Z and Y agree that the working conditions of a blogger facilitate achieving a balance between work and personal life. The main disadvantages of professional blogging are related to uncertainty of self-employment conditions: labor and financial instability, as well as overemployment. It was found that generational differences in the perception of blogging as a profession do not affect the motivation to choose it: 25% of the representatives of Generation Z and 22% of Generation Y would like to become bloggers. The results of the study are of theoretical importance for specialists involved in new forms of employment. In practical terms, development of the legal status of blogging and elaboration of educational and professional standards for this activity seem promising.*

Keywords: *blogger, profession, hobby, social networks, digitalization, Generation Y, Generation Z, work-life balance.*

References and Internet sources

1. Simonova A. A., Pit V. V. Fenomen blogerstva v kontekste novykh form udaljonnoj zanjatosti [The phenomenon of blogging in the context of new forms of remote employment]. *Nauchnyj rezul'tat. Tekhnologii biznesa i servisa [Research Result. Business and Service Technologies]*. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 135–143. DOI: 10.18413/2408-9346-2023-9-1-1-2 (in Russ.)
2. Ushanov P. V. Russkojazychnaja blogosfera: traditsii i innovatsii v politicheskoj kommunikatsii [Russian blogosphere: traditions and innovations in political communication]. *Rossija i ATR [Russia and the Pacific]*. 2023. No. 4(122). P. 37–49. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-4-37-49 (in Russ.)
3. Matsnea M. A. Bloging kak novaja kommunikativnaja praktika [Blogging as a new communication

- practice]. Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija 1: Filologija [Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology]. 2023. No. 4(125). P. 7–16. (in Russ.)
4. Andriyashina A. A. Napravlenija i perspektivy razvitija mezhdunarodnogo Internet-marketinga [Directions and prospects for the development of international internet marketing]. Zhurnal sotsiologicheskikh issledovanij [Journal of Sociological Research]. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 78–82. (in Russ.)
 5. Karpykbaeva A. B. Marketing vlijanija (Influencer-marketing) kak strategija brenda [Influence marketing (influencer-marketing) as a brand strategy]. Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [The Review of Economy, the Law and Sociology]. 2019. No. 4. P. 16–19. (in Russ.)
 6. Kostin D. M. Bloger kak instrument postrojenija lichnogo brenda persony i reputatsii kompanii: tendentsii i perspektivy [Blogger as a tool for building a personal brand and a company's reputation: trends and prospects]. Nauchnyj zhurnal [Scientific Journal]. 2023. No. 1(66). P. 18–27. (in Russ.)
 7. Koteneva A. P. Vlijanije blogerov i znamenitostej na osvedomlennost' o produktsii: analiz i perspektivy [The influence of bloggers and celebrities on product awareness: analysis and prospects]. Vestnik nauki [Science Bulletin]. 2023. Vol. 1. No. 12(69). P. 133–138. (in Russ.)
 8. Aleksandrovsky S. V., Silkina O. S. Kak lidery mnenij pomagajut brendam na rynke obshchestvennogo pitanija [How opinion leaders help brands in the food service market]. Informatsionnoje obshchestvo [Information Society]. 2021. No. 1. P. 2–14. DOI: 10.52605/16059921_2021_01_02 (in Russ.)
 9. Cooley D., Parks-Yancy R. The effect of social media on perceived information credibility and decision making. *Journal of Internet Commerce*. 2019. Vol. 18. Iss. 3. P. 249–269. DOI: 10.1080/15332861.2019.1595362
 10. Utegenova V. B., Shumilova Yu. A. Privlechenije influenserov (blogerov) dlja prodvizhenija tovarov ili uslug biznesa [Attracting influencers (bloggers) to promote business products or services]. Brendmenedzhment prostranstv [Brand Management of Spaces]. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Tyumen, May 20–21, 2021). Tyumen. Tjumenskij gosudarstvennyj universitet [University of Tyumen]. 2021. P. 125–134. (in Russ.)
 11. Galanova A. V., Epifanova D. I. Vlijanije sotsial'nykh setej na tseny aktsij proizvoditelej odezhdy [Influence of social networks on the clothing companies' stock prices]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Ekonomika [Moscow University Economic Bulletin]. 2022. No. 2. P. 71–95. DOI: 10.38050/01300105202224 (in Russ.)
 12. Gabitova E. F. Blogery kak dopolnitel'nyj istochnik dokhoda dlja byudzhetu [Bloggers as an additional source of income for the budget]. Sovershenstvovanie nalogovogo administrirovanija [Improving Tax Administration]. Proceedings of V scientific and practical conference (Ufa, December 10, 2020). Ufa. Ufimskij gosudarstvennyj aviatsionnyj tekhnicheskij universitet [Ufa State Aviation Technical University]. 2020. P. 227–229. (in Russ.)
 13. Kostin D. M. Neobkhodimost' legalizatsii dejatel'nosti blogerov v Rossii [The need for legalization of the activities of bloggers in Russia]. Nauchnyj zhurnal [Scientific Journal]. 2023. No. 1(66). P. 12–18. (in Russ.)
 14. Belyakova S. V., Kolotova A. S., Popova A. A. Blogerstvo kak professija 21 veka [Blogging as a profession of the XXI century]. Nauka i obrazovanie [Science and Education]. 2021. Vol. 4. No. 2. Article No. 576. (in Russ.)
 15. Vinogradova K. E., Voronina O. V. Zhurnalisty-blogery v sisteme influens-marketinga [Journalists-bloggers in the system of influencer marketing]. Branding kak kommunikatsionnaja tehnologija XXI veka [Branding as a Communication Technology of the XXI Century]. Proceedings of IX international scientific and practical conference (Saint Petersburg, February 27, 2023). Saint Petersburg. SPbGEU [Saint Petersburg University of Economics]. 2023. P. 156–158. (in Russ.)
 16. Fulton J. Media entrepreneurship: preparing students for work in a creative profession. *Australian Journalism Review*. 2019. Vol. 41. Iss. 1. P. 67–83. DOI: 10.1386/ajr.41.1.67_1
 17. Avakimova E. A. Blogerstvo kak forma setевой zhurnalistiki: teoreticheskij aspekt [Blogging as a form of online journalism: theoretical aspect]. Nauchnyj aspekt [Scientific Aspect]. 2024. Vol. 26. No. 2. P. 3220–3225. (in Russ.)

18. Kozhemjakin E. A., Popov A. A. Blogi kak sredstvo zhurnalistskoj kommunikatsii [Blogs as a means of journalistic communication]. Nauchnyje vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnyje nauki [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology, Journalism, Pedagogy, Psychology]. 2012. No. 6(125). P. 148–155. (in Russ.)
19. Dolgorukova I. V. Faktory konstruirovaniya blogginga v professional'noj strukture rossijskogo obshchestva [Factors of blogging design in the professional structure of Russian society]. Obshchestvo: sotsiologija, psihologija, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. 2023. No. 4(108). P. 23–27. DOI: 10.24158/spp.2023.4.2 (in Russ.)
20. Mironova O. A. Problemy i zadachi tsifrovogo obrazovaniya v Rossii v kontekste teorii pokolenij [Problems and tasks of digital education in Russia in context of theory of generations]. Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINH) [Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH)]. 2019. No. 1(65). P. 51–63. (in Russ.)

Information about the authors:

Kamarova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: kta@usue.ru, ORCID: 0000-0003-0087-9310; Elibrary SPIN-code: 4255–7664.

Tonkikh Natalia Vladimirovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Laboratory, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: tonkihvn@usue.ru, ORCID: 0000-0003-2957-7607; Elibrary SPIN-code: 7756–5209.

Begicheva Svetlana Viktorovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: begichevas@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0551-1622; Elibrary SPIN-code: 1924–9572.

Статья получена редакцией 19.08.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-160-170
EDN: INULRB

THE ROLE OF NEW MEDIA IN ENHANCING ADOLESCENTS' DIGITAL LIFE QUALITY

Alexey Yu. Mikhaylov¹, Dmitry E. Morkovkin^{1*},
Tarek I. Mohamed², Galina F. Voytenkova³

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

²College of the Mass Communication of the Ajman University
(Ajman, United Arab Emirates, 13306)

³ISESP FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

For citation:

Mikhaylov A. Yu., Morkovkin D. E., Mohamed T. I., Voytenkova G. F. The role of new media in enhancing adolescents' digital life quality. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 160-170. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-160-170; EDN: INULRB

Abstract. *The study aims to investigate the effect of new media on the quality of digital life for a sample of adolescents based on the descriptive analytical approach. The teenage period is one of the most dangerous stages of human life, and the era of technology and the presence of new digital media posed a great danger to the life of this group, which requires attention to study the effects of these phenomena. The study uses two questionnaires; the first is about using new media, and the second is about the quality of digital life. Participants (N=192) are adolescents residing in UAE who study in secondary schools and range in age from 13 to 16. The results show the significant role of the new media in enhancing adolescents' Digital Quality of Life. Findings also indicate statistically significant differences between respondents' interests when using new media applications in favor of those with scientific interests; they score the highest mean 4,62. Also, there are statistically significant differences between the respondents when choosing their favorite means of communication; the differences are in favor of Facebook by an arithmetic mean of 4,5, then Tik Tok with 4,39, followed by Instagram with 4,26, then Twitter — 3,88, and finally Telegram — 3,79. The study recommendations refer to the importance of the new media today as one of the main factors that must be considered, especially when dealing with adolescents and their perceptions.*

Keywords: *new media, digital life quality, adolescents, connections, social networking sites.*

Introduction

Due to technological innovations, the media industry is undergoing some of the most fundamental changes nowadays. These innovations include digital programs, social networking sites, and reporting news using drones. Sharing via social media, such as Facebook, Twitter and YouTube, is one of the most critical aspects of information technology.

Digital technology developments in media have enabled countries to overcome the time barrier and enter the software industry world. In Singapore, digital communication technology has become one of the essential primary sources of national income. It has contributed to achieving economic and social development. Also, India has ranked 3rd among the world's countries in the software industry. Its scientists have contributed to the design of advanced technology in electronic computers and digital media. [1].

It quickly becomes apparent that new media is distinguished from traditional media; its digital content interacts with the recipients. This media technology has become an area of research to examine the digital society, which has become an integral part of people's lives worldwide. It has led to shifts in individuals' awareness and facilitated social interaction. [2]. The quality of digital life or digital citizenship means the presence of a secure digital society, enhancing a positive identity with meaningful digital interaction, and ensuring a positive, healthy digital environment for individuals because of their virtual world [3].

The researchers divided the quality of digital life into four axes: 1) Digital capability: It means building the individuals' abilities and enabling them to use the Internet consciously and adequately; 2) Digital behavior: It is concerned with enhancing individuals' positive digital values and behaviors; 3) Digital content: It means preparing guidelines on using positive content; 4) Digital communication: It aims to protect people from the risks of dealing with suspicious parties virtually.

Adolescence represents a significant milestone for each person. It has the greatest

impact on his life. New media has attracted adolescents, affected them through various means, and affected their life quality [4]. This concept should be addressed widely, particularly in light of the scarce research in this field.

The present research aims to determine adolescents' use of new media and its impact on the quality of their digital life. Study questions: 1) What is the extent of the adolescents' use of new media? 2) What is the impact of adolescents' use of new media on the quality of their digital life? 3) What is the effect of the adolescents' demographic variables (gender – age – specialization – favorite means of communication) on their use of new media? Study objectives: 1) Investigating the impact of new media on adolescents' digital life quality; 2) Analyzing the new media addressing adolescents with its different means to enhance the quality of their digital life; 3) Determining the characteristics of new media in the current era [5]. Study significance: 1) The theoretical significance: This study is concerned with analyzing the cultural awareness of new media and the quality of digital life for adolescents; 2) The practical significance: This study focuses on analyzing adolescents' responses about the role of new media in enhancing the quality of their digital life and how this will affect their behaviors and thinking styles in the future. It is concerned with avoiding the excessive, harmful use of new digital media. [6, p. 158].

The theoretical study

New media or digital media is a concept produced by the modern technological revolution. Media researchers have yet to agree on a specific definition for it. This concept has arisen with the development of Internet services¹. With rising internet penetration, many researchers have been interested in studying new media. They have seen it as a new type of media distinguished from the traditional one. It is characterized by immediacy and

¹ O'Neill B. The Influence of Social Media on the Development of Children and Young People. European Parliament: Policy Department for Structural and Cohesion Policies, 2023.

interactivity. Moreover, it can publish various contents with distinct forms achieving a great effect [7]. The new media relies mainly on the Internet. The Internet enables all media professionals to present their media products digitally. It allows them to combine text, sound, and image. It erases the borders between the recipient and the sender. Thus, digital media communication is electronic services that use modern electronic technologies resulting from integrating communication and information technology [8].

This media type is called digital media, interactive media, or hypermedia. In addition, it refers to hypertext technology, a system for linking related text documents and allowing users to browse the World Wide Web [9]. Also, the new media is called «online media» or «cyber media». Some researchers call it «info media» to describe the mating between computers and communication. This points to the emergence of a new media system that benefits from the development of information technology [10].

The new media has been linked to the information and communication technology revolution. It started with the emergence of electronic newspapers and magazines, representing a recent media phenomenon. As the advent of electronic applications and blogs increases, users have become able to print, copy, create content, and distribute it using high-tech devices or mobile phones [5]. Saxena indicated that the new media in our era had been the key driver of daily events and contributed to activating the field of humanity and civilization at all economic, social, and scientific levels [11]. Zúñiga and Chen confirmed that new media had become an integral part of citizens' life and a tool for spreading information [12]. Expanding its applications and activities has contributed to the rapid spread of digital culture. It has transformed human civilizations from large, distant continents to small towns.

Contemporary developments of new media have provided intellectual tools that can be used to achieve more effective communication and diversity of information. The sociological model of the information society has changed

the whole community constantly under the impact of daily digital communication [13]. It has been reflected in daily dealings and has become a part of our lives. The transformation of communication from analog to digital, from hierarchical to web-based, has created a new environment to share information and opinions. This environment can be called «Eco media». It has provided opportunities for the emergence of digital citizen and citizen journalism [14].

The users are no longer satisfied with traditional media products. They have become dependent on digital media news and information [15]. Today, we are experiencing an unprecedented transformation led by modern technology. We are witnessing changes in our societal perceptions, work patterns, and production inputs². Statistics on the use of new media showed that children aged 3–4 use tablets at home (28%). They added that children aged 9–16 years old watch video clips (76%), play video games (83%), use text messages (62%), log into social networks daily (82%), and use the Internet for homework (85%) [16].

Ofcom Center conducted a study on 500 children. Its results showed that children aged 3 to 7 watch TV on the satellite device (95%) before Pandemic³. Children between 3–4 and 5–7 years old watch TV on the tablet (41% and 49% respectively). Respondents aged 3–4 and 5–7 play electronic games (40% and 66% respectively). Those aged 3–4 and 5–7 years use the tablet to access the Internet (71% and 63% respectively). Finally, children between 3–4 and 5–7 years old access YouTube to watch cartoons and favorite videos (48% and 71% consecutively).

Today, new digital media is witnessing consequent transformations and developments. These transformations have produced many new media tools, such as: 1) Electronic journalism: It is a periodic

² O'Neill B. The Influence of Social Media on the Development of Children and Young People. European Parliament: Policy Department for Structural and Cohesion Policies, 2023.

³ Ofcom. Adults Media Use and Attitudes Report. 2016 Annex. Available at: http://stakeholders.ofcom.org.uk/market-data-research/other/research_publications/adults/media-lit-2016 (Accessed: 16 April 2025).

electronic publication about current events. It can be read through a computer via the web. It provides news, comments, articles, reports, and investigations⁴; 2) Digital satellite television: The Internet has changed the economic, social, and media landscape. It has become a partner in broadcasting audio-visual materials. The American «mbchgH» channel is the first to broadcast its programs on YouTube [17]; 3) Social networking sites are the most prominent types of new media. These sites enable people to make friends, create content, and share photos and files [18]; 4) Digital broadcasting: It is represented in digital satellite radio and internet radio.

Overall, new media has added value to the field of media and communication because it has the characteristics of diversity, flexibility, and interactivity. In addition, it has enabled people to express themselves freely. Thus, researchers are keen to conduct more studies in this field to determine new research and theoretical trends. The concept of the quality of digital life usually differs from one person to another. People determine their quality of life according to many standards, including income level, reaching goals, family stability, entertainment, leisure time, and physical and psychological health [19]. When defining the quality of life, two main dimensions should be viewed; the objective and the subjective. Most researchers focused on the objective dimension, which includes a set of measurable and observable indicators, such as income level, work status, and social status. However, the results of many studies have indicated that these indicators only contribute a tiny fraction of the person's quality of life [20].

The World Health Organization describes the quality of life as the individual's awareness of his situation in the cultural context to which he belongs, his expectations, values, interests, and physical and psychological health, in addition to his personality, social relationships, and personal beliefs. Thus, the

concept of quality of life is consistent with the individual's psychological life quality⁵. The quality of life depends on the person's realization of his life and this reflection on his lifestyle. Self-indicators play the largest role in defining the concept of life quality. So, each person has different criteria to determine the extent of his life quality. Many factors go into this process, such as experience, environment, genetic, cultural, and social aspects [21, p. 120]. As a result of the massive revolution in digital life, information technology has become the largest source of improving the quality of our lives. Hence, illiteracy is expanded to include poor access to digital tools and the inability to read and write digitally. In a 2008 American study, it was assumed that 75% of American adults constantly use the Internet to get work done.

Digital life brings comfort and saves time. Digital transformation contributes to achieving higher communication between individuals worldwide. Today, the rapid technological changes in society significantly impact individuals [22, p. 13]. Over the past 20 years, many factors led to the emergence of digital life quality, such as the development of digital technology, the growing popularity of digital applications, and the widespread use of the World Wide Web. This is followed by the penetration of mobile phones and social networking sites, achieving a significant paradigm shift in the digital world.

In order to achieve the quality of digital life under the excessive flow of information and electronic social relations, specific skills are required. It is important to prevent the negative side of digital life by avoiding digital multitasking and excessive consumption. To ensure the quality of digital life, Microsoft has taken essential steps to achieve digital literacy; it provides 6,500 computers with access to the Internet in poor countries' villages. This work requires efforts by the governments to eradicate digital illiteracy. They should partner with international companies to provide them with the required technologies [23, p. 112]. The need for a digital lifestyle has

⁴ Newman N. Journalism, Media, and Technology Trends and Predictions. 2023. The Reuters Institute for the Study of Journalism. Available at: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2023-01/Journalism_media_and_technology_trends_and_predictions_2023.pdf (Accessed: 16 April 2025).

⁵ World Health Organization. IPAQ. Quality of Life e (Versión 2.0. Español). 2012. Available at: <http://www.who.int/chp/steps/instrument/es/index/htm> (Accessed: 10 February 2024).

emerged during crises, especially the Covid-19 crisis. This crisis has highlighted the need to enhance individuals' digital life regarding remote working and distance learning. Digital life has provided opportunities for skilled people and business innovators to enrich their experiences through the Internet. Also, it has allowed employers and companies to hire the right people to improve their services [4, p. 123]. Moreover, the quality of elderly life has improved in recent years due to using information technology, smartphones, and computers. Damant et al assured that older people can increase their quality of life by using information technology, represented in e-mail, network pages, and Skype, to gain better health care, communicate with family and restore their relationships [24, p. 3].

Participants (N=192) were adolescents who studied in secondary schools and ranged in age from 13 to 16. The sample included 89 (46.4%)

males and 103 (53.6%) females: 18.2% (n = 35) were 13 years old, 25% (n = 48) were 14 years old, 27.1% (n = 52) were 15 years, and 29.7% (n = 57) were 16 years old. The majority of the respondents had a scientific specialization: 50.1% (n = 9730), 7% (n = 59) had a humanities specialization, and 18.8% (n = 36) did not specify their specialization.

The study used two questionnaires. The first questionnaire was about using new media. It included 35 items that were shortened to 22 after the arbitrators' comments. Cronbach's alpha coefficient was used to verify its validity, and it was 91.0. The second one was about digital life quality. It included 28 items that were shortened to 21 after the arbitrators' comments. The relationship between each statement and the total score was calculated to verify the validity of the questionnaire as follows (table 1).

Table 1

Correlation coefficients between the score of each statement and the total score of the questionnaire on digital life quality

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между показателем качества цифровой жизни в отдельных ответах и общем показателе по анкете

Number	The statement correlation	The significance	Number	The statement correlation	The significance	Number	The statement correlation	The significance
1	0,87	0,05	8	0,68	0,05	15	0,51	0,05
2	0,74		9	0,69		16	0,66	
3	0,87		10	0,54		17	0,79	
4	0,68		11	0,68		18	0,90	
5	0,85		12	0,55		19	0,62	
6	0,64		13	0,74		20	0,73	
7	0,59		14	0,58		21	0,58	

Source: results of author's survey.

Discussions and conclusions

Regarding the study questions, the following tables show the answer to these questions (Q).

Q1. What is the extent of the adolescents' use of new media? Table 2 refers to the findings as follows.

The previous results show the adolescents' use of new media with regards to their

attitudes to the questionnaire statements; 68.3% fully agree, 23.6% agree, 4.8% do not know, 1.9% do not agree, and finally 1.5% do not entirely agree. The arithmetic mean of all statements is (4.35), with a standard deviation of less than one, indicating the homogeneity of the participants' responses to the questionnaire statements. The chi-square is less than 0.05 for all comments,

Table 2

The extent of adolescents' use of new media

Таблица 2

Степень использования подростками новых медиа

Number	Number of using per year	Average	Standard deviation	χ^2
1	117	4,65	0,84	68,7
2	133	4,31	0,67	58,2
3	138	4,01	0,86	47,6
4	126	4,33	0,78	84,5
5	137	4,40	0,84	77,3
6	132	4,35	0,77	69,3
7	125	4,12	0,79	67,3
8	133	3,98	0,87	74,5
9	129	4,61	0,71	81,1
10	140	4,50	0,84	46,8
11	136	4,32	0,81	71,0
12	133	3,81	0,82	58,6
13	123	4,51	0,65	57,9
14	127	3,96	0,78	56,4
15	130	4,58	0,69	74,5
16	136	4,35	0,74	80,01
17	137	4,36	0,73	59,4
18	132	4,58	0,58	69,7
19	126	4,26	0,64	66,1
20	131	4,57	0,47	48,8
21	129	4,69	0,84	81,0
22	134	4,58	0,77	70,3
Total	2884	4,35	16,49	68,3

Source: results of author's survey.

referring to the respondents' agreement on the questionnaire statements.

Q2. What is the impact of adolescents' use of new media on the quality of their digital life? Table 3 refers to the findings as follows.

The regression results show a statistically significant effect of using new media on the quality of digital life; the correlation coefficient R is 0.55, at the significance level $0.05 \geq \alpha$, and R^2 is 0.30. Thus, 0.30 of changes in the quality of digital life scores resulted from the change in using new media scores. Furthermore, the regression coefficient β is 0.78, showing that the increase by one degree in using new media

leads to an increase in the quality of digital life with a value of 0.78. In addition, the F value is 68.5 at the significance level $0.05 \geq \alpha$, implying a statistically significant effect of using new media on the quality of adolescents' digital life.

Q3. What is the effect of the adolescents' demographic variables (gender – age – specialization – favorite means of communication) on their use of new media?

Tables 4, 5 refer to the findings of the third question as follows. No significant differences exist between males and females using new media.

No statistically significant differences exist between the age groups using new media; $F =$

Table 3

The impact of using new media on the respondents' digital life quality

Таблица 3

Влияние использования новых медиа на качество цифровой жизни подростков

R	R2	Significance	β		Error
0,55	0,30	0,00	The stable	2,1	0,01
			Digital life quality	0,78	0,01

Source: results of author's survey.

Table 4

Test of differences between respondents in their use of new media by gender

Таблица 4

Проверка различий между респондентами в использовании ими новых медиа по полу

Parameter	Number	Average	Standard deviation	Diapason	Significance
Gender	Male	89	4,01	388	0,078
	Female	103	4.31		

Source: results of author's survey.

Table 5

ANOVA test of differences between respondents in their use of new media by age, specialization, and favorite means of communication

Таблица 5

Дисперсионный анализ различий между респондентами в использовании ими новых медиа по возрасту, специализации, любимым средствам коммуникации

Parameter		Number	Average	Standard deviation	Diapason		Significance
Subparameter	Share of female	103	4.31	0.87	Outside social net	Inside social net	
Age	13	35	4,01	0,68	2	387	0,87
	14	48	4,12	0,87			
	15	52	3,98	0,74			
	16	57	4,51	0,62			
Specialization	Scientific	97	4,62	0,79	2	378	0,001
	Humanitarian	59	4,09	0,80			
	Other	36	4,19	0,51			
Social net	Facebook	71	4,50	0,60	3	386	0,001
	Instagram	29	4.26	0.85			
	Tik Tok	65	4.39	0.97			
	Twitter	15	3.88	1.06			
	Telegram	12	3.79	1.21			

Source: results of author's survey.

361, a non-statistically considerable value at the significance level of 0,87. The differences are in favor of Facebook by an arithmetic

mean of 4,50, then Tik Tok (4,39), followed by Instagram (4,26), then Twitter (3,88), and finally Telegram (3,79).5]

Results

This study examines the extent of adolescents' use of new media. Adolescents seem to spend much time using new media, particularly social networking sites, intelligent applications, and electronic blogs. In this way, adolescents have their own media tools to create content, take photographs and videos via mobile phones and distribute them worldwide. It is consistent with the previous research on using new media⁶ [5; 9; 10]. In addition to examining the adolescents' use of new media, the study also explored the role of new media in achieving the quality of their digital life and found that their life quality is closely linked to their digital life. Therefore, they depend on new media in their affairs [6; 23].

During the Covid-19 crisis, the need has arisen to support digital life among users in general and adolescents in particular. Digital life has been the perfect solution to work and study. Regarding the study findings, the largest share of respondents in the study surveys refers to their own experience, and their practical experience among friends is that digital living improves many dimensions of their work, play, and home life. Furthermore, they pointed to profound changes for the better as the Internet revolutionized everything from the most immediate intellectual and emotional experiences to some of the most common and everyday aspects of existence.

Digital media has dramatically impacted adolescents' daily lives in how they communicate, collaborate, and work.

Increasing the use of such platforms brought various effects, most of which proved beneficial to society. It has enabled unprecedented levels of connection, community building, and social interaction, breaking down the barriers of location, time, and social context for adolescents. However, it would not be wise to continue talking about the positive aspects of digital media without touching on the negatives. Research shows that when adolescents use digital media excessively, it can negatively affect their behavioral and cognitive development as well as their physical and mental health. As a society, although digital media has connected us across borders, much attention has to be paid to its nature and content.

The results of this study recommend highlighting the following: 1) Future research needs to explore further the relationship between using new media and adolescents' mental health; 2) The importance of supporting individuals' digital life by setting the standards that regulate digital content to make optimal use of new media; 3) It is crucial to promote new media targeting adolescents and encouraging them to participate in creating meaningful content; 4) We should keep pace with technological progress and digital technology development; 5) We should observe our adolescents' and youth's behaviors toward using modern applications.

It was the author's approach developed for government policy development, the study was conducted in region of United Arab Emirates, study focuses exactly on this sample of teenagers, as well as teenagers have the strongest influence on social nets development direction.

⁶ O'Neill B. The Influence of Social Media on the Development of Children and Young People. European Parliament: Policy Department for Structural and Cohesion Policies, 2023.

Information about the authors:

Mikhaylov Alexey Yurievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: alexeyfa@ya.ru; Elibrary SPIN-code: 6398-3330.

Morkovkin Dmitry Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; Elibrary SPIN-code: 8277-4480.

Mohamed Tarek Ismail, Doctor of Economics, Professor, College of the Mass Communication of the Ajman University, Ajman, United Arab Emirates.

Contact information: e-mail: Prof713@rambler.ru.

Voytenkova Galina Fedorovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, ISEP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: gvoytenkova@mail.ru; Elibrary SPIN-code: 7318–9882.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-160-170

EDN: INULRB

РОЛЬ НОВЫХ МЕДИА В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЦИФРОВОЙ ЖИЗНИ ПОДРОСТКОВ

Михайлов А. Ю.¹, Морковкин Д. Е.^{1*}, Мохамед Т. И.², Войтенкова Г. Ф.³

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

²Колледж массовых коммуникаций Аджманского университета
(13306, Объединённые Арабские Эмираты, Аджман)

³ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

Для цитирования:

Михайлов А. Ю., Морковкин Д. Е., Мохамед Т. И., Войтенкова Г. Ф. Роль новых медиа в повышении качества цифровой жизни подростков // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 160-170. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-160-170; EDN: INULRB

Аннотация. Цель представленной работы — изучить влияние новых медиа на качество цифровой жизни подростков на основе описательно-аналитического подхода. Подростковый период — один из самых опасных этапов жизни человека, а развитие технологий и появление новых цифровых медиа представляют большую опасность для жизни этой группы населения, что требует внимательного изучения последствий влияния этих медиа. Исследование включало в себя два вопросника: в первом спрашивалось об использовании новых медиа, во втором — о качестве цифровой жизни. Участниками опроса (N=192) были подростки в возрасте от 13 до 16 лет, проживающие в Объединённых Арабских Эмиратах (ОАЭ) и обучающиеся в средней школе. Полученные результаты показывают значительную роль новых медиа в повышении качества цифровой жизни подростков. Они также указывают на статистически значимые различия в интересах респондентов при использовании новых медиа-приложений в пользу тех, кто использует научные приложения: у них самое высокое среднее значение использования — 4,62. Также наблюдаются статистически значимые различия между респондентами при выборе предпочтительных социальных сетей: на первом месте Facebook (запрещена в России, принадлежит компании Meta, признанной в России экстремистской) со средней оценкой использования в 4,5, затем идут Tik Tok с 4,39, Instagram (запрещена в России, принадлежит компании Meta, признанной в России экстремистской) с 4,26, Twitter с 3,88 и, наконец, Telegram — 3,79. В предлагаемых рекомендациях отмечается важность новых медиа сегодня как одного из основных способов распространения информации, которые нужно учитывать, особенно когда речь идёт о подростках и их представлениях, при этом подростки могут широко использовать социальные сети, официально запрещённые в конкретной стране, но популярные в других странах мира.

Ключевые слова: новые медиа, качество цифровой жизни, подростки, социальные связи, сайты социальных сетей.

References and Internet sources

Литература и Интернет-источники

1. Gil de Zúñiga H., Chen H. T. Digital Media and Politics: Effects of the Great Information and Communication Divides. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2019. Vol. 63. No. 3. P. 365–373. DOI: 10.1080/08838151.2019.1662019
2. Yujie Zh., Yasin M. A. I., Alsagoff S. A. B. Sh., Lay A. H. The Mediating Role of New Media Engagement in This Digital Age. *Frontiers in Public Health*. 2022, May. Vol. 10. Article 879530. DOI: 10.3389/fpubh.2022.879530
3. Slavković M., Pavlović K., Nikolić T. M., et al. Impact of Digital Capabilities on Digital Transformation: The Mediating Role of Digital Citizenship. *Systems*. 2023. No. 11. P. 172. DOI: 10.3390/systems11040172
4. Burr C., Tadde M., Floridi L. The Ethics of Digital WellBeing: A Thematic Review. *Science and Engineering Ethics*. 2020. Vol. 26. P. 2323–2343. DOI: 10.1007/s11948-020-00175-8
5. Jiang Yu. The Transition and Countermeasures of Traditional Media After Being Impacted by the Advent of Digital Media. *Advances in Social Science, Education, and Humanities Research*. 2022. Vol. 664. P. 2237–2242.
6. Gui M., Fasoli M., Carradore R. «Digital Well-Being». Developing a New Theoretical Tool For Media Literacy Research. *Italian Journal of Sociology of Education*. 2017. Vol. 9. No. 1. P. 155–173.
7. Orji-Egwu A. O., Oyeleke A. S., Nwakpu E. S. Influence of digital media on public relations in a hyperconnected era: Perspectives from public relations professionals in Ebonyi State. *South-East Journal of Public Relations*. 2019. Vol. 2. No. P. 46–57.
8. Chu Donna S. C. Media use and protest mobilization: A case study of umbrella movement within Hong Kong schools. *Social Media + Society*. 2018. No. 4. P. 1–11.
9. Sharma D., Gupta S. Impact of digital media on students' engagement via e-learning: a critical literature review using bibliographic analysis. *Journal of Content, Community & Communication*. 2021, June. Vol. 13. P. 27–34. DOI: 10.31620/JCCC.06.21/04
10. Tran T., Hoang A. D., Nguyen Y. C., Nguyen L. C., et al. Toward sustainable learning during school suspension: Socioeconomic, occupational aspirations, and learning behavior of Vietnamese students during COVID-19. *Sustainability*. 2020. Vol. 12. Iss. 10. Article 4195. DOI: 10.3390/su12104195
11. Saxena A. the Impact of Digital Media on Print Media. *IISUniv.J.A*. 2019. Vol. 8(1). P. 70–80.
12. Gil de Zúñiga H., Chen H. T. Digital Media and Politics: Effects of the Great Information and Communication Divides. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2019. Vol. 63. No. 3. P. 365–373. DOI: 10.1080/08838151.2019.1662019
13. Peng J., Agarwal A., Hosanagar K., Iyengar R. Network overlap and content sharing on social media platforms. *Journal of Marketing Research*. 2018. Vol. 55. No. 4. P. 571–585.
14. Todorova-Ekmekci M., Bogdanova G., Todorov T. Analysis and Evaluation of New Digital Media Usage, Impact, and Presence. *TEM Journal*. 2022. Vol. 11. No. 2. P. 651–657. DOI: 10.18421/TEM112-19
15. Shah R. N. Impact of Digital Media on Social Knowledge and Education. *Społeczności Lokalne. Studia Interdyscyplinarne*. 2018. No. 2. P. 229–239.
16. Jungherr A., Schoen H., Posegga O., Jürgens P. Digital trace data in the study of public opinion: An indicator of attention toward politics rather than political support. *Social Science Computer Review*. 2017. Vol. 35. No. 3. P. 33–356.
17. Phillips K., Davidson J. C., Farr R. R., Burkhardt C., Caneppele S., Aiken M. P. Conceptualizing Cybercrime: Definitions, Typologies, and Taxonomies. *Forensic Sciences*. 2022. No. 2. P. 379–398. DOI: 10.3390/forensicsci2020028

18. Gil de Zúñiga H., Diehl T. Citizenship, social media, and big data: Current and future research in the social sciences. *Social Science Computer Review*. 2017. Vol. 35. No. 1. P. 3–9.
19. Parra-Rizo M. A., Sanchis-Soler G. Satisfaction with Life, Subjective Well-Being & Functional Skills in Active Older Adults Based on Their Level of Physical Activity Practice. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. No. 4. P. 1299.
20. Buitting H. M. Importance of Quality-of-Life Measurement Throughout the Disease Course. *JAMA Network Open*. 2020. No. 3. Article 200388. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2020.0388
21. Ventegodt S., Andersen N. J., Kandel I., Merrick J. Quality of working life research: I. Quality of life, happiness, and meaning of life. *International Journal of Disability, Development, and Education*. 2008. Vol. 7. No. 2. P. 117–125.
22. Atkinson R. D., Castro D. *Digital Quality of Life: Understanding the Personal and Social Benefits of the Information Technology Revolution*. 2008. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/228234149/> (Accessed: 10 February 2024). DOI: 10.2139/ssrn.1278185
23. Pénard T. Poussing N., Suire R. Does the Internet make people happier? *The Journal of Socio-Economics*. 2013. No. 46. P. 105–116.
24. Damant J., Knapp M., Freddolino P., Lombard D. Effects of Digital Engagement on the Quality of Life of Older People. *Health & Social Care in the Community*. 2016, March. Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/65650/> (Accessed: 10 February 2024). DOI: 10.1111/hsc.12335

Информация об авторах:

Михайлов Алексей Юрьевич, к.э.н., доцент, Финансовый факультет, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: alexeyfa@ya.ru; РИНЦ SPIN-код: 6398–3330.

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; РИНЦ SPIN-код: 8277–4480.

Мохамед Тарек Исмаил, д.э.н., проф., Колледж массовых коммуникаций Аджманского университета, Аджман, Объединённые Арабские Эмираты.

Контактная информация: e-mail: Prof713@rambler.ru.

Войтенкова Галина Фёдоровна, к.ист.н., старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: gvoytenkova@mail.ru; РИНЦ SPIN-код: 7318–9882.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-171-182

EDN: ВКЕHHH

РОЛЬ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАНЯТОСТИ И ЛЕГАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Захарова К. А.^{*}, Бабурина Н. А., Муравьев Д. А.Тюменский государственный университет
(625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6)^{*}E-mail: kr.a.zakharova@utmn.ru**Финансирование:**

Исследование выполнено за счёт гранта РФ (проект № 23–28–01690). –

URL: <https://rscf.ru/project/23–28–01690/>.**Для цитирования:**

Захарова К. А., Бабурина Н. А., Муравьев Д. А. Роль налога на профессиональный доход в обеспечении занятости и легализации трудовой деятельности населения // Народонаселение. – 2025. – Т. 28 – № 2 – С. 171–182. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-171-182; EDN: ВКЕHHH

Аннотация. Изменение структуры российского рынка труда в современных условиях влияет в значительной мере на процессы формирования новых форм и видов занятости, что усиливает необходимость повышения транспарентности неформальной деятельности и самозанятости. На первый план выдвигаются проблемы поиска и развития адекватного инструментария редуцирования неформальной занятости и легализации трудовых отношений. Данная статья фокусируется на перспективные инструменты налогового регулирования, в частности, развитие налога на профессиональный доход в РФ, его роль в стимулировании предпринимательской активности и вовлечении самозанятых граждан в легальный бизнес. Проведён анализ современного состояния системы налогообложения самозанятых в России. На основании сформированного исследования было определено: 1) внедрение нового налогового режима на практике снижает рост теневой экономики; 2) несмотря на распространение налога на профессиональный доход и рост численности самозанятых граждан, налоговые поступления находятся на уровне не более 0,23% от суммарных налоговых доходов государства; 3) при распространении налога на профессиональный доход снижается доля поступлений от упрощённой системы налогообложения; 4) прогнозируются изменения структуры налоговой системы относительно понижения налоговых поступлений за счёт уменьшения налоговой ставки для налога на профессиональный доход и увеличение доли индивидуальной трудовой деятельности и сокращение роли малых предприятий. В целом перспективы развития налога на профессиональный доход можно охарактеризовать как благоприятные. По итогам исследования предложены направления совершенствования налога на профессиональный доход с целью повышения его эффективности и расширения налогооблагаемой базы.

Ключевые слова: налог на профессиональный доход, легальный труд, самозанятость, предпринимательская активность, население.

Разработка и реализация методологии государственного управления в РФ в части налогообложения и сокращения теневой экономики представляют собой необходимую меру по адаптивированию к трансформационным процессам, происходящим на российском рынке труда. Основными изменениями, оказывающими значительное влияние не только на структуру рынка труда, но и на состояние экономики страны в целом, являются рост самозанятых граждан (по данным Федеральной налоговой службы на 8 апреля 2024 г. в РФ было зарегистрировано 10 млн самозанятых; количество увеличилось в 1,54 раза по сравнению с предыдущим годом¹) и работников, занятых в неформальном секторе. Причинами же, которые обуславливают потребность в разработке эффективных мер государственного управления в сфере налогообложения и регулирования теневой экономики, являются: 1) необходимость в повышении налоговых поступлений в региональные и федеральный бюджеты; 2) улучшение системы принятия управленческих решений государственными органами за счёт включения в общие показатели деятельности и активности самозанятых граждан и граждан, занятых в неформальном секторе; 3) снижение угроз, связанных с развитием теневого сектора экономики. Ключевой мерой по решению указанных ранее проблемных аспектов является направление налоговой реформации в РФ, заключающееся в введении специального налогового режима — налога на профессиональный доход (НПД) — в качестве экспериментального средства в 2019 г. [1]. Помимо повышения доли легальной деятельности граждан, налоговый режим также позволяет стимулировать предпринимательскую активность, тем самым расширяя налогооблагаемую базу [2–4]. Исследование и выявление основных перспектив развития, а также прогнозирование доходов от НПД и показателей, оказывающих на него влияние, позволят сформировать научно обоснован-

ные предложения для роста эффективности налогового регулирования занятости населения и определить ключевые направления для развития НПД.

Причины внедрения и факторы развития налога на профессиональный доход

Неполнота охвата системой налогообложения самозанятых граждан (то есть граждан, выполняющих определённые профессиональные задачи в качестве способа для собственного заработка, при этом не имеющих наёмных работников [5, с. 82]) является одной из ключевых проблем современной экономики. В связи с чем нарушается принцип справедливости налогообложения (неравные условия ведения деятельности для граждан, занятых официально и находящихся в теневом секторе), ограничиваются возможности сбора статистических данных относительно занятости населения и иных показателей для государственных учреждений, происходит недополучение налоговых доходов в консолидированный бюджет страны [6–8].

Введение НПД, помимо попытки решения проблемы теневой занятости, является ключевым шагом для формирования широкой налогооблагаемой базы [9, с. 279; 10]. При этом новизна НПД обуславливает необходимость проведения исследования перспектив его развития с целью корректировки направлений реализации и выстраивания дальнейшей государственной стратегии [11]. На рис. 1 представлена динамика экономических индикаторов, сопровождающих введение и определяющих динамику поступлений по НПД в РФ.

На основании приведённых статистических данных можно отметить, что динамика показывает, во-первых, наличие значительных предпосылок к формированию нового налогового режима, что заключается в сохранении высокого уровня занятости населения РФ в неформальном секторе (пик значения — 21,2% в 2016 г., связанный с последствиями экономического кризиса в 2014–2015 гг., повлиявшего на поиск

¹ В России зарегистрировались 10 млн самозанятых // Федеральная налоговая служба. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/14758294/ (дата обращения: 26.05.2024).

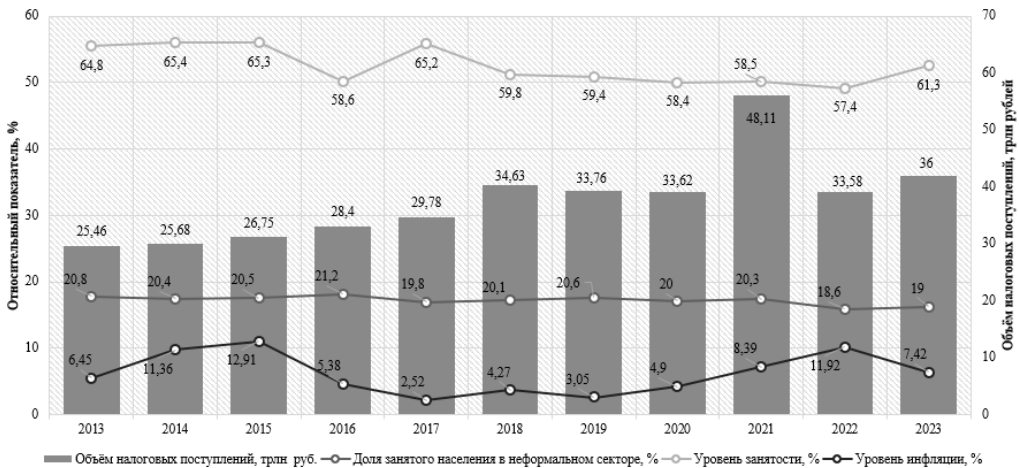

Рис. 1. Динамика экономических индикаторов, сопровождающих введение и определяющих динамику поступлений по налогу на профессиональный доход в Российской Федерации, 2013–2023 годы
 Fig. 1. The economic indicators dynamics accompanying the introduction and determining the professional income tax revenues dynamics in the Russian Federation in 2013–2023

Источник: составлено авторами на основании данных Росстата.

ки населением дополнительных способов заработка); стагнацию уровня занятости относительно общего числа рабочей силы (что также может указывать на переход граждан в неформальный сектор экономики); незначительный прирост налоговых доходов в федеральный бюджет РФ при высоком уровне инфляции. Во-вторых, с 2019 г. динамика анализируемых показателей изменилась: замечено некоторое снижение доли неформального сектора (с 20,6% до 19% к 2023 г.), замечен рост доли занятого населения (с 59,4% до 61,3% к концу анализируемого периода) при постепенном росте объёма налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ.

Несмотря на указанные изменения, сложно однозначно отметить прямое влияние внедрения НПД на показатели неформальной занятости, общего уровня занятости и объёма налоговых поступлений, поэтому требуется дальнейшее детальное рассмотрение ключевых показателей НПД. К таковым показателям относятся, прежде всего, общая численность самозанятых с периода внедрения налога по текущее время (то есть в динамике за 2019–2024 гг.),

объём налоговых поступлений по специальному налоговому режиму в денежном эквиваленте, а также его относительный показатель удельного веса в общем суммарном объёме налоговых доходов консолидированного бюджета РФ.

Влияние налога на профессиональный доход на структуру налоговой системы России

В табл. 1 приведены статистические данные относительно суммарных налоговых поступлений в консолидированные бюджеты субъектов РФ, а также поступлений от налога на профессиональный доход. При этом рассчитанная доля поступлений от нового налогового режима показывает незначительный удельный вес НПД — на 2023 г. значение составляет 0,226%. Низкий удельный вес обусловлен малыми налоговыми ставками в 4–6% от дохода самозанятого гражданина (по сравнению с другими системами налогообложения, к примеру, 13% при налоге на доходы физических лиц), значительно ограничивающими налоговый потенциал в качестве источника доходной

Таблица 1

Динамика доли налога на профессиональный доход в структуре налоговых поступлений консолидированного бюджета субъектов РФ, 2019–2023 годы

Table 1

Dynamics of the share of professional income tax in the structure of tax revenues of the consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation in 2019–2023

Год	Налоговые поступления, млрд рублей	Поступления НПД, млрд рублей	Удельный вес, %
2019	10123	0,717	0,007
2020	10034	2,085	0,021
2021	12650	13,433	0,106
2022	14152	23,595	0,167
2023	16513	37,286	0,226

Источник: рассчитано авторами на основании данных Федеральной налоговой службы. — URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 03.02.2024).

части консолидированных бюджетов субъектов РФ при низкой доле самозанятых лиц по сравнению с общей численностью трудоспособного населения.

Результаты, полученные в ходе проведения исследования, позволяют определить, приведёт ли введение налога на профессиональный доход к существенному увеличению налоговых поступлений и налоговой нагрузки. Помимо этого, данные позволяют принимать организационно-управленческие решения в налоговой по-

литике РФ и выстраивании стратегических планов социально-экономического развития. На первом этапе анализа требуется изучение динамики цепных реальных темпов прироста налоговых поступлений от основных систем налогообложения, действующих в РФ. В частности, были взяты упрощённая система налогообложения (УСН), патентная система налогообложения (ПСН) и налог на доходы физических лиц (НДФЛ) для иллюстрации общей системы налогообложения. Данные структурированы на рис. 2.

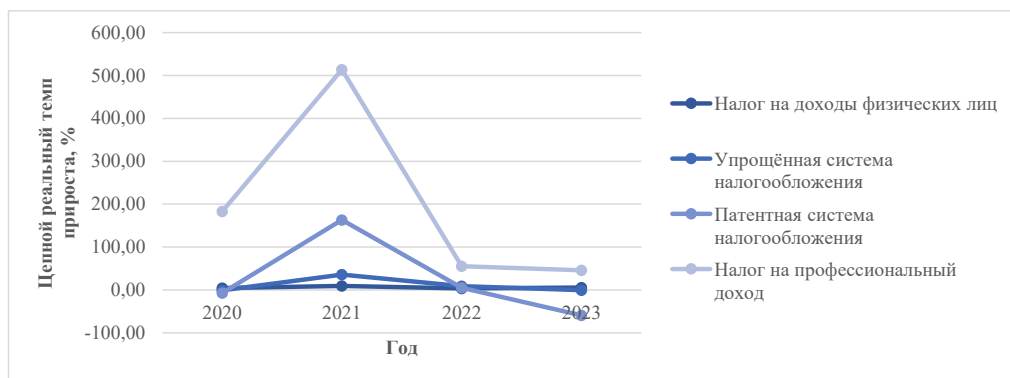

Рис. 2. Динамика реальных темпов прироста налоговых поступлений по основным специальным налоговым режимам и налогу на доходы физических лиц в РФ в 2020–2023 гг., %

Fig. 2. The chain real growth rates dynamics of the tax revenues under the main special tax regimes and personal income tax in the Russian Federation in 2020–2023, %

Источник: рассчитано авторами на основании данных Федеральной налоговой службы. — URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 03.02.2024).

Охарактеризовать изменения возможно следующим образом: 1) НДФЛ обладает свойством фискальной стабильности, и в течение исследуемого периода налоговые поступления по нему показывают стабильную динамику при наименьшем показателе цепного реального темпа прироста; 2) налоговые поступления от УСН не имеют выраженной тенденции к изменению вследствие постоянного обновления элементного состава с 2020 по 2023 гг.; 3) ПСН показывает общее снижение цепных реальных темпов прироста налоговых поступлений при пике в 163% в 2021 г. в сравнении с 2020 г., связанным с отменой единого налога на вменённый доход; 4) налоговые поступления по НПД показывают максимальный реальный темп прироста в 2020–2021 гг., что связано с появлением значительного интереса со стороны самозанятых

граждан, желающих действовать в официальном секторе занятости, а также с расширением территориальных границ действия налога на профессиональный доход. В 2022 г. реальный темп прироста по НПД замедлился до 46%, отражая насыщение рынка самозанятых и воздействие административных барьеров.

Одним из методов определения влияния внедрения НПД на смежные налоги является корреляционный анализ взаимосвязи значений налоговых поступлений от НПД с налогом на доходы физических лиц, патентной и упрощённой системами налогообложения. Корреляционный анализ основан на месячных данных о налоговых поступлениях с 2019 по 2023 годы. Визуально представим результаты проведённого корреляционного анализа в схематическом виде на рис. 3.

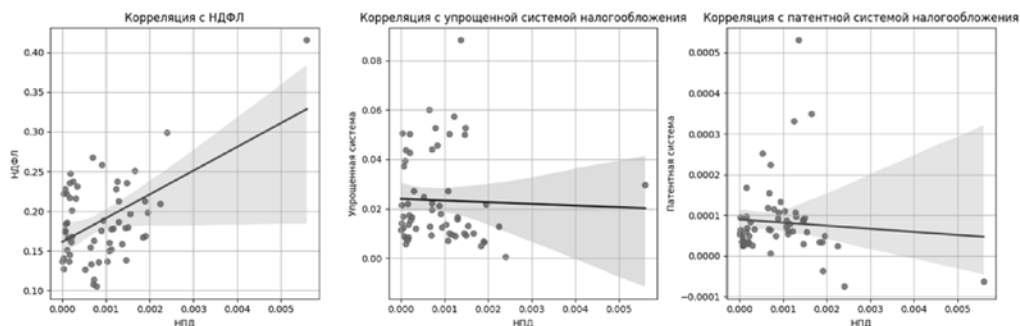

Рис. 3. Связь между поступлениями по налогу на профессиональный доход и налогу на доходы физических лиц, упрощённой и патентной систем налогообложения

Fig. 3. The relationship between the professional income tax and the personal income tax, the simplified and patent taxation systems receipts

Источник: рассчитано авторами на основании данных Федеральной налоговой службы. — URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 03.02.2024).

Результаты корреляционного анализа могут быть охарактеризованы следующим образом: 1) положительная корреляция между значениями поступлений налога на профессиональный доход и налога на доходы физических лиц, обусловленная тем фактом, что оба налога дополняют друг друга в аспекте перехода граждан с одного на другой; 2) достаточно слабая и отрицательная корреляционная связь между поступлениями налога на профес-

сиональный доход и налога, уплачиваемого в связи с применением упрощённой системы налогообложения; 3) корреляционная связь поступлений налога на профессиональный доход с поступлениями налога, уплачиваемого в связи с применением патентной системы налогообложения, является статистически незначимой, поскольку соответствующее р-значение больше любого разумного уровня значимости.

Таким образом, внедрение НПД может влиять на сокращение налоговых поступлений от упрощённой системы налогообложения. Это может вызвать некоторые изменения в структуре налоговой системы РФ в целом: 1) снижение общей суммы налоговых поступлений в консолидированный бюджет страны, поскольку «замещение» упрощённой системы налогообложения НПД приводит к понижению налоговых ставок для налогоплательщиков при сохранении налогооблагаемой базы; 2) увеличение доли индивидуальной трудовой деятельности и сокращение роли малых предприятий как следствие создания более выгодных условий и снижения административной нагрузки на самозанятых граждан.

Эконометрическое моделирование влияния экономических факторов на уровень безработицы

Как было описано ранее, одной из ключевых задач внедрения НПД в РФ является сокращение числа занятого населения в теневом секторе. Для выявления эффективности внедрения специального налогового режима была построена эконометрическая модель. Зависимая переменная модели — уровень безработицы (*unemployment*), независимые переменные — поступления по налогу на профессиональный доход на одного налогоплательщика (*tax revenue per taxpayer*) (переменная интереса), реальная заработная плата работников по полному кругу организаций (*real wage*), уровень инфляции (*inflation*), реальный объём отгруженных товаров в отраслях промышленного производства (*industry*) (контрольные переменные). Набор данных включает в себя 59 наблюдений, охватывающих период с 2019 по 2023 годы. Стоимостные показатели приведены к ценам января 2019 года. На рис. 4 представлена матрица парных коэффициентов корреляции.

Анализ матрицы парных коэффициентов корреляции свидетельствует об отсутствии идеальной мультиколлинеарности в данных (все коэффициенты корреляции менее 0,7 по модулю). Результаты эконометрического

моделирования представлены в табл. 2. Результаты моделирования указывают на отрицательную и статистически значимую связь поступлений по налогу на профессиональный доход на одного налогоплательщика и уровня безработицы. Следовательно, можно утверждать, что в течение анализируемого периода введение специального налогового режима оказало положительное влияние на снижение уровня безработицы в РФ (к концу 2023 г. статус «самозанятого» оформили более 9,2 млн физических лиц и индивидуальных предпринимателей). Несмотря на незначительный удельный вес НПД в структуре налоговых поступлений в консолидированный бюджет субъектов РФ, настоящая мера налогового стимулирования экономики поспособствовала легализации трудовой деятельности населения.

Статистически значимое влияние на сокращение уровня безработицы оказывает и увеличение реального объёма отгруженных товаров в отраслях промышленного производства. Загрузка производственных мощностей и наращивание объёмов выпуска может требовать привлечения дополнительной рабочей силы, что непосредственно, при прочих равных условиях, может способствовать сокращению уровня безработицы в стране. Связь между уровнями безработицы и инфляции (кривая Филлипса) и между уровнем безработицы и заработной платой (кривая заработной платы) на текущих данных является статистически незначимой.

Проблемы и рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы налогообложения самозанятых в России

Основным проблемным вопросом регулирования специального налогового режима является недостаточная разработанность нормативно-правовых актов. Упущениями и недостатками правовой системы в отношении регулирования налога на профессиональный доход и самозанятости как экономической категории являются: 1) отсутствие конкретного и чёткого определения самозанятости; 2) неполный перечень

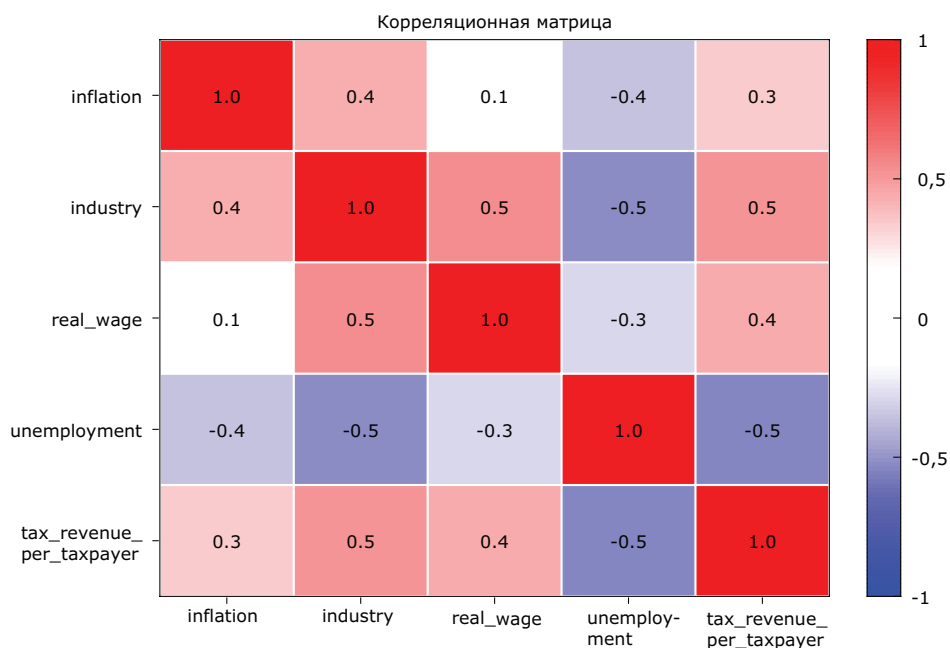

Рис. 4. Матрица парных коэффициентов корреляции

Fig. 4. The paired correlation coefficients matrix

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Влияние экономических факторов на уровень безработицы

Table 2

The economic factors on unemployment rate impact

Фактор	Оценка коэффициента
Константа	6,904 (1,330)
Поступления по НПД на одного налогоплательщика	-0,226*** (0,075)
Реальная заработная плата работников по полному кругу организаций	8,082 10 ⁻⁶ (2,917 10 ⁻⁵)
Уровень инфляции	-0,025 (0,027)
Объём отгруженных товаров в отраслях промышленного производства	-3,347 10 ⁻⁷ * (1,878 10 ⁻⁷)

Примечания: количество наблюдений — 59, исправленный R^2 —0,35. Модель оценена при помощи обычного метода наименьших квадратов, в скобках указаны стандартные ошибки, *обозначает значимость на 10-процентном уровне; *** обозначает значимость на 1-процентном уровне.

Источник: составлено авторами.

деятельности граждан, относящейся к самозанятости; 3) ограничение, связанное с пределом, до которого возможно применение налога на профессиональный доход; 4) недостаточная информированность населения о налоге на профессиональный доход и его специфике. В табл. 3 обозначены проблемные вопросы и пути их разрешения. Помимо указанных мер по совершенствованию необходимо обеспечить согласован-

ность и отсутствие противоречий во всей нормативно-правовой базе, регулирующей деятельность самозанятых граждан в РФ.

В табл. 4 определены основные способы совершенствования нормативно-правовой базы регулирования НПД в России. Создание благоприятных условий для легальной самозанятости позволит укрепить экономику страны и повысить эффективность налоговой системы.

Таблица 3

Проблемы самозанятости, препятствующие росту поступлений по налогу на профессиональный доход в Российской Федерации, и пути их решения

Table 3

The self-employment problems hindering the professional income tax revenues growth in the Russian Federation and the ways to address them

Проблемный вопрос	Пути решения
Отсутствие всестороннего регулирования вопроса самозанятости и налога на профессиональный доход.	Гармонизация нормативно-правовых актов и формирование корректной базы регулирования отношений, возникающих в процессе ведения деятельности в качестве самозанятого.
Слабая социальная поддержка самозанятых граждан.	Определение социальных гарантий и защиты прав самозанятых.
Ограниченные возможности для расширения хозяйственной деятельности.	Расширение возможностей кредитования деятельности самозанятых.
Социальные проблемы, связанные с недоверием граждан.	Решение социальных проблем с помощью пресечения принудительного перевода наёмных работников и активной защиты интересов самозанятых.
Отсутствие определения самозанятых как активной части экономики страны.	Представление возможности индексации верхнего порога дохода самозанятых граждан с помощью специального коэффициента-дефлятора.

Источник: результаты авторского исследования.

Таблица 4

Рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы регулирования налога на профессиональный доход в Российской Федерации

Table 4

Recommendations to improve the legal framework for the regulation of professional income tax in the Russian Federation

Нормативно-правовой акт	Рекомендация	Обоснование
Федеральный закон № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018.	1) Внести в федеральный закон исчерпывающий перечень видов деятельности (например, включив в него репетиторские услуги, услуги по уходу за пожилыми людьми и т.д.), относящихся к самозанятости, с возможностью его периодического обновления. 2) Пересмотреть установленные ограничения по доходам для самозанятых граждан в сторону их увеличения, с учётом инфляции и уровня жизни.	Обеспечение чёткого определения самозанятости и конкретных видов деятельности, относящихся к данному феномену (позволит минимизировать разночтения по данному вопросу).
Налоговый кодекс Российской Федерации	Внести нормы, предоставляющие самозанятым гражданам соответствующих прав, льгот, социальных гарантий и юридической ответственности.	Обеспечение самозанятых социальными гарантиями.
Федеральный закон № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023.	Закрепление определения статуса самозанятых граждан с указанием их прав и обязанностей.	Обеспечение правовой защиты самозанятых граждан.

Источники: составлено авторами на основании Федерального закона № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/; Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/; Федерального закона № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (дата обращения: 28.05.2024).

Заключение

Современное состояние системы налогообложения самозанятых в России определяется следующими факторами: 1) основным направлением государственного регулирования деятельности самозанятых являются мероприятия по уменьшению объёмов теневой экономики (введение налога на профессиональный доход стимулирует трудоспособное население к легализации профессиональной деятельности); 2) повышением роста налогооблагаемой базы при низком (0,226%) удельном весе налоговых поступлений в структуре консолидированных бюджетов субъектов РФ.

Результаты проведённого эконометрического моделирования показали, что введение с 2019 г. нового налогового режима и последующее расширение охвата им субъектов РФ поспособствовали легализации трудовой деятельности населения. В частности, оценка коэффициента при переменной, характеризующей поступления по налогу на профессиональный доход на одного налогоплательщика, в модели с уровнем безработицы как регрессантом оказалась отрицательной и статистически значимой при однопроцентном уровне значимости.

Проблемы развития налогообложения самозанятых заключаются в недостаточных социальной поддержке самозанятых и ос-

ведомлённости граждан по вопросам налогообложения в целом и функционирования налога на профессиональный доход. В свою очередь, перспективы развития самозанятости в стране напрямую связаны с разрешением установленных проблем. В связи с этим, в настоящем исследовании были предложены следующие рекомендации: формирование гармоничной и всесторонне охватывающей нормативно-правовой базы, определение социальных гарантий и защиты прав самозанятых, формирование выгодных условий кредитования деятельности самозанятого, индексация верхнего порога дохода самозанятых граждан.

Общие перспективы развития налога на профессиональный доход в России можно охарактеризовать в целом, как благоприятные. Несмотря на выявленные проблемы, налог на профессиональный доход открывает большие возможности для легализации трудовой деятельности населения, повышения деловой активности населения и пополнения консолидированного бюджета субъектов РФ. Реализация сформулированных мероприятий для разрешения проблемных вопросов развития налога на профессиональный доход и самозанятости как экономической категории позволит повысить привлекательность и результативность функционирования этого налога, улучшит условия деятельности самозанятых.

Литература и интернет-источники

1. **Канакова, А. Е.** Предпосылки введения и конституционные основы налога на профессиональный доход / А. Е. Канакова // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 446. — С. 223–230. DOI: 10.17223/15617793/446/29; EDN: XCEAZD
2. **Бычков, Д. Г.** Преимущества и риски самозанятости и платформенной занятости / Д. Г. Бычков, Е. Е. Гришина, Н. В. Локтюхина, О. А. Феоктистова // Экономическая политика. — 2024. — Т. 19. — № 4. — С. 60–83. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-4-60-83; EDN: RFVSAK
3. **Земцов, С. П.** Занятость в малом и среднем бизнесе в России: в поисках факторов роста / С. П. Земцов, Ю. В. Царева, Д. Р. Салимова, В. А. Баринова // Вопросы экономики. — 2021. — № 12. — С. 66–93. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-66-93; EDN: TVBQQG
4. **Куницына, Н. Н.** Зависимость неформальной занятости от уровня доходов населения российских регионов: уроки пандемии / Н. Н. Куницына, А. В. Джигоев // Экономика региона. — 2023. — Т. 19. — № 2. — С. 437–450. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-11; EDN: DKYRIA
5. **Нестеренко, Ю. Н.** Самозанятость в России: состояние и потенциал развития / Ю. Н. Нестеренко, Е. А. Протасова // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 4. — С. 78–89. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00040; EDN: ZZDAGW

6. **Arulampalam, W.** Tax progressivity and self-employment dynamics / W. Arulampalam, A. Papini // Review of Economics and Statistics. — 2023. — No. 2. — P. 376–391. DOI: 10.1162 / rest_a_01046; EDN: ISIVTQ
7. **Smirnova, E.** Review of best practices in self-employment taxation / E. Smirnova, I. Okhrimenko, A. Zakharova // Public Organization Review. — 2024. — Vol. 24. — No. 1. — P. 299–314. DOI: 10.1007 / s11115-022-00604-1; EDN: DLOILZ
8. **Dey, S. K.** Determinants of Behavior of Payers of Personal Income Tax: An Empirical Study from Indian Context / S. K. Dey, S. Panda, D. Sharma // Journal of Tax Reform. — 2023. — Vol. 9. — No. 2. — P. 262–277. DOI: 10.15826 / jtr.2023.9.2.141; EDN: FMVQXJ
9. **Safarov, S.** Flat tax system and heterogeneity of self-employment / S. Safarov, D. Abdurazzakova // Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies. — 2022. — Vol. 14. — No. 2. — P. 274–291. DOI: 10.1108 / JEEE-06-2020-0175
10. **Tanchev, S.** Determinants of the Proportional Income Tax Revenue: A Comparative Assessment of Russia and Bulgaria / S. Tanchev // Journal of Tax Reform. — 2022. — Vol. 8. — No. 1. — P. 54–68. DOI: 10.15826 / jtr.2022.8.1.108; EDN: HVGABO
11. **Malkina, M. Yu.** Impact of the 2020 pandemic on revenue from various taxes in the Russian Regions / M. Yu. Malkina // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — 2021. — Vol. 14. — No. 7. — P. 987–997. DOI: 10.17516 / 1997-1370-0778; EDN: OQAPEK

Информация об авторах:

Захарова Кристина Алексеевна, к.э.н., зав. кафедрой, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Контактная информация: e-mail: kr.a.zakharova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-3603-2659; РИНЦ SPIN-код: 4912-0477.

Бабурина Наталья Алексеевна, к.э.н., зам. директора, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Контактная информация: e-mail: n.a.baburina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-6970-0449; РИНЦ SPIN-код: 9074-0551.

Муравьев Данил Анатольевич, лаборант-исследователь, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Контактная информация: e-mail: d.a.muraviev@utmn.ru; ORCID: 0009-0004-7462-207X; РИНЦ SPIN-код: 7093-9190.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-171-182

THE ROLE OF THE TAX ON PROFESSIONAL INCOME IN ENSURING EMPLOYMENT AND LEGALIZING THE LABOR ACTIVITY OF THE POPULATION

Kristina A. Zakharova*, Natalya A. Baburina, Danil A. Muraviev

University of Tyumen

(6 Volodarsky str., Tyumen, Russia, 625003)

**E-mail: kr.a.zakharova@utmn.ru*

Funding:

The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23–28–01690. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01690/>.

For citation:

Zakharova K. A., Baburina N. A., Muraviev D. A. The role of the tax on professional income in ensuring employment and legalizing the labor activity of the population. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 171-182. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-171-182 (in Russ.)

Abstract. *The change in the Russian labor market structure in the modern conditions affect to a large extent the new employment forms and types formation processes, that enhances the need to increase the informal activities and self-employment transparency. Finding and developing adequate tools for reducing informal employment and legalizing labor relations problems are coming to the fore. The article is focused on promising tax regulation instruments, in particular, development of the tax on professional income in the Russian Federation, its role in stimulating entrepreneurial activity and involving self-employed people in legal business. The present state of the self-employed taxation system in the Russian Federation has been analyzed. On the basis of the study it was found that: 1) the new tax regime implementation in practice reduces the shadow economy growth; 2) despite the extending of the tax to professional income and the growing number of the self-employed, the tax revenues are at the level of no more than 0.23 per cent of the total state tax revenues; 3) the revenues share from the simplified taxation system decreases when the tax is extended to professional income; 4) the structure of the tax system is projected to change in relation to decrease in the tax revenues due to reduction of the tax rate for professional income tax, increase in the share of individual labor activity and decline in the role of small enterprises. In general, the prospects for the professional income tax development in the Russian Federation can be described as favorable. Based on the study results, the directions for improving the professional income tax in order to increase its efficiency and expand the taxable base are proposed.*

Keywords: *professional income tax, legal labor, self-employment, entrepreneurial activity, population.*

References and Internet sources

1. Kanakova A. E. Predposylki vvedeniya i konstitutsionnyye osnovy naloga na professional'nyy dokhod [Tax on professional income: preconditions for introduction and constitutional fundamentals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2019. No. 446. P. 223–230. DOI: 10.17223/15617793/446/29 (in Russ.)
2. Bychkov D. G., Grishina E. E., Loktyukhina N. V., Feoktistova O. A. Preimushchestva i riski samozanyatosti i platformennoy zanyatosti [Strengths and weaknesses of self-employment and platform work in Russia]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 60–83. DOI: 10.18288/1994-5124-2024-4-60-83 (in Russ.)
3. Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V., Salimova D. R., Barinova V. A. Zanyatost' v malom i srednem biznese v Rossii: v poiskakh faktorov rosta [Small and medium-sized enterprises in Russia: in search of employment growth factors]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2021. No. 12. P. 66–93. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-12-66-93 (in Russ.)
4. Kunitsyna N. N., Dzhiyoyev A. V. Zavisimost' neformal'noy zanyatosti ot urovnya dokhodov naseleniya rossiyskikh regionov: uroki pandemii [Dependence of informal employment on population income in Russian regions: lessons from the pandemic]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2023. Vol. 19. No. 2. P. 437–450. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-11 (in Russ.)
5. Nesterenko Yu. N., Protasova E. A. Samozanyatost' v Rossii: sostoyaniye i potentsial razvitiya [Self-employment in Russia: state and potential for development]. *Narodonaselenie. [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 4. P. 78–89. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00040 (in Russ.)
6. Arulampalam W., Papini A. Tax progressivity and self-employment dynamics. *Review of Economics and Statistics*. 2023. No. 2. P. 376–391. DOI: 10.1162/rest_a_01046
7. Smirnova E., Okhrimenko I., Zakharova A. Review of best practices in self-employment taxation. *Public Organization Review*. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 299–314. DOI: 10.1007/s11115-022-00604-1
8. Dey S. K., Panda S., Sharma D. Determinants of behavior of payers of personal income tax: An empirical study from Indian context. *Journal of Tax Reform*. 2023. Vol. 9. No. 2. P. 262–277. DOI: 10.15826/jtr.2023.9.2.141

9. Safarov S., Abdurazzakova D. Flat tax system and heterogeneity of self-employment. *Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies*. 2022. Vol. 14. No. 2. P. 274–291. DOI:10.1108/JEEE-06-2020-0175
10. Tanchev S. Determinants of the proportional income tax revenue: A comparative assessment of Russia and Bulgaria. *Journal of Tax Reform*. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 54–68. DOI: 10.15826/jtr.2022.8.1.108
11. Malkina M. Yu. Impact of the 2020 pandemic on revenue from various taxes in the Russian Regions. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2021. Vol. 14. No. 7. P. 987–997. DOI: 10.17516/1997-1370-0778

Information about the authors:

Zakharova Kristina Alekseevna, Candidate of Economics, Head of Department, Financial and Economic Institute, University of Tyumen, Tyumen, Russia.

Contact information: e-mail: kr.a.zakharova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-3603-2659; Elibrary SPIN-code: 4912–0477.

Baburina Natalya Alekseevna, Candidate of Economics, Deputy Director, Financial and Economic Institute, University of Tyumen, Tyumen, Russia.

Contact information: e-mail: n.a.baburina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-6970-0449; Elibrary SPIN-code: 9074–0551.

Muraviev Danil Anatolyevich, Laboratory Research Assistant, Financial and Economic Institute, University of Tyumen, Tyumen, Russia.

Contact information: e-mail: d.a.muraviev@utmn.ru; ORCID: 0009-0004-7462-207X; Elibrary SPIN-code: 7093–9190.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-183-194
EDN: BXUULX

ПОЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ В РАКУРСЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Будякова Т. П.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
(399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, 28)

E-mail: budyakovaelez@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 23–28–00306. – URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00306/>.

Для цитирования:

Будякова Т. П. Пожилое население в ракурсе поведенческой экономики и экономической психологии // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 2. – С. 183–194. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-183-194; EDN: BXUULX

Аннотация. В статье делается сравнительный анализ теорий и методологий поведенческой экономики и экономической психологии в аспекте особенностей экономической активности пожилого населения. Выделяются и сравниваются основные направления исследований в парадигме поведенческой экономики, доказывающие присутствие фактора ограниченной рациональности в поведении пожилых людей, и исследования, выполненные в рамках экономической психологии, выделяющие в качестве основного предмета изысканий экономические предпочтения, потребности и интересы, обусловленные серебряным возрастом. Акцентируется внимание на двух ключевых, но альтернативных особенностях современной поведенческой экономики: ориентацию на помощь потребителям и манипулирование потребителем выбором. Показывается, что когнитивные искажения информации при анализе экономических ситуаций, выявленные поведенческими экономистами, как непреднамеренно, так и в ряде случаев даже преднамеренно, становятся основой для обмана потребителей, в особенности пожилых граждан. Акцентируется внимание на том, что рациональность и иррациональность, их роль в экономических решениях по-разному понимаются в экономике и психологии. В психологии рациональным может признаваться выбор, даже если он противоречит экономической целесообразности, но отвечает неимущественным интересам личности. В силу этого утверждается, что формально считающееся нерациональным поведение пожилых людей в ряде случаев можно оценить как рациональное, отражающее их конкретную жизненную ситуацию. Освещается проблема более качественной и полноценной интеграции концептуальных и методологических основ экономической психологии и поведенческой экономики, а также расширения методологического инструментария для решения проблем защиты пожилого населения от экономического мошенничества. В качестве инструмента эмпирического исследования виктимного поведения как явно нерационального для пожилого возраста предлагается применять кейс-метод.

Ключевые слова: поведенческая экономика, экономическая психология, ограниченная рациональность, пожилое население, кейс-метод, виктимное поведение.

Старение населения уже давно стало угрозой для экономик многих стран. Неуклонно растет доля пожилых в общей массе населения: к 2050 году в мире прогнозируется увеличение числа людей в возрасте 60 лет и старше до 2,1 миллиарда [1]. По данным Росстата, в России в 2024 г. доля лиц в возрасте старше трудоспособного возраста достигла 23,7%, составляя почти четверть от всего населения страны. При этом даже в быстро стареющем Китае, второй экономике мира, этот показатель составляет 18,7%, но оценивается китайскими экономистами как критический [2]. В силу этих объективных условий поведенческая экономика и экономическая психология в настоящее время расширяют предмет своего исследования. В их ракурсе стали активно рассматриваться проблемы потребительского поведения пожилых людей и иные аспекты экономики, обусловленные пожилым возрастом участников экономических отношений.

Основные направления исследований поведения пожилых участников экономических отношений

В целом научные работы, ориентированные на пожилую возраст и выполняемые в русле поведенческой экономики, — это исследования, доказывающие присутствие фактора ограниченной рациональности в поведении пожилых людей. Учёные этого доминирующего направления современной экономики приводят доказательства иррациональности как ведущей черты потребительского выбора людей с пенсионным статусом, в основе которого лежат когнитивные искажения реальности. Так, J. Abaluck и J. Gruber [3] выявили, что представители старшего поколения нерационально увеличивают свои расходы более, чем на четверть из-за того, что большее значение придают рекламным характеристикам товара, чем его стоимости. Также H. Reisgies и соавторы [4] установили, что экономические стимулы для занятий физической культурой в виде лотерей и иных финансовых инструментов не всегда пользуются успехом у пожи-

лых людей, даже при очевидной финансовой выгоде для них.

Существенное число работ, направленных на изучение потребительского поведения пенсионеров, вполне предсказуемо сосредоточено вокруг проблем сохранения и поддержки здоровья. Они также, в духе основных идей поведенческой экономики, ориентированы на выявление доказательств нерациональности поведения пожилого человека. Так, было установлено, что такие виды нерационального поведения как несоблюдение режима приема лекарств, плохое питание и отсутствие привычки к физическим упражнениям способствуют ухудшению здоровья и росту расходов на здравоохранение [5].

Другой по значимости проблемой, ставшей в центре внимания поведенческой экономики, изучающей потребление в пожилом возрасте, является характер трат и сбережений пенсионеров, обременённых семейными обязанностями. Установлено, что семейный статус побуждает пенсионера выбирать «стратегию сбережений», отказываясь от «стратегии проедания», основанной на модели жизненного цикла Ф. Модильяни и соавторов, согласно которой пенсионеры, разумно планируя расходы, постепенно должны «проесть» (деаккумулировать) накопленное в течение жизни богатство. Рациональная стратегия жизненного цикла, таким образом, не подтверждается эмпирическими данными [6; 7]. Было выявлено, что и «стратегия завещания» также способствует меньшим расходам на личное потребление пенсионеров, если для них важны семейные ценности. Таким образом, часть исследователей делает вывод о том, что поведение пожилых людей не соответствует базовой модели жизненного цикла, ориентированной на сознательное рациональное распределение потребления в период позднего онтогенеза [6].

В то же время даже в рамках работ, выполненных в парадигме поведенческой экономики, есть альтернативные исследования, доказывающие правильность модели жизненного цикла. Эти изыскания указывают на тенденции, увеличивающие несбе-

регающее поведение и рост трат в пенсионном возрасте из-за объективных факторов: уменьшения социальных выплат, роста потребительских расходов и др. [8]. Это свидетельство того, что рациональные решения не являются нетипичными для пожилого возраста, просто данная модель имеет свои ограничения в силу индивидуальных условий функционирования конкретных групп пожилого населения.

Исследования пожилого населения в рамках экономической психологии ориентированы на изучение объективной психологической специфики пожилого возраста, в частности, потребительских мотивов и наклонностей, обусловленных возрастным фактором, чтобы затем прогнозировать и развивать рынок услуг для возрастной части населения. В частности, изучается влияние на потребительское поведение фактора одиночества в пожилом возрасте, особенностей социальных связей и др. [9]. В силу вышесказанного очевидно, что первоочередной задачей исследований пожилого возраста в русле поведенческой экономики является изучение когнитивных ошибок, ухудшающих экономические решения, а экономическая психология сосредоточена на изучении базовых возрастных потребностей пожилого человека, составлявших основу его экономического поведения. В силу этого с точки зрения экономической психологии, описанные выше стратегии «сбережений» и «завещания» и оценённые поведенческими экономистами как нерациональные, с позиции экономических психологов представляются разумными и рациональными, поскольку реализуют базовую потребность пожилого человека в семейной поддержке, которая, по сути, основана на взаимном добровольном жертвовании. Отказ от лотерейных выгод, описанных Н. Reisgies и соавторами [4], также может иметь рациональное объяснение, поскольку участие в спортивно-физкультурных мероприятиях имеет ряд психологических и физических ограничений для пожилого человека, о чем свидетельствуют исследования причин отказа пожилых людей от участия в популяризируемой бесплатной физкуль-

турно-оздоровительной программе «Долголетие» [10].

Таким образом, поведенческая экономика, сосредотачиваясь только на аспекте дефектов экономических решений, фактически ограничивает зону исследований пожилого населения этими проблемами. Данное обстоятельство, однако, порождает проблемы внутри самой поведенческой исследовательской программы.

Ориентация на помощь потребителям и манипуляция потребительским выбором как альтернативные аспекты поведенческой экономики

В концентрированном виде специфика традиционной экономики в отличие от поведенческой выражается в оценке поведения субъекта экономических отношений в таких формулах как: рациональность (расчётливость, бесстрастность); ориентация на максимально ожидаемую полезность; руководство эгоизмом, не учёт фактора полезности для других, способность оценивать вероятность гипотез, то есть максимально рационально мыслящего, на решения которого не влияют ни мораль, ни эмоции, ни возраст с его слабостями и предпочтениями [11]. Такие тезисы облегчали формализацию экономической теории, но делали ее далёкой от реальной жизни. С точки зрения М. Rabin [12] традиционная (неоклассическая) экономическая теория имплицитно включала предположения о том, что поведение идеального участника экономических отношений основано на 100% личном интересе, 100% рациональности, 100% самоконтроле, что не находило подтверждения в реальном экономическом поведении.

Поведенческая экономика выступила с тезисом об ограниченной рациональности экономического агента, отличающегося как когнитивными, так и иными, в том числе возрастными особенностями. Она же в лице Г. Саймона поставила в качестве основной цели — научить субъекта экономических отношений принимать наиболее рациональные решения в условиях когнитив-

ных, временных и информационных ограничений [13]. В частности, в финансовых руководствах, основанных на идеях поведенческой экономики, позиционировалось, что её целью является помощь как индивидуальным, так и профессиональным инвесторам эффективно использовать своё время и энергию, обучая их приёмам максимизации прибыли и минимизации убытков [14]. В некоторых случаях произошла даже гиперболизация значимости идей поведенческой экономики. Она рассматривается некоторыми экономистами в глобальном виде как универсальный инструмент, способный выполнять функцию морального компаса для решения фундаментальных проблем государства, таких как неравенство, справедливость, человеческие отношения, функционирование государственных и частных институтов, доверие и общие ценности [15], как ведущий вектор политики сокращения бедности [16], то есть как панацея от всех социальных проблем. Однако очевидно, что формально было высказано больше авансов и надежд на новую экономическую доктрину, чем дана объективная оценка возможностей поведенческой экономики.

Между тем, например, Р.И.Капелюшников справедливо обращает внимание на манипуляторные механизмы, раскрываемые и затем используемые поведенческой экономикой: «ограниченная рациональность обычных людей зачастую становится не столько предметом изучения, сколько предметом интеллектуальной эксплуатации со стороны поведенческих экономистов, не останавливающихся перед использованием всевозможных манипулятивных техник» [17, с. 374]. Очевидно, что, например, эффекты фрейминга¹, описанные А. Tversky и Д. Kahneman [18], являются основой для манипуляции поведением человека.

В настоящее время манипулирование личностью осознаётся как одна из актуальных проблем поведенческой экономики. Так, не предумышленные эффекты фрей-

минга (неумышленное манипулирование) фиксируются при реализации современной пенсионной политики в корпорациях США, ориентированной на создание профессиональных пенсионных накоплений [19]. Однако уже обращается внимание и на то, что фирмы начали умышленно эксплуатировать неэффективное поведение, в том числе пожилых людей, для получения прибыли. Это порождает озабоченность государства, вынужденного защищать права своих граждан от недобросовестных участников рынка, в частности, тратить ресурсы для контроля за маркетингом таких фирм [20].

Способности саморегуляции и контроля, развитие которых, по мнению поведенческих экономистов, должны привести к более рациональному выбору, в некоторых современных исследованиях рассматриваются как объект манипуляторного воздействия. В качестве примера можно привести исследование 2024 г. о влиянии музыки на стимулирование покупки. В нем авторы приходят к выводу, что что вполне правомерно использование определённых маркетинговых приёмов в розничной торговле, снижающих самоконтроль и саморегуляцию потенциальных покупателей. Например, мажорные тональности, высокий темп и высокая громкость музыки в супермаркете смягчают оценку негативных характеристик товаров [21].

Самым неожиданным эффектом при реализации идей поведенческой экономики на практике стало то, что иррациональные поведенческие модели начали умышленно эксплуатировать мошенники, и поведенческие экономисты даже были вынуждены обратиться к изучению детерминант нечестности среди участников рынка. Здесь также в духе традиционных идей поведенческой экономики было установлено, что нечестное поведение людей часто не объясняется рациональным выбором, например, выгода от преступления может быть не соразмерна мерам предусмотренной ответственности за противоправное деяние [22; 23]. Однако такого ракурса исследований явно недостаточно для защиты прав потребителей, особенно пожилых,

¹ Фрейминг — психологический эффект когнитивного искажения информации.

на которых оказывается манипуляторное воздействие.

Таким образом, в ходе исследований, выполненных в парадигме поведенческой экономики, было установлено, что как на правомерное экономическое поведение, так и на неправомерное оказывают влияние некие психологические факторы, искажающие рациональный расчёт. Неопределённость в вопросе понимания сущности и содержания этих факторов составляет, на наш взгляд, основную трудность современной поведенческой экономики и требует привлечения ресурсов экономической психологии.

Проблема различения рационального и иррационального поведения

Анализ базовых положений поведенческой экономики показывает, что в ней искусственно противопоставляется рациональность поведения, основанная на строгих экономических расчётах и иные психологические факторы поведения, под которыми понимаются в основном эмоции [24]. Между тем, с точки зрения психологии, как у рационального, так и у нерационального поведения один и тот же субъект — личность, а рациональность является только одним из психологических регуляторов поведения, который, как и нерациональность, не всегда приводит к нужному экономическому эффекту. На это обращает внимание Р.И.Капелюшников [17], когда показывает, что рациональное, разумное поведение в отдельных случаях менее прагматично, чем иррациональное. Речь идёт о нестандартных (эвристических), но выигрышных экономических решениях, которые приносят экономический успех вопреки формальной логике.

Однако, нельзя согласиться с Р.И.Капелюшниковым в том, что критерием оценки как рационального, так и иррационального решения личности должна быть исключительно экономическая успешность или выгода. С точки зрения современной психологии высший уровень развития личности наблюдается в ситуации человека, уме-

ющего жертвовать ради других [25]. В этом смысле заслуживает внимания позиция В.П.Грибанова о сущности интереса в гражданском (экономическом) обороте. Большинство исследователей до него определяли интерес в гражданском праве как экономическую выгоду. Однако В.П.Грибанов настаивал на том, что интерес субъекта в гражданском обороте может и противоречить материальной выгоде, поскольку интерес может быть и неимущественным. Интерес может правильно трактоваться только в связи с пониманием потребностей конкретного человека, отражающими условия его жизнедеятельности. Интерес в гражданском обороте, по В.П.Грибанову, — это осознанная потребность. Исходя из этого, сознательно принятое экономическое решение в соответствии со своими интересами как имущественными, так и неимущественными, является разумным (рациональным), даже если оно экономически не выгодно [26]. В качестве примера можно привести поступки отдельных предпринимателей и простых людей, которые непублично, без всякой выгоды жертвуют средства на благотворительность, уменьшая размер прибыли или дохода. Очевидно, что в таких случаях ведущую роль играют неимущественные ценности: честь, достоинство, человечность и др., а выбор, вне сомнения, рационально делается в пользу этих ценностей.

Как было выявлено в исследованиях пожилого возраста, смыслы жизни в этом периоде имеют вариативность, зависящую от индивидуальных особенностей человека, в частности, одной из смыслообразующих деятельности может быть благотворительность. В таких случаях разумным и рациональным воспринимается жертвенное поведение ради благородной цели [27]. В этом плане кажущиеся нерациональными для других возрастных групп поступки людей серебряного возраста объективно для них самих могут быть исключительно рациональными в плане сохранения основных неимущественных благ личности: здоровья, чести и достоинства, доброго имени, личной тайны, индивидуального облика и др. Рациональное поведение, как уже было от-

мечено, также является личностным, то есть зависит от потребностей личности, её интересов, мировоззрения и иных побудителей жизнедеятельности. В то же время существует явно нерациональное поведение, которое осуществляется однозначно в нарушение интересов личности. Речь идёт о виктимном² поведении. В этом аспекте и поведенческая экономика, и экономическая психология имеют общий научный интерес, требующий интеграции исследований.

**Виктимное поведение как
общий объект исследований
поведенческой экономики
и экономической психологии**

Виктимное поведение — это такое поведение, в результате которого человек неправомерно становится жертвой и претерпевает различного рода ущерб, как экономический, так и моральный [28]. В изучении пожилых жертв экономических преступлений методологические аппараты исследований поведенческой экономики и экономической психологии могут быть объединены. В традиционных экономических исследованиях, как правило, используются теоретические (логические) методы: анализ, синтез, сравнение, обобщение, метод аналогий и эмпирические, например, методы статистики.

Поведенческая экономика — это область исследований, которая, кроме традиционных экономических методов использует и психологические. Ещё в середине XX в. Г. Саймон говорил о необходимости внедрения в поведенческую экономику качественных эмпирических методов исследования, поскольку количественные методы не всегда выявляют механизмы и причины экономического поведения субъектов рынка [29]. При этом в настоящее время некоторые исследователи субъективно полагают, что из психологии в инструментарий поведенческой экономики может быть имплементирован только метод психологического эксперимента [30]. Однако в работах одного из ведущих поведенческих экономи-

стов Р. Талера [31], наиболее активно выступавшего за применение в экономических исследованиях психологических методов, кроме эксперимента, широко применялся один из самых востребованных в современной психологической науке кейс-метод обобщения и анализа реальных жизненных ситуаций (кейсов).

Полагаем, что для выявления виктимологических аспектов экономического поведения пожилого населения лучше всего подойдут кейсы, основанные на материалах судебной и оперативно-следственной практик, в которых жертвы экономических преступлений — люди пожилого возраста. Данные оперативно-следственной и судебной практик являются одним из индикаторов наличия значительных средств у пожилого населения. Эти средства, попадая мошенникам, используются в теневом обороте, что вредит официальной экономике. Государство тратит значительные средства не только на раскрытие преступлений и содержание исправительных учреждений, где отбывают наказание мошенники, но и на поддержку обманутых граждан.

Чтобы показать, что виктимное поведение в ситуациях мошенничества обусловлено спецификой пожилого возраста, а не особенностями национального менталитета, мы изучили информацию на сайтах официальных органов ряда стран (России, Германии, Японии, Китая и Италии), касающуюся жертв мошенничества. Практически везде в статистических отчётах фигурируют данные о том, что чаще всего (от 70% до 80% случаев) жертвами мошенников становятся именно пожилые люди³. Мало того, мы обнаружили практически идентичные фабулы уголовных дел, что свидетельствует о системных ошибках сознания в пожилом возрасте, вне зависимости от истории и культуры страны.

Например, кейсы «Звонок внука»; «Ошибка перевода средств на карточку»;

² Victim — жертва.

³ К примеру, в Японии пожилые жертвы мошенничества составляют 86,6% от общего числа зарегистрированных случаев, не считая корпоративного мошенничества, объектом которого являются компании и организации. — URL: <https://www.minnanokaigo.com/news/kaigo-text/home-care/no464/> (дата обращения: 06.04.2025).

«Возмещение медицинских расходов, налогов, страховых взносов»; «Выставление липовых счетов» и даже экономическое мошенничество с имитацией романтических отношений были обнаружены на всех информационных площадках как в Европе, так и в азиатских странах.

Как оказалось, кейс-метод в сравнительном варианте, когда выявляются идентичные кейсы вне зависимости от страны проживания, позволяет выявить универсальные механизмы психологического воздействия на пожилых жертв экономического мошенничества и сформировать психологические меры профилактики экономической преступности в отношении пожилых людей, сберечь средства граждан, не допустить их вывода в теневой рынок. Этот метод в настоящее время уже фрагментарно используется в психологических работах по изучению экономического поведения жертв мошенничества, но без учёта возрастного фактора [32].

В рамках исследования проанализированы рекомендации по борьбе с мошенничеством в отношении пожилых граждан, разработанные правоохранительными органами разных стран. Поразительно, но вне зависимости от национальных особенностей государств, данные рекомендации являются почти идентичными. Они различаются только в некоторых деталях, отражающих специфику правового и экономического регулирования, специфичную для конкретных правовых систем, что ещё раз доказывает универсальный характер когнитивных ошибок пожилых людей, обусловленных именно возрастом. В свою очередь, это открывает возможности для обмена информационными ресурсами по предупреждению экономического мошенничества между странами и защите пожилого населения от финансовых потерь.

В целом можно сказать, что виктимологические проблемы пожилого населения можно решать, объединяя усилия двух наук: поведенческой экономики и экономической психологии. Поведенческая экономика может описывать экономически ошибочные решения пожилых людей, принятые

в результате неправомерного воздействия на их сознание, приводя статистические данные об объёме и характере финансовых и материальных потерь от мошеннических действий. Она же может описывать технологии воздействия на экономическое сознание пожилого человека, чтобы они были идентифицированы потенциальными пожилыми жертвами в случае их применения мошенниками. Экономическая психология, в свою очередь, должна анализировать экономические кейсы с виктимологической составляющей для нахождения психологических механизмов виктимного поведения и обоснования психологических методов профилактики экономического мошенничества с учётом пожилого возраста.

В качестве дополнительного аргумента актуальности виктимологического подхода для поведенческой экономики и экономической психологии можно привести результаты российской криминологической статистики. Так, по данным МВД РФ, только за январь-февраль 2025 г. доля хищений чужого имущества путём мошенничества составила 22,4% от общего числа зарегистрированных преступлений⁴. По информации Следственного комитета РФ в 2024 г. четверть потерпевших от кибермошенников являлись пожилыми людьми⁵. Статистические подсчёты, выполненные в рамках научных виктимологических исследований, также показывают, что именно люди пенсионного (26%) и предпенсионного возрастов (20%) преимущественно оказываются жертвами мошенников [33]. При этом важно отметить, что в настоящее время пожилое население является не только объектом заботы государства, но и трудовым и финансовым резервом общества, отсюда дополнительная значимость его виктимологической защиты.

* * *

Сложность экономических процессов, провалы в их регулировании традицион-

⁴ МВД РФ. – URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 05.04.2025).

⁵ Следственный комитет РФ. – URL: <https://www.1tv.ru/news/2024-09-25/> (дата обращения: 07.04.2025).

ными методами породили новое явление в экономической научной мысли, названное «поведенческая экономика». Однако в теоретических установках поведенческой экономики вскрыты механизмы, которые могут быть использованы для манипулирования потребительским поведением, в том числе пожилых людей. Поведенческая экономика, ориентированная на пожилое население, в настоящее время должна рассма-

тривать виктимологические проблемы принятия экономических решений в пожилом возрасте, чтобы обеспечить как финансовое, так и психологическое благополучие поздневозрастных граждан. Однако только в интеграции с экономической психологией могут быть вскрыты психологические механизмы манипуляторного воздействия и выработаны меры профилактики экономического мошенничества.

Литература и Интернет-источники

1. **Keating, N.** A research framework for the United Nations decade of healthy ageing (2021–2030) / N. Keating // *European Journal of Ageing*. — 2022. — Vol. 19. — P. 775–787. DOI: 10.1007/s10433-021-00679-7
2. **Gu, H.** Health service disparity, push-pull effect, and elderly migration in ageing China / H. Gu, Y. Jie, X. Lao // *Habitat International*. — 2022. — Vol. 125. — July. — 102581. DOI: 10.1016/j.habitatint.2022.102581
3. **Abaluck, J.** Choice Inconsistencies Among the Elderly: Evidence from Plan Choice in the Medicare Part D Program / J. Abaluck, J. Gruber // *American Economic Review*. — 2011. — Vol. 101. — No. 4. — P. 1180–1210. DOI: 10.1257/aer.101.4.1180
4. **Reisgies, H.** Effectiveness of behavioural economics-informed interventions to promote physical activity: A systematic review and meta-analysis / H. Reisgies, A. Shukri, B. Scheckel, O. Karasch., D. Wiesen, S. Stock, D. Müller // *Social Science & Medicine*. — 2023. — Vol. 338. — December. — 116341. DOI: 10.1016/j.socscimed.2023.116341
5. **McConnell, M.** Behavioral economics and aging / M. McConnell // *The Journal of the Economics of Ageing*. — 2013. — Vol. 1–2. — P. 83–89. DOI: 10.1016/j.jeoa.2013.09.001
6. **Niimi, Y.** The wealth decumulation behavior of the retired elderly in Japan: The relative importance of precautionary saving and bequest motives / Y. Niimi, C. Y. Horioka // *Journal of the Japanese and International Economies*. — 2019. — Vol. 51. — March. — P. 52–63. DOI: 10.1016/j.jjie.2018.10.002
7. **Striani, F.** Life-cycle consumption and life insurance: Empirical evidence from Italian Survey / F. Striani // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. — 2023. — Vol. 619. — June. — 128719. DOI: 10.1016/j.physa.2023.128719
8. **Horioka, C. Y.** The (dis)saving behavior of the aged in Japan / C. Y. Horioka // *Japan and the World Economy*. — 2010. — Vol. 22. — No. 3. — August. — P. 151–158. DOI: 10.1016/j.japwor.2010.02.001
9. **Huang, Y.** Capital or burden? The impact of social networks on elderly care services consumption: Evidence from China / Y. Huang, Y. Ma, J. Ou, J. Ma // *International Review of Economics & Finance*. — 2024. — Vol. 94. — July. — 103416. DOI: 10.1016/j.iref.2024.103416
10. **Будякова, Т. П.** Виктимологические барьеры у пожилых людей к занятиям физической культурой в публичном пространстве / Т. П. Будякова, Г. В. Батуркина // *Теория и практика физической культуры*. — 2023. — № 5. — С. 42–44. EDN: GBAWQC
11. **Wilkinson, N.** An Introduction to Behavioral Economics / N. Wilkinson, M. Klaes. — New York: Palgrave Macmillan, 2012. — 616 p.
12. **Rabin, M.** A perspective on psychology and economics / M. Rabin // *European Economic Review*. — 2002. — Vol. 46. — No. 4–5. — P. 657–685. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00207-0
13. **Simon, H. A.** A Behavioral Model of Rational Choice / H. A. Simon // *Quarterly Journal of Economics*. — 1955. — February. — Vol. 69. — P. 99–118.
14. **Harder, D.** *Mind, Money & Markets* / D. Harder, J. Dorn. — Victoria, Canada: Friesen Press, 2014. — 432 p.

15. **Ruggeri, G.** Work and Leisure in America / G. Ruggeri. — Altona : Friesen Press Publ., 2022. — 294 p. DOI: 10.5281 / zenodo.7068355294p
16. **Anand, P.** The psychology and behavioural economics of poverty / P. Anand, S. Lea // Journal of Economic Psychology. — 2011. — Vol. 32. — Is. 2. — March. — P. 284–293. — DOI: 10.1016 / j.joe.2010.11.004
17. **Капелюшников, Р. И.** Поведенческая экономика: несколько комментариев о рациональности и иррациональности / Р. И. Капелюшников // Журнал экономической теории. — 2018. — Т. 15. — № 3. — С. 359–376. DOI: 10.31063 / 2073-6517 / 2018.15-3.1; EDN: YGLGIP
18. **Tversky, A.** The Framing of decisions and the psychology of choice / A. Tversky, D. Kahneman // Science. — 1981. — Vol. 211. — No. 4481. — P. 453–458.
19. **Maloney, M.** Understanding pension communications at the organizational level: Insights from bounded rationality theory & implications for HRM / M. Maloney, A. McCarthy // Human Resource Management Review. — 2017. — Vol. 27. — No. 2. — P. 338–352. DOI: 10.1016 / j.hrmr.2016.08.001
20. **Gabaix, X.** Shrouded attributes, consumer myopia, and information suppression in competitive markets / X. Gabaix, D. I. Laibson // The Quarterly Journal of Economics. — 2006. — Vol. 121. — No. 2. — P. 505–540. DOI: 10.1162 / qjec.2006.121.2.505
21. **Raja, W.** Musical retail therapy: toward a conceptual framework on the impact of musical elements on consumer mood, attention, and decision-making / W. Raja, D. Allan, C. Bandyopadhyay // Marketing Intelligence & Planning. — 2024. — Vol. 42. — No. 4. — P. 618–646. DOI: 10.1108 / MIP-11-2023-0624
22. **Houdek, P.** Detecting fraud beyond cooked books: Forensic economics, psychology and accounting to olkit / P. Houdek // Organizational Dynamics. — 2020. — Vol. 49. — Is. 4. — October-December. — 100734. DOI: 10.1016 / j.orgdyn.2019.100734
23. **Irlenbusch, B.** Behavioral ethics: how psychology influenced economics and how economics might inform psychology? / B. Irlenbusch, M. C. Villeval // Current Opinion in Psychology. — 2015. — Vol. 6. — December. — P. 87–92. DOI: 10.1016 / j.copsyc.2015.04.004
24. **Садирова, Д. А.** Поведенческая экономика в современной России. Особенности развития / Д. А. Садирова, К. А. Корнилова // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 98–6. — С. 77–80. EDN: SRTIVW
25. **Иванников, В. А.** Понятие личности в психологии / В. А. Иванников // Вопросы психологии. — 2012. — № 5. — С. 125–131. EDN: PYHLHF
26. **Грибанов, В. П.** Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — Москва : Статут, 2000. — 411 с. EDN: QXHLUH
27. **Будякова, Т. П.** Стратегии жизни в пожилом возрасте / Т. П. Будякова, А. Н. Пронина, Е. А. Анטיפина // Психология и психотехника. — 2024. — № 2. — С. 98–113. DOI: 10.7256 / 2454-0722.2024.2.70478; EDN: HERSZX
28. **Будякова, Т. П.** Виктимологические аспекты правового института компенсации морального вреда / Т. П. Будякова. — 2016. — Москва : Юрлитинформ. — 222 с. EDN: UIKWGN
29. **Simon, H. A.** Rationality as Process and as Product of Thought / H. A. Simon // American Economic Review. — 1978. — Vol. 68. — No. 2. — P. 1–16.
30. **Lisciandra, C.** The role of psychology in behavioral economics: The case of social preferences / C. Lisciandra // Studies in History and Philosophy of Science Part A. — 2018. — Vol. 72. — December. — P. 11–21. — DOI: 10.1016 / j.shpsa.2018.01.010
31. **Талер, Р.** Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер. — Москва : Эксмо, 2022. — 542 с.
32. **Latif, L. A.** The Persuasive Strategies of Scammers in Facebook Bitcoin Investment Posts: An Examination through the Elaboration Likelihood Model (ELM) Perspective / L. A. Latif, M. I. Azman // International Journal of Latest Research in Humanities and Social Science. — 2024. — Vol. 7. — Iss. 7. — P. 147–151.
33. **Грязина, А. С.** Мошенничество в отношении пенсионеров / А. С. Грязина, В. С. Тимохина // Вестник Пензенского государственного университета. — 2022. — № 3. — С. 81–84. EDN: FDKCRG

Сведения об авторе:

Будякова Татьяна Петровна, к.психол.н., проф. Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина, Елец, Россия.

Контактная информация: e-mail: budyakovaelez@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1739-837X; РИНЦ SPIN-код: 4495-2285.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-183-194

ELDERLY POPULATION IN TERMS OF BEHAVIORAL ECONOMICS AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Tatyana P. Budyakova

Bunin Yelets State University

(28 kor.1 Kommunarov str., Yelets, Russia, 399770)

E-mail: budyakovaelez@mail.ru

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-00306 «Conceptual foundations of functioning and development of an anti-victim personality in old age». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00306/>.

For citation:

Budyakova T.P. Elderly population in terms of behavioral economics and economic psychology. *Narodonaselenie. [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 183-194. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-183-194 (in Russ.)

Abstract. *The article provides a comparative analysis of theories and methodologies of behavioral economics and economic psychology in terms of the specific features of economic activity of the elderly population. There are identified and compared the main areas of research in the paradigm of behavioral economics, proving the presence of the factor of limited rationality in the behavior of elderly people, and the studies carried out within the framework of economic psychology, which highlight economic preferences, needs and interests caused by the silver age as the main subject of research,. Attention is focused on two key, but alternative features of modern behavioral economics: orientation towards helping consumers and manipulation of consumer choice. It is shown that cognitive distortions of information in the analysis of economic situations, identified by behavioral economists, both unintentionally and in some cases even intentionally, become the basis for deceiving consumers, especially elderly people. Attention is focused on the fact that rationality and irrationality and their role in economic decisions are understood differently in economics and psychology. In psychology, a choice can be considered rational even if it contradicts economic feasibility, but meets the non-property interests of the individual. Due to this, it is argued that behavior of older people, formally considered irrational, can in some cases be assessed as rational, reflecting their specific life situation. The problem of a more qualitative and complete integration of the conceptual and methodological foundations of economic psychology and behavioral economics, as well as expansion of the methodological tools for solving the problems of protecting the elderly population from economic fraud is covered. As a tool for empirical study of victim behavior as a clearly irrational for the elderly, it is proposed to use the case method.*

Keywords: *behavioral economics, economic psychology, limited rationality, elderly population, case method, victim behavior.*

References and Internet sources

1. Keating N. A research framework for the United Nations decade of healthy ageing (2021–2030). *European Journal of Ageing*. 2022. Vol. 19. P. 775–787. DOI: 10.1007/s10433-021-00679-7
2. Gu H., Jie Y., Lao X. Health service disparity, push-pull effect, and elderly migration in ageing China. *Habitat International*. 2022. Vol. 125. May. 102581. DOI: 10.1016/j.habitatint.2022.102581
3. Abaluck J., Gruber J. Choice inconsistencies among the elderly: Evidence from plan choice in the Medicare Part D Program. *American Economic Review*. 2011. Vol. 101. No. 4. P. 1180–1210. DOI: 10.1257/aer.101.4.1180.
4. Reisgies H., Shukri A., Scheckel B., et al. Effectiveness of behavioural economics-informed interventions to promote physical activity: A systematic review and meta-analysis. *Social Science & Medicine*. 2023. Vol. 338. December. 116341. DOI: 10.1016/j.socscimed.2023.116341
5. McConnell M. Behavioral economics and aging. *The Journal of the Economics of Ageing*. 2013. Vol. 1–2. P. 83–89. DOI: 10.1016/j.jeoa.2013.09.001
6. Niimi Y., Horioka C. Y. The wealth decumulation behavior of the retired elderly in Japan: The relative importance of precautionary saving and bequest motives. *Journal of the Japanese and International Economies*. 2019. Vol. 51. March. P. 52–63. DOI: 10.1016/j.jjie.2018.10.002
7. Striani F. Life-cycle consumption and life insurance: Empirical evidence from Italian Survey. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2023. Vol. 619. June. 128719. DOI: 10.1016/j.physa.2023.128719
8. Horioka C. Y. The (dis)saving behavior of the aged in Japan. *Japan and the World Economy*. 2010. Vol. 22. No. 3. August. P. 151–158. DOI: 10.1016/j.japwor.2010.02.001
9. Huang Y., Ma Y., Ou J., Ma J. Capital or burden? The impact of social networks on elderly care services consumption: Evidence from China. *International Review of Economics & Finance*. 2024. Vol. 94. July. 103416. DOI: 10.1016/j.iref.2024.103416
10. Budyakova T. P., Baturkina G. V. Viktimologicheskiye bar'yery u pozhilykh lyudey k zanyatiyam fizicheskoy kul'turoy v publichnom prostranstve [Victimological barriers in older people to physical education in public space]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury [Theory and Practice of Physical Culture]*. 2023. No. 5. P. 42–44. (in Russ.)
11. Wilkinson N., Klaes M. *An Introduction to Behavioral Economics*. New York. Palgrave Macmillan. 2012. 616 p.
12. Rabin M. A perspective on psychology and economics. *European Economic Review*. 2002. Vol. 46. No. 4–5. P. 657–685. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00207-0
13. Simon H. A. A behavioral model of rational choice. *Quarterly Journal of Economics*. 1955. Vol. 69. February. P. 99–118.
14. Harder D., Dorn J. *Mind, Money & Markets*. Victoria. Canada. Friesen Press. 2014. 432 p.
15. Ruggeri G. *Work and Leisure in America*. Altona. Friesen Press. 2022. 294 p. DOI: 10.5281/zenodo.7068355294 p.
16. Anand P., Lea S. The psychology and behavioural economics of poverty. *Journal of Economic Psychology*. 2011. Vol. 32. Iss. 2. March. P. 284–293. DOI: 10.1016/j.joep.2010.11.004
17. Kapelyushnikov R. I. Povedencheskaya ekonomika: neskol'ko kommentariyev o ratsional'nosti i irratsional'nosti [Behavioral economics: some comments on rationality and irrationality]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Journal of Economic Theory]*. 2018. Vol. 15. No. 3. P. 359–376. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-3.1 (in Russ.)
18. Tversky A., Kahneman D. The framing of decisions and the psychology of choice. *Science*. 1981. Vol. 211. No. 4481. P. 453–458.
19. Maloney M., McCarthy A. Understanding pension communications at the organizational level: Insights from bounded rationality theory & implications for HRM. *Human Resource Management Review*. 2017. Vol. 27. No. 2. P. 338–352. DOI: 10.1016/j.hrmr.2016.08.001
20. Gabaix X., Laibson D. I. Shrouded attributes, consumer myopia, and information suppression in competitive markets. *The Quarterly Journal of Economics*. 2006. Vol. 121. No. 2. P. 505–540.

DOI: 10.1162/qjec.2006.121.2.505

21. Raja W., Allan D., Bandyopadhyay C. Musical retail therapy: toward a conceptual framework on the impact of musical elements on consumer mood, attention, and decision-making. *Marketing Intelligence & Planning*. 2024. Vol. 42. No. 4. P. 618–646. DOI: 10.1108/MIP-11-2023-0624
22. Houdek P. Detecting fraud beyond cooked books: Forensic economics, psychology and accounting toolkit. *Organizational Dynamics*. 2020. Vol. 49. Iss. 4. October–December. 100734. DOI: 10.1016/j.orgdyn.2019.100734
23. Irlenbusch B., Villeval M. C. Behavioral ethics: how psychology influenced economics and how economics might inform psychology? *Current Opinion in Psychology*. 2015. Vol. 6. December. P. 87–92. DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.04.004
24. Sadirowa D. A., Kornilova K. A. Povedencheskaya ekonomika v sovremennoy Rossii. Osobennosti razvitiya [Behavioral economics in modern Russia. Features of development. Trends in the development of science and education]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya [Trends in the Development of Science and Education]*. 2022. No. 98. Part 6. P. 77–80. (in Russ.)
25. Ivannikov V. A. Ponyatiye lichnosti v psikhologii [The notion of personality in psychology]. *Voprosy psikhologii [Issues of Psychology]*. 2012. No. 5. P. 125–131. (in Russ.)
26. Griбанov V. P. Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav [Implementation and Protection of Civil Rights]. Moscow. 2000. 411 p. (in Russ.)
27. Budyakova T. P., Pronina A. N., Antipina E. A. Strategii zhizni v pozhilom vozraste [Strategies for living in old age]. *Psikhologiya i psikhotekhnika [Psychology and Psychotechnics]*. 2024. No. 2. P. 98–113. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70478 (in Russ.)
28. Budyakova T. P. Viktimologicheskiye aspekty pravovogo instituta kompensatsii moral'nogo vreda [Victimological Aspects of the Legal Institution of Compensation for Moral Damage]. Moscow. 2016. 222 p. (in Russ.)
29. Simon H. A. Rationality as process and as product of thought. *American Economic Review*. 1978. Vol. 68. No. 2. P. 1–16.
30. Lisciandra C. The role of psychology in behavioral economics: The case of social preferences. *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. 2018. Vol. 72. December. P. 11–21.
31. Thaler R. Novaya povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoy ekonomiki i kak na etom zarabotat' [New Behavioral Economics. Why People Violate the Rules of Traditional Economics and How to Make Money on It]. Moscow. Eksmo. 2022. 542 p. (in Russ.)
32. Latif L. A., Azman M. I. The persuasive strategies of scammers in facebook Bitcoin investment posts: An examination through the elaboration likelihood model (ELM) perspective. *International Journal of Latest Research in Humanities and Social Science*. 2024. Vol. 7. Iss. 7. P. 147–151.
33. Gryazina A. S., Timokhina V. S. Moshennichestvo v otnoshenii pensionerov [Fraud against pensioners]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Penza State University]*. 2022. No. 3. P. 81–84. (in Russ.)

Information about the authors:

Budyakova Tatyana Petrovna, Candidate of Psychology, Professor, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia.

Contact information: e-mail: budyakovaelez@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1739-837X; Elibrary SPIN-code: 4495–2285.

Статья поступила в редакцию 25.08.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-195-209
EDN: CEBGJR

НАЛОГ НА БЕЗДЕТНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ГРУППЫ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Ануреев С. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

E-mail: anureev@bk.ru

Для цитирования:

Ануреев С. В. Налог на бездетность: перспективы и группы плательщиков // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 195-209. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-195-209; EDN: CEBGJR

Аннотация. В России усиливают меры социальной поддержки детей, однако это не увеличивает рождаемость до уровня хотя бы простого воспроизводства населения. В СССР действовал налог на бездетность по ставке 6% с подушным компонентом 150 рублей (при одном ребёнке — 50 рублей), как действенный стимул роста населения. Гипотезой данного исследования является возможность воссоздания этого налога, целью — усиление налогового стимулирования рождаемости в дополнение к социальным выплатам, задачами — обзор возможных решений и моделирование состава плательщиков. Российские и зарубежные ведущие учёные и политики также предлагают ввести налог на бездетность. В исследовании наглядно сопоставлены подушные доходы по децилям благосостояния и по количеству детей. В рамках моделирования налога на бездетность предлагается воздействовать на средний класс и богатых, то есть на три верхних дециля по уровню доходов, преимущественно проживающих в столицах и крупных городах. Условиями этого налога предлагаются персонафицированный учёт поступлений, возможность их последующего использования при рождении и воспитании детей по аналогии с пенсионными взносами и выплатами, а также на медицину деторождения. Аналогом поэтапного введения этого налога может быть туристический налог, а также прогрессия НДФЛ в сочетании с увеличением вычета на детей. Полученный результат исходя из статистических данных 2023 г.: в месяц примерно по 1 тыс. рублей на молодёжь до 30 лет по ставке 2%, 4,4 тыс. рублей на бездетных людей в возрасте 30–49 лет по ставке 6%, 1,5 тыс. рублей на малолетних по ставке 2%, а суммарно на всех предлагаемых плательщиков в год — 1–1,65 трлн рублей.

Ключевые слова: СССР, малолетность, «чайлд-фри», рождаемость, планирование семьи, налоговые вычеты, социальные выплаты, нуждаемость.

Введение

Демографические проблемы, сокращение численности населения из-за низкой рождаемости и старение населения становятся одним из основных вызовов для нашей страны. «Согласно данным Росстата, число родившихся на 1000 человек в 2023 г. составило 8,7, что является самым низким показателем с 1999 года. По прогнозам Росстата, с 2023 по 2027 г. рождаемость в России снизится с 1244,5 тыс. младенцев до 1140,4 тыс.»¹. Президент России В. В. Путин заявлял в 2023 г., «что ситуация с рождаемостью остаётся сложной»², а в 2024 г., что «этот процесс связан с образом жизни, с ростом благосостояния, с другими ценностными установками»³. Данные из «Демографического ежегодника» Росстата указывают на самую сложную ситуацию с рождаемостью среди молодёжи, падение которой не компенсируется умеренным ростом рождаемости в зрелом возрасте. Женщины в возрасте 18–24 года родили 269 тыс. младенцев в 2022 г., но в 1990 г. — 949 тыс., в возрасте 25–29 лет — соответственно 346 и 537 тыс. младенцев, а в возрасте 30–39 лет — 621 и 426 тысяч. Суммарно число родившихся составляло 1304 тыс. в 2022 г. и 1989 тыс. в 1990 году⁴. Не имеют детей 33% женщин и 34% мужчин, одного ребёнка родили 34% женщин и 31% мужчин, 2 детей — 25 и 27%, 3 и более детей — по 8%⁵.

Россия за последние десятилетия приняла и увеличила ряд выплат по стимулированию рождаемости. Самыми значимыми из них стали «материнский капитал»

(в условиях 2024 г. — 630 тыс. рублей за первого ребёнка, 833 тыс. рублей — за второго и последующих детей, если ранее такой выплаты не было), единое пособие на детей (50%, 75% или 100% от регионального прожиточного минимума — в Москве в диапазоне от 9,8 до 25,9 тыс. рублей), вычет по НДФЛ (с его существенным увеличением с 2025 г. до 1,4, 2,8 и 6 тыс. рублей за 1–2–3 детей). Частично с заменой на единое пособие продолжают действовать пособия для беременных женщин, по беременности и родам, при рождении ребёнка, ежемесячная выплата за первого ребёнка до 3 лет и по уходу за ребёнком до 1,5 лет. Основные региональные меры поддержки включают субсидии на оплату услуг ЖКХ (при превышении норматива) и транспорта (общественного городского, железнодорожного, парковок)⁶. «Минфин оценил расходы на «детские» статьи бюджета в 3 трлн рублей, из которых 1,3 трлн рублей потратят на выплату пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка, на выплату материнского капитала — 207 млрд рублей»⁷. Однако статистика рождаемости чётко показывает, что перечисленные выплаты постепенно снижают свою действенность, несмотря на постоянные индексации и новации, особенно для молодёжи.

Целью данного исследования является рассмотрение налогового воздействия на бездетность и малодетность, как важного дополнения бюджетным субсидиям поощрения рождаемости и многодетности. Задачами исследования являются анализ распределения семей по уровню благосостояния по децилям и числу детей, обзор мнений и возможных решений политиков и экономистов по этой проблематике, моделирование налоговой корректировки такого распределения. Основной гипотезой исследования является целесообразность воспроизведения основных параметров со-

¹ Росстат зафиксировал в 2023 году антирекорд по числу родившихся в РФ с 1999 года // Коммерсант. 17.02.2024. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6523337> (дата обращения: 17.02.2024).

² В. В. Путин заявил, что ситуация с рождаемостью в России остаётся сложной // ТАСС. 22.08.2023. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/18561355> (дата обращения: 22.08.2023).

³ В. В. Путин выделил несколько причин снижения рождаемости в России // ТАСС. 22.02.2024. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/20058471> (дата обращения: 22.02.2024).

⁴ Родившиеся живыми по возрасту матери. Возрастные коэффициенты рождаемости // Демографический ежегодник России. 2023. — Москва: Росстат. — С. 62–63.

⁵ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 20.02.2024).

⁶ Какие пособия и льготы может получить семья с детьми // Госуслуги. — URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/add_support/3214 (дата обращения: 21.02.2024).

⁷ Минфин оценил расходы на «детские» статьи бюджета в 3 трлн рублей // Коммерсант. 2.10.2023. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6251549> (дата обращения: 02.10.2023).

ветского налога на бездетность, доказавшего свою результативность.

По сравнению с семьями с несколькими детьми, бездетные и малодетные граждане в молодости и зрелости имеют более высокие подушевые доходы и уровень жизни, поскольку имеют больше времени для работы, не несут или несут незначительные расходы на детей. Бездетные и малодетные в старости опираются на государственные выплаты за счёт налогов и взносов выросших детей тех, кто посвятил детям много времени и расходов. Поэтому благосостояние бездетных и малодетных требует фискального воздействия для достижения выравнивания уровня жизни в пользу семей с детьми, а также как источника финансирования растущих социальных выплат семьям с детьми и медицины деторождения.

Методология и источники исследования

Первой информационной основой исследования являются отечественные научные публикации последних лет по тематике социальных выплат, налоговых вычетов и политики рождаемости, второй — публикации в ключевых СМИ аналогичной направленности, третьей — данные Росстата и Федеральной налоговой службы РФ по уровню доходов и численности детей. Основными методами исследования является научный обзор публикаций, как логическая опора, а также моделирование на основе количественных данных.

Налог на бездетность был заметной частью налоговой системы СССР на фоне простоты имевшихся налогов. Но современные российские учёные уделяют крайне мало внимания этому налогу или его модификациям, что видно по публикациям в РИНЦ. Так, по словосочетаниям «налог на бездетность» и «налог на холостяков» в названии имеется 9 статей, проиндексированные за все время работы РИНЦ, а по этим же словосочетаниям в названии, аннотации и ключевым словам по всем видам публикаций — 24. Для сравнения, по словам «материнский капитал» РИНЦ «выдаёт» 487 научных статей с такими словами в названии

и 2235 публикаций всех видов с учётом названия, аннотации и ключевых слов.

Следует сослаться на доступные отечественные научные публикации по этому налогу. Т. Д. Братко упоминала налог на бездетность в контексте справедливости налогообложения: «бездетный гражданин не получает никакой дополнительной выгоды от пользования экономическими благами, что свидетельствует об отсутствии экономического основания налога на бездетность» [1]. А. В. Белоус и Н. В. Бородаенко изучили историю и практику ряда стран, сделав вывод, что «введение налога на бездетность не является целесообразным» [2]. Умеренно отрицательное отношение к этому налогу продемонстрировал С. Н. Грошев, писавший про дискриминацию этого налога в отношении мужчин [3]. Про дискриминацию также писали О. В. Чепик и М. В. Масальская, только применительно к «правам малообеспеченных слоёв населения, не имеющих возможности содержать детей финансово и которым пришлось бы уплачивать налог» [4]. О. В. Морозова сделала вывод: «нужно, чтобы решение рожать не было продиктовано только нежеланием платить этот налог» [5]. Ю. А. Васильева в 2012 г. предлагала создать «Материнский фонд» с «передачей ему выплат пособий по материнству и программы «материнский капитал», а источниками фонда сделать страховые взносы работодателей и налог на бездетность» [6]. В. И. Филоненко и соавторы указали, что «в плательщики налога на бездетность должны попасть бросающие своих детей, бездетные детородного возраста с высоким уровнем дохода и бездетные в браке» [7].

Российские СМИ крайне редко обращаются к тематике рассматриваемого налога или его альтернатив. СМИ сообщали о предложении депутата Госдумы Е. Фёдорова ввести этот налог в декабре 2023 г. и июне 2024 г.⁸, председатель «Совета матерей» Т. Буцкая предлагала этот налог в октябре 2020 г., но без поддержки ни в Минфине РФ,

⁸ Депутат Евгений Фёдоров призвал ввести в России налог на бездетность // Говорит Москва. 27.06.2024. — URL: <https://govoritmoskva.ru/news/415701> (дата обращения: 27.06.2024).

ни среди депутатов и сенаторов⁹. Премьер-министр Д. А. Медведев «высказался против возрождения советского налога на холостяков и бездетных»¹⁰ в 2016 году.

Одна из причин низкой рождаемости в России — одиночество многих людей детородного возраста, а не уровень доходов. По данным Росстата, особенно выделяются одиночеством две столицы с высоким средним уровнем доходов: «Более 40% домохозяйств в России состоят из одного человека, а их доля выросла вдвое за 20 лет. По этому показателю Россия догнала европейские страны. Доля одиноких людей трудоспособного возраста в Москве составляет 67%, а в Санкт-Петербурге — 64%. На неполные семьи матерей-одиночек приходится 37,7% от всех семей с детьми в 2021 году»¹¹.

Одинокие богатые люди ещё в 1980-х гг. были предметом внимания зарубежных учёных и СМИ. Тогда появился акроним DINK (dual income, no kids) — «двойной доход без детей». В Китае Ху Цзие заявил о необходимости более высоких налогов на бездетных, упомянув ловушку низкой рождаемости и аббревиатуру DINK¹². Англоязычные СМИ также мало обсуждают этот налог, называемый на английском «childlessness tax» или «bachelor tax». Такие публикации больше рассматривают подоходный налог в части вычетов для семей с детьми [8], которые были увеличены в 2021 г. в США. Вторым по крайне ограниченному упоминанию являются социальные взносы в Германии, в составе которых с 2020 г. выделена немного повышенная ставка для бездетных (3,4%

вместо стандартной 3,05% для работников и 1,875% вместо стандартных 1,525% для работодателей)¹³. В остальном публикации рассматривают исторический опыт отдельных стран второй половины XX века. Только отдельные политики в США и Британии высказываются о введении налога на бездетность. Вице-президент США Д. Венс выступил в 2021 г. за более высокие налоги для американцев без детей¹⁴. Британский демограф П. Морланд высказался про «приоритет пенсионерам, а не работающим, дискриминацию беременных на рабочем месте и недоступность ухода за детьми»¹⁵, косвенно выступая за налог на бездетность.

Моделирование советского налога на бездетность в современных российских условиях

По специфике налога на бездетность, также именуемого как налог на холостяков, следует оттолкнуться от книги «История финансов СССР» под редакцией В. П. Дьяченко: «В 1941 г. был введён налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, который сохранился и после окончания Великой Отечественной войны. Налогом облагались граждане определённого возраста (мужчины от 20 до 50 лет, женщины от 20 до 45 лет), имевшие менее трёх детей или не имеющие детей. К уплате налога привлекались также и граждане, не имеющие самостоятельных источников дохода. С отдельных категорий плательщиков налог взимался в твёрдых ставках независимо от размера дохода. В отношении рабочих и служащих, с бездетных взимался налог в размере 6% заработ-

⁹ Минфин не планирует водить налог на бездетность в России // РИА Новости. 12.10.2020. — URL: <https://ria.ru/20201012/bezdetnost-1579475229.html> (дата обращения: 12.10.2020).

¹⁰ Медведев высказался против возрождения советского налога на холостяков и бездетных // ТАСС. 28.03.2016. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/3156869> (дата обращения: 28.03.2016).

¹¹ Перепись показала рост числа одиночек в России // РБК. 19.08.2023. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2023/64dcdcd9a794758fcac52e4> (дата обращения: 19.08.2023).

¹² Профессор Университета политологии и права: Нам следует не только создать фонд рождаемости, но и обложить налогом DINK // Sina Finance-We Media Comprehensive. 17.08.2018. — URL: <http://finance.sina.com.cn/review/jcgc/2018-08-17/doc-ihhvciw4071523.shtml> (дата обращения: 17.08.2018).

¹³ World wide Tax Summaries. Germany. Individual — Other Tax. PWC. — URL: <https://taxsummaries.pwc.com/germany/individual/other-taxes> <https://www.euraxess.de/germany/informationen-beratung/sozialversicherung-und-optionale-versicherungen/long-term-care>

¹⁴ Vance argued for higher tax rate on childless Americans in 2021 interview. July 26, 2024. — URL: <https://abcnews.go.com/US/vance-argued-higher-tax-rate-childless-americans-2021/story?id=112284318> (дата обращения: 17.08.2024).

¹⁵ Tax the childless! Encourage 'our own' to breed! What an asinine, inhumane way to tackle a population crisis. The Guardian. 4 Jul 2022. — URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jul/04/population-crisis-britain-paul-morland> (дата обращения: 17.08.2024).

ка, при наличии одного ребёнка — 1%, при наличии двух детей — 0,5%. С колхозников, единоличников, подлежащих обложению сельхозналогом, налог взимался по твёрдым ставкам: с бездетных — 150 рублей, с имеющих одного ребёнка — 50, с имеющих двоих детей — 25 рублей в год. Остальные граждане уплачивали налог в размере 90, 30 и 15 рублей в год. Вводя этот налог, государство увеличило пособия многодетным и одиноким матерям и расширило ассигнования на учреждения по охране материнства и детства». [9, с. 408–409].

Для сравнения, ставка советского налога сопоставима с почти половиной от ставки 13% современного налога на доходы физических лиц, а также со ставкой части социальных взносов работодателей на обязательное медицинское страхование 5,1%. Умножив среднюю зарплату 73,7 тыс. рублей в месяц в 2023 г. (по данным Росстата) на ставку налога 6%, получим сумму налога 4,4 тыс. рублей, а если от медианной зарплаты 46,8 тыс. рублей — то 2,8 тыс. рублей. В СССР средняя зарплата по всему народному хозяйству составляла 33, 81, 122 и 169 рублей в 1940, 1960, 1970 и 1980 годах соответственно¹⁶. Получается соответствие подушной части сначала нескольким средним месячным зарплатам, с движением к одной месячной по мере роста зарплат, до 90% от средней зарплаты к 1980 году. В современных реалиях подушная часть налога была бы порядка 66 тыс. рублей в год (90% от средней) или 5,5 тыс. рублей ежемесячно, а от медианной — 4 тыс. рублей в месяц.

Моделирование воздействия налога на бездетность целесообразно на основе данных Росстата: по уровню и составу располагаемых ресурсов, денежных доходов и расходов на потребление домашних хозяйств по наличию детей, по числу детей, а также по децильным группам по уровню

доходов¹⁷ — ключевые из этих данных обобщены в табл. 1 и на рис. 1.

Помимо данных табл. 1, целесообразно прокомментировать ещё некоторые цифры Росстата той же направленности. В 2023 г. денежный доход в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц составил у домохозяйств с детьми 30,2 тыс. рублей, а не имеющих детей — 41,2 тыс. рублей. Расходы на потребление составили 21,6 тыс. рублей в среднем на члена семьи с детьми и 30,9 тыс. рублей — без детей, в т.ч. расходы на питание 7,9 и 11,5 тыс. рублей, на непродовольственные товары 8,2 и 11,2 тыс. рублей соответственно. Ещё более удручающая картина характерна для многодетных семей. В 2023 г. при одном ребёнке в семье располагаемые ресурсы и расход на потребление составили 38,4 и 24,8 тыс. рублей на члена семьи, при двух детях — 30,9 и 20,8 тыс. рублей, а при трёх и более детях — 23,3 и 16,8 тыс. рублей соответственно. Косвенно получается, что один ребёнок многодетной семьи обходится родителям в среднем в 16,8 тыс. рублей в месяц.

СМИ со ссылкой на различные социологические опросы сообщали о таких расходах на детей: «1 канал» сообщал о 10–20 тыс. рублей¹⁸ в декабре 2023 г., «Ведомости» — до 30 тыс. рублей или трети ежемесячного дохода¹⁹ в июне 2022 г., ТАСС — 15–30–50 тыс. рублей для двух третей респондентов²⁰ в мае 2021 года. Росстат в августе 2022 г. посчитал, что только собрать первоклассника в школу стоило 22,3 тыс. руб-

¹⁷ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств. 1.1.2. по наличию детей. 1.1.3. по числу детей 1.1.4. По 10-процентм (децильным группам). — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁸ Большинство семей тратит на одного ребёнка от 10 до 20 тыс. рублей в месяц // 1 канал. 6.12.2023. — URL: <https://www.1tv.ru/podcasts/legkie-dengi/vypuski/u-nas-u-roven-posobiy-nastolko-nebolshoy-cto-radi-nego-nikto-ne-reshaetsya-rodit-rebenka-skolko-stoit-vyrastit-rebenka-podcast-legkie-dengi> (дата обращения: 06.12.2023).

¹⁹ Общий вклад: россияне оценили, сколько родители тратят на обеспечение ребенка // Ведомости. 21.06.2022. — URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/06/21/obschii-vklad-rossiyane-otsenili-skolko-roditeli-tratyat-na-obespechenie-rebenka (дата обращения: 21.06.2022).

²⁰ Россияне оценили расходы на содержание ребёнка // ТАСС. 31.05.2021. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/11514087> (дата обращения: 31.05.2021).

¹⁶ Оплата труда и доходы населения. Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства // Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. Проект «Исторические материалы». — URL: <https://istmat.org/node/9304> (дата обращения: 15.04.2022).

Таблица 1

Доходы семей по децильным группам и количеству детей в 2023 году

Table 1

Families' income by decile groups and by number of children in 2023

Показатель	Ряды данных									
Дециль уровня доходов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Доход дециля (в тыс. рублей на человека в месяц)	9,8	14,4	17,6	20,7	24,1	28,5	34,2	42,5	55,5	107
Дети, количество*	**	**	**	3+	2		1	0	н.д.	н.д.
Доход в зависимости от количества детей (в тыс. рублей на человека в месяц)	**	**	**	20,2	26,8		34,6	41,2	н.д.	н.д.

*статистика по децилям и числу детей публикуется Росстатом отдельно — без сочетания, акцент на которое является авторским представлением данных.

**семьи с детьми не попадают в самые низкие 1–3 децили по доходам вследствие «Единого пособия на детей», которое поднимает среднедушевой доход выше границы прожиточного минимума, совпадающего с 4 децилем.

Источник: обобщено автором на основе данных Росстата по доходам, расходам и потреблению домашних хозяйств в 2023 году.

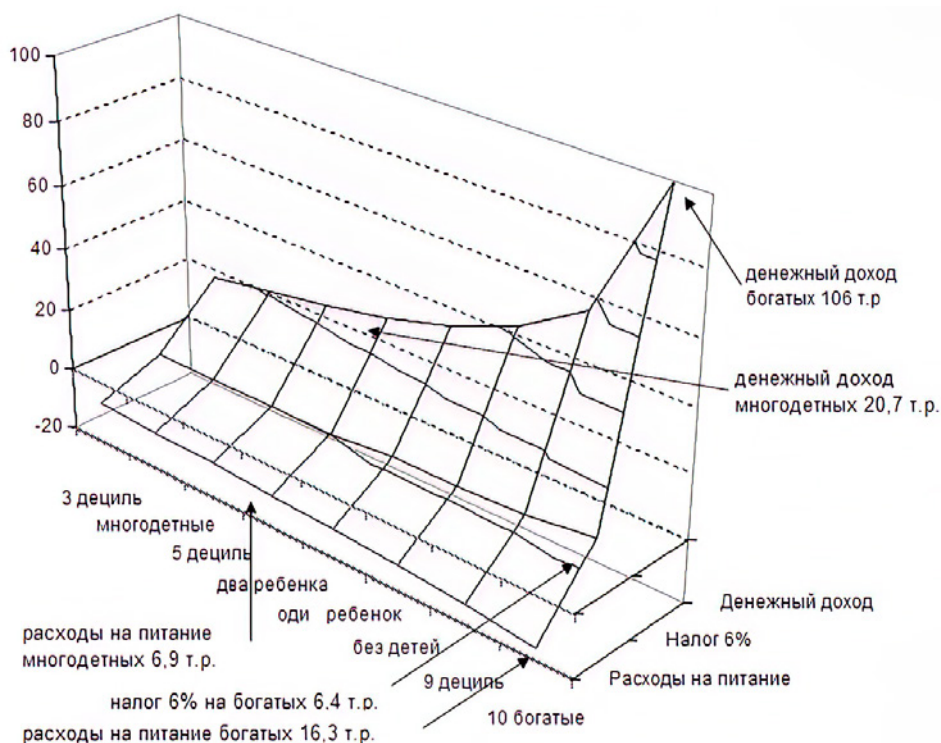

Рис. 1. Распределение доходов и расходов на питание, возможного налога на бездетных, по децилям и количеству детей (тыс. руб. на человека в месяц)

Fig. 1. Distribution of income and expenses for food, possible tax on the childless, by deciles and number of children (thousand rubles per person per month)

Источник: составлено автором на основе данных Росстата по доходам, расходам и потреблению домашних хозяйств в 2023 году.

лей для мальчика и 26,8 тыс. рублей — для девочки²¹. Даже если отталкиваться от самой скромной из упомянутых цифр расходов на ребёнка в 15–16 тыс. рублей в месяц, то гипотетический налог на бездетность 3–4 тыс. рублей соответствует лишь четверти этих расходов. Либо этот налог соответствует разнице в расходах на питание на члена семьи без детей и с детьми (11,5–7,9=3,6 тыс. рублей). Собрать же ребёнка к школе обойдётся в налог на бездетность за 4,5–6 месяцев.

Этапы введения и потенциальные группы плательщиков налога на бездетность

В последние годы в России введён ряд новых и усовершенствованных налогов, и делается это с малых величин постепенно. Так, прогрессия НДФЛ была введена сначала в 2021 г. с небольшой повышенной ставкой 15% к базовой ставке 13%, а затем с 2025 г. — уже ряд ставок вырос до 22%. Туристический налог сначала был как «Курортный сбор» с 2018 г. в отдельных регионах в размере 50–100 рублей в день с человека, затем принят уже как налог с 2025 г. по ставке 1% с поэтапным увеличением ставки до 5% к 2029 году.

Что будет, если налог на бездетность вводить по ставке 1–2%? Тогда для человека со средней зарплатой 73,7 тыс. рублей в цифрах 2023 г. сумма налога составит 740–1480 рублей в месяц. Именно на среднюю, а не медианную зарплату следует ориентироваться исходя из указанного выше распределения семей по количеству детей и по доходным децилям. Для бездетных представителей среднего класса траты 1,5 тыс. рублей в месяц будут необременительными, но будут выполнять социально-воспитательную роль. В школьном учебнике «Обществознание» классическим объяснением этой функции являются повышенные акцизы и цены на вредные для здоровья и общества товары (алкоголь, табак,

сладкие газированные напитки). С позиций долгосрочного развития общества, бездетность и малодетность являются ещё большим вызовом, чем алкоголь и табак.

Отдельное внимание целесообразно уделить регионам с высокими средними зарплатами, особенно столичным. Именно Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область являются демографическими воронками, «высасывающими» деятельное население со всей страны. По данным Росстата, средняя зарплата в 2023 г. составила в Москве — 136,4 тыс. рублей, Санкт-Петербурге — 95,1 тыс. рублей, Московской области — 82,5 тыс. рублей, Ленинградской области — 67,3 тыс. рублей, но в соседних областях Смоленской — 48,4 тыс., Владимирской — 52,0 тыс., Новгородской — 54,3 тыс. рублей²². «Москва и Подмосковье станут лидерами по естественной убыли населения до 2045 г., прогнозирует Росстат, но с учётом миграции число жителей столичных регионов не упадёт»²³. Если в среднем по стране доля одиноких людей трудоспособного возраста составляет 40%, то в Москве — 67%, а в Санкт-Петербурге — 64%²⁴, с поправкой именно на официально зарегистрированное население.

В.Н.Архангельский с коллегами писал, что «показатели рождаемости в столичных мегаполисах России ниже среднероссийских, а у жителей Москвы сохраняется ориентация на малодетность, откладывание рождений» [10]. Д.А.Синицына указывала на «повышение среднего возраста матери при рождении первого ребёнка в мегаполисах, где потенциальные матери имеют больше возможностей для построения карьеры, образования и финансовой безопасности, откладывают деторождение»

²² Средняя зарплата в России в 2024 году. — URL: <https://gogov.ru/articles/average-salary> (дата обращения: 20.04.2024).

²³ Росстат оценил убыль и прирост населения по регионам через 20 лет // РБК. 30.01.2024. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/01/2024/65b775d99a794712828e47af> (дата обращения: 30.01.2024).

²⁴ Перепись показала рост числа одиночек в России // РБК. 19.08.2023. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2023/64dcdcd9a794758fcac52e4> (дата обращения: 19.08.2023).

²¹ Росстат представляет данные о динамике изменения цен на товары для школьников. 17.08.2022. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/177317> (дата обращения: 17.08.2022).

[11]. Поэтому, целесообразно рассмотреть введение налога на бездетность первоначально в столичных регионах, поскольку именно в них более высокие доходы населения сочетаются с откладыванием деторождения. Аналогом введения налогов сначала в отдельных регионах являются «Курортный сбор» — «Туристический налог», а также «Торговый сбор» и «платные парковки» в центре города, введённые сначала в Москве, а позднее появившиеся и в других регионах страны.

Молодёжь объективно не получает высоких доходов, хотя и стремится их получать, поэтому к ним целесообразно применить медианную зарплату как базу налога. Именно среди молодёжи распространяется идеология «чайлд-фри» (идеология «бездетности», пропаганда которой запрещена в России), закладывающая долгосрочные демографические проблемы, на устранение которых должны быть направлена политика государства, в том числе налоговая. Налог на бездетность на молодёжь, даже по умеренной ставке с небольшой зарплаты, будет выполнять важную напоминающую, воспитательную функцию.

Российские учёные уделяют внимание проблематике «чайлд-фри», но без материального аспекта. Ф.С. Пономарев исследовал «феномен «чайлд-фри», особенно среди молодых россиян, склонных воздерживаться от деторождения из-за трудностей с жильём и доходами, [но] государственное финансовое стимулирование деторождения решает ключевые причины отказа» [12]. И.В. Тихонова и Ю.В. Мисюк связали ««чайлд-фри» с высоким уровнем родительского стресса, с угрозой потери контроля над собственной жизнью, который выше у девушек, чем у юношей, особенно в периоды дошкольного возраста ребёнка» [13]. Т.А. Гурко писала, что «не более одного процента юношей и девушек можно отнести к «чайлд-фри», но они признают, что родительство — это ответственная и трудная работа, требующая значительных затрат времени и сил» [14].

Часть ответственности за стимулирование рождаемости и налога на бездетность

следует возложить на работодателя. Возможно, часть процентных пунктов ставки налога на бездетность переложить с аналога НДФЛ, уплачиваемого работником, на аналог социальных взносов, уплачиваемых работодателем. Пропорция может быть 3+3% на бездетных и 1+1% на малодетных, либо иная пропорция. Подобная двойственность плательщиков существует в Германии, как указано выше. В настоящее время работодатель связан с выплатами пособия по беременности и родам (декретный отпуск 140–194 дня в размере от МРОТ до 100% зарплаты) и пособия по уходу за ребёнком до 1,5 лет. Формально эти пособия выплачивает Социальный фонд РФ, но в привязке к истории социальных взносов работодателя за работающую до родов женщину. До 2021 г. работодатель сам выплачивал такие пособия, сначала начисляя всю сумму социальной части взноса и затем вычитая выплаты.

Российские учёные неоднократно исследовали проблематику отношений работодателей и женщин с детьми. А.А. Ермолина с коллегами определили «штраф за материнство», когда «в третий и четвёртый годы средняя заработная плата рожавших женщин снижается на 35–37% от заработной платы в год, предшествовавший рождению ребёнка» [15]. Н.В. Локтюхина и М.А. Буранова указывали, что «испытывают трудности с поиском работы молодёжь, одинокие и многодетные родители, поскольку дополнительные гарантии в сфере труда на работодателя снижают его заинтересованность в трудоустройстве таких категорий» [16]. Хотя Е.О. Смолева делала упор на «внутренние барьеры и личностные качества — слабо выраженная субъектность и экстермальность у многодетных родителей, неразвитость профессиональных навыков и лень молодёжи» [17].

Следует ещё раз заострить внимание на страховых взносах как основы пенсионного обеспечения, а эти взносы зависят именно от работодателей и их отношения к матерям. И.А. Кулькова исследовала влияние возраста выхода на пенсию и многодетность, выявив, что «более половины хо-

тели бы иметь двоих детей, 22,4% — быть многодетными, а каждая пятая (21,8%) — родить одного ребёнка, 68,4% женщин не намерены менять свои репродуктивные планы в связи с повышением пенсионного возраста» [18].

Страховые взносы на медицинское и пенсионное обеспечение, с которыми сравнивается обсуждаемый налог на бездетность, могут также стать аналогом персонализированного учёта и целевого характера сумм налога на бездетность. Противники новых налогов, и налог на бездетность не исключение, не видят прямых личных выгод от их уплат в виде оказываемых им государственных услуг. По пенсионным взносам позиция людей уже не столь однозначна, особенно в зрелом возрасте, поскольку они понимают связь взносов и своей приближающейся пенсии.

Что если суммы уплачиваемого налога на бездетность и малодетность допустить к использованию плательщиками на медицинскую деторождения? К.Е.Моисеева с коллегами исследовали пациенток центра репродукции и планирования семьи, «среды которых большая часть были жительницами мегаполиса, работали, находились в зарегистрированном браке и не имели детей, а среди пациенток до 35 лет преобладали женщины со средним уровнем дохода, а старше 35 лет — с высоким» [19]. И.В.Твердохлебова и Е.В.Ермолаева, исследуя рынок платных медицинских услуг, заключили, что «в большинстве случаев полис ДМС приобретают крупные компании для своих сотрудников, на долю индивидуальных клиентов приходится лишь 5–10%, а крупнейшими сегментами рынка частной медицины являются стоматология — 60%, гинекология — 20%, диагностика — 10%» [20].

Фискальный эффект налога на бездетность

Каков потенциальный состав плательщиков этого налога? Должна ли молодёжь сразу платить этот налог, как в советское время, с постоянным напоминанием о важ-

ности рождения детей, либо начинает платить постепенно с повышением ставок, может иметь возможность «пожить для себя»? Должны ли люди зрелого и предпенсионного возраста за границей массового детородного возраста оставаться плательщиками, неся часть социально-общественных издержек за нерождённых ими детей? Должны ли одинокие и малосемейные с низкими доходами, реально низкими при официальной занятости или мнимо низкими при теневой занятости платить такой налог, либо налог должен распространяться только на богатых и средний класс?

Данные Росстата «Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году»²⁵ показывают, что 33% женщин и 34% мужчин не имеют детей, а ещё 34% и 31% имеют по одному ребёнку. Людей в возрасте 30–49 лет в нашей стране было в 2022 г. 46 млн человек²⁶, и примерно по 15 млн человек из них — потенциальные плательщики налога на бездетность и малодетность. Бездетные и малодетные в основном входят в децили с высокими доходами, и к ним можно применить среднюю зарплату как базу налога. На людей в возрасте 20–24 года приходилось 7,14 млн человек, 25–29 лет — 7,99 млн человек, родили женщины этих возрастных групп 229 и 346 тыс. детей. Сопоставление данных показывает, что детей имеют 33% молодёжи в возрасте 20–24 года и 43% в возрасте 25–29 лет. То есть 4,8 и 4,6 млн человек этих возрастных групп могут рассматриваться как плательщики налога на бездетность. По данным Росстата, население трудоспособного возраста составляет 77 млн человек, то есть на каждый дециль уровня доходов приходится 7,7 млн человек. На 3 самых «богатых» дециля (8, 9 и 10), которые концентрируют бездетных, приходится порядка 23 млн человек потенциальных плательщиков налога на бездетность. Статистически 65% богатых —

²⁵ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Росстат. 18.05.2023. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 18.05.2023).

²⁶ Распределение населения по полу и возрасту // Демографический ежегодник России 2023 // Росстат. 18.05.2023. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 18.05.2023).

одинокое, если отталкиваться от данных по Москве и Санкт-Петербургу. При этом на три «богатых» дециля приходится 60% всех доходов населения (53 из 88 трлн рублей за 2023 г.).

Предположим ставку налога на бездетность 6% (уровня советского времени) и малодетность — 2%. Ставка 6% является прямым аналогом советской ставки в рамках гипотезы данного исследования о воссоздании советского налога, а ставка 2% — сочетание советского подушевого компонента на 1 ребёнка 50 рублей как трети этого компонента на бездетного взрослого 150 рублей и ставки 6%. Также допустим, что около 20% потенциальных плательщиков избегают этого налога в силу социальных, медицинских оснований, бедности или теневой занятости. Расчёт величины поступлений потенциального налога на бездетных и малодетных показывает порядка 0,9 трлн рублей (детали расчёта

представлены в формуле 1 и в табл. 2). Альтернативный расчёт поступлений налога от величины доходов трёх «богатых» децилей 60%, их одиночества 65% и охвата 80% даёт уже 1,65 трлн рублей (формула 2).

$$\sum T = [Py0 \times Rm \times t1 + Pm0 \times Ra \times to + Pm1 \times Ra \times t1] \times Co, \quad (1)$$

$$\sum T = \sum Rr \times ChFr \times t1 \times Co, \quad (2)$$

где: $\sum T$ — сумма поступлений налога на бездетность и малодетность; Rm , Ra — медианные (для молодёжи) и средние (для зрелых) доходы на душу населения; $\sum Rr$ — совокупные доходы населения богатых децилей; $Py0$, $Py1$, $Pm0$, $Pm1$ — численность молодёжи и взрослых без детей и с одним ребёнком; $t0$, $t1$ — ставка налога на бездетных и малодетных; Co — охват населения налогом на бездетность; $ChFr$ — доля бездетных среди богатых, достигающая 65%.

Таблица 2

Потенциальные поступления налога на бездетность и малодетность, в трлн рублей, по статистическим данным за 2023 год

Table 2

Potential tax revenues from the tax on childless people and small families, in trillion rubles, according to statistics for 2023

Возрастная группа		Плательщики		База и ставка налога		Сумма налога	
возраст, лет	дети	численность, млн человек	охват, %	доходы, тыс. рублей	ставка налога, %	в месяц на человека, тыс. рублей	в год на группу, млрд рублей
20–29	0	9,4	80	46,8	2	0,94	84
30–49	0	15	80	73,7	6	4,42	637
30–49	1	15	80	73,7	2	1,47	212
Итого	0–1	39,4	80	194,2	2–6	0,94–4,42	933

Источник: составлено автором.

Для сравнения, по оценкам Минфина РФ, весь «детский» бюджет на 2024 г. составляет около 3 трлн рублей, и за счёт налога на бездетность можно покрывать около 1/3 этих расходов. Ещё для сравнения, по данным ФНС РФ, поступления от НДФЛ, а этот налог с похожей базой исчисления советского налога на бездетность, составили 6,86 трлн рублей — почти в 7 раз больше рассматриваемого налога. Преимущественное распространение

потенциального налога на бездетность на богатых делает этот налог близким к реформе НДФЛ 2024 года. С опорой на данные Росстата, выше акцентировалось существенное снижение подушевых доходов именно в семьях с детьми, и, наоборот, преимущественно высокие доходы у бездетных. Прогрессия ставок НДФЛ усиливается именно на богатых, а налоговые вычеты с понижением ставки — на небогатых семейных людей.

Закключение

Рождаемость в России сокращается, несмотря на внушительный и постоянно индексируемый материнский капитал, единое пособие на детей и модификацию вычета по НДФЛ, многие другие меры бюджетной поддержки, суммарно порядка 3 трлн рублей. Российские учёные и политики крайне редко исследуют и высказываются по налогу на бездетность или его возможным аналогам, как и в крупнейших зарубежных странах. Хотя Германия такой налог ввела в минимальном размере, вице-президент США Д. Венс такой налог допускает, как и ведущие демографы Китая и Британии.

Доказавший действенность советский налог на бездетность по ставке 6% соответствует примерно половине базовой ставки НДФЛ, социальным взносам в части обязательного медицинского страхования. В 2023 г. от средней зарплаты 73,7 тыс. рублей сумма налога составила бы 4,4 тыс. рублей, а от медианной 46,8 тыс. рублей — 2,8 тыс. рублей в месяц. Денежный доход на душу населения в семьях с детьми в среднем составлял 30,2 тыс. рублей, без детей — 41,2 тыс. рублей, а ребёнок обходится минимум в 15–16 тыс. рублей в месяц. Так что гипотетический налог на бездетность не покроет и четвертой части затрат на ребёнка. Многодетные семьи в среднем попадают в 4 децильную группу по уровню доходов с 20 тыс. рублей, а бездетные — в среднем в 8 децильную группу с 41 тыс. рублей, с разницей в 2 раза и кратно 7 суммам гипотетического налога на бездетность ежемесячно.

Прогрессия НДФЛ и туристический налог вводятся в России постепенно с небольших величин и отдельных регионов, что сглаживает негативное восприятие обществом любого нового налога, и такая постепенность применима к налогу на бездетность. Целесообразно рассмотреть введение такого налога первоначально по ставкам 1–2%, и это уже будет играть социально-воспитательную роль. Разумно в первую очередь вводить налог в столичных регионах, где более высокие доходы сочетаются

с большей долей бездетных. Также следует в первую очередь ввести минимальный налог на молодёжь, на которую приходится наибольшее падение рождаемости и распространение идеологии «чайлд-фри». Работодатели должны нести часть бремени стимулирования рождаемости, и уплачивать часть налога на бездетность по аналогии с социальными взносами. Суммы уплачиваемого налога на бездетность могут иметь персонифицированный учёт по аналогии с пенсиями, с расходом средств плательщиком на планирование семьи и надбавки к материнскому капиталу.

Потенциально под налог на бездетность попадёт около 5 млн человек молодёжи 20–29 лет, 15 млн человек зрелого возраста 30–49 лет, а на малодетную компоненту этого налога — ещё примерно столько же человек с одним ребёнком. Если бездетная молодёжь и зрелые малодетные заплатят по ставке 2%, а зрелые бездетные — 6%, с поправкой на 80% собираемости такого налога, поступления могут достичь 0,9 трлн рублей — это треть всего «детского бюджета» стимулирования рождения детей, седьмая часть поступлений НДФЛ. Альтернативный расчёт поступлений налога с его распространением на три самых «богатых» дециля, которые дают 60% совокупных доходов россиян и где порядка 65% бездетных или малодетных, даёт 1,65 трлн рублей. Таким образом, предлагаемое в качестве гипотезы исследование воссоздание советского налога на бездетность, в современных условиях со смоделированным в исследовании поэтапным введением, могло бы стать как стимулом для среднего класса к увеличению числа детей, так и источником увеличения выплат на детей для малообеспеченных слоёв населения.

Литература и Интернет-источники

1. **Братко, Т. Д.** Экономическое основание и справедливость налогообложения: новый взгляд на старую проблему / Т. Д. Братко // *Налоги и налогообложение*. — 2023. — № 6. — С. 8–20. DOI: 10.7256 / 2454-065X.2023.6.69607; EDN: QBQRBM
2. **Белоус, А. В.** Целесообразность введения налога на бездетность в Российской Федерации / А. В. Белоус, Н. В. Бородаенко // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2021. — № 6–2(57). — С. 125–127. DOI: 10.24412 / 2500-1000-2021-6-2-125-127; EDN: BGUAGI
3. **Грошев, С. Н.** Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР. К вопросу о правах мужчин / С. Н. Грошев // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2022. — № 4. — С. 68–71. DOI: 10.24412 / 2073-0454-2022-4-68-71; EDN: RYFKNO
4. **Чепик, О. В.** К вопросу взимания НДФЛ и налога на бездетность: исторический и современный аспект / О. В. Чепик, М. В. Масальская // *Управленческий учёт*. — 2023. — № 1. — С. 251–257. DOI: 10.25806 / uu12023251-257; EDN: VXZKAF
5. **Морозова, О. В.** Поможет ли налог на бездетность решению демографической проблемы? / О. В. Морозова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. — 2017. — № 4(53). С. 81–87. EDN: YSJKBX
6. **Васильева, Ю. А.** Роль и место внебюджетных фондов в системе социальной защиты женщин / Ю. А. Васильева // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. — 2012. — № 4. — С. 47–49. EDN: PATOZB
7. **Филоненко, В. И.** Демографическая политика России в оценках населения и экспертов Ростовской области / В. И. Филоненко, А. С. Магранов., А. В. Понеделков // *Социологические исследования*. — 2015. — № 9(377). — С. 74–79. EDN: UISNBJ
8. **Jiwan, L.** Effects of the Expansion of the Earned Income Tax Credit for Childless Young Adults on Material Wellbeing / L. Jiwan, K. Micheltmore, N. Pilkauskas, Ch. Wimer // *NBER Working Paper Series*. — 2024. — Working Paper 32571. DOI: 10.3386 / w32571
9. **Дьяченко, В. П.** История финансов СССР (1917–1950 гг.) / В. П. Дьяченко — Москва : Наука, 1978. — 492 с.
10. **Архангельский, В. Н.** Особенности репродуктивного поведения жительниц Москвы / В. Н. Архангельский, И. В. Богдан, О. Н. Калачикова, Д. П. Чистякова. // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2023. — Т. 16. — № 3. — С. 231–246. DOI: 10.15838 / esc.2023.3.87.12; EDN: NDVBGU
11. **Синицына, Д. А.** Рождаемость в двух столичных городах России / Д. А. Синицына // *Народно-население*. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 125–137. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-125-137; EDN: QOLQJW
12. **Пономарев, Ф. С.** Российская тенденция чайлд-фри в сравнении с западными странами / Ф. С. Пономарев // *Миссия Конфессий*. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 128–135. EDN: EPPUQF
13. **Тихонова, И. В.** Стрессогенность и интенсивность родительства в представлениях студенческой молодёжи / И. В. Тихонова, Ю. В. Мисиук, У. Ю. Севастьянова // *Образование и наука*. — 2023. — Т. 25. — № 10. — С. 153–182. DOI: 10.17853 / 1994-5639-2023-10-153-182; EDN: KQVNQX
14. **Гурко, Т. А.** Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин / Т. А. Гурко // *Социологическая наука и социальная практика*. — 2019. — Т. 7. — № 2(26). — С. 65–80. DOI: 10.19181 / snsp.2019.7.2.6410; EDN: ZWFDXU
15. **Ермолина, А. А.** Рождение ребёнка как фактор доходной обеспеченности женщин. Насколько велик в России «штраф за материнство» / А. А. Ермолина, Е. Б. Рохмина, Ю. М. Васильева, Т. М. Трач // *Демоскоп Weekly*. — 2016. — № 701–702. — С. 35–40. EDN: XDRXCL
16. **Локтюхина, Н. В.** Противоречия между системами «содействие занятости» и «социальная защита» при трудоустройстве граждан с пониженной конкурентоспособностью на рынке труда / Н. В. Локтюхина, М. А. Буранкова // *Уровень жизни населения регионов России*. — 2022. — Т. 18. — № 3. — С. 330–341. DOI: 10.19181 / lsprr.2022.18.3.5; EDN: JWTLXE

17. **Смолева, Е. О.** Барьеры инклюзии на рынке труда в восприятии социально уязвимых категорий населения (на примере Северо-Западного федерального округа) / Е. О. Смолева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 4. — С. 351–368. DOI: 10.14515 / monitoring.2018.4.18; EDN: XZPHRB
18. **Кулькова, И. А.** Влияние повышения пенсионного возраста на репродуктивные намерения женщин / И. А. Кулькова // Социологические исследования. — 2021. — № 5. — С. 94–101. DOI: 10.31857 / S013216250012555-3; EDN: LOCOLT
19. **Моисеева, К. Е.** Особенности медико-социальной характеристики отдельных возрастных групп пациенток центра репродукции и планирования семьи. / К. Е. Моисеева, В. К. Юрьев, К. Г. Шевцова [и др.] // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. — 2024. — № 1. — С. 889–908. DOI: 10.24412 / 2312-2935-2024-1-889-908; EDN: OYVDXI
20. **Трехлебова, И. В.** Рынок платных медицинских услуг в России / И. В. Трехлебова, Е. В. Ермолаева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2016. — Т. 6. — № 1. — С. 190. EDN: VTYJFV

Сведения об авторе:

Ануреев Сергей Владимирович, д.э.н, проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: anureev@bk.ru; ORCID: 0000-0003-4506-6305; РИНЦ SPIN-код: 2551-1963.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-195-209

CHILDLESSNESS TAX: PERSPECTIVES AND COMPOSITION OF PAYERS

Sergey V. Anureev

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)*

E-mail: anureev@bk.ru

For citation:

Anureev S. V. Childlessness tax: perspectives and composition of payers. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 195-209. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-195-209 (in Russ.)

Abstract. *In Russia, social support for children is being strengthened, but this does not raise the birth rate at least to the level of simple reproduction of the population. In the USSR, there was a childlessness tax at a rate of 6% with a per capita component of 150 rubles (with one child — 50 rubles), which was an effective incentive for population growth. The hypothesis of this study is possibility of reintroducing this tax, the goal is to strengthen tax incentives for births in addition to social benefits, the objectives are reviewing possible solutions, modeling the composition of taxpayers and tax rates. Leading Russian and foreign scientists and politicians also propose introducing the childlessness tax. The study compares per capita incomes of people by wealth deciles and by number of children, shows a significant drop in family income with an increase in the number of children. Modeling childlessness tax, the study proposes to target the middle class and the rich, i.e. the top three income deciles, concentrated mainly in capitals and large cities. The terms of the proposed tax provide for a personalized accounting of receipts, possibility of their subsequent use at birth and during upbringing children, similar to pension contributions and payments, as well as for childbearing medicine. Analogue of the gradual implementation of this tax could be Tourist Tax, as well as personal income tax progression in combination with an increased deduction for children. Based on statistical*

data for 2023, it could be 1 thousand rubles per month for young people under age of 30 by 2% tax rate, 4.4 thousand rubles for childless people aged 30–49 by 6% rate, 1.5 thousand rubles with 1 child by 2% rate, and the total amount for all proposed payers will make 1–1.65 trillion rubles per year

Keywords: USSR, small family, child free, fertility, family planning, tax deductions, social benefits, means test.

References and Internet sources

1. Bratko T. D. Ekonomicheskoye osnovaniye i spravedlivost' nalogooblozheniya: novyy vzglyad na staruyu problemu [Economic justification for taxation and tax fairness: a new look at an old problem]. *Nalogi i nalogooblozheniye [Taxes and Taxation]*. 2023. No. 6. P. 8–20. (in Russ.)
2. Belous A. V., Borodaenko N. V. Tselesoobraznost' vvedeniya naloga na bezdetnost' v Rossiyskoy Federatsii [Feasibility of introducing a publicity tax in the Russian Federation]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]*. 2021. No. 6–2(57). P. 125–127. (in Russ.)
3. Groshev S. N. Nalog na kholostyakov, odinokikh i malosemeynykh grazhdan v SSSR. K voprosu o pravakh muzhchin [Tax on bachelors, single and small-family citizens in the USSR. On the issue of men's rights]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2022. No. 4. P. 68–71. (in Russ.)
4. Chepik O. V., Masalskaya M. V. K voprosu vzimaniya NDFL i naloga na bezdetnost': istoricheskiy i sovremennyy aspekt [To the question of collection of PIT and tax on childlessness: historical and modern aspect]. *Upravlencheskiy uchot [Management Accounting]*. 2023. No. 1. P. 251–257. (in Russ.)
5. Morozova O. V. Pomozhet li nalog na bezdetnost' resheniyu demograficheskoy problemy? [Will small-family tax help to solve the demographic problem?] *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]*. 2017. No. 4 (53). P. 81–87. (in Russ.)
6. Vasileva Yu. A. Rol' i mesto vnebyudzhethnykh fondov v sisteme sotsial'noy zashchity zhenshchin [Role and place of non-budgetary funds in the system of social protection for women]. *Izvestiya Irkutskoy Gosudarstvennoy Ekonomicheskoy Akademii [Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy]*. 2012. No. 4. P. 47–49. (in Russ.)
7. Filonenko V. I., Magranov A. S., Ponedelkov A. V. Demograficheskaya politika Rossii v otsenkakh naseleniya i ekspertov Rostovskoy oblasti [Demographic policy in Russia as seen by population and experts in Rostov region]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2015. No. 9 (377). P. 74–79. (in Russ.)
8. Jiwan L., Micheltmore K., Pilkauskas N., Wimer Ch. Effects of the Expansion of the Earned Income Tax Credit for Childless Young Adults on Material Wellbeing. *NBER Working Paper Series*. 2024. Working Paper 32571. DOI: 10.3386/w32571
9. Dyachenko V. P. Istoriya finansov SSSR (1917–1950 gg.) [History of the USSR Finance (1917–1950)]. Moscow. Nauka [Science]. 1978. 492 p. (in Russ.)
10. Arkhangelsky V. N., Bogdan I. V., Kalachikova O. N., Chistyakova D. P. Osobennosti reproduktivnogo povedeniya zhitel'nits Moskvyy [Specifics of reproductive behavior of female residents of Moscow]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2023. Vol. 16. No. P. 231–246. (in Russ.)
11. Sinitsyna D. A. Rozhdayemost' v dvukh stolichnykh gorodakh Rossii [Fertility in two capital cities of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 125–137. (in Russ.)
12. Ponomarev F. S. Rossiyskaya tendentsiya chayld-fri v sravnenii s zapadnymi stranami [The Russian child-free trend in comparison with Western countries]. *Missiya Konfessiy [Mission Confessions]*. 2023. Vol. 12. Iss. 4. P. 128–135. (in Russ.)
13. Tikhonova I. V. Misiyuk Yu. V., Sevastyanova U. Yu. Stressogennost' i intensivnost' roditel'stva v predstavleniyakh studencheskoy molodozhi [Parenthood stressfulness and intensity in the students' views]. *Obrazovaniye i nauka [The Education and Science Journal]*. 2023. Vol. 25. No. 10.

- P. 153–182. (in Russ.)
14. Gurko T. A. Predstavleniya studentov v otnoshenii roditelstva i sotsial'nykh roley muzhchiny i zhenshchiny [Student's attitudes to parenthood and the social roles of men and women]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 65–80. (in Russ.)
 15. Ermolina A. A., Rokhmina E. B., Vasilyeva Yu. M., Trach T. M. Rozhdeniye rebonka kak faktor dokhodnoy obespechennosti zhenshchin. Naskol'ko velik v Rossii «shtraf za materinstvo» [Birth of a child as a factor of income security of women. How big is the «fine for maternity» in Russia]. *Demoscope Weekly*. 2016. No. 701–702. P. 35–40. (in Russ.)
 16. Loktyukhina N. V., Burankova M. A. Protivorechiya mezhdru sistemami «sodeystviye zanyatosti» i «sotsial'naya zashchita» pri trudoustroystve grazhdan s ponizhennoy konkurentosposobnost'yu na rynke truda [Tensions between the «employment promotion» and «social protection» systems in the employment of citizens with reduced competitiveness in the labor market]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 330–341. (in Russ.)
 17. Smoleva E. O. Bar'yery inkluzii na rynke truda v vospriyatii sotsial'no uyazvimykh kategoriy naseleniya (na primere Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga) [Barriers to labor market inclusion viewed by socially vulnerable populations (evidence from Northwestern Federal District)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2018. No. 4. P. 351–368. (in Russ.)
 18. Kulkova I. A. Vliyaniye povysheniya pensionnogo vozrasta na reproduktivnyye namereniya zhenshchin [The influence of retirement age increase on women's reproductive intentions]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 2021. No. 5. P. 94–101. (in Russ.)
 19. Moiseeva K. E., Yuriev V. K., Shevtsova K. G., et al. Osobennosti mediko-sotsial'noy kharakteristiki otдел'nykh vozrastnykh grupp patsiyentok tsentra reproduksii i planirovaniya sem'i [Features of medical and social characteristics of separate age groups of patients of the Center for Reproduce and Family Planning]. *Sovremennyye problemy zdavookhraneniya i meditsinskoj statistiki* [Current Problems of Health Care and Medical Statistics]. 2024. Vol. 1. P. 889–908. (in Russ.)
 20. Trekhlebova I. V., Ermolaeva E. V. Rynok platnykh meditsinskikh uslug v Rossii [Market of paid medical services in Russia]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy* [Bulletin of Medical Internet Conferences]. 2016. Vol. 6. No. 1. P. 190. (in Russ.)

Information about the author:

Anureev Sergey Vladimirovich, Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: anureev@bk.ru; ORCID: 0000-0003-4506-6305; Elibrary SPIN-code: 2551-1963.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-210-220
EDN: GSQSQR

СТРУКТУРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ярашева А. В.^{1*}, Макара С. В.²

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

Для цитирования:

Ярашева А. В., Макара С. В. Структура потребительских расходов как показатель благополучия населения // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 2. – С. 210-220. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-210-220; EDN: GSQSQR

Аннотация. Благополучие населения выступает одновременно целью и условием обеспечения устойчивого экономического и социального развития российского государства, укрепления его суверенитета и увеличения численности граждан. Задача роста благополучия россиян обозначена в содержании Национальных целей развития страны на период до 2030 г. и перспективу до 2036 г. В статье представлено авторское видение категории «благополучие населения», его составных компонентов — материального (денежные доходы, имущество) и нематериального (физическое здоровье, нравственно-психологическое состояние) характера; для анализа выделен один из значимых показателей благополучия — структура потребительских расходов домохозяйств. Рассмотрена динамика изменения располагаемых ресурсов населения (2018–2023 гг.) и структура использования данных ресурсов для обеспечения (сохранения) определённого уровня благополучия россиян. Структура использования денежных доходов населения (на потребительские нужды и приобретение финансовых активов), как базы для изменения уровня материального благополучия, проанализирована по макрорегионам — федеральным округам России (2018–2022 гг.). Проведено сравнение доли расходов домашних хозяйств на покупку/оплату: 1) продуктов питания; 2) услуг в общей структуре потребительских расходов, которое показало увеличение доли первых, и сокращение доли вторых для всех федеральных округов. Авторская матрица ранжирования федеральных округов по рассмотренным показателям благополучия, связанным с потребительскими расходами и возможностями их осуществления, позволила определить территории «лидеры» и территории «аутсайдеры» по совокупности данных. В порядке уменьшения благоприятности ситуации с благополучием населения в рассматриваемом нами ракурсе макрорегионы расположились следующим образом: Дальневосточный, Северо-Кавказский, Уральский, Центральный, Приволжский, Северо-Западный, Южный и Сибирский.

Ключевые слова: благополучие населения, располагаемые ресурсы, потребительские расходы, структура использования денежных средств, макрорегион, продукты питания.

Постановка проблемы

Необходимость обеспечения благополучия населения, как важная государственная задача, находит отражение в правительственных документах и перечне мероприятий по повышению качества жизни; в частности ряд мер представлен в Едином плане по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и плановый период до 2030 г., утверждённом распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р¹. Обозначенные в Указе Президента РФ (от 07.05.2024 г.) социально-экономические показатели, которых необходимо достичь в рамках заявленных Национальных целей развития РФ на период до 2030 г. и перспективу до 2036 г.,² по сути, соответствует задачам повышения благополучия российского населения. Востребовано научное и научно-методическое сопровождение, заключающееся в обосновании как узко специализированных (под «точечные» задачи), так и комплексных (для сравнительного анализа — межстранового и территориального внутри страны [1]) подходов к оценке составных частей благополучия.

Научные подходы к пониманию «благополучия», особенностей его структурных компонент и отличию от близких по значению дефиниций — благосостояние [2] (более узкое понятие, чем «благополучие») и качество жизни — систематизированы российскими учёными. Выделяют термины «социальное благополучие», как показатель уровня и качества жизни человека; и, наоборот, «качество жизни» как индикатор социального благополучия отдельной территории; рассматривается и «эмоционально-личностное благополучие» [3], как отражение субъективной оценки [4] человеком своего состояния. Понятия «челове-

ского потенциала» [5] и «трудового потенциала» определяются как критерии социального благополучия и качества жизни [6], а саму сущность благополучия анализируют и сравнивают с понятием «счастье» (удовлетворённость жизнью) [7]. Степень благополучия учёными дифференцируется по группам возрастного статуса населения, например, старшего поколения [8] и детей [9].

Прогнозирование достижимости уровня благополучия изучается в зависимости от места проживания индивида — по регионам страны [10; 11]. Кроме того, осуществляется ранжирование территорий России по социально-экономическим показателям благополучия населения на основе статистических данных с применением экономико-математических подходов [12]. Интерес представляют и результаты социологических исследований, так, по данным ВЦИОМ, трансформировалось патерналистское отношение населения к обеспечению роста благополучия: «за последние 20 лет достигла максимума доля россиян (60%), уверенных в том, что благополучие человека зависит в большей степени от него самого»³.

В качестве одного из важных показателей благополучия домохозяйств выступает экономическая доступность продовольствия [13; 14]. На сегодняшний день имеющиеся в российской науке интегральные подходы [15] к рассматриваемому нами понятию изучены в достаточной мере [16], в том числе, в разрезе отдельных территорий [17], и на первый план выходят более узкие задачи, обеспечивающие выявление динамики благополучия по отдельным «болевым точкам», касающимся конкретных составных компонент благополучия населения. В данной статье рассмотрена динамика значимых на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. социально-экономических показателей, затрагивающих структуру потребительских расходов россиян [18], как отражение снижения/повышения уровня благополучия.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.10.2021 № 2765-р. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110110015> (дата обращения: 15.10.2024).

² Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309 // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Горизонт планирования: мониторинг. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorizont-planirovaniia-monitoring> (дата обращения: 30.10.2024).

Результаты исследования

Комплексный подход к пониманию сущности понятия «благополучие» позволил выявить составные части материального и нематериального благополучия (табл. 1). Кроме выделения элементов материального и нематериального благополучия, безусловно, необходим анализ объективной и субъективной оценки уровня благополучия, и, соответственно, использования различных научных подходов к данному понятию. В нашей статье внимание уделено только одной составляющей материального благополучия населения — структуре потребительских расходов — с использованием объективной статистической оценки.

Рассмотрение потребительских возможностей индивида опирается на анализ динамики располагаемых ресурсов (табл. 2) и

структуры использования денежных доходов; данные показатели представлены за период с 2018 по 2023 годы. В динамике отмечается рост удельного показателя располагаемых ресурсов домохозяйств в среднем по стране на 46%. Учитывая разный стартовый уровень макрорегионов-федеральных округов по значениям анализируемого показателя (2018 г.) — территориальные различия имели более чем двухкратное значение между СЗФО и СКФО (2,03), за 5 лет прирост составил 30–50%. Таким образом, выше среднего он отмечен в СФО, ЮФО, ЦФО, ДФО, достигнув в последнем максимального значения. По темпам прироста лидером является СФО. Поляризация макрорегионов за 5 лет почти не сократилась (2,09), однако изменился её лидер (ДФО), а аутсайдер сохранил свой статус (СКФО).

Таблица 1

Составные элементы материального и нематериального благополучия

Table 1

Constituent elements of material and non-material well-being

Материальное благополучие		Нематериальное благополучие	
Денежные доходы	Имущество	Физическое здоровье	Нравственно-психологическое состояние
— заработная плата и иные доходы; — структура потребительских расходов домохозяйств; — возможности трудоустройства; — устойчивая занятость; — удовлетворённость условиями труда; — финансовая доступность образовательных услуг	— наличие движимого и недвижимого имущества, а также возможности эффективного управления ими; — удовлетворённость жилищными условиями; — финансовые возможности улучшения жилищных условий	— доступность качественных услуг здравоохранения и лекарственных средств; — экологическое благополучие на территории проживания; — возможности для ведения ЗОЖ	— низкий уровень преступности на территории проживания; — доступность услуг в сфере культуры; — возможности для проявления творческих способностей; — ресурсы для духовного развития и возможность получения общественного признания
Финансовая обеспеченность для реализации семейно-брачных и репродуктивных стратегий		Реализация индивида в семейных отношениях (брак, дети и так далее)	
Успешность, как результат воплощения жизненных ценностей и устремлений Эмоциональное равновесие, обеспечивающее возможность адаптации к стрессовым ситуациям			

Источник: составлено авторами.

Вместе с ростом объёма располагаемых ресурсов домашних хозяйств изменялась структура использования денежных доходов населения (табл. 3). Расходы на покупку товаров и оплату услуг являются главной составляющей в использовании денежных доходов населения России, незна-

чительное изменение данного показателя — его снижение на 2,7% характеризует период 2018–2023 годов. В данном периоде отмечается рост доли сбережений населения более чем в 4 раза и возрастание доли наличных денег на руках (особенно в 2020 и 2022 гг.).

Таблица 2

**Уровень располагаемых ресурсов домашних хозяйств, в зависимости
от места проживания по макрорегионам РФ — федеральным округам
(в среднем на члена домохозяйства в месяц, рублей)**

Table 2

The level of household disposable resources, depending on the place of residence by macroregions
of the Russian Federation — federal districts (average per household member per month, rubles)

Федеральный округ	2018	2023	Место региона по темпам прироста (2023)
Центральный (ЦФО)	31093,2	46680,0	4
Северо-Западный (СЗФО)	33355,0	43385,3	8
Южный (ЮФО)	22094,4	34455,6	2
Северо-Кавказский (СКФО)	16409,9	22558,3	6
Приволжский (ПФО)	24824,1	34147,5	7
Уральский (УФО)	28533,8	41086,5	5
Сибирский (СФО)	23009,7	37598,5	1
Дальневосточный (ДФО)	31484,1	47200,4	3
Россия в целом	26917,7	39372,7	

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 12.10.2024).

Таблица 3

Структура использования денежных доходов населения Российской Федерации, %

Table 3

The structure of the use of monetary income by the population of the Russian Federation, %

Год	Покупка товаров и услуг	Оплата обязательных платежей, взносов и прочие расходы	Прирост (+), уменьшение (-) сбережений населения	Прирост (+), уменьшение (-) наличных денег на руках в рублях и иностранной валюте в рублёвом эквиваленте
2018	80,8	15,0	+1,7	+2,5
2019	80,9	15,2	+3,4	+0,5
2020	75,7	15,2	+4,6	+4,5
2021	80,6	15,1	+3,4	+0,9
2022	75,4	16,0	+8,6	+4,3
2023	78,1	14,7	+7,2	+2,1

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 02.10.2024).

В период с 2018 по 2022 годы выросла доля обязательных платежей и взносов во всех макрорегионах (за исключением СФО) (табл. 4). Прирост финансовых активов наблюдается в целом по России (особенно в ЦФО), сокращение доли проде-

монстрировали ЮФО, СКФО, СФО и ДФО. По доле финансовых активов среди макрорегионов страны выделяется СКФО — он лидирует в 2018 и 2022 годах. Данный округ является лидером относительно других макрорегионов по доле прироста денег у насе-

Таблица 4

**Структура использования денежных доходов населения
по макрорегионам, в % от общего объема денежных доходов**

Table 4

The structure of the use of monetary income by the population
by macro-regions, in % of total monetary income

Федеральный округ	Покупка товаров и оплата услуг		Обязательные платежи и взносы		Приобретение недвижимости		Прирост (уменьшение) финансовых активов		Из него прирост (уменьшение) денег у населения	
	2018	2022	2018	2022	2018	2022	2018	2022	2018	2022
ЦФО	79,9	74,3(↓)	17,2	18,4(↑)	3,4	3,4	-0,5	3,9(↑)	-1,3	3,7(↑)
СЗФО	79,8	78,1(↓)	16,3	16,8(↑)	2,7	2,4(↓)	1,2	2,7(↑)	2,5	2,2(↓)
ЮФО	87,1	89,1(↑)	11,5	11,5	1,2	1,3(↑)	0,2	-1,9(↓)	1,1	-1,0(↓)
СКФО	83,1	84,4(↓)	7,3	7,5(↑)	0,5	0,8(↑)	9,1	7,3(↓)	10,5	5,7(↓)
ПФО	83,3	82,2(↓)	12,8	13,5(↑)	1,5	1,5	2,4	2,8(↑)	4,6	0,8(↓)
УФО	77,5	74,9(↓)	14,9	15,2(↑)	3,5	3,9(↑)	4,1	6,0(↑)	6,3	4,1(↓)
СФО	77,1	78,3(↑)	17,3	16,8(↑)	2,5	2,6(↑)	3,1	2,3(↓)	5,1	0,7(↓)
ДФО	78,4	77,8(↓)	14,8	15,9(↑)	1,3	1,6(↑)	5,5	4,7(↓)	6,4	4,6(↓)
Россия в целом	80,7	78,6(↓)	15,1	15,8(↑)	2,4	2,5(↑)	1,8	3,1(↑)	2,5	2,5

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели» / Росстат. — Москва, 2020. — С. 282–285; «Регионы России. Социально-экономические показатели» / Росстат. — Москва, 2023. — С. 246–249.

ления в эти годы. Прирост доли денег у населения в 2022 г. по сравнению с 2018 г. отмечен только в ЦФО (существенное сокращение показателя — в ПФО и СФО).

Доля расходов домохозяйств в период 2018–2022 гг. на покупку продуктов питания увеличилась на территории всех макрорегионов. Выше среднего значения по стране (107%) она выросла в СКФО и ПФО, а на оплату услуг доля расходов за данный период сократилась во всех макрорегионах, кроме СФО, выше среднероссийского значения она в ЮФО, ДФО и ЦФО (табл. 5). Рост доли расходов на продукты питания, а, значит, снижение общего уровня благополучия в стране, в рассматриваемом периоде сопровождался сокращением доли трат домохозяйств на товары в III и IV квинтилях. На высокую долю расходов на продукты питания в общей структуре расходов россиян указывают и результаты исследований Национального агентства финансо-

вых исследований (НАФИ): 35% — в 2022 г. и 31% — в 2023 году⁴.

В табл. 6 представлено ранжирование макрорегионов по рассмотренным в данной статье показателям. В порядке уменьшения благоприятности ситуации с благополучием населения в рассматриваемом нами ракурсе можно расположить макрорегионы следующим образом: ДФО, СКФО, УФО, ЦФО, ПФО, СЗФО, ЮФО и СФО. Однако значимость представляет и каждый отдельный показатель, попавший в матрицу ранжирования. Так, например, из восьми использованных в статье показателей — по пяти — наилучшее положение сложилось в СКФО, но, одновременно, дан-

⁴ Наибольшую долю в структуре семейного/личного бюджета россиян занимают расходы на продукты питания. Доля трат на продукты питания выше у россиян старше 45 лет (порядка 33% бюджета против 22% среди молодежи) и жителей Центрального федерального округа (36%) // Как изменились расходы россиян в 2023 году. — URL: <https://nafi.ru/analytics/kak-izmenilis-raskhody-rossiyan-v-2023-godu/> (дата обращения: 01.11.2024).

Таблица 5

**Доля расходов домашних хозяйств на покупку продуктов питания
и оплату услуг в общей структуре потребительских расходов, %**

Table 5

The share of household expenditures on the purchase of food and
services in the total structure of consumer spending, %

Федеральный округ	Покупка продуктов питания		Оплата услуг	
	2018	2022	2018	2022
ЦФО	31,6	33,7	29,6	29,3
СЗФО	33,5	33,9	30,2	28,1
ЮФО	38,1	39,8	25,9	25,8
СКФО	41,8	47,2	22,9	21,4
ПФО	32,9	37,1	26,7	25,7
УФО	33,5	35,4	28,1	25,8
СФО	33,9	34,8	25,5	26,3
ДФО	31,6	32,7	28,0	27,8
Россия в целом	33,5	35,7	27,9	27,2

Источник: составлено авторами на основе статистических сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели» / Росстат. — Москва, 2020. — С. 286–289; «Регионы России. Социально-экономические показатели» / Росстат. — Москва, 2023. — С. 250–253.

ный округ по оставшимся трём показателям находится на самых последних местах (в частности, именно в этом макрорегионе

наиболее высокая доля расходов на покупку продуктов питания — 47,2%, что свидетельствует о материальном неблагополучии домохозяйств).

Таблица 6

Матрица ранжирования макрорегионов

Table 6

The macro-region ranking matrix

Федеральный округ	а	б	в	г	д	е	ж	з
ЦФО	2	1	8	7	4	4	2	8
СЗФО	3	4	6	5	6	5	3	7
ЮФО	6	8	2	2	8	8	7	3
СКФО	8	7	1	1	1	1	8	1
ПФО	7	6	3	3	5	6	6	2
УФО	4	2	4	8	2	3	5	4
СФО	5	5	7	6	7	7	4	5
ДФО	1	3	5	4	3	2	1	6

а – уровень располагаемых ресурсов домашних хозяйств

б – покупка товаров и оплата услуг (доля в структуре использования денежных доходов)

в – обязательные платежи и взносы (доля в структуре использования денежных доходов)

г – приобретение недвижимости (доля в структуре использования денежных доходов)

д – прирост (уменьшение) финансовых активов (доля в структуре использования денежных доходов)

е – прирост (уменьшение) денег у населения (в приросте/уменьшении финансовых активов)

ж – покупка продуктов питания (доля в структуре расходов домохозяйств)

з – оплата услуг (доля в структуре расходов домохозяйств)

Источник: составлено авторами.

Научно-исследовательская тема, касающаяся благополучия населения, многогранна и требует не только постоянного мониторинга соответствующих статистических данных, но и выявления взаимосвязи его материальных и нематериальных составляющих. Рассмотренные в данной статье доли расходов домашних хозяйств (в общей структуре потребительских расходов) на покупку продуктов питания и оплату услуг, представленных дифференцированно по макрорегионам, показывают: во всех федеральных округах России возросла доля расходов на приобретение продуктов питания, что сигнализирует о риске снижения благополучия россиян, «проедающих» свои доходы. Несмотря на некоторый рост (быстрее всего происходивший за последние 5 лет в ДФО, ЦФО и СФО) располагаемых денежных ресурсов в расчёте на душу населения, увеличилась доля расходов на приобретение продуктов питания — самой необходимой позиции, которая позволяет удо-

влетворить базовые потребности человека (самые «нижние» в пирамиде потребностей). Кроме того, долю расходов на питание эксперты [14] традиционно рассматривают в качестве индикатора экономической доступности продуктов питания.

Затруднительно отнести страну к благополучной, если её жители 35,7% (СКФО — 47,2%) средств расходуют на покупку продуктов питания, поскольку среднестрановое значение показателя превышает аналогичные данные для большинства экономически развитых стран. Из объективных показателей благополучия и из субъективной его оценки гражданами страны и её регионов складывается общее видение трендов увеличения/сокращения благополучия населения. Дифференцированный подход к выявлению динамики изменения составных частей благополучия населения важен с позиций разработки рекомендаций органам власти относительно возможностей принятия конкретных шагов в каждой из сфер социально-экономической жизни общества.

Литература и Интернет-источники

1. **Макар, С. В.** Стратегические цели национального развития России: риски и возможности / С. В. Макар, Е. И. Медведева, С. В. Крошилин, А. В. Ярашева // Дискуссия. — 2024. — № 7(128). — С. 61–71. — DOI: 10.46320 / 2077-7639-2024-7-128-61-71. EDN: ECLBSQ
2. **Макар, С. В.** Методологические аспекты современных исследований пространственного распределения благосостояния в России / С. В. Макар, А. В. Ярашева // Дискуссия. — 2024. — № 4(125). — С. 12–20. — DOI: 10.46320 / 2077-7639-2024-4-125-12-20; EDN: QSFJSV
3. **Карапетян, Л. В.** Эмоционально-личностное благополучие как предиктор субъективной оценки благополучия страны / Л. В. Карапетян // Безопасность личности и общества в условиях нового кризиса // Материалы XI Международного симпозиума (Екатеринбург, 22–23 июля 2020 г.). — Екатеринбург : Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2020. — С. 48–52. EDN: RHDIOZ
4. **Смолева, Е. О.** Влияние субъективного благополучия на восприятие социально-экономической и политической ситуации / Е. О. Смолева // Гуманитарные научные исследования. — 2016. — № 6(58). — С. 233–238. EDN: WJJCDD
5. **Федотов, А. А.** Взаимосвязь между человеческим потенциалом и качеством жизни: результаты корреляционного анализа / А. А. Федотов // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 27–35. DOI: 10.19181 / population.2020.23.3.3; EDN: KSBAP
6. **Токсанбаева, М. С.** Социально-экономические факторы, влияющие на качество трудового потенциала населения регионов России / М. С. Токсанбаева, О. А. Коленникова, Р. И. Попова // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 98–110. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-98-110; EDN: WENHTT

7. **Медведева, Е. И.** Счастье и благополучие: основные детерминанты в современном мире / Е. И. Медведева, А. В. Ярашева, С. В. Макар // Дискуссия. — 2023. — № 2(117). — С. 14–26. DOI: 10.46320 / 2077-7639-2023-2-117-14-26; EDN: VESMLV
8. **Павлова, И. А.** Оценка и мониторинг благополучия старшего поколения в Томской области (по материалам российского индекса благополучия старшего поколения) / И. А. Павлова, О. П. Недоспасова, И. В. Гуменников // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2021. — № 3(42). — С. 89–115. DOI: 10.18799 / 26584956 / 2021 / 3(42) / 1121; EDN: TBCWHU
9. **Щекина, И. В.** Благополучие детей как элемент семейного благополучия: к постановке проблемы / И. В. Щекина // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. — 2015. — № 6. — С. 104–111; EDN: VCIASP
10. Социальное благополучие населения (по результатам социологического мониторинга общественного мнения жителей г. Уфы): Монография / под общей ред. Х. М. Ахмадуллиной, С. В. Егорышева. — Уфа : Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, 2016. — 208 с. EDN: YMRICW
11. **Шабунова, А. А.** Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз / А. А. Шабунова, С. В. Крошилин, А. В. Ярашева, Е. И. Медведева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 5. — С. 40–54. DOI: 10.15838 / esc.2024.5.95; EDN: IGFYCO
12. **Крошилин, С. В.** Методика ранжирования федеральных округов по социально-экономическим показателям / С. В. Крошилин, Е. И. Медведева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 85–97. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-85-97; EDN: WUBVEN
13. **Зубаревич, Н. В.** Доля продуктов питания в структуре расходов населения регионов России как индикатор уровня жизни и модернизации потребления / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафонов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2019. — № 2. — С. 61–68. EDN: WWAWGQ
14. **Бабенко, И. В.** Оценка доли расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов как индикатора продовольственной безопасности территории / И. В. Бабенко, А. И. Девятилова // Управленческий учет. — 2024. — № 8. — С. 175–181. EDN: BPLEGK
15. **Постникова, К. Ю.** Оценка благосостояния населения Якутии как одного из базовых компонентов качества жизни / К. Ю. Постникова, С. А. Бурнашева, И. Н. Аммосов // Бизнес. Образование. Право. — 2023. — № 1(62). — С. 78–83. DOI: 10.25683 / VOLBI.2023.62.529; EDN: RCMSMM
16. **Панов, С. А.** Разработка модели интегрального показателя благосостояния на основе «Пирамиды потребностей» А. Маслоу и применения нейросетевых методов вычислений / С. А. Панов, А. В. Романовский, Я. В. Шокин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. — 2011. — № 3. — С. 73–78. EDN: OMTINN
17. **Ярашева, А. В.** Региональные аспекты изменения качества жизни россиян / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2023. — № 10(156). — С. 38–46. DOI: 10.26726 / 1812-7096-2023-10-38-46; EDN: ZSKAIU
18. **Сейфуллаева, М. Э.** Потребительские расходы россиян в условиях экономических санкций / М. Э. Сейфуллаева // Вестник Московского международного университета. — 2024. — № 1(1). — С. 270–275. — EDN: TGGNEY

Сведения об авторах:

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ SPIN-код: 4700–6733.

Макар Светлана Владимировна, д.э.н., главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; РИНЦ SPIN-код: 4310–0893.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-210-220

THE STRUCTURE OF CONSUMER SPENDING AS AN INDICATOR OF THE WELL-BEING OF THE POPULATION

Aziza V. Yarasheva^{1*}, Svetlana V. Makar²

¹ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²Financial University under the Government of the Russian Federation

(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

For citation:

Yarasheva A. V., Makar S. V. The structure of consumer spending as an indicator of the well-being of the population. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 210-220. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-210-220 (in Russ.)

Abstract. *The well-being of the population is both a goal and a condition for ensuring the sustainable economic and social development of the Russian state, strengthening its sovereignty and increasing the number of citizens. The task of increasing the well-being of Russians is outlined in the content of the National Development Goals of the country for the period up to 2030 and the future up to 2036. The article presents the authors' vision of the category «well-being of the population», its components — material (monetary income, property) and non-material (physical health, moral and psychological state) character. One of the most significant indicators of the population well-being — the structure of household consumer spending is selected for analysis. The article considers the dynamics of changes in the available resources of the population (2018–2023) and the structure of the use of these resources to ensure (preserve) a certain level of well-being of Russians. The structure of the use of monetary income of the population (for consumer needs and the acquisition of financial assets) as a basis for changing the level of material well-being is analyzed by macro-regions — federal districts of Russia (2018–2022). The share of household spending on purchase/payment is compared: 1) food; 2) services in the overall structure of consumer spending, which showed an increase in the share of the former and a decrease in the share of the latter for all federal districts. The authors' ranking matrix of the federal districts by the considered indicators of well-being related to consumer spending and the possibilities of their implementation made it possible to identify the territories of «leaders» and territories of «outsiders» based on the totality of data. In order of decreasing favorability of the situation with the well-being of the population in the perspective we are considering, the macro-regions are arranged as follows: Far Eastern, North Caucasus, Ural, Central, Volga, Northwestern, Southern and Siberian Federal District.*

Keywords: *well-being of population, available resources, consumer spending, structure of the use of funds, macro-region, food.*

References and Internet sources

1. Makar S. V., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V., Yarasheva A. V. Strategicheskije tseli natsional'nogo razvitiya Rossii: riski i vozmozhnosti [Strategic goals of Russia's National Development: Risks and Opportunities]. *Diskussiya [Discussion]*. 2024. No. 7. P. 61–71. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-7-128-61-71 (in Russ.)
2. Makar S. V., Yarasheva A. V. Metodologicheskiye aspekty sovremennykh issledovaniy prostranstvennogo raspredeleniya blagosostoyaniya v Rossii [Methodological aspects of modern

- research on the spatial distribution of wealth in Russia]. *Diskussiya [Discussion]*. 2024. No. 4. P. 12–20. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-4-125-12-20 (in Russ.)
3. Karapetyan L. V. Emotsional'no-lichnostnoye blagopoluchiye kak prediktor sub'yektivnoy otsenki blagopoluchiya strany [Emotional and personal well-being as a predictor of subjective assessment of a country well-being]. *Bezopasnost' lichnosti i obshchestva v usloviyakh novogo krizisa [Security of Individual and Society in the Context of a New Crisis]*. Proceedings of XI International Symposium (Ekaterinburg, July 22–23, 2020). Ekaterinburg. «Gumanitarnyy universitet» [Humanitarian University], 2020. P. 48–52. (in Russ.)
 4. Smoleva E. O. Vliyaniye sub'yektivnogo blagopoluchiya na vospriyatiye sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy situatsii [The impact of the subjective sense of happiness on the perception of socio-economic and political situation]. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya [Humanities Scientific Researches]*. 2016. No. 6. P. 233–238. (in Russ.)
 5. Fedotov A. A. Vzaimosvyaz' mezhdu chelovecheskim potentsialom i kachestvom zhizni: rezul'taty korrelyatsionnogo analiza [Relationship between human potential and quality of life: results of correlation analysis]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23, No. 3. P. 27–35. — DOI: 10.19181/population.2020.23.3.3 (in Russ.)
 6. Toksanbaeva M. S., Kolennikova O. A., Popova R. I. Sotsial'no-ekonomicheskiye faktory, vliyayushchiye na kachestvo trudovogo potentsiala naseleniya regionov Rossii [Socio-economic factors affecting the quality of labor potential in the regions of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 98–110. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-98-110 (in Russ.)
 7. Medvedeva E. I., Yarasheva A. V., Makar S. V. Schast'ye i blagopoluchiye: osnovnyye determinanty v sovremennom mire [Happiness and well-being: the main determinants in the modern world]. *Diskussiya [Discussion]*. 2023. No. 2. P. 14–26. DOI: 10.46320/2077-7639-2023-2-117-14-26 (in Russ.)
 8. Pavlova I. A., Nedospasova O. P., Gumennikov I. V. Otsenka i monitoring blagopoluchiya starshego pokoleniya v Tomskoy oblasti (po materialam rossiyskogo indeksa blagopoluchiya starshego pokoleniya) [Assessment and monitoring of well-being of the old generation in Tomsk region (on the materials of the Russian elderly well-being index)]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium [Journal of Wellbeing Technologies]*. 2021. No. 3. P. 89–115. DOI: 10.18799/26584956/2021/3 (42) / 1121 (in Russ.)
 9. Shchekina I. V. Blagopoluchiye detey kak element semeynogo blagopoluchiya: k postanovke problemy [Children's well-being as an element of family well-being: towards formulation of the problem]. *Novaya nauka: Opyt, traditsii, innovatsii [New Science: Experience, Traditions, Innovations]*. 2015. No. 6. P. 104–111. (in Russ.)
 10. Egoryshev S. V., Panova L. V., Farkhutdinova L. V., et al. Sotsial'noye blagopoluchiye naseleniya (po rezul'tatam sotsiologicheskogo monitoringa obshchestvennogo mneniya zhiteley g. Ufy) [Social Well-Being of the Population (Based on the Results of Sociological Monitoring of Public Opinion of Ufa Residents)]. Eds. Kh. M. Akhmadulina, S. V. Egoryshev. Ufa. Vostochnaya ekonomiko-yuridicheskaya gumanitarnaya akademiya [Eastern Economic, Legal and Humanitarian Academy]. 2016. 208 p. (in Russ.)
 11. Shabunova A. A., Kroshilin S. V., Yarasheva A. V., Medvedeva E. I. Sotsial'no-ekonomicheskiye indikatory natsional'nykh tseley razvitiya Rossii: tendentsii i prognoz [Socio-economic indicators of Russia's national development: trends and forecast]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2024. Vol. 17. No. 5. P. 40–54. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95 (in Russ.)
 12. Kroshilin S. V., Medvedeva E. I. Metodika ranzhirovaniya federal'nykh okrugov po sotsial'no-ekonomicheskim pokazatelyam [The methodology of ranking federal districts by socio-economic indicators]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 85–97. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-85-97 (in Russ.)
 13. Zubarevich N. V., Safronov S. G. Dolya produktov pitaniya v strukture raskhodov naseleniya regionov Rossii kak pokazatel' urovnya zhizni i modernizatsii potrebleniya [The share of food in total consumption of Russian regions as an indicator of the standard of living and consumption modernization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*. 2019. No. 2. P. 61–68. (in Russ.)

14. Babenko I. V., Devatilova A. I. Otsenka doli raskhodov na produkty pitaniya v strukture potrebitel'skikh raskhodov kak indikatora prodovol'stvennoy bezopasnosti territorii [Assessing the share of food expenditure in the structure of consumer expenditure as an indicator of food security of the territory]. *Upravlencheskiy uchot. [Management Accounting]*. 2024. No. 8. P. 175–181. (in Russ.)
15. Postnikova K. Yu., Burnasheva S. A., Ammosov I. N. Otsenka blagosostoyaniya naseleniya Yakutii kak odnogo iz bazovykh komponentov kachestva zhizni [Evaluation of Yakutia population's well-being as one of the basic components of quality of life]. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo [Business. Education. Law]*. 2023. No. 1. P. 78–83. DOI: 10.25683 / VOLBI.2023.62.529 (in Russ.)
16. Panov S. A., Romanovsky A. V., Shokin Ya. V. Razrabotka modeli integral'nogo pokazatelya blagosostoyaniya na osnove «Piramidy potrebnostey» A. Maslou i primeneniya neyrosetevykh metodov vychisleniy [The development of aggregated welfare indicator based on A. Maslow's classification of needs and neural networks calculating methods]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Economics]*. 2011. No. 3. P. 73–78. (in Russ.)
17. Yarasheva A. V., Makar S. V. Regional'nyye aspekty izmeneniya kachestva zhizni rossiyan [Regional aspects of changing the quality of life of Russians]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Transforming the Economy]*. 2023. No. 10. P. 38–46. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-10-38-46 (in Russ.)
18. Seyfullaeva M. E. Potrebitel'skiye raskhody rossiyan v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy [Consumer spending of Russians in the context of economic sanction]. *Vestnik Moskovskogo mezhdunarodnogo universiteta [Bulletin of Moscow International University]*. 2024. No. 1 (1). P. 270–275. (in Russ.)

Information about the authors:

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory, ISEP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary SPIN-code: 4700–6733.

Makar Svetlana Vladimirovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; Elibrary SPIN-code: 4310–0893.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-221-232
EDN: CIEVW

ГОТОВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ К ФИНАНСОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ФОРМАТЕ ЭКОНОМИКИ СОВМЕСТНОГО УЧАСТИЯ

Александрова О. А.^{1,2*}, Борковская Е. И.²

¹ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: a762rab@mail.ru

Для цитирования:

Александрова О. А., Борковская Е. И. Готовность жителей Москвы к финансовым отношениям в формате экономики совместного участия // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 221-232. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-2-221-232; EDN: CIEVW

Аннотация. В последнее время наблюдается несколько тенденций, влияющих на поведение населения в финансовой сфере. С одной стороны, бремя финансирования важных потребностей (медицинская помощь, жильё) всё больше переносится на плечи граждан, заставляя задумываться о дополнительных источниках доходов. С другой стороны, накопления в рублѣх обесцениваются инфляцией, а привычные формы хранения становятся менее доступными или надёжными — недвижимость дорожает, а на иностранную валюту наложен ряд ограничений. Повышение Центробанком РФ ключевой ставки, с одной стороны, ведѣт к такому притоку соблазнѣнных высокими процентами по депозитам вкладчиков, что возникают слухи о возможной «заморозке» вкладов, а с другой — делает банковские кредиты практически недоступными для граждан и малого бизнеса. Налицо проблемы, с которыми сталкиваются как те, кто нуждается в средствах, так и те, кто стремится сохранить или приумножить имеющиеся накопления. В современном мире способом, позволяющим связать между собой эти две группы, является краудлендинг — коллективное кредитование с использованием цифровых платформ. В России этот сегмент экономики совместного участия (sharing eсonomy) появился в начале 2010-х гг., однако, несмотря на наличие объективных предпосылок, темпы его развития остаются низкими, особенно в сравнении с развитыми странами. Представленные результаты характеризуют отношение к участию в краудлендинге жителей Москвы. Хотя заметная часть располагающих сбережениями москвичей оценивает имеющиеся сегодня возможности для их сохранения и приумножения недостаточными, по готовности участвовать в краудлендинге они разделилась пополам. Неготовность связана с недоверием заѣмщикам, организаторам платформ и правоохранительной системе. Тех же, кто выражает готовность, в краудлендинге привлекают самостоятельность выбора инвестиционных проектов, технологические новшества, более высокая доходность, а также желание делать общее для всех дело, быть причастными к развитию других людей и проектов.

Ключевые слова: население, Москва, бизнес, экономика совместного потребления, финансовое поведение, сбережения, инвестиции, кредитование, краудфинансы, краудлендинг.

© Александрова О. А., Борковская Е. И., 2025

Постановка проблемы

В последние годы наблюдается сразу несколько тенденций, имеющих отношение к поведению населения в финансовой сфере. Всё больший перенос бремени финансирования жизненно важных потребностей (в медицинской помощи, образовании, а также в жилье и обеспечении себя в старости) на плечи самих граждан заставляет их искать дополнительные источники дохода. Не теряет актуальности, особенно на фоне роста инфляции, и вопрос сохранения накоплений, при этом недвижимость резко растёт в цене, а на иностранную валюту введён ряд ограничений. Повышение Центробанком РФ ключевой ставки взвинтило проценты по банковским депозитам (в 2021 г. — менее 6%, в 2025 г. — выше 20%) и привело к такому притоку вкладчиков, что пошли слухи о «заморозке» вкладов. Кроме того, введён налог на доходы, полученные в виде процентов по вкладам свыше определённой суммы. Другим следствием повышения ключевой ставки стало резкое удорожание банковских кредитов, делающее их очень обременительными или практически недоступными для граждан, малого и среднего бизнеса. Таким образом, налицо ряд проблем, с которыми сталкиваются как те, кто нуждается в средствах, так и те, кто думает о том, как сохранить или приумножить имеющиеся накопления.

Одним из способов, позволяющих связать между собой две группы интересов — нуждающихся в средствах, с одной стороны, и думающих, куда бы вложить свои накопления, с другой стороны, в современном мире является краудлендинг (от crowd — толпа и lend — одалживать) — инструмент возмездного кредитования людьми или компаниями других людей или компаний. Как и другие сектора экономики совместно-го потребления/участия (sharing economy)¹, своим развитием крауд-финансы² обяза-

ны стремительному распространению цифровых технологий [1]. В случае краудлендинга выступающая в качестве посредника специализированная цифровая платформа оповещает зарегистрированных на ней граждан, готовых одолжить свои средства, о запрашивающих кредит проектах, выполняет проверку заёмщиков, отслеживает выполнение ими своих обязательств. В обычных условиях доходы от краудлендинга превышают доходы от банковских вкладов: например, в 2023 г. владельцы сбалансированного инвестиционного портфеля в среднем получали 18–25%, в то время как средняя ставка банковских депозитов тогда же составляла 6,1% годовых³.

В России крауд-финансы появились в начале 2010-х гг., и с тех пор государство прикладывает определённые усилия к их развитию, принимая нормативные акты⁴, призванные снизить риски участников (обязанность операторов платформ быть включёнными в специальный реестр Банка России, установление «потолка» для суммы, которой могут рисковать, давая в долг компаниям, так называемые «неквалифицированные инвесторы»⁵). Однако, несмотря на наличие у населения и бизнеса объективного интереса в развитии подобных механизмов кредитования и инвестирования, а также высокого уровня цифровизации сферы финансов, темпы развития крауд-финансов в России остаются низкими. Так, по данным Банка России, в 2023 г. объем привлечён-

междное коллективное финансирование конкретных проектов и краудинвестинг — кредитование с последующим участием в акционерном капитале профинансированных проектов.

³ Хорошев Р. Дать бизнесу в долг и заработать: как работают краудлендинговые платформы. — URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/65b362579a7947a3f965469c> (дата обращения: 31.01.2025).

⁴ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ В настоящее время для неквалифицированных инвесторов нет минимального порога входа для старта вложений, но есть максимальный лимит предоставления займов в 600 тыс. рублей в год. Профессиональные инвесторы (индивиды, имеющие высшее экономическое или финансовое образование либо обладающие определённым объёмом финансовых активов и т.п.), могут вкладывать неограниченные суммы.

¹ В научной и деловой литературе как синонимичный можно встретить различный перевод sharing economy на русский язык: экономика совместного потребления, экономика совместного участия, «шеринг-экономика» и подобное.

² Помимо краудлендинга, это краудфандинг — безвоз-

ных в рамках краудлендинга средств составил 27,5 млрд рублей⁶, притом, что в 2013 г. Всемирный Банк прогнозировал для развивающихся рынков к 2025 г. годовой объем краудинвестиций в 95 млрд долларов США⁷. Исследование, результаты которого представлены в статье, было нацелено на изучение готовности жителей Москвы к участию в шеринг-экономике, в том числе, стояла задача определить отношение к краудлендингу, выявить факторы, способные как побуждать, так и препятствовать использованию данного инструмента.

Степень разработанности проблемы

Научные публикации по исследуемой проблематике можно разделить на несколько групп. Первую большую группу составляет обширный корпус работ общего характера, посвящённых в целом экономике совместного потребления/участия, в которых раскрывается суть этого явления и факторы, способствующие его развитию; анализируются данные, характеризующие динамику и масштабы расширения «шеринг-экономики» в мире и в отдельных странах; приводятся примеры реализации «шеринг»-отношений в тех или иных сферах [2]. В рамках этого корпуса отдельный сегмент составляют обзорные статьи, представляющие результаты изучения публикационной активности по данной тематике, что логично, когда речь идёт о недавно возникшем явлении [3]. Ещё один сегмент — публикации, в которых представлены результаты социологических опросов, посвящённых выявлению уровня осведомлённости населения о «шеринг-экономике», его готовности к участию в подобных взаимодействиях⁸. Вторую большую группу составляют

работы, посвящённые исследованию развития «шеринг-отношений» в каком-либо отдельном сегменте — в сфере транспорта [4], жилья [5] и других. К этой группе относятся и корпус работ, посвящённых крауд-финансам, который, в свою очередь, разделяется на несколько сегментов. Это, во-первых, статьи общего характера, в которых описываются существо и виды финансовых отношений с использованием крауд-технологий, их преимущества и риски для разных сторон [6]; прослеживается история развития крауд-финансов в мире и отдельных странах [7], анализируются тормозящие их развитие барьеры и возможные решения. Во-вторых — работы, представляющие библиометрические исследования, анализирующие динамику численности и метаданные публикаций по тематике крауд-финансов [8;9]. В-третьих — публикации, в которых представлены социологические замеры отношения населения к тому или иному виду крауд-финансирования⁹. Важно заметить, как это делается, например, в обзорной статье «Crowdlending ...» [8], что большинство посвящённых краудлендингу работ имеют чисто финансовый характер и только некоторые фокусируются на вопросах, относящихся к «поведенческим финансам». Действительно, работ, посвящённых социологическому анализу отношений в сфере крауд-финансов пока немного, и описываемые исследования часто позиционируются авторами как разведывательные. Имеющиеся же статьи посвящены, прежде всего, мотивации доноров [10], восприятию ими проектов [11], в частности, показано, что помимо рациональных соображений, связанных с вознаграждением (в случае краудфандинга таковым может быть возможность получить бесплатно или со скидкой произведённый на собранные деньги продукт), люди мотивированы

⁶ Обзор платформенных сервисов в России. Информационно-аналитический материал Банка России. 2024. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49243/platform_services_2024-1.pdf (дата обращения: 11.02.2025).

⁷ Crowdfunding's Potential for the Developing World. — URL: https://web.archive.org/web/20180727195035/http://www.infodev.org/infodev-files/wb_crowdfundingreport-v12.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

⁸ См., например: Арендовать — хорошо, но владеть лучше? Как россияне относятся к идее совместного потребления. — URL: <https://iom.anketolog.ru/2021/07/02/>

sheringovaya-ekonomika; Совместное потребление: арендовать или покупать? Аналитический обзор ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/sovmestnoe-potreblenie-arendovat-ili-pokupat> (дата обращения: 27.01.2025).

⁹ См., например: Краудфандинг в России: перспективы и уровень доверия. — URL: <https://iom.anketolog.ru/2019/03/06/kraundfanding> (дата обращения: 10.02.2025).

стремлением к социальным взаимодействиям, к ощущению чувства связанности с сообществом со схожими интересами, желанием помогать другим, поддерживать их идеи и дела [11; 12]. Подобные мотивы обнаруживаются и среди участников краудлендинга — основываясь на эмпирических данных, исследователи говорят о побуждающих займодателей внешних и внутренних факторах и делят их мотивацию на направленную на себя и ориентированную на других, при этом оговаривая, что принятие решения обуславливается тем или иным сочетанием мотивов [13; 14]. Весьма незначительное число научных статей российских авторов, в которых представлены результаты социологических исследований, посвящённых поведению россиян в сфере крауд-уд-финансов, и практически отсутствие подобных публикаций применительно к краудлендингу, говорит о наличии требующей заполнения лакуны как в части реализации соответствующих исследований, так и в представлении их результатов.

Методология исследования

Проект, часть результатов которого представлена в данной статье, посвящён перспективам развития экономики совместного потребления в Москве¹⁰ и с целью выявления общих тенденций затрагивает сразу три сферы повседневной жизни москвичей — жильё, транспорт и финансы. Это предопределило единую логику исследования: а) выявление потребностей, удовлетворение которых, в принципе, может лежать в плоскости «шеринг-экономики» (в случае краудлендинга — это интерес граждан в выгодном размещении свободных средств и интерес бизнеса в привлечении займов); б) объективных возможностей (наличие специализированных цифровых платформ и необходимого уровня компьютерной грамотности населения) и в) готовности населения к использова-

нию и реализации соответствующих механизмов и инструментов.

На первом этапе исследования (2021 г.) использовался метод фокусированных групповых интервью (3 фокус-группы отдельно для москвичей разных поколений), при этом сценарий содержал три блока, касающихся жилья, транспорта и финансов. На втором этапе (2024 г.) применялся метод массового опроса, и для каждой сферы была разработана своя анкета и опрашивалась отдельная аудитория (300 москвичей в возрасте 18–65 лет, в равных долях мужчины и женщины, 5 возрастных групп в пропорциях, соответствующих данным Росстата). При этом к опросу, посвящённому краудлендингу, допускались москвичи, использующие какой-либо из финансовых инструментов (как свидетельство наличия накоплений, которые, как минимум, необходимо уберечь от обесценивания, а в идеале — и приумножить), и, кроме того, отбор производился таким образом, чтобы в выборку в первую очередь попадали респонденты, имеющие доход на уровне среднего и выше. Действительно: самооценка респондентами своих потребительских возможностей (50% могут приобрести товары длительного пользования, но не автомобиль; 22% не могут купить только квартиру и дачу, а 11% могут позволить себе купить и их) говорит о том, что абсолютное большинство опрошенных может иметь интерес и возможности для инвестиций, тем более, что в случае краудлендинга для кредиторов предусматривается нулевой или очень низкий порог входа¹¹.

Что касается используемых финансовых инструментов, то на момент опроса у 92% опрошенных москвичей был банковский

¹⁰ Выбор Москвы связан с тем, что в России именно в столице в первую очередь реализуются разного рода технологические инновации, достигнут высокий уровень цифровизации, и живёт достаточно образованное, динамичное и обеспеченное население.

¹¹ Дополним портрет опрошенной аудитории: более 80% респондентов работают (в том числе, 8% пенсионеров и 5% студентов); чуть более 3/4 — наёмные работники; 9% — предприниматели; 8% — имеют статус самозанятых; 3% — фрилансеры; более 1/3 являются руководителями высшего (14%) или среднего (24%) звена, ещё 46% — специалисты и 17% — рабочие и младший обслуживающий персонал. Почти 1/3 респондентов занята в промышленности и строительстве, 15% — в торговле; 7–8% — в образовании, государственном управлении, сервисных отраслях, транспорте/связи; 4% и 2%, соответственно, в здравоохранении и ЖКХ, по 1% — военные и сотрудники правоохранительных органов (ещё порядка 18% выбрали вариант «другое»).

депозит, у 38% — индивидуальный инвестиционный счёт (ИИС), почти 40% владели ценными бумагами, в том числе 17% — облигациями федерального займа (ОФЗ); 22% — иностранной валютой, 16% — криптовалютой и 15% — металлическими счётами (драгоценными металлами). При этом мужчины значимо чаще, чем женщины указывали на иностранную валюту, ценные бумаги и драгоценные металлы, а респонденты в возрасте 25–44 лет чаще, нежели люди старших возрастов, на все перечисленные инструменты за исключением банковского депозита, которым в равной степени пользуются москвичи всех возрастов.

Результаты

В ходе фокусированных групповых интервью (2021 г.) выяснилось, что подавляющее большинство участников никогда не слышали о краудфандинге и краудлендинге; знакомы с этими терминами были только те, чья профессиональная деятельность, так или иначе, связана с финансовым рынком. После пояснения его сути, краудфандинг вызвал позитивную реакцию (типичное высказывание: «Не слышала ранее, но заинтересовалась. Это, действительно, своеобразная инвестиция в то, чем ты будешь пользоваться завтра с удовольствием, помогая сегодня, если речь идёт о возможности посильно помочь»). В отношении же краудлендинга участники, хотя и признавали продуктивность самой идеи, тем не менее, выражали опасения и скепсис (типичное высказывание: «Доверия это все пока не вызывает, хотя идея хорошая, и есть достаточно причин для её возникновения»).

Проведённый спустя три года массовый опрос показал, что с точки зрения осведомлённости ситуация мало изменилась: почти 60% москвичей ничего не знали о краудфандинге и почти 70% — о краудлендинге. О хорошем понимании, что это такое, заявили менее 10% опрошенных. Значимо больше осведомлённых о краудфинансах обнаружилось среди москвичей в возрасте 18–34 лет и, напротив, чаще других ничего об этом не слышали те, чей

возраст за 55 лет. О наличии собственного опыта участия в краудфандинге сообщили 20% знающих об этом инструменте и ещё 29% указали на наличие подобного опыта у их знакомых; применительно к краудлендингу — соответственно, 11% и 28%. Как и в случае с информированностью, наибольшая доля имеющих личный опыт обнаруживается среди москвичей в возрасте 18–34 лет. Те немногочисленные респонденты, кто осведомлён о краудлендинге, но не участвовал в нём, объясняли это, в первую очередь, опасениями проблем с заёмщиками, в том числе, из-за неуверенности в качестве их проверки платформой, а также сомнениями в доходности таких вложений. Те же совсем немногочисленные респонденты, кто имеет опыт участия в краудлендинге, оценили его положительно (55%) или скорее положительно (46%).

Почти у всех опрошенных (93%) есть сбережения. При ответе на вопрос, сколько должно быть накоплено денег, чтобы озаботиться мерами по их сохранению и преумножению, респонденты разделились: по одной пятой голосов набрали диапазоны от 100 до 500 тыс. руб.; от 500 тыс. до 1 млн рублей и от 1 до 2 млн рублей, ещё 14% считают таковой сумму не менее 100 тыс. руб. (остальные называли менее существенные суммы).

Далее респондентам было предложено оценить различные финансовые инструменты (крауд-финансы на этом этапе в перечень не включались) по степени а) знакомства с ними, понимания, как ими пользоваться, б) доходности и г) рискованности. В части знания и понимания предсказуемо лидирует рублёвый банковский вклад, заметно опережая депозит в иностранной валюте (соответственно, 88% и 53%). Помимо него, в тройку лидеров с почти одинаковым результатом вошли недвижимость (60%) и наличная иностранная валюта (59%). На другом полюсе — криптовалюта, ПИФы и ОФЗ, о которых большинство либо ничего или почти ничего не знает, либо знает совсем немного и плохо понимает, как пользоваться. Уровень осведомлённости об акциях, ИИС и драгоценных металлах не-

сколько выше, при этом москвичи старших возрастов разбираются в них заметно хуже молодёжи.

Оценка доходности разных финансовых инструментов производилась на основе 4-х членной шкалы (от «очень высокая» до «дохода почти не даёт») и, кроме того, имелся вариант ответа «ничего не знаю про этот инструмент». Чаще всего последний вариант выбирался применительно к криптовалюте (33%), ОФЗ (31%), акциям, ПИФам и подобному (28%) и в основном москвичами средних и старших возрастов. Оценки же доходности разных инструментов теми респондентами, кто их дал, оказались очень разными. Так, если 18% опрошенных отнесли криптовалюту к инструментам с низкой или практически отсутствующей доходностью, то 20% — к очень высокодоходным (среди таковых криптовалюта лидирует) и ещё 27% — к просто высокодоходным (здесь она находится в середине рейтинга). Банковский рублёвый депозит 51% респондентов относит к высокодоходным инструментам (среди таковых он на 10 процентных пунктов (п.п.) опережает занявшую второе место недвижимость и на 20 п.п. — оказавшуюся на третьем месте наличную иностранную валюту), а 15% — к инструментам с очень высокой доходностью (третья позиция после криптовалюты и недвижимости). Заметим, что доходность недвижимости значимо выше оценивается женщинами (24% против 14% среди мужчин), а также молодыми москвичами (33% против 13% среди респондентов в возрасте 35–54 и 55–65 лет).

Что касается представлений о рискованности разных форм вложения средств, то к «очень рискованным» респонденты отнесли криптовалюту (27%), вдвое меньше (по 15%) — банковский депозит в иностранной валюте и различные ценные бумаги. Эти же формы вложения средств примерно треть опрошенных отнесли к «довольно рискованным», столько же респондентов считают таковой наличную иностранную валюту. Среди «не очень рискованных» инструментов лидирует недвижимость (41%) и банковский депозит в рублях

(39%), а тройку лидеров замыкают драгметаллы, они же, прежде всего, банковский депозит (33%), отнесены к самым безопасным.

По мнению пятой части опрошенных сегодня имеется достаточно возможностей для того, чтобы уберечь свои накопления от обесценивания инфляцией или даже их преумножить. В то же время, 42% москвичей ответили менее уверенно («скорее, достаточно»), а более трети вообще убеждены в обратном: 26% полагают, что «скорее недостаточно» и 11% — «совершенно недостаточно». Среди последних больше всего представителей старшей возрастной группы (55–65 лет); среди тех, кто выбрал вариант «скорее недостаточно», также значимо больше москвичей более старших возрастов, но уже начиная с возраста 35 лет. Молодёжь же, особенно те, кто ещё не имеет семьи, значимо чаще уверена в том, что возможностей для сохранения и преумножения накоплений вполне достаточно. Подобная разница представлений, по-видимому, связана с большей настороженностью более взрослых москвичей в отношении инструментов, не проверенных временем и предполагающих сугубо виртуальные отношения.

В контексте изучения отношения к краудлендингу было также важно выяснить, приходилось ли респондентам выступать в роли займодателя. Выяснилось, что за последние 5 лет 49% опрошенных москвичей имели опыт предоставления в долг «более-менее серьёзных сумм». Абсолютное большинство давали в долг суммы в диапазоне до 1 млн рублей: 30% — до 100 тыс. рублей, 36% — от 100 до 500 тыс. рублей, 21% — от 500 тыс. до 1 млн рублей. При этом одалживали деньги под проценты только четверть опрошенных. У трёх четвертей респондентов проблем с возвратом одолженных у них средств вообще или в основном не возникало. В то же время, заметим, что, хотя в долг обычно дают хорошо знакомым людям, каждый пятый респондент достаточно или даже очень часто сталкивался с проблемными должниками.

После изучения представлений респондентов о существующих инструментах вло-

жения накоплений (без упоминания крауд-финансов) и наличия опыта займодателя опрошенным было предложено ответить на вопросы прожективного характера относительно готовности участвовать в краудлендинге в будущем. Перед этим всем участникам было представлено подробное описание данного инструмента, эта информация находилась в поле зрения респондентов и далее. В целом по выборке 45% опрошенных выразили такую готовность (15% — «готовы» и 30% — «скорее готовы»). И вновь большую степень готовности проявила молодёжь, а наименьшую — респонденты среднего и старшего возрастов; кроме того, реже её выражали семейные москвичи.

Респондентов, готовых или скорее готовых в будущем рассмотреть вариант участия в краудлендинге, попросили пояснить, чем он их привлекает (множественный выбор): 52% указали на самостоятельность выбора проектов, которым будут предоставляться их деньги, ещё примерно по трети опрошенных — на любовь к техническим новинкам и на ожидание от инновационных финансовых инструментов более весомой прибыли, нежели от стандартных. Кроме того, опрошенным москвичам нравится быть причастными к развитию других людей, их проектов (34%), быть уверенными, что их средства пойдут на развитие реального сектора экономики, «людям дела», а не осядут в банковском секторе (33%), просто участвовать в общем деле вместе с другими людьми (17%). О подобных мотивах, правда, все же, применительно к краудфандингу, говорили и участники фокус-групп: *«Мне очень понравилась идея, которая схожа с благотворительностью, как мне кажется, она зайдёт. У нас много солидарных людей, и если можно будет помогать операциями, подобными переводам на карту, то это может оказать хорошую поддержку каким-то типам проектов»; «Не слышала ранее, но заинтересовалась... Это, действительно, своеобразная инвестиция в то, чем ты завтра с удовольствием будешь пользоваться, помогая сегодня, если речь идёт о возможности посылить помочь»; «Я не берусь давать оцен-*

ку возмездным инструментам, так как очень от этого далека, а вот идея краудфандинга мне понравилась. Не знаю, приобщусь ли к ней, но отношение положительное».

Причины, названные респондентами, на момент опроса скорее или точно не готовыми рассматривать краудлендинг в качестве инвестиционного механизма даже в будущем, достаточно логичны в ситуации, когда речь идёт о новом финансовом инструменте. Так, в рамках множественного выбора больше всего голосов (46%) набрал вариант «не очень понятно, как это работает, лучше использовать знакомые формы сбережений / извлечения доходов»; второе и третье места делят причины, указывающие на риски, связанные с заёмщиками: 35% не уверены в качестве их проверки платформой, а 36% — опасаются, что в случае проблем с возвратом долга, потеряют свои деньги (типичное высказывание участника фокус-группы: *«В нашей жизни достаточно рисков, чтобы выбирать подобные инструменты»*). Четверть опрошенных не считает себя достаточно компетентными для выбора стоящих проектов, а 16% не верят в то, что такие проекты вообще есть. Причину, связанную с недостаточной уверенностью в своих навыках в ситуации, когда все происходит виртуально, отметили 15% опрошенных, а не устраивающее вознаграждение (выплачиваемый заёмщиками процент) — лишь 6%.

В завершение респондентам было предложено объяснить, почему, в отличие от других стран (США, КНР, стран Европы), в России краудлендинг не получает существенного развития. Больше всего голосов (37%) получил вариант, говорящий о тотальном недоверии: *«у нас люди не доверяют друг другу (никто не уверен, что другие участники краудлендинга выполняют свои обязательства, не станут обманывать на каких-то этапах этого процесса)»*. Ещё по 26% набрали варианты, также делающие акцент на недоверии: в одном случае — компаниям, выступающим в роли заёмщиков (*«могут предоставить недостоверную информацию о проекте и своей платёжеспособности»*), в другом — компаниям, высту-

пающим организаторами краудлендинговых платформ (здесь «подвох» ожидается в отношении достоверности информации о заёмщике и об условиях кредитования, а также выполнения обязательств по выплате займодателям обещанных процентов и принятия, в случае недобросовестного поведения должника, мер по возвращению долга). Отметим, что причина, занявшая в рейтинге вторую строчку (34%) и касающаяся плохой работы правоохранительной системы, также говорит о недоверии — в данном случае государству, его способности защитить от рисков, связанных с недобросовестным поведением других субъектов. Похожие причины, касающиеся отсутствия системы гарантий, называли и участники фокус-групп: *«Нужны какие-то железные гарантии, чтобы это стало массовым продуктом. Пока мне не удалось их заприметить»*. Третье место (30%) занял вариант, указывающий на отсутствие у населения средств, которые могли бы быть направлены на инвестиции (в этой связи заметим, что, как показывают исследования, интерес к расширению знаний о финансовых инструментах возникает у людей при наличии свободных средств, когда они видят реальную возможность применения подобных знаний на практике [15]). Об этом говорили и участники фокус-групп: *«Вижу определённые очевидные плюсы, хотелось бы, чтобы такие вещи развивались. Но если речь пойдёт о моих деньгах, отношение — скептическое. Вероятнее те, у кого с деньгами дела обстоят лучше, могут рассмотреть и такие инструменты с высокими рисками»*. Замыкает рейтинг выбранная 24% респондентов причина, связывающая неразвитость краудлендинга с отсутствием соответствующих цифровых платформ. Отметим, что только четверть опрошенных полагают, что в новом инструменте просто нет нужды, поскольку хорошо работают прежние (банковские вклады, недвижимость). Участники фокус-групп также указывали на недостаточный для работы с подобными инструментами уровень финансовой грамотности россиян: *«...У нас в стране люди и на вклады-то боятся порой куда-то день-*

ги положить кроме Сбербанка, что даёт возможность банкам манипулировать, но никак не отражается на сознании соотечественников»; *«Высокие риски и высокий порог входа по грамотности, которой наше население ленится отличиться»*.

Заключение

Данные, полученные в ходе исследования, говорят об очень низком уровне осведомлённости имеющихся накопления жителей Москвы о существовании такого финансового инструмента как краудлендинг (аналогичная ситуация и в предпринимательском сообществе: так, Ассоциация операторов инвестиционных платформ оценивает уровень информированности о нём российских предприятий малого и среднего бизнеса в 1%). Будучи же проинформированными о его сути, половина опрошенных москвичей не готова рассмотреть краудлендинг в качестве способа инвестирования свободных средств — притом, что заметная часть располагающих сбережениями респондентов оценивает имеющиеся сегодня возможности для их сохранения и преумножения недостаточными. Ключевым барьером при этом оказывается не столько даже неизведанность инструмента, сколько дефицит доверия — бизнесу (как потенциальным заёмщикам, так и организаторам цифровых платформ) и государству в лице его правоохранительных органов. Таким образом, притом, что налицо технические возможности и объективно существующая потребность бизнеса и граждан в альтернативных способах привлечения и вложения средств, именно социокультурный фактор выступает в качестве основного препятствия для развития этого сегмента экономики совместного участия.

В то же время, твёрдо отказываются рассматривать вариант краудлендинга даже в будущем лишь треть москвичей. Благоклонно относящихся к такому инструменту в нём привлекают самостоятельность выбора инвестиционных проектов, технологические новшества, расчёт на более высокую доходность и, что особенно важно в контек-

сте идейных основ экономики совместного участия, желание делать общее для всех дело, быть причастными к развитию других людей и проектов. В силу разных причин (большей цифровой компетентности, привычки к виртуальным взаимодействиям, интереса к инвестированию, да и просто меньшего консерватизма) потенциальным двигателем развития «народного кредитования» являются более молодые поколения столичных жителей. Дело — за государством, призванным, с одной стороны, надлежащим регулированием и надзором содействовать снижению рисков, связан-

ных с действиями бизнеса (как потенциальных заёмщиков, так и организаторов платформ); здесь полезен будет уже имеющийся зарубежный опыт. А с другой стороны — таким образом наладить работу правоохранительной системы, чтобы вселить в участников экономических отношений и, прежде всего, в самую уязвимую сторону — рискующих своими деньгами граждан, уверенность в том, что их законные интересы будут защищены. В этом случае в выигрыше окажутся все, включая государство, заинтересованное в росте благосостояния граждан.

Литература и Интернет-источники

1. **Сироткин, А. С.** Диджитализация и краудфинансы: особенности и перспектива в сфере финансовых технологий / А. С. Сироткин // Вопросы инновационной экономики. — 2019. — Т. 9. — № 4. — С. 1661–1676. DOI: 10.18334/VINEC.9.4.41453; EDN: EDWQGX
2. **Ахмадиева, М. С.** Краудфинансы, состояние и перспективы развития на современном этапе / М. С. Ахмадиева // Символ науки. — 2017. — Т. 1. — № 4. — С. 36–44. EDN: YNEIGT
3. **Платонова, Е. Д.** Исследование генезиса и эволюции концепции шеринговой экономики в зарубежных публикациях (по материалам базы данных Scopus) / Е. Д. Платонова // Вестник евразийской науки. — 2019. — Т. 11. — № 1. — С. 34. EDN: YBYLNE
4. **Борковская, Е. И.** Столичный каршеринг: отношение москвичей к новым моделям потребления транспортных услуг / Е. И. Борковская // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 60–70. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-60-70; EDN: PGQAQF
5. **Таранов, П. В.** Шеринг в недвижимости: ключевые тренды в мировой экономике / П. В. Таранов, А. М. Басенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 2. — С. 230–233. DOI: 10.23672/SAE.2023.43.81.001; EDN: ЕТКУХР
6. **Бартова, М. А.** Крауд-платформы как альтернативный источник финансирования бизнеса: зарубежная и отечественная практика / М. А. Бартова, Е. Е. Ключников, М. О. Яковлева // E-SCIO. — 2020. — № 5. — С. 188–200.
7. **Kilborn, J. J.** Crowdfunding and Crowdlending in the US: Regulations, Exemptions, and Outcomes / J. J. Kilborn. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3362591 (дата обращения: 13.02.2025).
8. **Ribeiro-Navarrete, S.** Crowdlending: mapping the core literature and research frontiers / S. Ribeiro-Navarrete, J. Piñeiro, M. Á. López-Cabarcos, D. Palacios-Marqués. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11846-021-00491-8> (дата обращения: 12.02.2025). DOI: 10.1007/s11846-021-00491-8
9. **Анисимов И. В.** Краудфандинг в современных российских исследованиях журналистики / И. В. Анисимов // МедиаАльманах. — 2019. — № 6. — С. 36–46. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2019.3646
10. **Gerber, E.** Crowdfunding: Motivations and Deterrents for Participation. / E. Gerber, J. Hai. — URL: https://www.researchgate.net/publication/275961145_Crowdfunding_Motivations_and_Deterrents_for_Participation (дата обращения: 11.02.2025).
11. **Гордеев М. Н.** Предикторы успешности краудфандингового проекта / М. Н. Гордеев // ЭКО. — 2019. — № 8(542). — С. 179–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-179-192; EDN: BFIUDM
12. **Aaker, J. L.** Why do people give? The role of identity in giving / J. L. Aaker, S. Akutsu. — URL: <https://>

www.researchgate.net/publication/325641905_Why_do_people_give_The_role_of_identity_in_giving (дата обращения: 11.02.2025). DOI: 10.1016/j.jcps.2009.05.010

13. **Martínez-Climent, C.** The motivations of crowdlending investors in Spain / C. Martínez-Climent, M. Guijarro-García, A. Carrilero-Castillo. — URL: https://www.researchgate.net/publication/347586770_The_motivations_of_crowdlending_investors_in_Spain (дата обращения: 11.02.2025). DOI: 10.1108/IJEBR-05-2020-0304
14. **Латышева, А. Н.** Это не просто бизнес: социальная составляющая российского краудфандинга / А. Н. Латышева // Журнал исследований социальной политики. — 2017. — Т. 15. — № 4. — С. 660–668. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-660-668; EDN: YMEPAS
15. **Александрова, О. А.** Концептуальные подходы к формированию предпосылок для эффективного финансового просвещения населения России / О. А. Александрова, Н. В. Аликперова, К. В. Виноградова, Ю. С. Ненахова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.10; EDN: KXVMQB

Сведения об авторах:

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., зам. директора по научной работе, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; проф. Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; РИНЦ SPIN-код: 4419–6003.

Борковская Екатерина Игоревна, аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru; РИНЦ SPIN-код: 2484–1850.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-221-232

READINESS OF MOSCOW RESIDENTS FOR FINANCIAL RELATIONS IN THE FORMAT OF SHARING ECONOMY

Olga A. Aleksandrova^{1,2*}, Ekaterina I. Borkovskaya²

¹*ISESP FCTAS RAS*

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²*Financial University under the Government of the Russian Federation,*

(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

**E-mail: a762rab@mail.ru*

For citation:

Aleksandrova O. A., Borkovskaya E. I. Readiness of Moscow residents for financial relations in the format of sharing economy. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 221-232. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-221-232 (in Russ.)

Abstract. Recently, several trends have been observed that influence behavior of the population in the financial sphere. On the one hand, the burden of financing vital needs (medical care, housing, provision in old age) is increasingly shifting onto the shoulders of the citizens themselves, forcing them to think about additional sources of income. On the other hand, savings in rubles are being devalued by inflation, and the usual forms of storage are becoming less accessible or reliable — real estate is becoming more expensive, and a number of restrictions are imposed on foreign currency. Raising the key rate by the RF Central Bank, on the one hand, leads to such an influx of depositors tempted by high interest rates on deposits that rumors arise about a possible «freezing» of deposits, and on the other hand, it makes bank loans virtually inaccessible to citizens and small businesses. Thus, there is a number of problems faced by both those who need funds and those who strive to preserve or increase their savings. In the

modern world, one of the ways to connect these two groups of interests is crowdlending — collective lending using digital platforms. In Russia, this segment of the sharing economy appeared in the early 2010s, however, despite the presence of objective prerequisites, the pace of its development remains low, especially in comparison with developed countries. The presented results of a sociological study characterize the attitude of Moscow residents to participation in crowdlending. Although a significant part of Muscovites with savings assesses the current opportunities for preserving and increasing them as insufficient, they are divided in half in terms of their willingness to participate in crowdlending. Unwillingness is associated with distrust of borrowers, platform organizers and the law enforcement system. Those who express willingness are attracted to crowdlending by independence of choosing investment projects, technological innovations, higher profitability, as well as the desire to do something common to all, to be involved in the development of other people and projects.

Keywords: population, Moscow, business, sharing economy, financial behavior, savings, investments, lending, crowd finance, crowd lending.

References and Internet sources

1. Sirotkin A. S. Didzhitalizatsiya i kraudfinansy: osobennosti i perspektiva v sfere finansovykh tekhnologii [Digitalization and crowdfunding: features and prospects in financial engineering]. Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. [Russian Journal of Innovation Economics]. 2019. Vol. 1. No. 4. P. 1661–1676. DOI: 10.18334/VINEC.9.4.41453 (in Russ.)
2. Akhmediyeva M. S. Kraudfinansy, sostoyaniye i perspektivy razvitiya na sovremennom etape [Crowdfinance, state and development prospects at the present stage]. Simvol nauki [Symbol of Science]. 2017. Vol. 1. No. 4. P. 36–44. (in Russ.)
3. Platonova E. D. Issledovaniye genezisa i evolyutsii kontseptsii sheringovoy ekonomiki v zarubezhnykh publikatsiyakh (po materialam bazy dannykh Scopus) [Study of the genesis and evolution of the concept of sharing economy in foreign publications (based on the Scopus database)]. Vestnik yevraziyskoy nauki [The Eurasian Scientific Journal]. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 34. (in Russ.)
4. Borkovskaya E. I. Stolichnyy karshering: otnosheniye moskvichey k novym modelyam potrebleniya transportnykh uslug [Carsharing in capital city: the attitude of Muscovites to new models of consumption of transport services]. Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 60–70. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-60-70 (in Russ.)
5. Taranov P. V., Basenko A. M. Shering v nedvizhimosti: klyuchevyye trendy v mirovoj ekonomike [Sharing in real estate: key trends in the world economy]. Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskije i obshchestvennyye nauki [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]. 2023. No. 2. P. 230–233. DOI: 10.23672/SAE.2023.43.81.001 (in Russ.)
6. Bartova M. A., Klyuchnikov E. E., Yakovleva M. O. Kraud-platformy kak al'ternativnyy istochnik finansirovaniya biznesa: zarubezhnaya i otechestvennaya praktika [Crowd platforms as an alternative source of business financing: foreign and domestic practice]. E-SCIO [E-SCIO]. 2020. No. 5. P. 188–200. (in Russ.)
7. Kilborn J. J. Crowdfunding and Crowdlending in the US: Regulations, Exemptions, and Outcomes. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3362591 (Accessed: 13 February 2025).
8. Ribeiro-Navarrete S., Piñeiro J., López-Cabarcos M. A., Palacios-Marqués D. Crowdlending: mapping the core literature and research frontiers. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11846-021-00491-8> (Accessed: 12 February 2025). DOI: 10.1007/s11846-021-00491-8
9. Anisimov I. V. Kraudfanding v sovremennykh rossijskikh issledovaniyakh zhurnalistiki [Crowdfunding in modern Russian journalism studies]. MediaAl'manakh [Media Almanah]. 2019. No. 6. P. 36–46. DOI: 10.30547/mediaalmanah.6.2019.3646 (in Russ.)
10. Gerber E., Hai J. Crowdfunding: motivations and deterrents for participation. ACM Transactions on Computing-Human Interaction. Vol. 20. No. 6. Article 34. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/275961145> (Accessed: 11 February 2025).

11. Gordeev M. N. Prediktory uspehnosti kraudfandingovogo proekta [Predictors of success in a crowdfunding project]. EKO [ECO]. 2019. No. 8(542). P. 179–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-8-179-192 (in Russ.)
12. Aaker J. L., Akutsu S. Why do people give? The role of identity in giving. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/325641905> (Accessed: 11 February 2025).
13. Martínez-Climent C., Guijarro-García M., Carrilero-Castillo A. The motivations of crowdlending investors in Spain. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/3475867700> (Accessed: 11 February 2025).
14. Latysheva A. N. Eto ne prosto biznes: sotsial'naya sostavlyayushchaya rossijskogo kraudfandinga [Not just a business: the social components of Russian crowdfunding]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki [The Journal of Social Policy Studies]. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 660–668. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-660-668 (in Russ.)
15. Aleksandrova O. A., Alikperova N. V., Vinogradova K. V., Nenakhova Yu. S. Kontseptual'nyye podkhody k formirovaniyu predposylok dlya effektivnogo finansovogo prosveshcheniya naseleniya Rossii [Conceptual approaches to creating the preconditions for effective financial education of the Russian population]. Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.10 (in Russ.)

Information about the authors:

Aleksandrova Olga Arkadyevna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, ISESP FCTAS RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: a762rab@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9243-9242; Elibrary SPIN-code: 4419–6003.

Borkovskaya Ekaterina Igorevna, Postgraduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru, Elibrary SPIN-code: 2484–1850.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-233-238
EDN: CSOVNZ**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ VIII РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
«СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ,
ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»**

27 марта 2025 г. состоялись VIII Римашевские чтения «Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни», организованные Институтом социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН имени Н.М.Римашевской (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) совместно с Отделением общественных наук РАН, а также при информационной поддержке журнала «Региональные проблемы преобразования экономики». Конференция проводится в знак памяти Натальи Михайловны Римашевской, основателя и первого директора ИСЭПН ФНИСЦ РАН, и проходит в статусе международной.

Мероприятие включало ставшие уже традиционными четыре тематических блока для обсуждения: 1) Демографические показатели современной России: рождаемость, смертность, расселение и миграция населения — основные тенденции и их детерминанты; 2) Человеческий потенциал России: образование, физическое, психическое и социальное здоровье населения и определяющие их факторы; 3) Уровень жизни населения: что происходит с занятостью, какими являются и какими должны быть зарплаты, пенсии, социальные трансферты; 4) Качество жизни населения: экологическая и продовольственная безопасность, жилищная обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации, гендерные проблемы. И 5-й тематический блок был озаглавлен «К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Модераторами выступили: В.Г.Доброхлеб, д.э.н., проф., главный научный со-

трудник ФНИСЦ РАН; С.В.Крошили, к.техн.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, научный сотрудник НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (ИИИОЗММ ДЗМ); Е.И.Медведева, д.э.н., доцент, главный научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, научный сотрудник ИИИОЗММ ДЗМ; З.А.Хоткина к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН; О.А.Ефанова, к.филос.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН. С приветственным словом выступил директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН, проф. В.В.Локосов.

Открыл пленарное заседание академик РАН А.Г.Аганбегян. В докладе «Можно ли восстановить подорванное сбережение народа и его приумножение в России в 2030–2036 гг.?» автор привёл демографические показатели России 2019–2024 гг. и, сравнивая с другими странами мира, отметил негативные тенденции. Снижение рождаемости — печальный факт. Но показатели не катастрофические, они выше, чем во многих странах Европы или, тем более, Южной Кореи. Также докладчик отметил, что «в январе 2025 г. рождаемость по сравнению с аналогичным месяцем за год немного увеличилась». Однако в России высок уровень смертности — на это исследователь обращает особое внимание. В сравнении со многими другими странами с похожим уровнем экономического развития смертность в России выше в 2 раза, а вследствие сердечно-сосудистых заболеваний — в 4 раза, чем в странах с ожидаемой про-

должительностью жизни 76–79 лет (такие, как Китай, США, Аргентина) и в 8 раз выше вследствие сердечно-сосудистых заболеваний, чем в странах с ожидаемой продолжительностью жизни 80 лет и выше (Германия, Италия, Франция). В связи с этим докладчик ставит важнейшей задачей для современной России и её будущего — снижение уровня смертности.

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) призван сокращать уровень смертности, повышать уровень здоровья населения. Эту важную для продолжения жизни населения тему подняла д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник НИИОЗМ ДЗМ О.А.Александрова. В последнее время Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) подчёркивает роль профилактической медицины в повышении уровня здоровья населения: «Мотивировать пациентов к ведению ЗОЖ, обучать их стратегиям изменения поведения, помогать вырабатывать устойчивые, полезные для здоровья практики призваны все медицинские специалисты, в первую очередь это касается работников амбулаторно-поликлинического звена, чаще всего взаимодействующих с населением». Среди перечисленных автором методов мотивации пациентов в необходимости следования принципам ЗОЖ, наиболее эффективным по результатам исследования является личный пример. Соблюдение медицинскими работниками принципов ЗОЖ не только улучшает их собственное здоровье, но и эффективнее мотивируют пациентов, так как воспринимаются ими как более адекватные источники рекомендаций. Представленные О.А.Александровой результаты исследований, однако, выявили и проблемы. «Выяснилось, что далеко не все медицинские работники осведомлены о тех мерах по формированию у пациентов приверженности ЗОЖ, которые реализуются в их медицинских организациях — почти 40% затруднились с ответом, а 20% считают, что такая работа вообще не ведётся. Также результаты опроса говорят о недостаточной приверженности ЗОЖ

самых медиков. Объясняя причины такого поведения, «медицинские работники чаще всего (половина респондентов) ссылаются на отсутствие времени..., недостаток самодисциплины» и отсутствие сил вследствие большой нагрузки на работе и в быту (указали порядка трети опрошенных).

Выводам и урокам победы в Великой Отечественной войне был посвящён доклад д.э.н., проф., главного научного сотрудника ФНИСЦ РАН В.Г.Доброхлеб. Докладчик напомнила о цифрах, отражающих то, чего стоила нашей стране эта победа: «97–98% человеческих потерь понес СССР среди основных трёх стран антигитлеровского блока»: людские потери союзников составили 27645 тыс. человек: США — 0,2%, Британская империя — 0,1%. СССР же потерял почти 14% своего населения. Наибольшая доля потерь была среди детей и подростков — их стало меньше на 22%. Очень высокой была доля потерь среди мужчин трудоспособного возраста, погиб каждый пятый (20%). Такой ущерб не мог пройти незамеченным, наша страна вынесла соответствующие уроки. Социальная солидарность различных слоев населения, изменение соотношения мужского и женского населения, экономическая мобилизация женщин, «двойная нагрузка» как основа эмансипации женщины — все это последствия Великой Отечественной войны, уроки, которые нужно понять для решения современных социальных проблем с учётом их гендерного аспекта.

Авторский вариант оценки «удовлетворённости качеством жизни населения» на основе построения математической модели предложила Е.И.Медведева, д.э.н., доцент, главный научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, научный сотрудник ИИИОЗМ ДЗМ. Для этого на данных лонгитюдного социологического исследования «Таганрог», которое реализуется на базе ИСЭПН ФНИСЦ РАН с 1967 г. был рассчитан интегральный показатель, отражающий степень удовлетворённости от выделенных доминантных факторов, влияющих на качество жизни человека. На основе проведённых ранее исследований определены 7 основных показателей удовлетворённости качеством

жизни (УКЖ), которые включали: уровень дохода, состояние здоровья, условия труда, качество питания, жилищные условия, уровень образования и семейное положение. «Полученный интегральный показатель может являться оценкой успешности индивида, так как в него включены основные факторы, характеризующие основные достижения человека». В качестве источника статистических наблюдений использованы результаты опроса 2014 г. и получены следующие результаты: «Доход» (3,40 баллов из 5), «Работа» (2,89), «Питание» (3,60), «Жилье» (3,27), «Здоровье» (3,47), «Образование» (3,42), «Семья» (4,11). Таким образом, фактор «Семья» для всех исследуемых домохозяйств в Таганроге в 2014 году имел наивысшее значение 4,11 и оказывал значительное влияние на уровень и качество жизни индивида, а также на достижение «успешности».

В своём докладе «Внешняя трудовая миграция в аспекте развития российского рынка труда» к.э.н., ведущий научный сотрудник, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН Е.С. Красинец проанализировал тенденции и последствия международной трудовой миграции в современной России: «В отечественной экономике сложилась ситуация, когда при наличии хорошо образованной рабочей силы не хватает квалифицированных и опытных работников, прежде всего специалистов рабочих специальностей, высококвалифицированных кадров, умеющих работать на современном оборудовании, современных станках и овладевать современными технологиями». Также, отметил докладчик, дефицит в рабочей силе проявляется и в неквалифицированных рабочих по профессиям с большим количеством непривлекательных и тяжелых видов работ. Нехватка рабочей силы в России восполняется трудовой миграцией. До начала пандемии COVID-19 в Россию на работу ежегодно въезжало свыше 5 млн человек, из них более 90% — из стран СНГ. Превышение спроса на рабочую силу над её предложением в значительной мере определяет долгосрочный восходящий тренд использования в российской экономике иностранного

труда. По данным Росстата, в период 2010–2022 гг. среднегодовая численность иностранных трудовых мигрантов увеличилась в стране на 1,5 млн человек, или в 1,8 раза. В 2023 г. количество выданных иностранным гражданам разрешений на работу выросло почти на четверть, в 2024 г. количество патентов осталось на прежнем уровне, а в 1,8 раза возросло число разрешений на работу мигрантам из стран дальнего зарубежья. Исследователь отмечает, что развитие экономики и рост спроса на труд требуют принятия мер по согласованию спроса на рабочую силу и ее предложения. Уже в ближайшие годы должно быть усилено внимание к мерам, направленным на разработку юридических норм, которые поощряют въезд в страну нужных трудовых мигрантов и ограничивают доступ на отечественный рынок труда тех, в ком нет нужды: «Одновременно в новых реалиях необходимо наращивать усилия по защите сферы занятости населения от неконтролируемого притока трудовых мигрантов».

Доклады в двух секциях продолжили работу конференции. Каждая секция объединила несколько тематических блоков, отражавших основные темы Римашевских чтений.

Особое внимание привлёк доклад д.э.н., проф., главного научного сотрудника ИСЭПН ФНИСЦ РАН Е.В. Рюминой «На трудовом фронте в 1943 году», в котором были использованы дневники молодой девушки из Москвы, рассказывающие о работе, доходах, расходах, условиях жизни на трудовом фронте во время Великой Отечественной войны. Также большой интерес вызвал доклад, посвящённый 80-летию Великой Победы, к.э.н., старшего научного сотрудника Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения РАН» М.М. Стырова «Экономика войны и победы». Автор представил духовно-нравственные аспекты военных действий с точки зрения православной христианской веры».

В рамках работы конференции было предложено к обсуждению несколько до-

кладов, раскрывающих сегодняшние проблемы и тенденции современной российской медицины, медицинского образования и медицинской помощи. С.В. Крошин, к.техн.н., доцент, научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН рассмотрел тему: «Тренд на профессиональные инновации» в медицине: объективная необходимость или субъективные предпочтения». Интерес докладчика вызвали медицинские профессии будущего. Современная медицина все чаще использует высокотехнологичную технику и новые способы лечения. Это предполагает наличие в штате инновационных специалистов. Перспективными направления, по мнению докладчика, будут являться те, которые охватывают весь спектр возможных компетенций специалистов, начиная от базовых знаний медицинского профиля и заканчивая смежными и практическими навыками. Уже сейчас появляются профессии, которых ранее не существовало в медицине, такие как ИТ-медик, ИТ-генетик, сетевой врач, генетический консультант: «Анализ востребованности «инновационных» специалистов в сфере медицины на портале НН.ru показал, что присутствует позитивный спрос на данных медицинских работников, в динамике (2024–2025 гг.) он существенно не изменился». В перспективе этот спрос будет увеличиваться.

Д.э.н., доцент, главный научный сотрудник, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН, научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ М.С.Токсанбаева представила своё видение проблем внедренного в здравоохранение непрерывного медицинского образования, которое проходит в настоящее время этап встраивания в систему повышения квалификации медицинских специалистов и перманентного совершенствования. Докладчик исследует опыт учебного центра в рамках Кадрового центра Департамента здравоохранения г. Москвы, который выступает институтом, интегрирующим, координирующим и оптимизирующим деятельность по обеспечению непрерывного медицинского образования, что позволяет повысить качество обучения и улучшить

профессиональные компетенции медицинских специалистов.

Д.э.н., зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН И.Б.Назарова проанализировала медицинскую помощь населению с точки зрения удовлетворённости пациентов. Используя результаты «Выборочного наблюдения состояния здоровья населения» (СЗН), реализованного Росстатом в 2024 г., исследователь сделала вывод, что большинство жителей России были удовлетворены оказанной медицинской помощью как в государственных, так и в частных медицинских организациях: «Из тех, кто был не удовлетворён, половина указывает на качества медицинского специалиста, непрофессионализм врачей (неправильно поставленный диагноз или неверно назначенное лечение) — 49%; грубое отношение медицинского персонала — 22%», но в основном проблемы опрошенных пациентов связаны с имеющейся инфраструктурой или системой организации помощи в медицинском учреждении.

К.э.н., ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ О.А.Коленникова в своей работе изучила условия, способствующие повышению профессионализма медицинских специалистов. Исследование базировалось на результатах социолого-экономического обследования медицинских специалистов всех уровней, занятых в системе московского здравоохранения, проведённого в 2023 году. Докладчик сделала вывод о том, что «модернизация системы здравоохранения Москвы повлекла за собой и перестройку механизмов повышения квалификации медиков. При наличии несомненного прогресса, поддерживаемого медицинским сообществом, выявились и негативные стороны произошедших реформ, которые требуют своевременной коррекции».

Продолжили тему проблем медицинской помощи и системы здравоохранения д.э.н., главный научный сотрудник, зав. Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН Т.В.Чубарова в докладе «Устойчивое финансирование как

фактор обеспечения доступности медицинской помощи», а также к.мед.н., доцент Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ Ж.В. Барина совместно с к.мед.н., доцентом Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения РФ М.Л. Сиротко в докладе «Качественные характеристики оказания онкологической помощи в Самарской области при меланоме кожи».

Ряд работ отражали демографические показатели современной России. С эпизодами истории изучения воздействия климатического фактора на демографические процессы на планете Земля в целом и в России знакомит доклад д.э.н., зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН О.Л. Рыбаковского и к.э.н., ведущего научного сотрудника ИДИ ФНИСЦ РАН Т.А. Фадеевой. «Вопрос о воздействии климата на жизнь населения Земли поднимался во многих трудах учёных с давних времён». Об активном внедрении национально ориентированной экономической и социальной политики, связанной с пространственным развитием и демографией современной России, говорилось в докладе к.полит.н., доцента Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина Е.В. Евлампиевой. К главным проблемам, которые могут препятствовать повышению рождаемости в России докладчик относит такие, как социокультурные (ментальные), экономические и инфраструктурные. А для решения демографических проблем исследователь предлагает комплексный и системный подход, включающий в себя и государственную поддержку молодых семей, и создание доступной инфраструктуры для семей с детьми, и обеспечение качественного образования населения, и медицинское обслуживание детей и молодых матерей на современном уровне.

Своё видение демографических особенностей малых городов России представили к.э.н., доцент Волгоградского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) И.В. Максимова и к.геогр.н., до-

цент, ведущий научный сотрудник, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН Ю.А. Симанин. Докладчиками рассмотрены городские округа с численностью населения до 50 тыс. человек, то есть являющиеся малыми, которых в России по состоянию на начало 2024 года — 229, и сделаны ряд выводов: в целом по совокупности малых городов отмечается убыль населения, а специфической особенностью малых городов выступает более высокая интенсивность миграции, которая выше, чем среднероссийские значения; также уровень социально-экономического развития территорий влияет на выбор населением места проживания. Среди адекватных мер государственного регулирования как на муниципальном, так на региональном и федеральном уровнях управления исследователи выделили: разработку антикризисных программ и стратегий социально-экономического развития на уровне субъектов РФ и муниципальных образований, разработку программ льготной жилищной ипотеки для жителей малых городов, программ развития систем здравоохранения и образования в малых городах.

Интерес вызывает работа иностранной участницы конференции — младший научный сотрудник Института экономики имени М.Котаняна Национальной академии наук Республики Армения А.А. Арутюнян. Исследование посвящено миграции, оказавшей значительное влияние на экономику, демографию и развитие человеческого капитала Армении. Республика длительное время сталкивается с сокращением населения. Это связано не только с миграцией, но и с низким уровнем рождаемости (суммарный коэффициент — 1,6). С 2000 по 2016 гг. численность населения Республики Армения уменьшилась на 228 тыс. человек, достигнув 2998 тыс. человек. В 2015–2020 гг. около 92,3 тысячи человек (42,3%) покинули свои места проживания и не вернулись (эмигранты), 90,7 тысячи членов домохозяйств (41,5%) вернулись после отъезда (репатрианты), а 35,4 тысячи человек (16,2%) были новыми прибывшими в данный населённый пункт (иммигранты). В ис-

следуемый период среди мигрантов около 38,5 тысячи человек (17,5%) совершили внутренние перемещения в пределах Республики Армения. Оказавшееся под воздействием многих геополитических и экономических факторов, миграционное движение населения отражает не только текущие экономические проблемы страны, но и возможности для развития человеческого капитала.

Также теме демографии были посвящены доклады к.э.н., зам. начальника финансового отдела Государственного Фонда Социальной Защиты при Министерстве труда и Социальной Защиты Населения Азербайджанской Республики Э.А. Алирзаева и д.э.н., проф., Заслуженного деятеля науки Азербайджанской Республики А.Г. Алирзаева «Особенности влияния социальной политики и социально-экономического развития на формирование социального благосостояния в Азербайджанской Республике»; ставропольских учёных к.геогр.н., доцента Северо-Кавказского Федерального университета Ю.Ф. Зольниковой и к.геогр.н., доцента Северо-Кавказского Федерального

университета И.А. Соловьева «Миграционные намерения старшеклассников городов Республики Дагестан».

«Подводя итоги конференции, отметим, что важной особенностью VIII Римашевских чтений в этот значимый для нашей страны год стали материалы, посвящённые 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов Хотелось бы в завершении поблагодарить всех участников VIII Римашевских чтений, её организаторов и всех, кто представил доклады и участвовал в дискуссии, а также всех тех, кто подготовил к публикации тезисы. Надеемся на новую встречу на IX Римашевских чтениях в 2026 году!

Материал подготовили:

Доброхлеб В. Г.,
д.э.н., проф., главный научный
сотрудник ФНИСЦ РАН;

Милованова И. О.,
к.соц.н., старший научный сотрудник
ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-239-245
EDN: GHSPGC

СЕКЦИЯ «МОНЕТАРНЫЕ И НЕМОНЕТАРНЫЕ АСПЕКТЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В РОССИИ» НА X САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

8 апреля 2025 г. сотрудники ИСЭПН ФНИСЦ РАН выступили с докладами на заседании секции «Монетарные и немонетарные аспекты благополучия человека и общества в России», организованной совместно ИСЭПН ФНИСЦ РАН и Институтом экономики (ИЭ) РАН в рамках работы X Санкт-Петербургского международного экономического конгресса «Труд и трансформация общества: знание, творчество, ноономика» (СПЭК).

Модераторами секции выступили О.А.Александрова, д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН и В.Ю.Музычук, д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе ИЭ РАН. О.А.Александрова отметила, что организация секций по социальной тематике в рамках СПЭК уже стала для ИСЭПН ФНИСЦ РАН доброй традицией, как и то, что ряд таких мероприятий организуется в содружестве с коллегами из головного академического института экономического профиля. Междисциплинарный характер проблематики отражается и на составе участников таких секций, среди которых — не только экономисты, но и социологи, представители медицинской отрасли, специалисты в области политических наук. Продолжившая приветствие В.Ю.Музычук, поясняя выбор названия секции, отметила, что смещение акцента с благосостояния на благополучие граждан обусловлено необходимостью учёта роли нематериальных и немонетарных факторов в системе общественного устройства. Если благосостояние преимущественно сфокусировано на внешних атрибутах, связанных напрямую с обеспечением материальными благами, то в контексте благополучия усиливается внимание к качеству

и удовлетворённости жизнью, что раскрывается, в том числе через эмоции, чувства, впечатления, самоощущения, знания, накопленный опыт, профессиональный багаж и т.п. В этой связи возникает необходимость в учёте качественных характеристик общественного устройства, что требует новых подходов к оценке обеспеченности населения социально значимыми благами: не столько с позиций обыденного функционирования социальной сферы в части оказания услуг потребителю, сколько через призму включения социально значимых благ в повестку повышения благополучия россиян. В настоящее время потенциал социально значимых отраслей (образование, здравоохранение, культура, социальная защита, пенсионное обеспечение и др.) не задействован в достижении такого уровня благополучия граждан, при котором качество жизни увязано с гармонизацией общественных отношений и гуманизацией социально-экономической политики государства в целом.

Н.С.Григорьева, д.полит.н, проф., зав. кафедрой социологии управления, проф. кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова в докладе на тему «Влияние цифровизации здравоохранения на доступность и качество медицинских услуг различным группам населения России» выделила проблемы внедрения и применения ИТ-технологий и цифровых сервисов в отрасли, которые затрагивают все процессы — от управления системой здравоохранения до практической деятельности врачей на местах. Основные положения доклада были раскрыты на основе результатов «Мониторингового исследования ци-

фровой грамотности медицинского персонала» (2021–2022 гг.). Спикер отметила, что рынок систем искусственного интеллекта (ИИ) для медицины и здравоохранения во всём мире — один из самых быстрорастущих и перспективных направлений развития цифрового здравоохранения. В России 2024 г. стал завершающим в реализации федерального проекта по созданию единого цифрового контура в здравоохранении (стартовал в 2019 г.). В итоге самым популярным на настоящий момент оказался сервис по удалённой записи на приём к врачу посредством использования портала Госуслуг. Но в то же время большинство пациентов до сих пор записываются через терапевта (39%), непосредственно в регистратуре (12%) или по телефону (30%). Для диагностики заболеваний в России около 70 регионов внедрили технологии ИИ для анализа медицинских изображений (КТ, МРТ, ЭКГ и подобных). К 2030 г. планируется обеспечение дистанционным мониторингом состояния здоровья с использованием медицинских изделий с удалённой передачей данных пациентов с болезнями системы кровообращения, сахарным диабетом и рядом иных заболеваний. Проблемным вопросом остаётся законодательное регулирование взаимоотношений при оказании телемедицинских услуг населению. Цифровая грамотность специалистов системы здравоохранения, по словам докладчика, как способность использовать информацию, полученную из электронного источника, для решения проблем здоровья — важная часть интеллектуального потенциала медицинских работников. Низкая грамотность в сфере электронного здравоохранения стала препятствием для цифровой трансформации в развитых странах, в связи с чем возник вопрос необходимости обучения цифровым навыкам медицинских работников. В заключении были сделаны выводы: трудности доступа к высокоскоростному Интернету в некоторых регионах России выступают ограничением для оказания цифровых медицинских услуг населению; разнообразие используемых программных продуктов затрудняет электрон-

ный документооборот между медицинскими учреждениями, а между регионами практически неосуществим; уровень мотивации к дополнительному обучению медицинских работников цифровым навыкам остаётся низким.

А.В.Ярашева, д.э.н., проф., зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН в своём выступлении на тему «Здоровье медицинских работников: вопросы эмоционального выгорания», подготовленном в соавторстве с к.э.н. О.Н.Махровой, учёным секретарём ИСЭПН ФНИСЦ РАН, отметила, что медицинская деятельность является стрессогенной, т.к. объект профессиональной сферы медицинского работника — человек, его жизнь и здоровье. Стрессы и развитие профессионального выгорания напрямую коррелируют с частотой медицинских ошибок и оттоком кадров из отрасли. В докладе были выделены три основные характеристики синдрома выгорания: чувство истощения и потеря энергии; возросшее психическое дистанцирование человека от работы, негативное или циничное восприятие рабочих процессов; ощущение собственной неэффективности и потеря чувства удовлетворения достигнутыми результатами. Что касается степени распространённости выгорания, то по результатам глубинных интервью с руководителями медицинских организаций (2024 г.) в Москве его испытывают от 20% до 90% медицинских работников. Основными факторами выгорания специалисты считают (анкетный опрос 2023 г.): необходимость проводить большую часть рабочего времени за компьютером (60% — 92%), нереалистичные ожидания пациентов от оказанной им медицинской помощи (75% — 88%), нехватку времени на приём пациентов и на личную жизнь (53% — 75%). Спикер выделила разные ранги специальностей врачей, наиболее подверженных выгоранию, продемонстрировала типологию внутренних и внешних причин выгорания. В докладе были обозначены стадии выгорания: возбуждение, резистенция, переутомление, а также модели выгорания (надлом и постепенное истощение) и типы «выгоревшего» медицинского работни-

ка (фанатичный, равнодушный, изнурённый). Подобное разделение, как подчеркнула А. В. Ярашева, помогает формированию и реализации мер профилактики и психологической коррекции эмоционального выгорания у медицинских специалистов.

В выступлении Н. Г. Яковлевой, д.э.н., доцента, в.н.с. ИЭ РАН, в.н.с. МГУ имени М. В. Ломоносова на тему «Коммерциализация образования: деградация социального благополучия россиян» было подчеркнуто, что организация ЮНЕСКО объявила образование всеобщим благом. Но на институт образования, как отмечалось в докладе, оказывают сильнейшее влияние социальные отношения, складывающиеся в конкретной стране. Рыночные условия привели к тому, что только в некоторых странах образование развивается по социальному принципу. Коммерциализация образования привела к тому, что произошло подчинение целей и мотивов деятельности образовательных учреждений коммерческим результатам. Государственные вузы от 60% до 70% бюджета зарабатывают самостоятельно. На «плечи» бюджетов домохозяйств в 2025 г. легли основные расходы на образование детей: так, стоимость обучения в вузах России в среднем составляет 200 тыс. рублей в год, но престижные вузы — большинству населения «не по карману» (по разным факультетам в среднем: в МГИМО — 700 тыс. рублей, в Финансовом университете при Правительстве РФ — 580 тыс. рублей, в Медицинском университете имени И. М. Сеченова — от 350 тыс. до 1 млн рублей (специальность «Стоматология» — 700 тыс., «Педиатрия — 400 тыс.), в МГУ имени М. В. Ломоносова — 480 тыс. руб.). Для семей из регионов это огромные суммы. Но речь идёт не только об обучении в вузе, большие расходы фиксируются и на подготовку детей для сдачи ЕГЭ. В целом по стране 1/3 расходов на образование — это траты именно на дополнительные занятия с целью успешной сдачи ЕГЭ. Всё это приводит к неравенству в образовании, которое, в свою очередь, ведёт к неравенству в реализации возможностей, способностей людей. По данным ВЦИОМ, 50%

опрошенных респондентов вынуждены оплачивать образование. Коммерциализация образования — это воспроизводство рыночно-ориентированной модели организации общества. Докладчик привела примеры из собственной педагогической практики, указывающие на ориентацию студентов на непременно, а, главное, быстрое получение «прибыли» от обрётённого образования. Наблюдается снижение интереса к самому содержанию профессии, на первое место у выпускников вузов выходит желание обеспечить себе сразу высокий уровень оплаты труда (модель: «цель обучения — быстрый материальный эффект»). В такой ситуации в образовательном процессе педагог (с его знаниями и личностными характеристиками) для студента не на первом месте. По словам Н. Г. Яковлевой, сложилась ситуация, при которой обучающаяся молодёжь ставит равенство между «социальным благополучием» и «финансовым благополучием», что представляет собой «ловушку» для социального благополучия.

В. Г. Доброхлеб, д.э.н, проф., г.н.с. ФНИСЦ РАН выступила с докладом «Образование «через всю жизнь» как фактор социального благополучия человека в современной России». Докладчик определила непрерывное образование как адекватное условие социального развития, когда люди могут «эффективно строить свою жизнь и помогать друг другу». В этом ряду именно образование, которое рассматривается исследователями как «образование через всю жизнь» или «непрерывное образование» формирует социальное благополучие. В. Г. Доброхлеб отметила, что существуют и более глубокие смыслы образовательных усилий, возникающих на горизонте экзистенциальной аналитики: «держание себя», «готовность адекватно отвечать на вызов, брошенный миром»; кроме того, возникают исследования, связанные с таким понятием, как «глобальная компетентность». По словам спикера, в экономически развитых странах непрерывность образования рассматривается через призму развития системы дополнительного профессионального образования, а всеобщий охват непрерывным образованием

и его доступность становятся важнейшими в аспекте достижения социального благополучия в России. По данным последних итогов выборочного статистического наблюдения, зафиксирован охват (участие) населения в непрерывном образовании (в различной форме) в России — 51544,7 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше, в том числе, 11696,2 тыс. получают общее или профессиональное образование, ещё 26908,5 тыс. участвуют в дополнительном профессиональном образовании, 33468,5 тыс. человек включены в самообразование. Наиболее существенными проблемами в этой сфере являются, во-первых, расширение численности лиц, которым доступно дополнительное обучение и профессиональное образование, в том числе, в условиях оплаты за счёт предприятий и организаций, а также с более широким привлечением бюджетных средств; во-вторых, разработка расширенного спектра специальных программ «образования через всю жизнь» для российской молодежи и населения в возрасте 60 лет и старше; в-третьих, включение в систему непрерывного образования новых педагогических подходов для реализации Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей». Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до 2036 г. является документом стратегического планирования, определяющим основные направления государственной семейной и демографической политики до 2036 года. Но в этом стратегическом документе отсутствуют меры по включения различных слоёв населения в непрерывное образование. При адекватных социальных условиях люди могут эффективно строить свою жизнь и помогать друг другу, и в этом ряду именно образование, которое рассматривается исследователями как «образование через всю жизнь» или «непрерывное образование», формирует социальное благополучие.

В. Ю. Муzychuk, д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе ИЭ РАН в докладе

«Предоставление культурных благ в системе благополучия россиян» выделила три основных составляющих культуры в системе общественного устройства: культура, как передача социального опыта — «очеловечивание человека», система исторически развивающихся над-биологических программ человеческой жизнедеятельности, «совокупность всей ненаследственной информации, способов её организации и хранения»; культура и искусство, как реализация прогностической функции — воспроизводство индивидуумов, занятых духовным трудом и реализующих прогностическую функцию («программы, адресованные будущему»), не только культурные традиции, но и творческие инновации; культура и искусство, как иной способ познания окружающего мира — создание полноценной картины мира с помощью рациональности науки и подключения к ней иррациональности искусства. Докладчик выделила появившийся в последние годы тренд: культурную нейронауку — новое направление междисциплинарных научных исследований, связанное с поиском мозговых и генетических механизмов усвоения культурного опыта. На основе такого подхода учёные делают вывод: в результате культурной деятельности образуются нейронные связи, активизирующие обширную часть мозга. При этом включённость в культурную деятельность гораздо важнее для создания нейронных связей и нейронных сетей, нежели просто приобщение к культуре и искусству в качестве потребителя. В. Ю. Муzychuk привела вызывающие тревогу статистические данные по численности занятых в сфере культуры, которая в 2022 г. достигла значения в 688 тыс. человек, почти вернувшись к уровню 30-летней давности (668 тыс. в 1990 г.). За десять лет с 2013 по 2022 гг. численность занятых в сфере культуры сократилась на 160 тысяч человек или на одну пятую от уровня 2012 года. Одновременно снизилось количество детских школ искусств, библиотек, учреждений культурно-досугового типа. В структуре расходов российских домохозяйств, по данным Росстата сократились расходы на организацию

отдыха и культурные мероприятия. Услуги по организации культурных мероприятий (услуги фотографов, кино, театр, музей, плата за ТВ- и радиоантенну) составляют всего лишь 0,33%.

В выступлении на тему «Государственное регулирование условий благополучия пенсионеров» А.К.Соловьев д.э.н., проф., директор Научно-исследовательского центра развития государственной пенсионной системы и актуарно-статистического анализа Финансового университета при Правительстве РФ, заслуженный экономист России, подчеркнул, что важно иметь в виду экономическую функцию системы пенсионного обеспечения. Она выступает и как гарантия социального и экономического благополучия всех категорий нетрудоспособных граждан, и как механизм макроэкономического перераспределения финансовых ресурсов, и как источник долгосрочных инвестиций в экономику. В свою очередь, в ходе жизненного цикла гражданин выступает в роли сначала реципиента — когда он приобретает образовательный капитал за счёт средств бюджета, формируемого трудом других граждан, затем — как донор, когда сам, как работник, участвует в формировании доходов государства, направляемых на финансирование социальных отраслей, включая пенсионное обеспечение нетрудоспособных сограждан, и, наконец, вновь — как реципиент, получая государственную пенсию, формируемую из отчислений тех, кто трудится. К проблемам, влияющим на благополучие пенсионеров, докладчик отнёс сказывающуюся на межпоколенческих отношениях нуклеаризацию семьи; сегрегацию старших возрастных групп (в частности, многолетний отказ от индексации пенсий работающим пенсионерам); мизерный размер пенсий и несоответствие их индексации темпам инфляции и другое. Были приведены данные, позволяющие оценить положение российских пенсионеров в рамках межстранового сопоставления. Например, российский МРОТ, имеющий непосредственное отношение к размеру будущих пенсий, в 10 раз меньше, чем в Германии. Отсюда — низкие

места, которые Россия занимает в разного рода рейтингах, включая политически нейтральный Global Retirement Index (Глобальный рейтинг пенсионных систем). При этом надо иметь в виду количество граждан, находящихся в подобной ситуации: согласно статистике, сегодня в России получатели пенсий составляют около 1/3 населения, основная часть которых — пожилые граждане, которых более 34 млн человек. По мнению докладчика, в XXI в. ключевыми вызовами для пенсионной системы становятся цифровизация всех сфер жизни общества; трансформация рынка труда, где всё большее распространение получает неустойчивая занятость (в России в группу риска с точки зрения будущего пенсионного обеспечения явно попадает категория самозанятых); макроэкономическая нестабильность и другое. В этой ситуации направлениями оптимизации условий формирования солидарно-страховой пенсии должны стать: совершенствование тарифной политики и пенсионной формулы, обеспечение равенства прав на формирование пенсии и регулирование солидарного перераспределения средств.

С докладом «Организационная культура организаций: от климата безопасности к качеству жизни пациентов и персонала» выступил К.Н.Царанов, к.мед.н., начальник Управления развития отраслевых образовательных программ, доцент кафедры государственного управления и кадровой политики Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю.М.Лужкова. Актуальность его темы исследования связана с необходимостью обеспечения качества и безопасности медицинской деятельности, которое является стратегической задачей и одним из основных приоритетов государственной политики в сфере охраны здоровья россиян (Указ Президента Российской Федерации от 06.06.2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года»). Из-за врачебных ошибок (по данным Минздрава, в год фиксируется около 70 тыс. осложнений), по словам докладчика, страдают пациенты.

Отчёты ВОЗ свидетельствуют о том, «что каждый десятый человек, получающий медицинскую помощь, страдает от предотвратимого ущерба». Такой тренд развития медицины формирует её деятельность, как соответствующую отраслям высокого риска. Снизить риски, по мнению докладчика, может организационная культура медицинских организаций (климат безопасности пациентов и медицинских работников). Спикер сообщил о результатах исследований (2023–2024 гг.), по итогам которых (на основе анализа опросников «Качество жизни, связанное со здоровьем» и «Отношение к безопасности») были выявлены 6 групп факторов, определяющих климат безопасности пациентов. Для врачей это: работа в команде, атмосфера безопасности, удовлетворённость работой, умение распознавать стресс, восприятие руководства (клиники/отделения), условия труда. Что же касается климата безопасности пациентов, то, как показал докладчик, он может корректироваться путём обучения заведующих отделениями и старших медицинских сестёр социально-психологическим методам управления. Согласно результатам исследования, образовательный комплекс, который был использован, включал следующие методы обучения: 1) традиционные — пассивное и активное распространение методических и практических рекомендаций, очные дидактические занятия; 2) конструктивистские методы — поиск локального консенсуса, тьюторские встречи и выездные визиты. Важным итогом исследования, как подчеркнул К.Н.Царанов, оказалось выявление наиболее эффективных социально-психологических методов управления, при использовании которых должны применяться инструменты воздействия на коллектив и отдельных сотрудников, с учётом социальных и психологических особенностей поведения людей. Методам, направленным на формирование благоприятного климата в коллективе, управление мотивацией и разрешение конфликтов, необходимо обучать руководителей медицинских организаций. Именно это приводит к увеличению количества

сотрудников, чьи когнитивные усилия и навыки превышают медианное значение (как показали несколько волн опросов). Выяснилось, что обучение руководителей социально-психологическим методам управления влияет на качество жизни подчинённых: увеличивается число сотрудников, констатирующих повышение качества жизни, связанного с аспектами здоровья. Ещё одним выводом стало то, что руководители и сотрудники медицинских организаций по-разному оценивают качество и безопасность процессов оказания медицинской помощи (т.н. «розовые очки руководителей»). Внедрение методики мониторинга и коррекции климата безопасности пациентов позволило улучшить удовлетворённость пациентов медицинской помощью.

Я.П.Завалий, к.мед.н., врач медицинского центра «Парацельс» в своём выступлении на тему «Психическое здоровье и неврологические расстройства как барьер трудовой адаптации и социальной устойчивости в России» выделил особую актуальность данной проблематики в глобальном аспекте: по данным ВОЗ, психические расстройства — ведущая причина снижения трудоспособности населения. В России ситуация осложняется стигматизацией и недоступностью психиатрической помощи. В нашей стране примерно 20–25% населения сталкиваются с психическими расстройствами (данные Минздрава, 2023 г.), 40% случаев инвалидности связаны с неврологическими и психическими заболеваниями (Росстат, 2024 г.). И только 30% нуждающихся пациентов действительно получают специализированную помощь. Влияние на трудовую адаптацию выражается в экономических потерях: психические расстройства снижают ВВП на 3–4% ежегодно (оценки экспертов); 60% работников с тревожными расстройствами сообщают о снижении продуктивности. Среди социальных последствий докладчик выделил: высокий уровень безработицы среди людей с соответствующими диагнозами (в 2 раза выше среднего), а также рост числа длительных больничных и досрочных выходов на пенсию. Спикером была выделена роль социальных се-

тей в дезадаптации граждан: 1) кибербуллинг (22% подростков в России сталкиваются с травлей онлайн (данные ЮНЕСКО за 2024 г.); 2) эффект «двойного стресса»: виртуальная гиперстимуляция плюс реальная социальная изоляция приводят к росту тревожных и депрессивных расстройств; 3) «страх потери» — 35% молодёжи испытывают тревогу из-за сравнения с «успешными» образами в соцсетях; 4) цифровая зависимость: 15% пользователей проводят в соцсетях более 5 часов в день, что коррелирует с депрессивными симптомами; 5) 70% россиян скрывают свои психические диагнозы из-за страха осуждения в обществе; 6) молодёжь (18–30 лет) находится в группе риска: 45% имеют признаки цифрового выгорания. В 60% регионов России отсутствуют программы психологической поддержки на рабочих местах. Выводы докладчика — необходимы системные меры: 1) интеграция психического здоровья в нацпроекты (например, «Здравоохранение»), создание центров реабилитации и программ трудоустройства для людей с психическими расстройствами. 2) цифровая гигиена: образовательные кампании о безопасном исполь-

зовании соцсетей; регулирование контента (борьба с кибербуллингом, пропагандой суицидов). 3) корпоративные инициативы: внедрение mental health programs на предприятиях; гибкие графики и психологическая поддержка сотрудников. Таким образом, психическое здоровье — основа социально-экономической стабильности. Очень важен межсекторный подход, в котором задействованы государство, бизнес, НКО. Без преодоления стигмы психиатрической помощи и цифровых рисков достижение Целей устойчивого развития ООН в России невозможно.

Материал подготовили:

Александрова О. А.,

д.э.н., зам. директора по научной работе, ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
проф. Финансового университета при
Правительстве РФ;

Ярашева А. В.,

д.э.н., проф., зав. лабораторией ИСЭПН
ФНИСЦ РАН.

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно представляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объем материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилию автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИNC AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnoveniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangel'sk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением крестика (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решения редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»»: 79183
ISSN 1561-7785